

ХИРИНСКИЙ ХРОНОГРАФ

Очерки истории села Хирино,
что под Арзамасом,
XVI-XXI веков

к 440-летию
села Хирино

М. А. Ляпин

ХИРИНСКИЙ ХРОНОГРАФ

**Очерки истории села Хирино,
что под Арзамасом,
XVI–XXI веков**

Издание второе,
дополненное

**Издатель
Холдинг «Социум»**

2023 год

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
Л97

М. А. Ляпин

Л97 Хиринский хронограф. Очерки истории села Хирино, что под Арзамасом, XVI-XXI веков. – М.:
Издательство «Перо», 2023. – 304 с., с илл.

ISBN 978-5-00218-522-1

Москва 2023

Издатель: Холдинг «Социум», при личной поддержке И. Р. Ашурбейли.

Эта книга посвящена 440-летней истории села Хирино Шатковского района Нижегородской области, начиная со времен царствования Иоанна Грозного и до наших дней. В 2013 году – в год освящения восстановленного на средства ученого, предпринимателя, общественного деятеля и благотворителя Игоря Ашурбейли Храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи – в хиринских хрониках была открыта новая страница.

Автор «Хронографа» стремится проследить связь жизни села и его обитателей с событиями как регионального, так и общегосударственного значения на примере судеб отдельных людей и целых семей.

Безусловного внимания заслуживает историко-культурологическая реконструкция, раскрывающая тайны хиринского храма и его создателя. Возможно, предположение о том, что автором архитектурного проекта мог быть Василий Баженов, если в дальнейшем эта гипотеза подтвердится, станет открытием нового имени в истории русского церковного зодчества.

Несомненное достоинство книги – привлечение большого количества малоизвестных документов и неопубликованных архивных материалов, в том числе повествующих о ярких и драматичных судьбах хиринских помещиков и землевладельцев: Г. В. Львова, П. И. Горчакова, Ададуриных, Путятинных, М. А. Головина, Балашевых и других, оказавшихся в водовороте грандиозных событий своего времени.

Не менее любопытны документальные зарисовки из жизни нескольких поколений хиринских каменщиков, которые, сделав своим главным доходным занятием отхожие промыслы по строительным специальностям, преодолели в поисках заработков и лучшей жизни огромные расстояния и оставили следы своей деятельности в самых разных уголках Российской империи.

Издание вызовет интерес не только специалистов, но и широкого круга читателей – знатоков и любителей отечественной и местной истории.

© Макет книги выполнен по заказу Холдинга «Социум». Дизайн и верстка: Елена Изаак

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00218-522-1

© М. А. Ляпин, 2023

Оглавление

Приветственное слово автора идеи и издателя книги, ктитора Предтеченского храма в Хиринах <i>И. Р. Ашурбейли</i>	6
Приветственное слово губернатора Нижегородской области <i>Г. С. Никитина</i>	8
Приветственное слово <i>митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия</i>	9
Вступление от автора.....	11

Глава I

С чего начинается Родина

Хири́нская смысловая география.....	14
«Что в имени тебе моем?».....	27
Неисповедимы пути Господни, ведущие в Хирино.....	30
Мысли у околицы.....	36
«Мары».....	38

Глава II

Начальная история Хирина в лицах

Пролог.....	42
Три поколения Хириных — владельцев поместья в арзамасской Тиши.....	44
Господню Предтече тезоименный: князь Иван Семенович Путятин	49
Еще один арзамасский помещик.....	49
Русский страх при лжецарях. Московское государство в годы Смуты начала XVII века.....	50
Спасители Отечества: два земских ополчения и участие в них И. С. Путятин.....	56
Год 1613-й.....	60
«Жилец московский».....	62
Завещание И. С. Путятин.....	62
Исторический двойник: завязка наследственной драмы конца XVIII века.....	63
По следам первых хиринских помещиков	65
В поисках Ивана Болобанова.....	66
Григорий Васильевич Львов — бывший опричник у руля российской дипломатии?.....	68
Одиссея Петра Ивановича Горчакова.....	70
«Жильда на правду»: история хиринского поместья Ададуриных.....	81
Несостоявшийся покоритель Сибири стрелецкий голова Воин Аничков.....	84

Глава III

Барская воля.

Очерки владельческой истории села Хирино XVII–XVIII веков

Поместья и вотчины	90
Хроники хиринского поместно-вотчинного землевладения XVII–XVIII веков (из записных книг Поместного приказа и Вотчинной коллегии).....	92

Три очерка о тех, «кому на Руси жить хорошо»	96
«По имени и житие»: Несмеянов сын Зловидов, а звали Григорием.....	96
«Отлынил»: эпизод из служебной биографии Александра Дмитриевича Волынского.....	99
«Без вины виноватый». Стольник Матвей Алексеевич Головин.....	102
Под гербом князей Путятиных. Хирино в XVIII столетии	106
Нижегородский вице-губернатор Степан Иванович Путятин и его сыновья.....	106
Строительство каменной церкви и благоустройство усадьбы при Алексее Алексеевиче Путятине.....	110
Храм — икона. Символ — история — судьба.....	113
Путятинский род, да не тот: странная история с наследством.....	123
Господа Балашевы	128
Знакомство с новыми владельцами.....	128
Наследники промышленной империи Твердышевых и Мясникова.....	130
Горные заводы против села Хирино с деревнями.....	132
Жребий, который был предрешен.....	136
Итальянский мор продолжается. Сироты и опекуны.....	137

Глава IV

Земля и неволя.

Взаимоотношения хиринских помещиков и крестьян до и после отмены крепостного права

О свободе и рабстве. Уроки крепостного права.....	140
Хиринская вотчина как доходное место.....	142
Земельный вопрос: ребус господина Зендера.....	147
Крестьянский ответ: миссия унтера Безсонова.....	154
С землей, но без земли. Жизнь хиринцев после крестьянской реформы.....	159

Глава V

Дорогами хиринских каменщиков

От сохи и плуга к кирке и лопатке. Начало истории хиринских каменщиков.....	162
Этапы развития отхожих промыслов в селе Хирино.....	170
Специализация внутри промысла.....	172
Некоторые обобщения.....	174
Миграции хиринских строителей-отходников.....	177
Хиринские печники в Баку.....	184

Глава VI

Краткая история Серафимо-Понетаевского женского монастыря, на который люто обиделись местные крестьяне

«Не было бы счастья, да несчастье помогло». Понетаевка и Царская семья.....	194
Чудотворная святыня из Серафимо-Понетаевской обители.....	203
Райская обитель и ее достопримечательности. Хирино – часть серафимовского паломнического маршрута.....	208
Об одном известном боголюбце и о том, как далеко могут завести благие намерения.....	213

Глава VII

От «Искры Ленина» до «Власти Советов» – рукой подать

Символизм названий.....	224
Откуда прилетела «Искра Ленина».....	226
«Поворотный 1917-й» и «Лобачевская перестройка».....	228
От двадцатых – к тридцатым: от НЭПа к коллективизации.....	235
Колхозное фиаско: бабий бунт, поиски «контры» и первые расправы.....	238
Зачистка хиринской «колхозной поляны».....	245
«Курмышовский прорыв».....	246
Хирино в годы Большого террора: судьба последнего священника и плач разгромленной церкви.....	250
О Великой Отечественной войне и людях, сделавших все для нашей Победы.....	253
О «Знамении» и знамениях. От прошлого к современности: послесловие автора к исторической части книги.....	255

Глава VIII

Новейшая история села Хирино.

Хроника хиринского возрождения (2010–2023)

Храм как Живоносный источник.....	258
Новая инфраструктура.....	268
Хирино как бренд.....	272
Центр общественной жизни.....	274
Паломнический центр.....	280
Голос традиций зовет!.....	282
О памяти и связи поколений. Вместо заключения.....	289
Краткая летопись села Хирино в XVI–XXI веках.....	291
Список использованных источников и литературы.....	299
Список сокращений, использованных в подписях к иллюстрациям и в библиографии.....	304

***Приветственное слово ктитора Храма
в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи,
бенефициара Холдинга «Социум»
Игоря Рауфовича Ашурбейли***

Дорогие земляки!

Впервые мы выпустили исторические очерки о селе Хирино к его 430-летию и к освящению восстановленного мною по благословию митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи. Это был небольшой буклет с краткой историей села и рассказом о судьбе последних в XX столетии священников храма. Затем в 2014 году вышло полноценное многостраничное издание «Хиринский хронограф». Выход в 2023 году второго издания книги «Хиринский хронограф», объединившего все собранные за эти годы архивные материалы и главу о новейшей истории села, приурочен к 440-летию со дня первого упоминания Хирина в письменных источниках и 10-летию возрождения его уникальной церкви.

440 лет — довольно условный «возраст». Сведения в архивных документах свидетельствуют о том, что поселение на этой земле существовало задолго до того, как здесь появился помещик по фамилии Хирин, и «деревня Хирина» была впервые упомянута писцами Иоанна Грозного. А это значит, что нынешние хиринцы живут в одном из самых древних сельских населенных пунктов нашей страны с интересной и разнообразной историей.

В конце XX века после так называемой перестройки село пришло к почти полному своему исчезновению — участи, которая постигла многие российские деревни и села, где не осталось людей и нормальной жизни. В похожем состоянии я и застал родину своих прадедов в 2011 году, когда впервые там побывал. Апофеозом постигшего Хирино общего упадка стало обрушение во время грозы 27 мая 2004 года восьмерика его когда-то красивой и величавой соборной церкви, построенной в XVIII веке. Об этой грозе местные жители рассказывали мне со священным ужасом. Но по чудесному про-

видению первая служба на совершение доброго дела — восстановление святыни — состоялась спустя восемь лет, ровно в годовщину стихийной катастрофы, обезглавившей разоренный храм. Тогда все восприняли это «совпадение» как добрый знак — как доказательство Божьего промысла и благословение на продолжение начатого.

С помощью Божией нам удалось сделать больше, чем планировалось. Прошедшее с момента освящения храма десятилетие вместило: строительство Общественного центра с библиотекой, медпунктом, музеем, общественным пространством и детскими кружками; реконструкцию водопровода и водонапорной башни; открытие нового продовольственного магазина; строительство новых дорог, полную газификацию села, уличное освещение, новую почту, открытую детскую площадку и многое другое. К престольному празднику Храма в сентябре мы десятый год празднуем День села, и проводим фестиваль фольклора, ремесел и фермерства «Голос традиций», собирающий тысячи людей. Хирино дало название новой торговой марке натуральной продукции — «Хиринские продукты», головной магазин которой открыт в Арзамасе.

Будет ли продолжаться «Хиринский хронограф», зависит не только от Холдинга «Социум», но, в первую очередь, от всех, кто сегодня живет в Хирине, связан с этим местом памятью о своих предках или переедет сюда в будущем.

Для этого нужен Совет села, создание которого мы инициировали в год 440-летия Хирина. Совет — это объединение неравнодушных людей, проживающих на одной территории и желающих этой территории блага ради себя и своих детей. Совет нужен для формирования гражданских инициатив, касающихся улучшения условий жизни в селе, и диалога с местными властями. Никто лучше, чем сами жители, не знает хиринских проблем, никто больше самих жителей не заинтересован в их эффективном и скорейшем решении. Убежден, что Совет села способен возродить идею местного самоуправления – земство, дать возможность каждому члену общины почувствовать свою значимость и взять на себя ответственность за все происходящее вокруг в той мере, в какой это возможно, не ожидая, пока это сделает государство или кто-либо еще.

Жизнь общины должна быть максимально самодостаточной, не зависимой от внешних обстоятельств, будь то общемировой экономической кризис или смена исторического курса развития нашей страны. Этого я желаю своей малой родине, где жили мои предки по материнской линии — крестьяне-каменщики Резановы.

Мне очень важно, чтобы история села Хирино не заканчивалась никогда.

***Приветственное слово
губернатора Нижегородской области
Глеба Сергеевича Никитина***

Уважаемые хиринцы!

Поздравляю вас с 440-летием села и выходом этой интересной книги, объединяющей его прошлое и настоящее. История семьи, дома, улицы, малой родины – из этого складывается история народа, и чем больше таких свидетельств, тем более полной и объективной мы в итоге видим общую историю нашей Родины. Знание своих корней делает нас сильнее и мудрее, наделяет опытом, помогает создавать настоящее и уверенно смотреть в будущее.

Возрождение и усиление роли российского села остается одной из первостепенных задач государства. Тем важнее становится роль энтузиастов, готовых прикладывать к этому усилия на местах. Хирино уже во многом показало пример эффективного сотрудничества органов власти и инициативных граждан. Здесь строятся новые социальные объекты, проводятся интересные фестивали, реализуются важные проекты.

Это доказывает, что село, сколь бы удаленным от крупных городов оно ни было, способно громко заявить о себе и жить яркой жизнью. А главное — оно может быть привлекательным для молодых семей, амбициозных неравнодушных людей, желающих внести свой вклад в развитие страны, начав с собственной среды обитания.

Желаю, чтобы село Хирино процветало, а его жители сохраняли и укрепляли связи поколений, вписывая свои имена в «Хиринский хронограф»!

***Приветственное слово
митрополита Нижегородского
и Арзамасского Георгия***

Уважаемые читатели, дорогие братья и сестры!

В год 440-летия села Хирино Шатковского района Нижегородской области переиздается книга «Хиринский хронограф. Очерки истории села Хирино, что под Арзамасом, XVI–XXI веков», которая впервые увидела свет в 2014 году. Отраднo, что появилась книга, которая описывает историю не областного или районного центра, не крупного города, а простого села из русской глубинки. Автор пишет доступным языком, использует архивные материалы. Этот труд будет полезен как местным жителям, школьникам, изучающим историю родного края, так и всем любителям краеведения.

История села Хирино неразрывно связана с храмом в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи с приделом в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Церковь, построенная в 1758–1777 годах по оригинальному проекту, столетия украшала шатковскую землю. Тысячи людей здесь крестились, венчались, приобщались Святой Евхаристии, получали отпущение грехов и отправлялись в последний путь. Богоборческий XX век загуманил ум нашего народа. Храм был разрушен и находился в поругании несколько десятилетий. Вместе с храмом пустело село.

В начале XXI века по Божьему промыслу, трудами и личным попечением Игоря Рауфовича Ашурбейли, чьи предки были выходцами из этого села, был возрожден этот Дом Божий. Благодаря его уважению к памяти родных, усердию, трудолюбию, упорству, все старания, направленные на возрождение святого храма, увенчались успехом. В 2013 году был освящен Храм в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи, а в 2014 году – придел в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Люди получили место для молитвы, где до скончания века будет возноситься бескровная Жертва о всех и за вся, вместе с этим будет идти молитва о строителях святого храма сего.

В 2016 году хиринская церковь тщаниями своего ктитора обрела новую святыню — частицу мощей Иоанна Предтечи, а в 2017 году на ее стене установлена мемориальная доска в память о местных священниках, принявших мученическую смерть от рук большевиков. Это символ того, что годы лихолетья навсегда останутся в прошлом, только если мы будем помнить о них.

Наряду с восстановлением храма Игорь Рауфович стал инициатором интересного мероприятия, которое проводится ежегодно в День села, — праздник фольклора и народных ремесел «Голос традиций». Начиная с 2013 года, в середине сентября в село собираются народные умельцы и фольклорные коллективы со всей Нижегородской области, приезжают известные артисты, съезжаются местные жители из окрестных Шатков и Арзамаса. Люди получают замечательную возможность познакомиться с народными промыслами из разных уголков нашего региона, послушать известных исполнителей.

С возрождением Храма началось возрождение села. Трудami и заботами Игоря Рауфовича и его команды за прошедшие десять лет со дня освящения Дома Божьего село Хирино изменилось. Построен Общественный центр, новая котельная, в село возвращена почта, отремонтирован водопровод, началась реконструкция дорог.

Отрадно, что трудami неравнодушного человека привлекаются соратники, которые с помощью Божией возрождают русскую деревню, русскую глубинку, откуда в веках выходили великие сыны нашего Отечества.

Пусть «Хиринский хронограф» пишется и впредь пополняется новыми плодами трудов всех тех, кто заботится о благе людей, ради процветания Родной Земли.

Божией помощи всему творческому коллективу. Божие благословение пусть пребывает со всеми нами!

От автора

История этой книги начиналась с короткого рассказа о Григории Степановиче Резанове, родившемся в Хирине в конце XIX века и переехавшем перед революцией 1917 года в Баку, и с нескольких страниц скромного краеведческого альбома местной жительницы Веры Александровны Ваняшевой, ныне уже покойной. Долгое время она заведовала здесь сельской библиотекой.

За годы поисков, прошедшие с тех пор, было выявлено более сотни уникальных архивных документов, повествующих о прошлом села Хирино и удивительных судьбах людей с ним связанных.

Исследовательская работа обязательно будет продолжена, в том числе, хочется верить, с помощью неравнодушных читателей, которым, надеюсь, дорога история нашей страны и память о своих предках, словом и делом эту историю создававших.

Главная заслуга в появлении на свет всех изданий, посвященных селу Хирино, принадлежит правнуку вышеупомянутого Григория Резанова — Игорю Рауфовичу Ашурбейли, который хранит в своем сердце память и любовь к отечественной истории.

И. Р. Ашурбейли предложил идею создания такой книги по истории его малой родины, которая позволила бы «почувать» страну, увидеть в приближении, как великие события нашего прошлого раскрывали себя в частных подробностях и жизненных обстоятельствах отдельных людей, дать возможность читателям окунуться в культурную среду ушедших эпох.

От всей души я приношу ему огромную благодарность за всестороннюю помощь и поддержку, за его живой интерес к моим исследовательским изысканиям, за вдохновляющие слова, советы и ту удивительную атмосферу полной творческой свободы, которой я был предоставлен в период работы над этой книгой. А особенно за дарованную мне возможность оказаться причастным к возрождению действительно уникального хиринского Храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня и Живоносного Источника Божией Матери, восстановление которого шло параллельно с написанием этой книги и раскрытием его удивительной истории.

Хочу поблагодарить всех тех, кто создавал благоприятные условия для работы на разных этапах этого долгого, но чрезвычайно интересного пути: руководителя Комитета по делам архивов Нижегородской области Бориса Моисеевича Пудалова, руководство и коллективы Центрального архива Нижегородской области (г. Нижний Новгород), Государственных архивов Нижегородской области в г. Арзамасе и г. Балахне, Российского государственного архива социально-политической истории (г. Москва) и лично заместителя директора Валерия Николаевича Шепелева, Российского государственного архива древних актов (г. Москва) и лично старшего научного сотрудника Сергея Васильевича Сироткина, Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Государственного исторического архива Азербайджанской Республики (г. Баку) и лично Олейникову Светлану Трофимовну, Архива политической документации при Управлении делами президента Азербайджанской Республики (г. Баку) и лично его директора Багирова Маиса Беюк Ага оглы, а также старшего научного сотрудника Эмму Михайловну Филимонову, руководителя Церковно-археологического музея Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви архимандрита Тихона (Затёкина), директора Шатковского районного историко-краеведческого музея Александра Алексеевича Инжутова, сотрудников Российской Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (г. Москва), Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки и Центральной городской библиотеки г. Нижнего Новгорода. Огром-

ное им спасибо и низкий поклон за их ежедневный труд по сохранению нашей документально-исторической памяти и ценные рекомендации, которыми я имел возможность пользоваться во время своих изысканий.

Также я очень благодарен моим коллегам — исследователям, которые помогали советами и любезно делились со мной своими архивными и библиографическими находками: Дегтевой Ольге Владимировне, к.и.н. Давыдовой Анне Алексеевне, Андронову Сергею Борисовичу (г. Арзамас), Молочникову Александру Михайловичу (г. Санкт-Петербург), д.и.н., профессору Солодкину Якову Григорьевичу (г. Нижневартовск), Григорову Александру Игоревичу (г. Рязань).

Выражаю глубокую признательность всем тем, кто оказывал организационную помощь, создавая благоприятные условия для моей работы в Баку, а именно: председателю Русской общины Азербайджана депутату Милли Меджлиса Республики Михаилу Юрьевичу Забелину и его заместителю Борису Петровичу Воронину, а также Рамизу Сулеймановичу Ашурли. Особо хочу отметить Махмуда Мамедова и Фикрета Казымова, благодаря которым Баку для меня, как когда-то для многих хиринцев, стал по-настоящему родным городом, куда всегда хочется вернуться.

Буду рад, если эта книга найдет живой отклик у читателей и послужит им стимулом для более глубокого изучения истории Отечества и родного края.

С благодарностью приму отзывы, замечания, пожелания, предложения, а также копии сохранившихся документов и фотографий из семейных архивов, имеющих отношение к истории села Хирино, которые можно присылать на адрес hronograph@inbox.ru.

Спасибо всем, кто в наш практичный и прагматичный век сохраняет в своем сердце любовь и уважение к нашей истории, к памяти наших предков, стараясь передать это по наследству своим детям и внукам.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ляпин Михаил Александрович, уроженец и житель Нижнего Новгорода.

В 2002 году окончил магистратуру факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского по специальности «политология», в 2005 — аспирантуру при кафедре философии и политологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.

В 2006–2008 годах работал ведущим специалистом информационно-аналитического отдела Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат).

С 2008 года занимается самостоятельной архивно-исследовательской деятельностью по нижегородской краеведческой тематике, церковной и военной истории, генеалогии.

Глава I

*С чего
начинается
Родина*

Хиринская смысловая география

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А. С. Пушкин

Дорога в старинное село Хирино нынешнего Шатковского района Нижегородской области ведет через Арзамас — бывший уездный город Нижегородской губернии, расположенный на высоком берегу реки Тёши.

Вернее, дорог туда много разных — и больших, и малых. Но в те времена, о которых преимущественно идет речь в этой книге, любой путешественник — русский или иноземец, будь он знатен или худороден, богат или беден, — какой бы надобностью он ни был призван в путь, в Хирино должен был ехать именно через Арзамас. Потому что понять судьбу этого села — столь же великую, сколь и трагическую, с ее взлетами и падениями — невозможно, не постигнув красоты и величия истории Арзамаса, который, в свою очередь, неразрывно связан с судьбой всего Российского государства, раскинувшего свои могучие державные крылья «от восток солнца до запад».

Нынешний Арзамас — это крупный районный центр Нижегородской области, промышленно развитый город с чрезвычайно богатыми культурно-историческими традициями. А когда-то на его месте среди глухих лесов возвышалось Арзамасово мордовское городище, о котором упоминает в своих работах признанный знаток нижегородской старины П. И. Мельников, ассоциируя его со столицей мордовского племени эрзя — коренного населения этих мест [1].

Перестроенный заново по личному указанию царя Иоанна Васильевича Грозного и укрепленный по всем канонам тогдашнего фортификационного искусства, Арзамас-городок во второй половине XVI в. становится одним из важных опорных пунктов южной оборонительной линии Московского государства, призванной защитить Русь от продолжающихся разорительных набегов степных кочевников со стороны Дикого Поля. Это противостояние Москвы и Орды в лице, прежде всего, Казанского царства, получило, как считают некоторые исследователи, отражение на древнем гербе Арзамаса, где на золотом поле геральдического щита изображены смыкающиеся в центре два стропила: сверху — красное, символизирующее победившую в этом противостоянии Москву, а снизу — зеленое, символизирующее поверженное Иоанном Грозным могоучее исламское государство.

Однако по мере того как граница Московии все далее отодвигалась на юг и восток, Арзамас постепенно утрачивал свои военно-оборонительные функции, приобретая все большее значение в качестве экономического центра, удачно оказавшегося на пересечении важнейших торговых трактов из Москвы и Нижнего Новгорода в южные и юго-восточные регионы страны — в Симбирск, Саранск, Пензу, Казань, Тамбов, Саратов — и большой дороги на Макарьев, где разместилась знаменитая на всю Россию и даже за ее пределами Макарьевская (впоследствии Нижегородская) ярмарка.

Царь Иоанн IV (Грозный)
Портрет второй половины XVIII века.
Работа неизвестного художника

Арзамась

Герб уездного города Арзамаса

Опиц Г.Э. Макарьевская ярмарка под Нижним Новгородом.
Первая четверть XIX века

Благодаря этому обстоятельству Арзамас, заявив о себе как о городе купцов и мастеровых, с 1770-х годов вступает в эпоху своего расцвета, продолжавшуюся до середины XIX столетия. Об этом «золотом веке» его истории и сегодня зримо напоминают изящные фасады многочисленных каменных домов купеческой застройки да возвышающиеся над городом главы полутора десятков церквей, милостью Божией уцелевших в XX веке, несмотря на яростную антирелигиозную борьбу большевистской власти. Той власти уж нет, а храмы по-прежнему стоят, устремляясь в небеса и призывая нас помнить о неизбежной встрече с Вечностью...

Уездный город Арзамас XVIII–XIX веков для крестьян окрестных селений служил своеобразными воротами в Россию. Был он и административным центром, где тянулась разная бумажная волокита, на которой, однако ж, держался государственный порядок, и центром торговли, куда сельские обыватели свозили на базары продукты сельхозпроизводства (зерно, муку, масло, овощи), разные кустарные изделия и прочие домашние рукоделья. Через Арзамас крестьяне уходили на заработки, держа путь к Лысковской пристани, а призванные на военную службу новобранцы, пройдя в уездном городе положенные смотры и освидетельствования, отправлялись в далекий путь к местам службы. Через Арзамас же и отходники, и военные возвращались потом к своим домам. Наконец, отсюда, из Арзамаса, развозились и разносились по округе всякие новости и сплетни, составлявшие наряду с редкими в то время проповедями сельского духовенства главную пищу для крестьянского ума в провинциальной русской глубинке.

От Арзамаса, как считалось, рукой подать до «губернии», то есть до Нижнего Новгорода.

Вслед за Макарьевской ярмаркой, после большого пожара 1816 года переехавшей в Нижний, в губернский город стали регулярно навещаться сотни, а то и тысячи крестьян из разных селений Арзамасского уезда по торговым делам своих помещиков, для найма на работы или за своим торговым барышом. Это крупнейшее в Европе гигантское торжище было в то же время ярмаркой тщеславия, хитрости и алчности, навеяв великому Пушкину один из сюжетов путешествия Евгения Онегина в девятой, неопубликованной, главе его бессмертного романа: *«Всяк суетится, лжёт за двух / И всюду меркантильный дух»*. С этим «духом», несомненно, часто приходилось встречаться и многим из хиринских мужиков, которые еще в крепостнические времена не раз видывали это чудо света, регулярно бывая на ярмарке по нуждам помещицкой экономии и своим собственным.

Макарьев после перенесения большого торгового центра в Нижний утратил свое былое значение. Тогда как знаменитая Лысковская пристань на противоположном от «святого Макария» берегу оставалась важным транспортным узлом, а с развитием парового судоходства на Волге в 60-е годы XIX века ее значение даже многократно возросло. Именно сюда, к Лыскову, транзитом через Арзамас шли вереницы крестьян, направлявшихся в низовые губернии на отхожие промыслы.

С развитием волжского судоходства, а затем и сети железных дорог, все плотнее опутывавших Россию, купеческий Арзамас стал постепенно угасать. К началу XX века он как-то затих и стал похожим на монастырь, — именно таким его описал Аркадий Гайдар (Голиков) в своей знаменитой повести «Школа». Теперь этот городок оживал лишь по случаю больших церковных праздников, царских дней, сезонных ярмарок или же по весне, когда крестьянские мужики отправлялись в отхожий промысел за длинным рублем, как, например, в 1897 году, когда это движение запечатлел анонимный корре-

Знак, установленный в память об Арзамасской засечной черте XVI-XVII веков, проходившей через Шатковский лес. Фото А. Инжутова

спондент «Нижегородских губернских ведомостей»: «С начала весны потянулись к Арзамасу толпы крестьян-каменщиков из окрестных деревень (Хирина, Пасьянова и др.), идущих на заработки. Идут в Самару, в Астрахань, в Саратов, идут на Сибирскую дорогу, в Закаспийский край. 24 апреля было самое сильное оживление, шло больше всего народу, так что обыкновенно сонный наш город в этот день оживился, как в большие праздники или в подторжье» [2].

В стародавние времена Хирино от Арзамаса отделял путь длиною в 30 верст по проезжей дороге на Лукоянов, далее идущей в сторону Пензы, а сейчас это 40 километров по благоустроенной трассе Р158 Нижний Новгород — Саранск.

Хиринские окрестности начинаются с бывшего села Собакино (ныне Красный Бор), возникновение которого, судя по всему, связано с боярским родом новгородцев Собакиных, многие представители которого входили в опричный разряд царя Иоанна Грозного [3]. Кому-то из них, судя по всему, обязаны своим названием и Собакинские ворота в составе Арзамасской засечной черты.

Виновником появления этих названий на Арзамасской земле является один из трех сыновей царского воеводы Степана Васильевича Собакина — все трое они носили одинаковое имя Василий. Дочь старшего из них Марфа Васильевна Собакина в 1571 году стала, как известно, третьей женой Иоанна IV. А документальным подтверждением присутствия и преобразовательной деятельности этих ближайших родственников царя на Арзамасской земле служит, в частности, упоминание в «Арзамасских поместных актах» некоего Василия Собакина, межевавшего земли в здешних краях несколько ранее 1578 года [4].

С тех далеких времен и на протяжении почти трех последующих столетий Собакино — это очень значительное и богатое село, с известной на всю округу Собакинской ярмаркой. Большинство крестьянского населения его в XVIII–XIX веках крепко держалось «старого церковного обряда», и потому многих здесь называли раскольниками.

Оставив позади Красный Бор, далее проезжаем Озерки, с красивой церковью красного кирпича, построенной перед самой революцией. Когда-то в этом селении была часть имения князей Путятиных, поэтому кое-кто из их крепостных хиринских крестьян, будучи переселен в Озерки во второй половине XVIII века, пустил здесь свои корни и оставил потомков, пахавших озерские земли.

Далее по трассе деревня Пасьяново, тоже, кстати, одно время входившая в число путятинских деревень. Значительная часть местного мужского населения, как и в Хирине, предпочитала занятию земледелием отхожие промыслы по строительным специальностям. И так же, как в Собакине, многие здесь состояли в церковном расколе.

Вслед за Пасьяновым, немного в стороне от трассы, раскинулось огромное ныне село Архангельское, расположенное на левом берегу реки Тёши. Его нынешние административно-территориальные границы сложились в советские времена при объединении двух крупных населенных пунктов с «лошадиными» названиями — сел Никольское-Кобылино, в старину известного также как Мисюрево, и Архангельское-Кобылино. Достопримечательностью нынешнего Архангельского является храм Святой Живоначальной Троицы 1810 года постройки, который никогда, даже в безбожные советские времена, не закрывался. А в те самые безбожные времена другой достопримечательностью был социалистический колхоз-ударник «Власть Советов», за которым даже при переходе на рыночные рельсы — в знак уважения к его прежним заслугам — было решено оставить столь нехарактерное для новой России название.

Поклонный крест на въезде в Шатки

Реконструкция защитных военных сооружений в Шатках

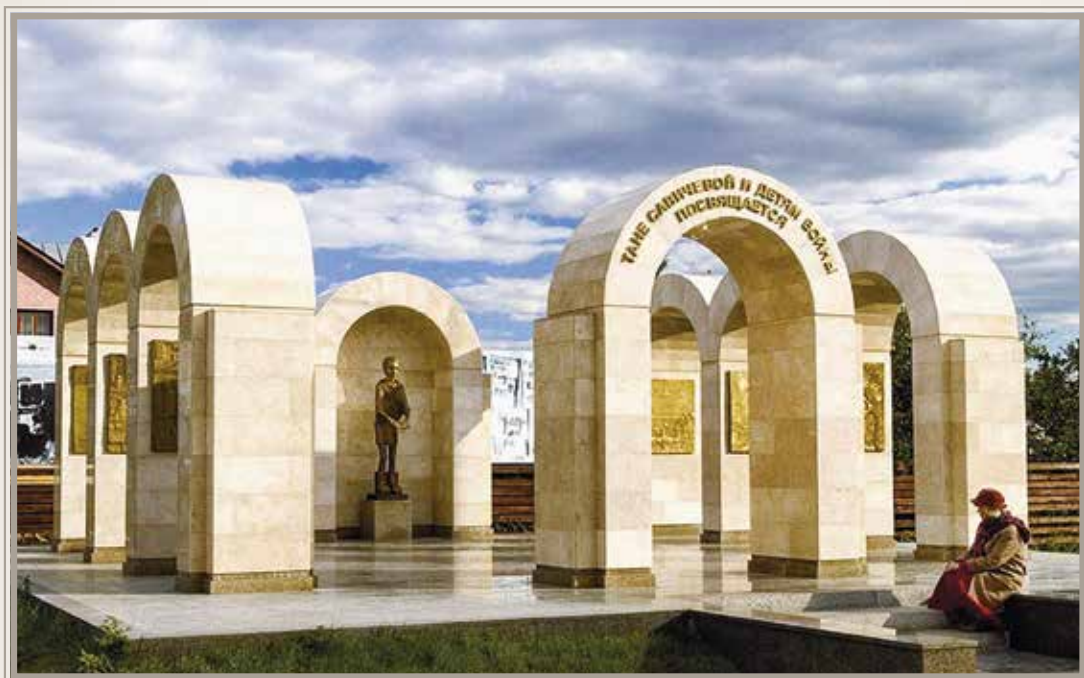
Добро пожаловать в Шатки!

И вот, наконец, вырастает у дороги огромный поклонный крест, встречающий путешественника при въезде в рабочий поселок Шатки. С 1930 года это районный центр, а в крепостнические времена — крупное помещичье село, вотчина Аргамаковых. На рубеже XVII–XVIII веков Шатки большей частью принадлежали одному из ближайших сподвижников Петра I стольнику Михаилу Михайловичу Аргамакову, у которого хиринский землевладелец Степан Иванович Путятин оспаривал в негласном споре право называться первым помещиком в округе. Но часто их интересы тесно переплетались, и тогда они действовали сообща, как, например, в делах о присоединении к своим владениям новых земель. Тогда и появлялись в делопроизводстве Поместного приказа разного рода челобитные, подобные этой, относящейся к 1696 году: *«Великим Государем Царем и Великим Князем Иоанну Алексеевичу [и] Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцем, бьют челом холопи Ваши Мишка Аргамаков [и] Степка князь Иванов сын Путятин. Вотчины за нами, холопи вашими, земли в Арзамаском уезде в Ычаловском и в Теишском станех смежны, антех наших вотчин в угодьях крестьянишка наши, холопей ваших, росчистили под паашню и под сенные покосы росчисти: мои холопа вашего мишкины крестьяне в Ычаловском стану росчистили в урочищах на Озерских и на Сатинских вершинах и вверх Миролоя озера за поляною Сосновою и на верхах Большаго озера по Мазинской дороге и в погорях, а мои холопа вашего степкины крестьяне росчистили в писцовых дачах по обе стороны реки Велтмы от поляны Услон до полян Маргужу и Пинетаевки и засеки и меж инех своих полян и приполянок в урочищах, а меж тех наших, холопей ваших, вотчинных росчистей, что росчистили крестьянишки наши, вышеописанных вотчинных же урочищах Ичаловскаго и Теишскаго станов ничьи иных помещиков дачи нерозошли. Милосердые Великие Государы Цари и Великие Князи Иоанн Алексеевич [и] Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, велите Государы те наши холопей ваших вотчинные росчисти вышеописанных наших урочищах измерять и положить в немалые четверти и по своему Великих Государей указам дать нам холопам вашим в вотчину, а лес непашенной в угодье. Великие Государы смилуйтесь»* [5].

С конца XIX века в Шатках разместилась станция Московско-Казанской железной дороги, строительство которой дало мощнейший толчок развитию экономики огромного региона.

Именно в Шатках провела свои последние дни эвакуированная из города-героя на Неве, ныне известная всему миру Таня Савичева. Тот эшелон 1942 года с детьми из блокадного Ленинграда многим жителям района врезался в память на всю оставшуюся жизнь. Как позднее вспоминала местная жительница, преподаватель истории Ирина Николаева, подойдя к станции, *«поезд остановился, однако из открывшейся двери большого вагона так никто и не вышел. Большая часть ребятишек попросту не могла встать с кроватей. Те, кто решился заглянуть внутрь, долго не могли прийти в себя. Вид детей был страшен — кости, кожа и дикая тоска в огромных глазах. Женщины подняли невероятный крик. «Они же живые еще!» — успокаивали их сотрудники НКВД, сопровождавшие поезд. Практически сразу люди стали нести к тому вагону продукты, отдавали последнее. В результате в помещение, подготовленное для детского дома, детей отправили под конвоем. Человеческая доброта и самый маленький кусок хлеба с голодухи могли убить их»* [6].

Мемориал «Тане Савичевой и детям войны посвящается» в Шатках

Мемориал Великой Отечественной войны в Шатках

Выхаживали и выкармливали этих деток всем районом, много сделали для них и жители Хирина. Лишь Таню Савичеву, обессиленную и истощенную, окончательно слоленную туберкулезом, не удалось спасти. Однако дневники ее поведали стране, победившей фашизм, и всему цивилизованному миру, пристально следившему в 1946 году за ходом Нюрнбергского процесса, об ужасах Ленинградской блокады, заставив плакать от душевной боли и сострадания миллионы людей.

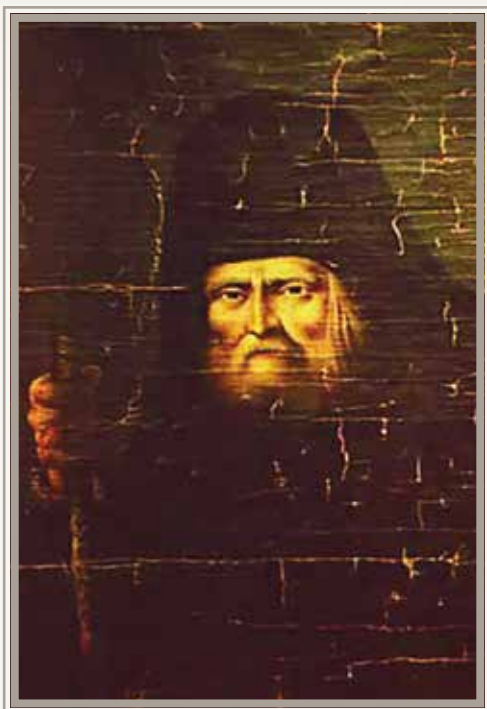
А во второй половине XVI века по линии Шатков проходила Арзамасская засечная черта, бывшая одним из звеньев в цепи оборонительных укреплений Московского государства, защищавшего свои земли от угроз степняков со стороны Дикого Поля. Укрепленные Шатковские ворота, наряду с уже упоминавшимися Собакинскими, служили своего рода контрольно-пропускными пунктами на главных дорогах и охранялись усиленными нарядами засечных сторожей. Много любопытного об истории Арзамасской засечной черты может поведать шатковский краевед, директор местного краеведческого музея Александр Инжутов, к работам которого [7] мы и переадресуем заинтересованного читателя.

История Арзамасской засеки увлекательна сама по себе, но для историка она важна еще и тем, что соседство с ней накладывало своеобразный отпечаток на образ жизни не только помещиков, но и крестьян приграничных селений, в том числе и Хирина. Описывая земельные владения арзамасских служилых людей в XV–XVI веках, разрядные дьяки часто пользовались словесным клише: «в тиши» и «за лесом», указывая тем самым, что поместные владения дворянина располагались по обе стороны Арзамасской засеки, которая внутри уезда долгое время служила также условной административной границей, отделявшей Утишье, или Тишь, от Залесья.

Хирино, таким образом, располагалось в Тиши, что по сравнению с Залесьем, не защищенным засекой, считалось более привилегированным положением поместья, поскольку вероятность его разорения при набегах степняков была значительно ниже. Заметим, верстание (наделение) служилых людей поместьями в Арзамасском уезде обычно производилось так, чтобы их поместный оклад составлялся из земель (жеребьев), находившихся по обе стороны засеки. Делалось это, очевидно, из государственных соображений: дворян вынуждали усерднее защищать свои залесные поместья от разграбления, но если оно все-таки происходило, у помещика оставались еще вполне благополучные утишные поместья, гарантировавшие ему минимальный доход, чтобы он и впредь мог нести государеву военную службу.

...Но продолжив свой путь, ни до шатковских ворот, которых давно нет и в помине, ни до знаменитых дубрав, которые с тех пор заметно поредели, ни до мемориала Великой Отечественной войны, что в центре рабочего поселка, мы так и не доедем. Чтобы попасть в Хирино, через несколько сотен метров мы сворачиваем направо и, миновав железнодорожный переезд, оказываемся на пустынной трассе местного значения.

Похоже, именно этой дорогой летом 1903 года шли от станции Шатки бесконечные вереницы богомольцев, направлявшихся в Саров на общероссийские торжества, посвященные обретению мошей преподобного Серафима, Саровского чудотворца. В числе этих паломников был тогда и Владимир Григорьевич Короленко, писавший с пути своей матери 14 июля: *«Мы едем до Шатков под Арзамасом, откуда идем на Понетаевку, Дивеев, Саров»*, а на следующий день: *«... Вчера мы прошли 18 верст со станции Шатки на Хирино, Корине (иначе называемое Вонячкой) и Понетаевку. С нами, за нами, перед нами тянулись массы народа. Между прочим, много лукояновских мужиков. На наши вопросы они объяснили, что они охрана, идут к Сарову*

Прижизненный портрет преподобного Серафима Саровского – основателя и покровителя Дивеевской женской обители. 1828 год

Паломники в ожидании чуда исцеления в Сарове. 1903 год. Фото М. Дмитриева

держат пикеты и кордоны [...] Много, и очень интересного, останется просто в памяти. Теперь меня интересует тот момент, когда мы, вместе с другими богомольцами, подойдем к Сарову» [8]. Если бы не досадное недоразумение, заставившее Короленко, немного спутав, соединить Корино и Вонячку в одно селение, то маршрут паломников от станции Шатки можно было бы определить гораздо точнее. Но в любом случае их взору открывался тот же самый вид, который может созерцать и современный путешественник, направляясь в Хирино на своей автоколеснице.

Поскольку за последние сто лет преобразовательной деятельности человека характер здешней местности мало изменился, то по-прежнему актуальным остается описание более чем вековой давности: «Вся местность вокруг Хирина носит степной вид. Всюду тянутся распаханнные поля, изредка видоизменяясь оврагами или небольшими группами кустиков, служащих жалкими остатками некогда бывших здесь лесов. Некоторые старожилы еще помнят то счастливое время, когда Хирино было окружено лесом. В настоящее время ближайший к Хирину лес находится не ближе 8 верст.

К югу от села в расстоянии не более 100 сажений, местность, доселе ровная, круто опускается, образуя долину, которая с запада на восток пересекается речкой, известной под именем Вонячки (свое начало она берет около села того же названия). В весеннее водополье она иногда может с усилием вести борьбу с мостами, но в остальное время года от нее остается только сухое русло. Осенью, когда благодаря частым дождям в ней появляется вода, хиринцы мочат в ней коноплю и лен. Для почвы эта речка не приносит почти никакой пользы. Окруженная с обеих сторон возвышенными берегами Вонячка не имеет разлива даже при высокой воде. Но в свое время и эта речонка играла небольшую роль. В шестидесятых годах (XIX век — Л. М), когда Хирино окружали леса, на Вонячке около села существовала водяная мельница. Но с течением времени леса уничтожились, и Вонячка, лишившись лесных источников, обратилась в ничтожный ручей ...».

Автор этого эссе, скрывший свое имя под псевдонимом Н-ков, пишет далее о местных погодных реалиях и аномалиях, также оставивших свой след в истории Хирина и его церкви. Тем временем шоссе делает плавный поворот, и взору открывается панорама на все село, над вереницей домов которого торжественно возвышается обновленный Храм в честь Усекновения Честной главы Иоанна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня — один из главных героев нашего повествования.

«... Ровная, довольно возвышенная поверхность хиринской территории сравнительно редко подвергалась атмосферным осадкам, которые так вредно действуют на растительность в низменных сырых местностях. Туманы, морозы-утренники, необходимые явления во всех низменностях, здесь не имеют сильного влияния.

Редко подвергаясь вредным атмосферным осадкам, Хирино занимает довольно выгодное положение в отношении грозových явлений. В течение последнего пятидесятилетия было несколько ударов молний, из которых один остался памятным для хириинцев.

В 1882 году 27 июля над Хириным разразилась страшная гроза. В самый разгар грозы молния ударила в карниз церковной главы, отбив от него небольшую часть, затем прошла чрез окно в алтарь нижней церкви; здесь вышибло около престола камень пола, отсюда прошла через царские двери вовнутрь церкви и вылетела в окно северной части храма. Весь этот процесс молнии, к счастью, ограничился для церковного здания только порчей оконных стекол и незначительным повреждением каменного пола. Из церкви молния в виде огненного шара полетала над одним порядком и ударилась

Речка Вонячка

Окрестности села Хирино. Фото А. Омелянчука. 2019 год

в дом крестьянина Столярова. Произошел пожар, уничтоживший четыре дома. Дружные случаи грозových ударов имели место в липовой роще, где молния не раз расщепала и зажигала высокие липы» [9].

Примеры разрушительной деятельности стихии в этих местах до сих пор прекрасно сохранились в памяти старожилков. Но, конечно, никак не громы и молнии и не «слепые силы природы» повинны в том, что еще несколько лет назад хиринский пейзаж с разрушенной церковью посреди села, сиротливо приютившейся на берегу почти высохшего пруда, производил совершенно унылое впечатление на любого случайного человека, впервые оказавшегося в этих благодатных краях.

Среди названий населенных пунктов встречается немало таких, которые с первого знакомства с ними, независимо от намерений тех, кто эти названия присваивал, сразу рождают в сознании какие-то устойчивые ассоциации, вызывают определенные чувства и эмоции.

В старину о Нижнем Новгороде сложилась поговорка, записанная как-то Н. А. Добролюбовым: *«Нижний — Москве сосед ближний; дома каменные, люди железные»*. Любил ее повторять и Алексей Максимович Горький, потому что он познал правдивость этих слов на собственном опыте. В 1932 году имя (точнее, литературный псевдоним) нашего выдающегося земляка и писателя, считавшегося тогда «великим пролетарским», по решению партии и правительства увековечили: Нижний Новгород стал отныне городом Горьким. Но большинству его жителей название категорически не нравилось, поскольку многие не без оснований полагали: *«Как корабль назовешь, так он и поплывет»*. К счастью, в 1990 году городу было возвращено его историческое название.

Известно также, что в 1940-х годах жители соседнего с Хириным села, с незапамятных времен именовавшегося Вонячкой (или даже Вонючкой, как обычно писали его в документах XVII–XIX веков), единодушно приняли решение о переименовании своего селения в Елховку, а заодно переименовали и одноименную речушку, подарившую селению столь неблагозвучное название. Позднее и жители села Собакино, поддавшись общей тенденции, решили именовать свою малую родину «Красным Бором»: старое название показалось слишком обидным и не соответствующим духу эпохи.

В названии Хирина тоже есть это довлеющее «бремя смысла». Ведь «хирь» в старину — это болезнь, хворь (В. И. Даль), а прозвище «хиря» на Руси давали человеку болезненному, слабому здоровьем или телосложением [10], что, впрочем, в глазах наших предков считалось почти равнозначным.

Так, уже к концу второго десятилетия XVII века, не успев окрепнуть и дать жизнеспособное потомство, захирел и совершенно угас род арзамасских служилых землевладельцев Хириных, передавших еще во времена Иоанна Грозного свое родовое имя новопоселенной деревне в арзамасском Утишье.

Однако вопреки своему имени Хирино долгое время процветало, чему способствовали не только выгодные природные условия и географическое положение селения (богатые черноземные почвы, достаток строевого и дровяного леса, близость к основным дорогам), но и грамотная хозяйственно-экономическая деятельность хиринских помещиков: в XVIII веке — князей Путятиных, затем — Балашевых.

«Что в имени тебе моем?»

Еще в середине XIX в. Хирино было довольно значительным (156 дворов и 553 ревизские души, по данным десятой народной переписи) и вполне благополучным по тогдашним меркам селом, которое в ходе земской реформы 1860-х годов по праву стало административным и экономическим центром одноименной волости.

Но как это ни парадоксально, именно те социально-экономические и правовые изменения, которые привнесла в жизнь хиринских крестьян так называемая отмена крепостного права, подарившая им, наконец, долгожданную личную свободу, положили начало медленному угасанию Хирина, продолжавшемуся фактически в течение последующих полутора столетий.

Способствовали этому и экономический упадок уездного Арзамаса к середине века, и хитрость прагматичного помещика с его управляющим, которые ловко, но, увы, по закону «обидели» крестьян землю, и массовый отток населения из Хирина во второй половине XIX века, вызванный неспособностью значительной части крестьянства прокормить свои семьи за счет земледельческого труда. Затем, в XX столетии, это и катастрофическая убыль мужского населения, «перемолотого в жерновах» Первой мировой, братоубийственной Гражданской и Великой Отечественной войн; и губительная политика советской власти в отношении деревни в 1930–1960-е годы, и бурное развитие в XX веке отечественной промышленности, оттягивавшей на протяжении нескольких десятилетий перспективную молодежь в города — на заводы и в учебные заведения, по окончании которых практически никто в село уже не возвращался. Да и пресловутый зеленый змий — чего греха таить — добавил своих ядовитых паров в эту всеобщую алхимию распада.

Впрочем, это относилось к советской деревне как явлению в целом. К середине XIX века она попросту грозила исчезнуть «на полпути к коммунизму» под ударами сумасбродных хрущевских сельскохозяйственных экспериментов. В окрестностях Хирина памятниками той безблагодатной эпохи служат «живописные развалины» Казанской и Троицкой церквей, стоящие посреди голого поля, вокруг которых несколько столетий жили своей интересной жизнью два огромных села — Измайлово и Тоузаково. Но в пылу хрущевских преобразований они были признаны «неперспективными» и потому безжалостно стерты с лица земли. Часть жителей нашли пристанище в окрестных селениях, перевезя туда свои дома, многие подались в города, а земли, освобожденные от строений, были распаханы и превратились в сельхозугодья.

Для многих думающих людей это умирание села в 1960–1970-е годы было очевидным фактом, но признать его значило подвергнуть сомнению политику партии и правительства. Поэтому говорить об этом открыто в условиях советской демократии никто не решался.

Судьбу Измайлова, Тоузакова и других подобных населенных пунктов (хотя об этом сегодня мало кто знает) могло разделить и Хирино. Вопрос о его расселении и распашке высвободившихся площадей, говорят, выносился на обсуждение шатковских советских и партийных органов в 1960-е годы. Однако принципиальная позиция по этому вопросу уроженца села Хирино Ивана Павловича Ваняшева (1937–2007), занимавшего в то время должность заведующего колхозным участком и выступившего главным противником предложенных преобразований, позволила переубедить местные власти в целесообразности ликвидации села. Право на будущее за Хириным было сохранено.

А центром волости, напомним, оно перестало быть еще в 1924 году, когда по новому административно-территориальному делению его решено было включить в состав укрупненной

Пановской волости Арзамасского уезда. Когда в 1929 году большевики упразднили уезды и губернии, Хирино стало центром одноименного сельсовета в составе Шатковского района Нижегородского, а затем Горьковского края, с 1936 года преобразованного в область.

В 1954 году в связи с сокращением численности сельского населения Хиринский сельсовет укрупнили, включив в его состав Тоузаково и Елховку, когда-то бывшую Вонячкой, а в 1960 году его переименовали в Елховский. В 1980-х годах Хирино вошло в состав Архангельского сельсовета Шатковского района. В 2023 году административно-территориальное деление вновь изменилось: Хирино приписали к Светлогорскому сельскому совету.

Потеря административного статуса была в какой-то степени следствием постепенного экономического угасания села. Вызванный к жизни сталинской коллективизацией хиринский колхоз «Искра Ленина» будто назвал местной партийной номенклатуре никак не желал «возгореться пламенем». Он так и «тлел» несколько десятилетий, пока его, наконец, не включили на правах участка (1960) в состав колхоза «Власть Советов» села Архангельского, к которому и отошли богатые хиринские черноземы, вся колхозная инфраструктура и техника. На этой расширенной материально-производственной базе колхоз «Власть Советов» под руководством Константина Дмитриевича Лазарева, будущего Героя Социалистического Труда (1986), еще быстрее пошел в гору и за выдающиеся успехи в социалистическом производстве в 1970–80-е годы неоднократно удостоивался высоких государственных наград.

А Хирино тем временем продолжало таять.

Вряд ли стоит подробно говорить о горбачевской перестройке и последовавшем за нею безвременье — «лихих 90-х», когда после предательства советской партийной верхушки великая страна, потерпевшая поражение в холодной войне, подверглась тотальному разграблению, разорению и унижению [11], горькие плоды которого мы пожинаем до сих пор. Удивительно уже то, что российское село, раздавленное безработицей, безденежьем, пьянством от безысходности и кажущейся бессмысленностью происходящего, в эти страшные годы вообще выжило. За одно это честь ему и хвала! И великое спасибо тем людям, местным руководителям и простым труженикам, которые терпеливо и самоотверженно несли и вынесли на своих плечах это тяжелое бремя!

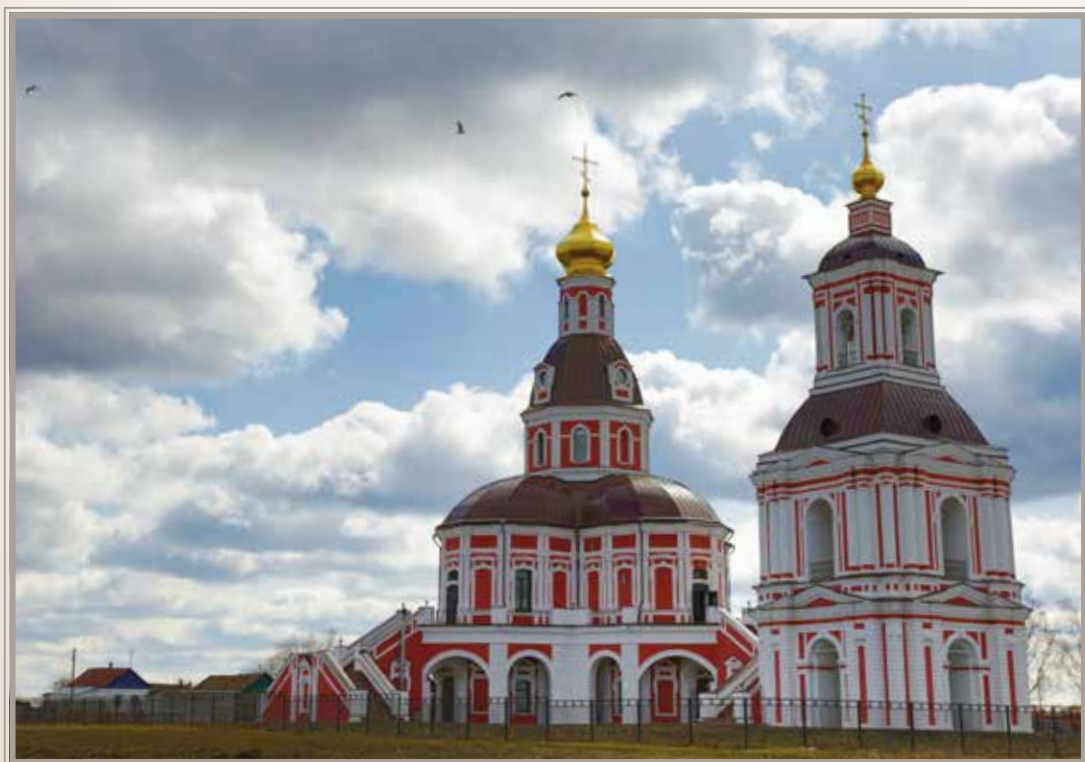
Одним из памятников губительной для всего российского села горбачевско-ельцинской эпохи стала заметка в «Нижегородских новостях», появившаяся в 1999 году под говорящим названием: «Хирино захирело» [12]. Заголовок статьи звучал как приговор.

Хотя, когда по всей стране начали возвращаться к жизни многие православные храмы и монастыри, появились надежды и на возрождение Хирина, причем связывалось это с восстановлением Предтеченской церкви — уникального памятника архитектуры федерального значения, авторство проекта которого многие местные жители приписывают прославленному русскому архитектору В. И. Баженову.

Но поздней весной 2004 года во время очередной грозы случилось то, что должно было случиться: то ли от удара молнии, то ли из-за человеческого невнимания и безразличия к судьбе поруганной святыни Божиим попущением дрогнул и с невероятным грохотом обрушился центральный свод храма. Это напоминало то «светопреставление в миниатюре», которое описал Л. Н. Толстой в «Отрочестве» — второй части своей знаменитой трилогии, когда ослепительные вспышки молний сопровождаются «таким оглушительным треском грома, что, кажется, весь свод небес рухнет над нами», набожные крестьяне «при каждом ударе грома снимают шапки и крестятся», заставляя автора воскликнуть: «Гнев Божий! как много поэзии в этой простонародной мысли!»

Руины хиринского храма после обрушения восьмигранника с куполом, случившегося 27 мая 2004 года

Восстановленный храм в честь Усекновения Честной главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, 2015 год. Фото А. Омелянчука

Такое поистине бесславное «усекновение» главы Предтеченской церкви стало настоящим шоком для местных жителей и представителей культурного сообщества. Но именно такими, увы, обычно и бывают неизбежные плоды человеческого равнодушия, которое тем страшнее и опаснее, что при нем всякое умирание, разрушение и вырождение — как в духовной, так и в материальной сфере — успешно маскируется под «естественный и неизбежный ход вещей».

В 2008 году снова затеплилась надежда: сперва прошел по округе слух, что кем-то выделены какие-то деньги на восстановление хиринского храма — все-таки памятник федерального значения. А вскоре в селе появились представительные люди, что-то замеряли, смекали, спорили. Наконец, приехали лукояновские мужики, которые возвели вокруг церкви строительные леса, что-то поделали немного, а потом... все стихло так же внезапно, как и началось. Выделенные деньги «освоили» (их, разумеется, оказалось мало) и работы свернули. Так говорят местные.

В дальнейшем были, по слухам, даже какие-то судебные тяжбы по этому делу. Но суд в России — дело нескорое и не всегда, увы, справедливое. Чем закончилась та история, мы не знаем, да и знать не хотим, потому что в Хирине от этого ровным счетом ничего не изменилось: как стояла над прудом обезглавленная и поруганная Предтеченская церковь, так и продолжила стоять, являя собой упрек нам в равнодушии и бездействии...

Неисповедимы пути Господни, ведущие в Хирино

Лодки делают люди, но ветер в паруса посылает Господь...
Протоиерей Георгий Болгарский (наш современник)

Жизнь в Хирине стала заметно меняться после того, как здесь появился Игорь Рауфович Ашурбейли, известный российский ученый, предприниматель, общественный деятель и благотворитель.

На его официальном интернет-сайте www.ashurbeyli.ru можно узнать, что родился он 9 сентября 1963 года в Баку. В 1980 году окончил с золотой медалью среднюю специальную школу № 27 с преподаванием ряда предметов на английском языке.

В 1985 году получил диплом по специальности «инженер-системотехник» на кафедре автоматизированных систем управления факультета автоматизации производственных процессов Азербайджанского института нефти и химии. В период обучения в очной аспирантуре в 1988 году создал и возглавил в Баку кооперативное координационно-производственное объединение «Социум», занимавшееся разработкой специального программного обеспечения, обучением компьютерной грамотности, реализацией компьютерной техники и консалтингом.

В 1990 году переехал в Москву, где создал и возглавил Всесоюзное научно-производственное объединение «Социум» при Союзе предприятий потребительской кооперации Центрального Союза СССР, занимавшееся разработкой, производством и реализацией информационных баз данных. В 1991 году совместно с НПО «Алмаз» и рядом других известных государственных и частных структур выступил соучредителем и возглавил ОАО «Международное бюро информации и телекоммуникаций», занимавшееся разработкой, производством и реализацией широкой номенклатуры информационных и телекоммуникационных продуктов.

В 1992 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Вопросы построения децентрализованных систем автоматического регулирования технологических процессов».

В 1994 году перешел на постоянную работу в НПО «Алмаз», где последовательно занимал должности заместителя генерального директора, финансового директора, первого заместителя генерального директора, председателя совета директоров. В 2000 году был назначен генеральным директором ОАО «НПО «Алмаз» имени академика А. А. Расплетина. В этой должности он проработал до 2011 года. Также с 2002 по 2003 год — заместитель генерального директора ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей», созданного при его непосредственном участии. С 2002 по 2011 год — член правления ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей».

Доктор технических наук — в 2011 году первым в России защитил докторскую диссертацию по тематике воздушно-космической обороны. Автор более 100 научных трудов, в том числе четырех монографий. Ведет большую общественную и благотворительную работу.

Имеет многочисленные государственные, ведомственные и общественные награды.

Владелец и Председатель Совета директоров многопрофильного международного Холдинга «Социум», образованного им в год и день принятия в СССР Закона о кооперации — 10 июня 1988 года. Председатель Центрального Совета и Президиума Центрального Совета политической партии «Партия Возрождения России» с июня 2016 года. Председатель Общероссийской общественной организации «РОССИЯ» с 16 декабря 2020 года по 17 декабря 2022 года. Председатель Совета Императорского Православного Палестинского Общества в Государстве Израиль с 2017 года. Основатель и Глава первого в мире Космического Государства Асгардия, созданного 12 октября 2016 года.

На сегодняшний день — ктитор двух храмов: Патриаршего подворья — Храма святой преподобномученицы Елисаветы в Покровском-Стрешнево в г. Москве, освященного 13 мая 2012 года, и Храма Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи в селе Хирино Нижегородской области, освященного 15 сентября 2013 года.

Будучи прямым потомком бакинских беков, успешных предпринимателей-нефтепромышленников и благотворителей, ведущих свой именитый род от министра обороны Персии Ашур-хана Афшара, И. Р. Ашурбейли всегда помнил также о том, что материнская ветвь его родословной связана с традиционной русской глубинкой «где-то под Арзамасом».

Жизнь связала его с нижегородской землей еще и крепкими деловыми отношениями. В 2007 году в состав холдинга «Социум» вошло крупное градообразующее предприятие «Арзамасский приборостроительный завод» (АПЗ), которому позднее было присвоено имя Павла Ивановича Пландина. Усилиями Игоря Ашурбейли завод был выведен из кризиса, а в начале 2022 года состоялась сделка по продаже его основного пакета акций госкорпорации «Тактическое ракетное вооружение». Так и планировалось изначально: Игорь Ашурбейли не раз высказывал убеждение, что это предприятие должно принадлежать государству. Но в свое время, в 2007-м, в год покупки завода, он и решил начать поиски своих корней в окрестностях Арзамаса.

Весной 2011 года ему впервые удалось посетить родину своих предков, покинувших эти земли почти 100 лет назад и обосновавшихся накануне Первой мировой войны в тогдашней нефтяной столице Российской империи — городе Баку.

Первое, что он увидел в родовом селе, была практически полностью разрушенная церковь с пасущимися в алтаре коровами. Именно этот остов Предтеченского храма на берегу обмелевшего пруда олицетворял собой настоящее села Хирино.

Игорь Рауфович сразу принял решение заняться возрождением святыни.

В мае того же года на это богоугодное дело уже было получено благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, а с сентября начал свою деятельность целевой благотворительный фонд, зарегистрированный 2 ноября 2011 года в Министерстве юстиции по Нижегородской области.

Оставалось лишь согласовать свои действия с Нижегородской митрополией, подыскать подрядчиков и с Божией помощью начать. Несмотря на то, что к этому моменту в экономике начинался очередной международный кризис, Ашурбейли без колебаний решает направить на финансирование этих работ личные средства.

Перед тем как приступить непосредственно к восстановительным работам, по традиции служится молебен на начало доброго дела, который, учитывая статус мероприятия, согласился совершить митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. Получив его благословение, организаторы принялись за подготовку мероприятия, которое изначально планировалось приурочить к 6 мая — дню памяти святого великомученика Георгия Победоносца — небесного покровителя православного воинства.

Однако оргкомитету никак не удавалось согласовать дату, которая бы устроила всех участников, поскольку рабочий график каждого из них был расписан на месяцы вперед: поездки по стране и за ее пределы, важные встречи, неотложные мероприятия. В итоге дата встречи в Хирине переносилась несколько раз, прежде чем все согласились приехать **27 мая 2012 года**.

Тот воскресный день выдался хмурым и прохладным, почти не переставая шел дождь. Погода словно испытывала волю и твердость намерения людей идти по начатому пути до конца. Тем не менее многие жители окрестных селений пришли-таки к стенам хиринского храма, чтобы помолиться вместе о возвращении святыни, хотя, скорее всего, мало кто верил, что дело будет доведено до конца.

В до отказа заполненном людьми остве Предтеченского храма нижегородский архипастырь с шатковским духовенством и множеством мирян соборно молились Господу, *«о еже благословити доброе намерение рабов Своих Игоря и иже с ним и благоизволити благополучно начати и спешно, кроме всякого препятія, в славу Свою скончати»* и *«о еже труждающимся делателем благопоспешство в сем подати и дела рук их исправити и в совершение силою, действием и благодатию Пресвятаго Своего Духа спешно произвести»* и т. д. и т. д. На глазах у многих выступили слезы.

Завершился молебен пасхальными песнопениями, напоминающими о Воскресении Спасителя, победившего смерть и разрушение. В заключительном архипастырском слове с церковного амвона Высокопреосвященнейший Георгий, митрополит Нижегородский и Арзамасский, объяснил это просто: подобно воскресшему Христу, храм сей отныне возрождается к новой жизни, чтобы и людям, которые придут в него, помочь победить грех и смерть и возродиться для вечной жизни с Богом. Да будет так!

По окончании молебна в программе мероприятия была предусмотрена традиционная «неофициальная часть». Поэтому, простившись с владыкой Георгием, спешившим по неотложным епархиальным делам, организаторы и приглашенные гости проследовали в армейскую брезентовую палатку, разбитую неподалеку прямо на земле, где всех ожидало небольшое угощение по случаю этого знаменательного события.

Здесь помимо И. Р. Ашурбейли были руководители районных и местных органов власти (А. И. Нестеров, М. В. Межевов и др.), генеральный директор Арзамасского приборо-

**Торжественный молебен на начало доброго дела в разрушенной Предтеченской церкви
отслужил митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. 27 мая 2012 года**

строительного завода О. В. Лавричев с заместителями, известные арзамасские предприниматели, а также несколько почетных столичных гостей, возвращавшихся через Хирино из паломничества в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь.

С хлебом-солью по поручению жителей села пришла Вера Александровна Ваняшева, вручившая его И. Р. Ашурбейли со словами: *«Я молилась, мы все молились: вразуми, Господи, нужного человека вернуть наш храм. И пошли ты его к нам! И вот услышал, видать, Господь молитвы-то наши».*

Позднее выяснилось, что Вера Ваняшева в этой истории – человек отнюдь не случайный. Работая заведующей сельской библиотекой, она многие годы собирала сведения по истории села Хирино, которые частично были использованы на начальном этапе подготовки «Хиринского хронографа». Кроме того, она вела тетрадь, записывая все имена и даты собственной семейной истории. Ее свекровь (мать мужа) – Екатерина Михайловна Ваняшева, в девичестве Артемонова, приходилась двоюродной сестрой бабушке Игоря Рауфовича Ашурбейли – Евгении Григорьевне Резановой. Их матери Екатерина Ивановна и Мария Ивановна, урожденные Мироновы, были в замужестве: первая – за Михаилом Егоровичем Артемоновым, вторая – соответственно, за Григорием Степановичем Резановым, прадедом И. Р. Ашурбейли.

Няней у Евгении (бабушки Игоря Рауфовича) и Таисии Резановых в Баку была одна из дочерей М. Е. и Е. И. Артемоновых – их старшая двоюродная сестра Мария Михайловна Артемонова (1901–1992). Мария Михайловна замуж не вышла, посвятила себя племянницам – Евгении и Таисии, рано лишившимся матери. Когда же девочки выросли, их няня возвратилась в Хирино и остаток жизни провела в родном селе.

У сестер Артемоновых был еще младший брат Василий (1921–2005), будущий фронтовик-подводник, герой-орденоносец Великой Отечественной войны, чья дочь и внук, Наталья и Михаил, приехали в тот день в Хирино по приглашению И. Р. Ашурбейли и присутствовали за праздничной трапезой. Резановы и Артемоновы поддерживали тесные родственные отношения. Во многом благодаря этой дружбе память о Хирине в этих семьях никогда не угасала, хотя жизнь разбросала всех родственников по разным городам бывшего СССР.

Все почетные гости и родственники, потомки Резановых-Мироновых-Артемоновых, собрались за трапезой 27 мая 2012 года. За столом, естественно, завязалась оживленная беседа — говорили о судьбах России, о состоянии современного общества, о политике (куда ж без нее!) и, само собой, о восстановлении Предтеченского храма и дальнейших перспективах села. И когда перед очередным тостом возникла небольшая пауза, Вера Александровна вдруг обронила: *«А я вам знаете что скажу? Купол-то в грозу упал как раз 27 мая»...*

...От услышанного все присутствующие на какое-то время словно потеряли дар речи, и в воздухе повисла пауза, смысл которой, наверное, невозможно передать словами. Собравшиеся в армейской палатке люди несколько секунд молча переводили глаза друг на друга, словно каждый желал удостовериться, что не он один слышал это, что ему не показалось. И никто не решался прервать эту тишину, осмысливая услышанное. Все понимали, что якобы случайно выбранная дата — 27 мая — оказалась отнюдь не случайной.

Наконец, взял слово единственный среди собравшихся священник: *«Лодки делают люди, но ветер в паруса посылает Господь...»*, — так начал свою речь протоиерей Георгий Болгарский, настоятель прихода Никольского храма подмосковного города Мытищи, что в поселке Дружба. Он был как раз одним из тех богомольцев, которые через Хирино возвращались из паломничества в Дивеево.

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий и Игорь Ашурбейли после молебна на начало восстановительных работ, в годовщину обрушения восьмерика храма. 27 мая 2012 года

Игорь Ашурбейли с хранительницей истории села Хирино Верой Александровной Ваняшевой (1940-2018). 27 мая 2012 года

Автору этих строк, по милости Божией, довелось быть участником той трапезы. Точное содержание проповеди память моя, увы, не сохранила да, наверное, и не могла. Ибо в такие моменты ко времени и к месту сказанные слова, навеянные свыше, попадают сразу в сердце и мгновенно преобразуются в какие-то сокровенные, интуитивно постигаемые смыслы, которые затем питают душу человека в течение всей его последующей жизни.

Зато мне хорошо запомнились растерянные, совершенно по-детски удивленные глаза этих уважаемых людей, каждый из которых в повседневной жизни являлся успешным руководителем, генератором идей, умеющим воплощать их в жизнь и отвечать за плоды своего труда, распоряжаться своим временем и своей судьбой. Однако в тот момент все они, потрясенные услышанным, волей-неволей вдруг ощутили себя «кисточкой в Божьих руках», по выражению из одноименной песни-притчи Светланы Копыловой. Пусть это было всего лишь короткое мгновение, только здесь и сейчас, но это — было!

Конечно, у каждого из тех, кто оказался в тот памятный день в этой армейской палатке, была своя предыстория появления в Хирине, как, впрочем, и обращения к вере и Церкви. Предыстория эта, казалось, складывалась из отдельных случайных событий и совпадений, а здесь между ними вдруг обнаружились четкие причинно-следственные взаимосвязи, за которыми любой христианин без труда различит неисповедимые пути Промысла Божия. Поэтому из палатки все выходили немного другими — обновленными, в чем-то изменившимися.

После проповеди отца Георгия мы опять пережили те волнующие минуты богослужения, когда архиерейский хор исполнял радостные пасхальные песнопения, напоминающие о Воскресении Христовом и о победе Спасителя над смертью и разрушением. Всего пару часов назад мы стояли и плакали, слушая в исполнении того же архиерейского хора духовный кант «Русь называют святою» со словами торжествующей надежды: «... и, светлым облаком покрыта, Россия все-таки жива»...

Таким получился этот памятный воскресный день 27 мая 2012 года, когда в еще разрушенном, но уже пробудившемся к новой жизни хиринском храме впервые за долгие 75 лет с момента его разрушения зазвучала соборная церковная молитва. Это было лишь самое начало пути. Но с того дня возрождением святыни занимались люди, которые, получив явное знамение свыше, уже тогда твердо знали, что, несмотря на все возможные трудности — отсутствие всей суммы необходимых средств для дорогостоящего ремонта, глобальные экономические кризисы, человеческие слабости, «злые происки» и прочее, — ХРАМУ В ХИРИНЕ БЫТЬ!

Мысли у околицы

Лето 2014 года. Все та же дорога из Шатков в Хирино, с середины которой снова открывается широкая панорама на село и храм, в золоте куполов которого радостно и торжественно играет солнечный свет. Церковь уже свободна от строительных лесов, она уже год как живет полноценной самостоятельной жизнью: дышит молитвой, регулярно благовестит колокольным звоном и дарит людям радость встречи с Богом.

На въезде в Хирино всех проезжающих по-прежнему встречает огромный баннер, общающий о том, что в селе ведутся ремонтно-реставрационные работы по восстановлению православного Храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи. Главная идея этого послания выражена одной-единственной фразой: «СПАСИБО, ЧТО ВАМ НЕ ВСЕ РАВНО!», которая на самом деле обращена к каждому из нас, живущих в современной России и за ее пределами, но глубоко и неразрывно связанных невидимыми нитями с великой судьбой этой великой страны.

хотя бы фразу из неоконченного романа польского писателя Бруно Ясенского «Заговор равнодушных», повторенную героем кинофильма «Афоня»: «Не так страшны предатели и убийцы, потому что они могут только предать или убить, а страшны равнодушные — это с их молчаливого согласия происходят все преступления».

Но Православная Церковь устами своих святых учителей не устает повторять, что даже предатели и убийцы, подобно разбойнику благоразумному, распятому на Голгофе одесную Христа, могут принести покаяние и получить от Бога прощение. Лишь равнодушию, убивающему в человеке совесть, покаяние недоступно.

Поэтому, дорогие братья и сестры: СПАСИБО, ЧТО ВАМ НЕ ВСЕ РАВНО! Ведь если эти слова можно отнести к нам самим, значит, мы еще, слава Богу, живы...

«Мары»

А ровно 100 лет назад, в 1914 году, члену Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК) помещику села Корино А. А. Богодурову Императорской археологической комиссией было поручено произвести пробные раскопки курганов, расположенных невдалеке от сел Хирино и Корино, что рядом со станцией Шатки Ромодановской ветви Московско-Казанской железной дороги.

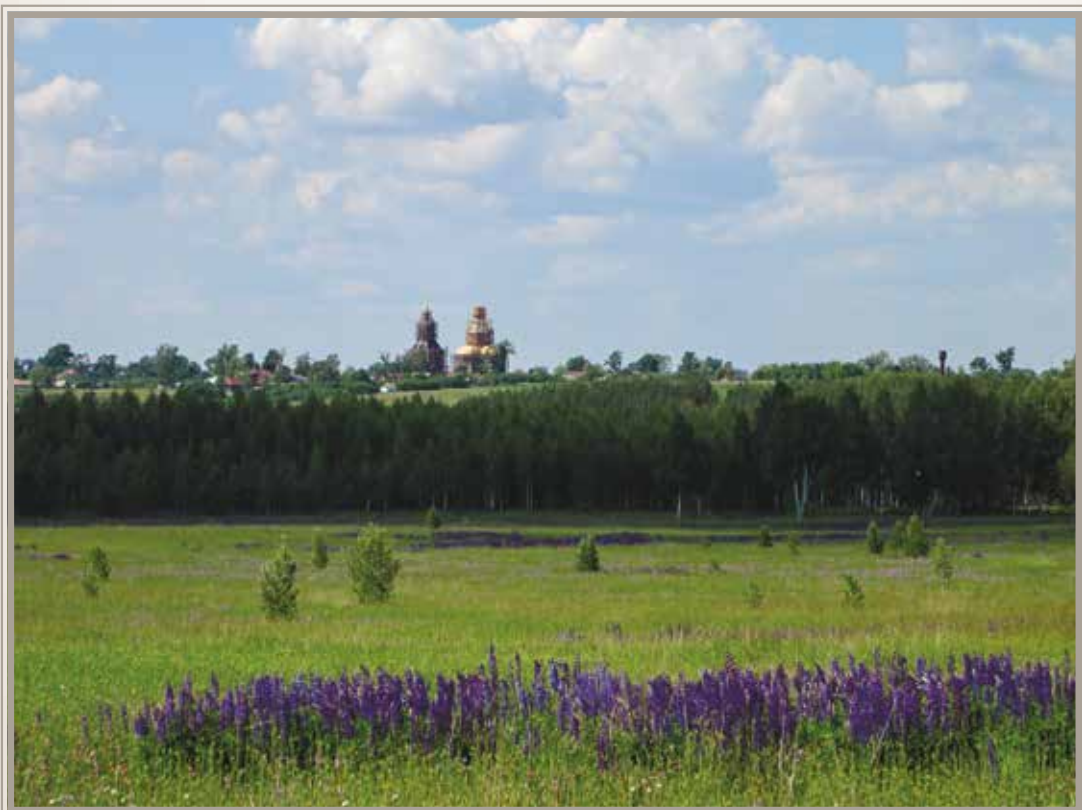
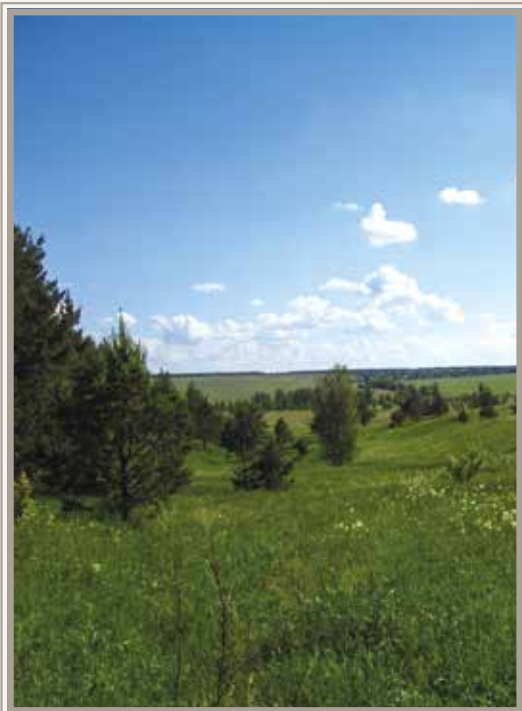
15 июня того же года Богодуров в сопровождении действительного члена Императорского русского военно-исторического общества А. П. Мельникова и члена НГУАК ученого-археолога А. В. Богородского прибыл на место и, включив в группу 8 местных крестьян, вооруженных лопатами, приступил к работе.

В своем отчете Андрей Павлович Мельников так описал этот объект, привлекая внимание археологов: *«Близ села Хирина, расположенного на возвышенном склоне горного берега речки Вонючки, теперь окончательно пересохшей и превратившейся в ничтожный, еле заметный ручеек, по другую сторону широкого лога, служившего, очевидно, когда-то руслом этой речки, на низменной луговой равнине, пологим скатом сбегавшей к помянутому логу, если подъезжать со стороны с. Хирина, издали бросается в глаза кучка невысоких бугров, еще далее в стороне одиноко возвышается более крупный курган, а за ним вдали виднеются еще два таких же, остальных не видно, они удалены по направлению к с. Корину, откуда равнина начинает склоняться в противоположную сторону»* [13].

Долгое время возникновение курганов близ Хирина связывалось с пребыванием в этих краях войска Иоанна Грозного. Уже упоминавшийся нами П. И. Мельников в 1845 году опубликовал очерк, посвященный прохождению по Нижегородской земле царева войска во время победоносного похода на Казань в 1552 году [14].

Однако исторический миф, созданный на основе устных народных преданий П. И. Мельниковым и поддержанный другим авторитетным исследователем нижегородской старины архимандритом Макарием (Миролюбовым) в его «Памятниках церковных древностей Нижегородской губернии», подтверждения у археологов в дальнейшем, увы, не нашел. И вышло так, что Мельникову-сыну спустя полвека пришлось опровергать заблуждения своего именитого отца.

«Мары», что рядом с Хириным, таили в себе, как оказалось, совсем иную загадку. По результатам пробных раскопок в июне 1914 года ученые пришли к однозначному выводу: мелкие курганы представляют собой остатки мордовских могил, а крупные, по всей видимости, являются погребениями с трупосожжением [15].

Местность вокруг Коринского могильника. Фото А. Инжутова

Обследование археологического памятника было прервано начавшейся Первой мировой войной, переросшей затем в Гражданскую, а возобновлено уже советскими учеными, подтвердившими выводы комиссии 1914 года о принадлежности курганов мордовской погребальной культуре. «Мары» и впоследствии неоднократно удостоивалась внимания археологов [16], в терминологии которых объект этот хорошо известен под названием «Коринский могильник», датируемого, по последним данным, XII–XVIII веками.

По сведениям исследователя арзамасских древностей В. Н. Мартыанова, жители Корина (мордва-эрзя) на территории могильника проводили так называемые «моляны» — общественные моления, обычно по случаю стихийных бедствий [17]. Но в ходе осмотра археологического памятника в начале 1980-х годов были выявлены следы несанкционированных раскопок, о чем ученый незамедлительно поставил в известность научную общественность.

Между тем автору этих строк летом 2010 года во время первого посещения Хирина, расположенного в километре к северо-западу от Коринского могильника, довелось познакомиться и пообщаться с той самой, уже неоднократно здесь упомянутой Верой Александровной Ваняшевой, многолетней хранительницей местной библиотеки, которая и поведала начальные сведения о прошлом села.

Мы стояли у калитки и беседовали. Я, конечно же, расспрашивал, что знают и говорят о могильнике местные. В ответ она обратилась к своему сыну (он приехал из соседних Шатков помочь матери по хозяйству): «Сань, помнишь ли, когда ты в школе учился, мальчишки ваши все на курганы бегали. Ты с ними тогда на раскопки-то ходил?». Не отрываясь от своего занятия и продолжая что-то мастерить руками, Александр посмотрел в нашу сторону, как мне показалось, с некоторым недоумением — его иронически-укоризненный взгляд из-под бровей словно говорил матери: «*Чего ты глупости-то спрашиваешь, сама, что ли, не знаешь?!*». И затем после «мхатовской» паузы по-мужски сурово ответил: «*Я что, ненормальный что ли?! Конечно, ходил*»...

Действительно, те хиринские подростки — свидетели застойных лет советской власти — буквально впитывали в себя многовековую историю этих мест. Кладоискательство было еще чистой романтикой, основанной на мальчишеском стремлении к подвигам и приключениям и находившей питательную почву в богатом героическом прошлом нашей страны. Прагматизм в кладоискательство пришел позже, когда с Запада подул «ветер перемен» с его культом наживы и произвел в сознании многих наших соотечественников тотальную переоценку всего и вся.

Но, к счастью, не всех и не сразу. Поэтому тем, кому по-прежнему близка память ушедших времен и поколений, хочется напомнить слова немецкого философа и мыслителя Мартина Хайдеггера, который, проходя однажды мимо гигантского дуба, удивительно точно выразил идею органичного и гармоничного развития, справедливую как по отношению к отдельному человеку, так и ко всему обществу в целом: «... *твердость и запах дуба начинали внятно твердить о медлительности и постепенности, с которой растет дерево. Сам же дуб говорил о том, что единственно на таком росте зиждется все долговечное и плодотворное, о том, что **расти означает — раскрываться навстречу широте небес, а вместе корениться в непроглядной темени земли; он говорил о том, что самородно-подлинное рождается лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления превышних небес и хорониться под защитой несущей его на себе земли***» [18].

Собственно, об этом и повествует мудрая наука история, которая, по выражению героя Вячеслава Тихонова из киноповести «Доживем до понедельника», делает человека гражданином.

Глава II
*Начальная
история Хирина
в лицах*

*Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.*

А. С. Пушкин

Пролог

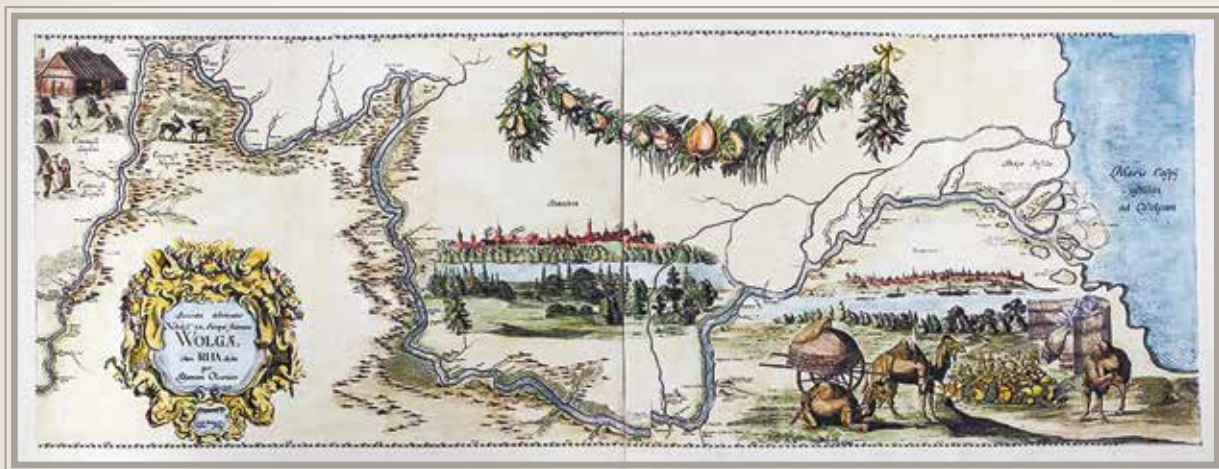
Населенные мордвой обширные земли, составившие в конце XVI века административную территорию Арзамасского уезда в составе централизованного Московского государства, долгое время находились в подчинении могущественной Золотой Орды, обособившейся в середине XIII в. от созданной Чингизханом и его преемниками Великой Монгольской империи.

Великое княжество Московское, несмотря на одержанную Дмитрием Донским в 1380 году историческую победу на Куликовом поле, было вынуждено по-прежнему признавать над собой власть золотоордынских ханов, регулярно выплачивая им тяжелую дань.

Распад Золотой Орды во второй половине XV века привел к образованию на ее бывшей территории самостоятельных Сибирского, Казахского, Узбекского, Казанского и Крымского ханств, а также Большой и Ногайской Орды. Правители этих государств, увязнув в междоусобных войнах и политических интригах, еще несколько десятилетий продолжали делить между собой имперское наследство Чингизидов.

Этим умело воспользовался великий князь Московский Иоанн III (1440–1505), который, приготовившись к решающему военному столкновению, с 1476 года окончательно прекратил выплату дани Большой Орде. Умирительный поход на Русь хана Ахмата в 1480 году закончился тем, что два огромных войска, простояв тогда около трех месяцев лицом к лицу по разным берегам реки Угры, в итоге разошлись по своим столицам, так и не вступив в решающее сражение. Но Иоанн III вернулся в Москву спасителем Отечества, а хан Ахмат, чей авторитет был сильно подорван, в скором времени был убит в результате заговора. Так Московская Русь окончательно освободилась от чужеземного ига, тяготевшего над ней долгих два с половиной столетия. В этом споре нарождающихся и умирающих великих держав мордовские земли, управляемые вассальными князьями, с середины XV века сделали арену борьбы за сферы влияния между Москвой и Казанью, где чаша весов, колеблясь то в одну, то в другую сторону, постепенно склонялась все-таки в пользу первой. Завершением этого драматического противостояния стало взятие Казани в июле 1552 года войсками девятнадцатилетнего Иоанна IV Грозного (1533–1584), первого венчанного царя на московском великокняжеском престоле. Спустя еще четыре года — в 1556 году — Москве покорилась Астрахань. С этого времени Волга, названная так в «Повести временных лет», но в средние века более известная под тюркским названием «Итиль», стала великой русской рекой от самых своих истоков до Каспийского моря. А с вхождением территорий бывших Казанского и Астраханского ханств в состав Московского государства для русских открылись судьбоносные пути в Сибирь и Среднюю Азию.

Военно-политические успехи Иоанна Грозного на восточных и юго-восточных рубежах страны положили начало собиранию евразийских земель теперь уже под властью православных царей московских, ознаменовав рождение во второй половине XVI века новой великой державы — Московского самодержавного царства и впоследствии пришедшей ему на смену Российской империи.

Карта Волги, середина XVII века. Франция

Кившенко А.Д. Покорение Казани – казанские старшины и воины перед Иваном IV

Три поколения Хириных — владельцев поместья в арзамасской Тиши

Начальная история Хирина имеет много общего с прошлым других подобных ему сел и деревень древнего Арзамасского уезда, земли которого после Казанского похода Иоанна Грозного щедро раздавались из казны в поместное владение служилым людям, составлявшим государево войско. Но уникальной и исключительной историю Хирина, как и историю любой другой «малой родины», всегда делают люди, которые живут и трудятся на этой земле изо дня в день, меняя и преображая ее.

И в этом смысле прав был американский философ XIX века Ральф Уолдо Эмерсон, сказавший однажды: *«Нет настоящей истории, кроме биографии»*.

Поэтому вполне резонно начать наше исследование с попытки собрать сведения о тех государевых служилых людях, благодаря которым Хирино, начиная с последней четверти XVI века, открывает свою страницу в российской истории.

Точной даты основания селения в древних актах мы не найдем; как нет в них и прямого указания на имя человека, первым распахавшего здесь землю и поставившего жилое строение. Но если нет точных данных о времени основания населенного пункта, отсчет его истории, согласно общим правилам, ведется с момента первого упоминания в письменных источниках.

Следовательно, началом летописной истории Хирина надо считать 28 января, а по нынешнему григорианскому календарю — 8 февраля — 1583 года, когда служилый человек по имени Томило Денисьев сын Хирин *«по государеве Цареве и великова князя Ивана Васильевича всея Руси грамоте и по наказу воеводы князя Ондreja Петровича Солнцава-Зесекина да Никиты Яковлева сына Румянова и по выписе с писцовых книг»* ездил в деревню Хирино для того, чтобы отделить там поместья вдове и детям Ивана Болобанова, а также Григорию Васильеву сыну Львову. То есть отдельщик и новоявленные помещики приехали в уже существующую обжитую деревню, значит, возникла она несколько ранее указанной в документе даты.

Напомним, в середине 1550-х годов правительством Иоанна Грозного была проведена в Московском государстве земельная и военная реформы, в результате которых была значительно усовершенствована и упорядочена поместная система, существовавшая на Руси еще со времен его деда великого князя Иоанна III. Завершающим этапом этих масштабных преобразований стало принятие в 1555/56 году так называемого «Уложения о службе», главной целью которого были регламентация и приведение в соответствие размеров поместных окладов и разрядных чинов служилого дворянства. Основной замысел царя-реформатора состоял в том, чтобы тех, *«которые вельможы и дети боярские многими землями завладели, а службою оскудели [...] в поместьях землемерием уверстати и учинити коемуждо что достойно, а излишки разделить неимущим»* [19].

Итогом реформ стало появление на Руси регулярного дворянского войска, где служилые люди обязаны были нести государеву службу, а платой за нее был регламентированный поместный оклад, измеряемый в четвертях. С этого дохода дворянин должен был полностью оснастить себя и своих боевых холопов для военной службы, как ему было предписано на смотрах.

Иванов С.В. **Смотр служилых людей (XVI век)**

Параллельно с военной реформой была начата огромная работа по описанию земель Московского государства, которая продолжалась до конца 1560-х годов. Первое описание Арзамасского уезда было сделано Григорием Сукиным с товарищами в 1561–1562 году, но труды их не сохранились: время и пожары сделали свое дело. В 1585 году этот край описывал Игнатий Зубов с товарищами, и часть тех сведений дошла до нас в виде позднейших выписок, делавшихся отдельными помещиками по разным случаям в Арзамасской приказной избе и в Поместном приказе.

Массовая раздача в поместное владение земель южнее Арзамаса проводилась царским правительством в период между двумя этими описаниями, то есть в 1560–1570 годы. А среди тех, кто получил здесь поместье, был некто из государевых ратных людей по фамилии Хириин, от которого и пошло название деревни, отвечающее на вопрос «чья?».

Действительно, в XVI–XVII веках новообразованным населенным местам обычно присваивались названия по имени или фамилии (родовому имени) помещика, ставшего инициатором первого межевания земель, передаваемых ему из казны в поместное владение. Соответственно, в отказные и межевые книги заносилось имя того из служилых людей, кто первым приобретал право обозначить свою грань или провести свою межу на порозжей (то есть свободной, ничейной) земле, предварительно получив на то государеву грамоту. Затем, будучи многократно переписано из документа в документ, оно де-факто сохранялось в качестве названия возникшего там поселения. Так что, если деревня «Хирина», то и первый помещик, получивший право кормиться с этой земли в обмен на исправное несение им государевой службы, очевидно, носил фамилию Хириин.

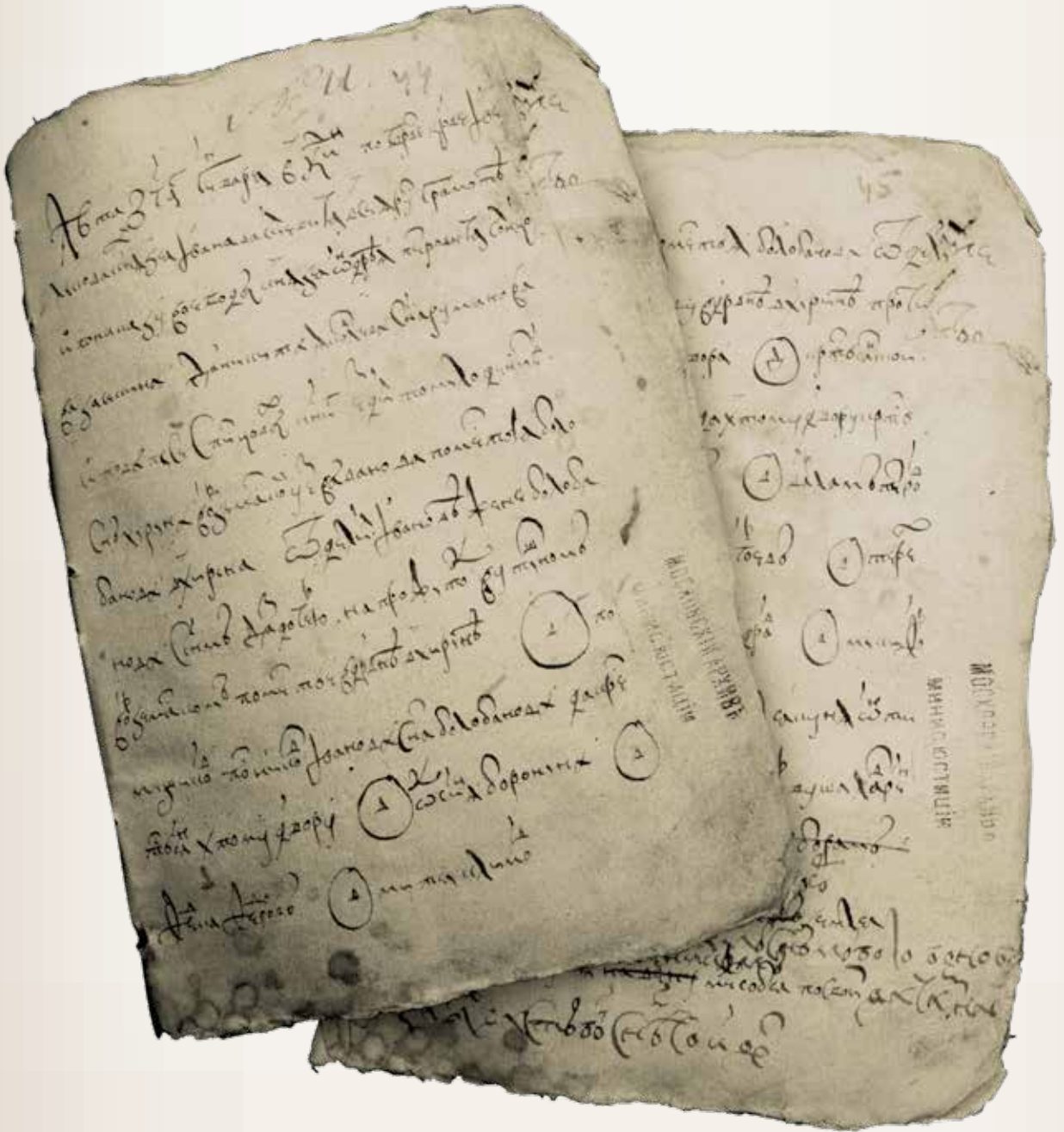
На сегодняшний день благодаря большой работе рязанских историков А. И. Цепкова, А. В. Антонова, А. И. Григорова известно, что Хирины — это древний род служилых людей Московского государства, имеющий, судя по всему, рязанские корни. Самое раннее упоминание этой фамилии в письменных источниках встречается в заемной кабале рязанца Василия Федоровича Хирина и относится к 1518 году [20]. Большинство Хириных, известных по материалам XVI–XVII веков, несли военную службу и были верстаны поместьями именно по Переславлю-Рязанскому (так в то время именовалась Рязань), однако известны также ряжская, вяземская и тульская ветви этого рода, что, впрочем, весьма недалеко от Рязани. Об арзамасцах Хириных конца XVI — начала XVII века (скорее всего, тоже выходцах из рязанских мест) в работах и публикациях современных исследователей истории и генеалогии русских служилых родов места пока не нашлось, хотя некоторые сведения о них все же имеются.

Так, в писцовых книгах Арзамасского уезда 1621–1623 годов говорится, что помещные земли в селе Хирино, оказавшиеся к моменту переписи во владении князя Ивана Семеновича Путятина, прежде были за Федором и Томилой Хириными [21]. Вероятнее всего, речь здесь, судя по использованному переписчиком обороту речи, идет о родных братьях. Поэтому, зная уже, что Томило (а значит, и Федор) был «Денисьевым сыном», мы можем предположить, что именно их отец Денис Хирин, хоть он ни разу прямо и не упоминается в источниках, первым получил в здешних местах помещную землю, перевез сюда крестьян и тем самым положил начало деревне. Кстати, своеобразным отголоском этой предыстории, вполне вероятно, является сохранившаяся в Хирине до сего дня крестьянская фамилия Резановых (Рязановых), носители которой проживали на этой земле еще в первой половине XVII века.

Потом с отцова (Денисьева) поместья государеву службу стали служить его сыновья Федор и Томило Хирины, каждому из которых был назначен соответствующий его разряду помещный оклад. Судя по реконструкции арзамасской десятины 1597 года, произведенной М. В. Кротовым, оклад Томилы Хирина составлял к тому времени 200 четвертей [22]. К 1613 году, когда поместье Томилы Хирина перешло к князю Ивану Семеновичу Путятину, первого, очевидно, уже не было в живых, а брата его Федора, видимо, не стало и того раньше.

Из тех же земель в деревне Хириной был верстан помещьем и Богдан Томилов сын Хирин — представитель третьего поколения служилой династии. Имя его встречается в документах Разрядного приказа дважды: в 1613 году он записан в десятом списке дворян и детей боярских по Арзамасу в числе «городовых» с довольно большим помещным окладом в 600 (550) четвертей [23], а в 1615 году он являлся в Серпухов для получения денег: *«По окладчикове скаске оклад ему денежново жалованья з городом 14 рублев. Дано сполна. [...] Богдан деньги взял и руку приложил»* [24].

Дальнейшая судьба Богдана, последнего из арзамасцев Хириных, нам неизвестна, однако можно с уверенностью сказать, что к моменту проведения переписи 1621–1623 годов его уже не было в живых. Вдове его Пелагее, как видно из писцовых материалов, был выделен «прожиточный жеребей» в селе Хирино: «всего д [вор] помещиков, да два двора крестьянских, два двора бобыльских, а людей во дворах шесть человек. Пашни паханые помещиковы 15 чети, да крестьянские пашни чет, да перелогу 14 чети. И всего 30 чети в поле, и в дву потому ж. Земля добра. Сена 15 копен» [25]. Жребий этот по смерти Пелагеи или в случае ее поступления в монастырь подлежал отказу в пользу помещика Ивана Путятина, старшего из трех сыновей князя Ивана Семеновича Путятина, что впоследствии и произошло.

Отказные книги 1583 года на хиринские поместья. РГАДА

1583 (7091) год, 28 января.

*Отдельные книги поместий Григория Львова
и вдовы и детей Ивана Болобанова*

Лета 7091-го генваря в 28 день по государеве Цареве и Беликова князя Ивана Васильевича всея Руси грамоте и по наказу воеводы князя Ондreja Петровича Солнцева-Зесекина да Никиты Яковлева сына Румянова и по выписе с писцовых книг, ездил Томило Денисьев сын Хирин в Орземаской уезд в-Иванова поместья Болобанова в Хирина, отделил Иванову жене Болобанова с сыном да з дочерью на прожиток в утишном орземаском поместье в деревне Хирина д [вор] помещиков Посников Иванова сына Болобанова, да крестьян к тому двору: в [о дворе] Оксинья Боронина, в [о дворе] Федька Федоров, в [о дворе] Митя Климов, в [о дворе] Истома Обух, в [о дворе] Кузьма Сидоров, в [о дворе] Иван Красной, в [о дворе] Михайла Иванов, в [о дворе] Микита приходец, в [о дворе] Алексей Турбакин, да крестьянин Василей Третьяков без двора, сряду, с одного и по выборам.

Да ис того-ж Иванова поместья Болобанова отделил Григорью Васильеву сыну Львову в деревне в Хирина против помегщикова Иванова двора д [вор] крестьянской, а живет в нем Митя Булаев, да х тому двору крестьян: в [о дворе] Трешка Офонасьев, в [о дворе] Варлам Петров, в [о дворе] Мосей Прокофьев, в [о дворе] Иван Григорьев, в [о дворе] Терех Михайлов, в [о дворе] Михайло Александров, в [о дворе] Микифор Лукьянов, в [о дворе] Гриша Васильев, в [о дворе] Якуня Онтипин, в [о дворе] Тимофей Исаев, в [о дворе] Первуша Лаврентьев, д [вор] пуст. А земли Григорью не отделил, делити Григорью земля и дуги и всякое угодыя с-Ивановым сыном Болобанова с Посником меж себя по своим дачам на весне, как, аж даст Бог, снег сойдет, Григорью в половину окладу верховскова поместья, в 200 чети, против старого его ростовского поместья.

А залеснова поместья Иванова Томило Хирин не делил, потому что пашня лежит пере-логам и дворов нет, и для войны.

А на отделе были сторонния люди: Григорьевы крестьяне Елагина Иван Мотренин да Арист Дмитриев, да Домнин крестьянин Петровы матери Соловцова Пороша Никифоров, да Орефа Макарьев.

А отдельные книги писал шетковский дьячек Трешка Борисов.

Текст печатается по изданию:

Веселовский С. Б. Арзамасские поместные акты.
М., 1915. С. 11–12.

Герб князей Путятиных

ГОСПОДНЮ ПРЕДТЕЧЕ ТЕЗОИМЕННЫЙ: КНЯЗЬ ИВАН СЕМЕНОВИЧ ПУТЯТИН

Еще один арзамасский помещик

Князь Иван Семенович Путятин, с именем и потомками которого неразрывно будет связана история села Хирина XVII–XVIII столетий, в 1590-е годы состоял в числе тех разрядных чинов, кто нес государеву службу по Арзамасу, и, как полагалось, был удовлетворен соответствующим поместным окладом из близлежащих земель «с пашней, и с лесы, и с санными покосы, и со всеми угоды». Хиринские земли он получит только в 1613 году, а самые первые сведения о нем как арзамасском помещике относятся к 1592 году. Источник свидетельствует о выделении Ивану Путятину поместного оклада на 50 четвертей в селе Сергеевское, что на реке Ирже, в поместье Степана Силина сына Сычова* [26]. Следовательно, его служебная деятельность, связанная с Арзамасом, началась никак не позднее указанного 1592 года.

Во времена Смуты начала XVII века Путятин становится одним из довольно заметных действующих лиц в военно-политической жизни не одного только уездного города Арзамаса, но и всей Московской Руси. Краткие биографические сведения о нем можно найти в некоторых справочниках, а также в приложении к известной монографии П. Г. Любомирова «Очерки истории Нижегородского ополчения». Дополнив эти материалы сведениями из других источников, мы можем поближе присмотреться к личности и судьбе этого человека, жившего в чрезвычайно сложное и необычайно интересное для историка время.

* Место, о котором идет речь – это нынешнее село Силино Шатковского района. В те далекие времена в нем уже были две церкви: прп Сергия Радонежского и вмч Дмитрия Солунского, поэтому в поместных актах оно называется то селом Сергеевским, то Дмитриевским, то Силиным. Вышеназванный Степан, Силин сын, Сычов – первый из здешних помещиков, упоминаемый в «Арзамасских поместных актах». Однако он, судя по названию села, получил это поместье после своего отца – Силы [Четвертакова сына] Сычова, о котором в опубликованных Веселовским актах нет сведений. Его отчество случайно стало нам известно благодаря его «рукоприкладству» в качестве «послуха» под купчей 7080 (1572/73) года, опубликованной в «Актах, относящихся до истории юридического быта Древней Руси» (Т. 1. № 147. XIV. Стлб. 365). Учитывая важность этих сведений для истории села Силино, находящегося весьма недалеко от хиринских мест, мы посчитали уместным поместить здесь это примечание.

**Русский страх при лжецарях.
Московское государство
в годы Смуты начала XVII века**

Расхожее представление о Смутном времени связано, прежде всего, с подвигом нижегородского земского ополчения, которое спасло в начале XVII столетия российскую государственность и отстояло на века право русского народа быть самим собой. Однако за чередой героических образов и событий тех дней, за нашим благодарным восхищением подвигом спасителей Отечества — разных «осадных сидельцев», героев обороны Смоленска и Троице-Сергиевой лавры — мы забываем, что это было поистине страшное время. Люди, независимо от сословных и служебных различий, уровня благосостояния и «книжности» (грамотности), перестали понимать, где правда, где ложь, кто друзья, а кто враги.

Неслучайно ту эпоху назвали «смутой» — от глаголов «мутить», «мутнеть», «смущать», а квинтэссенцией Смуты стала фигура лжецаря, личины которого примерили на себя сразу несколько самозванцев.

Осознание духовных причин Смуты проникновенно выражено в знаменитой грамоте («отписке») нижегородцев, направленной ими в Вологду в период подготовки к освободительному походу на Москву земского ополчения Минина и Пожарского (1612): *«За умножение греха всего православного христианства воздвижесе на нас праведный гнев Божий, в долгое время не преста, даже и до нынешняго времени: по Христову словеси, восстали мнози лжехристи, и в их прелести смятесе вся земля наша, и бысть в разорении явлюю мерзостию и пуста злохитрою кознию вселукаваго дьявола, врага и супостата рода человеческого [...]. Самубо весте, что по общему греху всех нас православных христиан, учинилася межусобная брань в Росийском государстве ...»* [27].

А началась эта «межусобная брань» в последние годы правления царя Бориса Годунова, после смерти которого в апреле 1605 года на Руси наступили хаос и анархия. Один за другим стали приходиться к Москве самозванцы и всевозможные лжецаревичи, которые при поддержке влиятельных иноземных держав (прежде всего, Речи Посполитой и Швеции), а также разного воровского сброда, всегда поднимающего голову в моменты слабости и шаткости центральной власти, объявляют себя перед народом «царями» и рвутся на московский престол.

Первым оказался польский ставленник расстрига Гришка Отрепьев, выдававший себя за «чудом спасшегося царевича Димитрия» — младшего сына царя Иоанна Грозного, убитого в Угличе в 1591 году, как принято считать, по заданию Годунова. Судьба Лжедмитрия I, как известно, сложилась печально: хотя поначалу ему и удалось «сесть на Москве» и даже повенчаться на царство, но через несколько месяцев в ходе восстания 17 (27) мая 1606 года самозванец был убит, а сожженные останки его, смешанные с «зельем» (порохом), были выстрелены из пушки в сторону Польши, откуда этот несчастный имел дерзость появиться.

После низложения Лжедмитрия I царский престол занял боярин Василий Шуйский (1552–1612), родственник Рюриковичей, но фигура противоречивая и в народе непопулярная: «многие города ему (Шуйскому. — Л. М.) служить не похотели, и всех право-

Царь Борис Годунов

Лжедмитрий I

Шварц В.Г. Гонец XVI века

**Одежда и вооружение московской поместной конницы начала XVI века.
Реконструкция С. А. Летина**

славных христиан грехом во всех людех Московского государства была рознь и между-собство» [28]. Народ продолжал смущаться разными слухами о скрывающемся где-то царевиче Димитрии. «Брожение мозгов» набирало силу...

И вот осенью 1606 года к югу от Москвы внезапно появляется армия «воеводы царя Димитрия» — некоего Ивана Исаевича Болотникова (1608), бывшего холопа, хлебнувшего на своем веку и казачьей вольницы, и татарского плена, и турецкого рабства на галерах, а после освобождения из неволи пожившего в Венеции и, наконец, после многолетних странствий возвратившегося в Россию через германские и польские земли [29].

В городе Самборе на территории Польши, где плелись в то время главные интриги против Московии, происходит роковая встреча Болотникова со сбежавшим из России политическим авантюристом и негодяем Михаилом Молчановым. Хитроумно выдав себя за царя Димитрия Ивановича, якобы чудом спасшегося из Москвы во время майского бунта 1606 года, Молчанов вербует Болотникова к себе на «царскую» службу и отправляет его «большим воеводой» в Путивль, где строит свои козни другой крупный интриган и авантюрист периода Смуты — изменник и польский агент Г. П. Шаховской.

И вот за Болотниковым уже охотно идут вороватые казаки и стрельцы, холопы и крепостные крестьяне. Даже многие дворяне и дети боярские из «украинных городов», недовольные Шуйским, без тени сомнения присоединяются к внезапно явившейся на просторах Руси повстанческой армии. По стране быстрее ветра разлетаются слухи о том, что Димитрий жив и идет на Москву, порождая в городах один за другим бунты и возмущения против Шуйского в пользу «настоящего царя» и «законного наследника» московского престола.

Главными центрами брожения — тогдашнего «болотного процесса» — на годы вперед становятся Тула и Калуга, причем последнюю Болотников избрал своей резиденцией. В числе городов и земель, «от царя Василия отложившихся и бывших в измене», к ноябрю 1606 года оказываются Арзамас и Алатырь. На усмирении их царем Василием были «посланы воеводы Григорий Григорьевич Пушкин [по прозвищу] Сулемша, да Сергей Григорьев сын Ододуров» [30].

Экспедиция их более чем удалась. Образумив сперва Арзамас, а затем Алатырь и приведя их жителей к крестному целованию на верность царю Василию, Пушкин и Ададуров, как выяснилось позже, одним лишь своим появлением в здешних местах оказали великую услугу Нижнему Новгороду, находившемуся в те дни в жестокой осаде *«от воров, и русских людей, и бортников, и мордвы»*. Но *«как они уведали, что царя Василья московские люди идут на Орземаские и на Олатырские места, ис под Нижнева воры разбежались»* [31].

После усмирения Арзамаса и Алатыря Пушкину и Ададурову было велено идти к острогу с романтическим названием Серебряные Пруды, где правительственные войска в это время безуспешно осаждали засевшие там шайки болотниковцев. С подходом подкрепления начался решающий штурм крепости: *«к острогу ратные люди приступали с щитами день до полуночи, и из Прудов воровские люди многих ратных людей переранили, а иных побили»*. Однако перевес был на стороне войска Шуйского, и крепость в итоге капитулировала: *«воровские люди, как повествует летописец, видя свою погибель, что им не отсидетьца, сдалися и в острог пустили царя Василевых людей и крест, целовали царю Василию»* [32].

Оказалось, в составе отрядов Пушкина и Ададурова пришел биться с «ворами» под Серебряные Пруды и наш герой Иван Семенович Путятин, вероятно, примкнувший к ним

Царь Василий IV Шуйский

Лжедмитрий II «Тушинский вор»

Иванов С.В. Смутное время. Лагерь в Тушино

в ходе арзамасско-алатырской экспедиции, а затем принимавший непосредственное участие в штурме крепости. Здесь, у Серебряных Прудов, князь Путятин, ранее известный нам лишь как рядовой арзамасский помещик, впервые появляется на арене российской истории в новом для себя качестве военно-политического деятеля.

Спустя несколько дней после взятия крепости он участвует в сражении с отрядами «воровских людей с украины», бывших под руководством князей Мосальского и Сторовского. Те спешили на помощь осажденным в остроге повстанцам, да не успели и «от Серебряных Прудов версты за четыре» были разбиты наголову царскими воеводами, которые «воровских многих людей побили, и языки многие поймали, и воровских воевод князя Ивана Мосолкова и Ивана Сторовского взяли».

После той славной победы у Серебряных Прудов именно арзамасец Иван Семенович Путятин по наказу воеводы Григория Пушкина отправляется в Москву к царю Василию Шуйскому с сеунчом («сеунч» по-татарски — радостная весть) о разгроме повстанцев. Должно быть, выбор Пушкина был продиктован какими-то личными качествами князя Путятина, которые тот сумел проявить за время своего пребывания в отрядах.

Миссия предстояла сколь почетная, столь же и опасная: путь до столицы в период всеобщего разброда и шатанья, когда шайки вооруженных «воровских людей» бродили по дорогам, отнюдь не был для гонца приятной прогулкой. Тем не менее Путятин с поручением благополучно справился и вскоре явился с сеунчом к государеву двору царя Василия.

По обычаю того времени гонец, приносивший монарху благою весть, удостоивался особых царевых милостей и за свою добрую службу получал государево жалование в виде щедрых подарков — шуб, золотых и серебряных сосудов и тому подобного [33]. Кроме того, успешно выполненное поручение было хорошей рекомендацией вестовщику для его дальнейшей службы. Возможно, этот случай и сыграл в последующей карьере Путятина определенную роль. Однако, как показали дальнейшие события, не только и не столько в карьере было дело...

Пока Путятин спешил с сеунчом в Москву, окрыленные победами Пушкин и Ададуров, желая развить свой военный успех и объединившись с отрядом воеводы А. В. Хилкова, *«того ж 115-го (1607) году в великой пост ис-под Прудов»*, двинулись в направлении Тулы, где окопался со своими шайками союзник Болотникова и по совместительству очередной самозванец Илейко Коровин по прозвищу Муромец, выдававший себя за вымышленного им «царевича Петра». Но по пути туда, под Дедиловым, войско Шуйского было внезапно атаковано из засад воровскими ватагами и потерпело сокрушительное поражение, понеся значительные потери: *«воровские люди царя Василевых людей розогнали и на побеге убили воеводу Сергея Ододурова, а ратные многие люди потонули в реке в Шату»* [34].

Позднее Путятин, конечно же, узнал о печальной участи, постигшей многих его прежних соратников и сослуживцев, участи, которую мог бы разделить и он сам, не окажи ему Г. Г. Пушкин тогда столь великую милость. Наверняка, он осознал, что та почетная отсылка его из войска в Москву фактически спасла ему жизнь. Возможно, именно поэтому, когда впоследствии Путятину было пожаловано новое поместье, а затем и выслуженная вотчина в деревне Хирино, он распорядился соорудить в ней рубленую церковь в честь Усекновения небесного покровителя, по молитвам которого Бог избавил его «от толиких бед».

После истории с сеунчом след Путятина в документах на некоторое время теряется. Затем в декабре 1609 — январе 1610 года Путятин упоминается в числе «татарских сборщиков», посланных воеводой Ф. И. Шереметевым в Чебоксарский уезд для сбора там

**Священномученик Гермоген,
Патриарх Московский и всея Руси**

ратных людей и приведения к присяге татар и луговой черемисы, чтоб *«им быти под государевою Ц<аря> и В<еликаго> К<нязя> Василия Ивановича в<сея> Р<уси> высокою рукою на веки неотступным [35].*

Видно по всему, что царю Василию Шуйскому И. С. Путятин служил очень исправно и ревностно, что и сам он впоследствии сумел доказать во время «большого сыску» при Михаиле Федоровиче Романове, когда его право на выслуженную хиринскую вотчину было подтверждено государевой жалованной грамотой 1619 года *«за царя Васильево осадное сиденье».*

К чести князя Путятина нужно заметить, что не в пример ему подавляющее большинство арзамасских дворян и детей боярских в годы правления Шуйского (1606–1610) были далеки от лояльности законной власти в Москве, примыкая то к одному, то к другому лагерю антиправительственных сил.

Кто-то из них в 1606–1607 году под Калугой, Тулой и Серебряными Прудами был в рядах «болотного войска». Другие Великим постом 1609 года во главе с «воровским воеводой» Ф. А. Киреевым разбойничали под Свяжском и Казанью. Третьи примерно в это же время в составе тушинских отрядов шли «воевать» Нижний Новгород, но 7 января 1609 года были разбиты А. С. Алябьевым близ села Богородского, после чего около 40 человек из них во главе с Ф. В. Левашовым, покаявшись и целовав крест царю Василию, примкнули к верным присяге нижегородцам. Одним словом, арзамасские служилые люди в большинстве своем в годы Смуты «упорствовали в воровстве».

Даже после того, как в июне 1610 года нижегородская рать взяла арзамасский посад боем, во время которого многие были убиты, в том числе местный воевода «воровской свияжинин» Ф. А. Киреев (приверженец тушинского вора), Арзамас и недели не пробыл в покорности. Лишь только нижегородцы, казнившие «воров изменников стрельцов», от осады «супротивного города» отступили, не имея возможности задержаться и организовать осаду самой крепости, «Арзамас своровал [и] отложился от царя Василья по-прежнему [к] Колужскому вору» (то есть Лжедмитрию II). «А из Арзамаса дворяня и дети боярские с матерми и женами и с детми и священники пошли все в Муром, а иные в Нижней» [36]. Таким, по словам летописца, было бегство тех, кто остался верен присяге царю Василию и, что называется, «арзамасскому воровству не приложися». Не исключено, что в числе беженцев, покинувших тогда мятежный Арзамас, мог быть и князь И. С. Путятин со своим семейством, поскольку следующее по хронологии упоминание его имени в документах Смутного времени заставляет предположить, что зимой 1610–1611 года он находился именно в Нижнем Новгороде, где в то время собирались ратные люди со всего Поволжья для похода на Москву по призыву руководителей первого ополчения...

Пока разворачивались вышеописанные события вокруг Арзамаса, Шуйский был отрешен от престола в результате боярского заговора (июнь 1610 года) и насильственно пострижен в монастырь. В дальнейшем он был выдан московскими боярами гетману Станиславу Жолкевскому, увезен в Польшу, где «целовал крест Жигимонту» (Сигизмунду III) и, наконец, умер в заточении в Гостынинском замке под Варшавой 12 (22) сентября 1612 года.

После низложения царя Василия Шуйского Смута на Руси вошла в новую фазу своего развития...

Спасители Отечества: два земских ополчения и участие в них И. С. Путятин

В июне 1610 года власть в Москве перешла в руки самопровозглашенного боярского правительства (так называемой семибоярщины), которое, опасаясь возможного вторжения в столицу тушинского вора, имевшего там немало сторонников, спешно начало переговоры с польским королем Сигизмундом III о приглашении на московский престол его сына королевича Владислава. Уже к сентябрю 1610 года вопрос был решен, и польские войска под началом гетмана Жолкевского по-хозяйски вошли в Москву, бояре стали присягать на верность польскому королевичу.

Однако если еще осенью 1610 года многие колебались и готовы были, скрепя сердце, следуя примеру московской аристократии, признать Владислава при условии перехода его в православие, то последующие бесчинства ляхов, их бесконечные насильства, грабежи, расхищение царской казны, глумление над православными храмами и святынями заставили русских, наконец, очнуться и встать на защиту Отечества.

Патриарх Гермоген, первым возвысивший свой голос против польско-литовского беззакония, уже в декабре 1610 года был взят под стражу, насильно сведен с патриаршего престола и заключен в темницу в Пудовом монастыре Кремля. Но и из заточения святейший продолжал рассылать грамоты по городам с призывом к православным, не щадя живота своего, подняться на борьбу с польско-литовскими захватчиками.

Великое посольство. Призвание Михаила Федоровича Романова на царство в 1613 году.
Миниатюра XVII века

Лебедев К.В. Избрание на царство Михаила Романова в 1613 году

Вняв этим призывам, *«совокупишиася всего Росийского царствия всякие люди вместе, меж себя богосоюзный совет учинили, и крестным целованием укрепилися на том, что всем православным хрестьяном всего Росийского царствия, от мала и до велика, за королевскую многую ко всему Московскому государству неправду, и за нашу истинную православную крестьянскую веру греческого закона, и за святые Божии церкви, из многое бесчисленное крестьянское кроворозлитие, и разоренье Московского государства, стоять всем единомысленно; и сына его Владислава королевича на Московское государство государем никак не хотети и царствующий град Москву от полских и от литовских людей очищати, сколько милосердый Бог помочи подаст»* [37].

Так возникло под Москвой первое земское ополчение под руководством рязанского дворянина воеводы Прокопия Ляпунова и присоединившихся к нему князя Дмитрия Трубецкого (бывшего сторонника тушинского вора, убитого в декабре 1610 года) и казацкого атамана Ивана Заруцкого. Вставшие под знамена ополчения люди учредили Совет всея земли, который приговором от 30 июля 1611 года всю полноту исполнительной власти возложил на вышеназванных вождей ополчения: Трубецкого, Ляпунова и Заруцкого. Так в ополченских «таборах» под Москвой, оккупированной поляками, сформировалось новое общероссийское правительство, которому в целом удалось восстановить нити управления страной.

И. С. Путятин был одним из тех, кто откликнулся на этот «зов всея Руси» и примкнул к общероссийскому освободительному движению. Уже зимой 1610/11 года он оказывается в составе нижегородского войска, шедшего под Москву на подмогу первому ополчению. Но до подмосковных таборов Путятин тогда не дошел, поскольку в марте жители Владимира послали его с грамотой к казанцам, призывая тех присоединиться к общему делу. А не позднее августа 1611 года он получает от подмосковного правительства новое назначение — на воеводство в Арзамас, в какой должности ему довелось пробыть до сентября 1612 года. Но «времена лукави суть», и служение на этом поприще для нашего героя не обошлось без преткновений.

Историк П. Г. Любомиров не без оснований «упрекал» воеводу Путятину в том, что тот в феврале — сентябре 1612 года не исполнял приказов князя Дмитрия Пожарского и не оказывал никакого содействия нижегородцам в снаряжении земской рати. Даже наоборот, когда в нижегородское ополчение Минина и Пожарского из многих городов русских стекалось пополнение, Путятин своих арзамасских ратных людей в феврале 1612 года посылал во Владимир и под Москву — «в помощь Трубецкому и Заруцкому», хотя тогда уже было понятно, как подчеркивает Любомиров, что именно *«второе ополчение было в то время главной силой на Руси»* [38].

По тому же случаю в феврале 1612 года жители Казани, радевшие об успехе нижегородского ополчения, писали курмышскому воеводе Смирному Елагину о том, что арзамасской «отписке» воеводы Путятина, мол, *«верить нечиму: потому что в Арзамасе стрельцы заворовали, дворян и детей боярских и жилиецких всяких людей и животом побивают, и вешают и на пытках пытают и заводят воровство, и ворихе Маринке и ее Маринкину сыну хотели крест целовати»* [39].

Что это за история, о которой вели речь казанцы, и какова была роль в ней воеводы Путятина, пока не совсем ясно. Однако сохранилось еще одно документальное свидетельство, исходившее от некоего князя И. М. Барятинского: *«была в Арзамасе смута: целовали крест Сидору»* [40].

Васнецов А.М. В осажденное сиденье. Москва начала XVII века

Возможно, в этих событиях, связанных с появлением на северо-западе Руси Лжедмитрия III (некоего Исидора), воевода Путятин оказался в ситуации, подобной той, что имела место в начале марта 1612 года в подмосковных таборах. Там казаки из состава ополчения, прослышав о новом появлении «царя Димитрия», на этот раз во Пскове, тайно вошли с ним в сношение, а затем учинили в станах возмущение, заставив подмосковных бояр и дворян под угрозой смерти присягать «псковскому вору». Среди тех, кто целовал крест новому самозванцу, был и Дм. Трубецкой, не пожелавший умирать за верность прежней присяге.

Можно предположить, что нечто подобное случилось и в Арзамасе, когда воевода Путятин в итоге оказался заложником взбунтовавшейся вооруженной толпы.

Но для полноты картины следует отметить, что вышеупомянутой смуте и присяге Исидору предшествовало в Арзамасе другое важное событие, которое никак не могло обойтись без участия воеводы Путятина. Поздней осенью 1611 года из подмосковных станов пришли под Арзамас смоленские дворяне числом около 2000 человек, которые, лишившись своих поместий, захваченных поляками на «литовской Украине», были направлены из таборов для их «испомещения» в дворцовые села Арзамасского уезда. Но смоленских дворян арзамасцы не приняли. Как писано в той же грамоте по делу о поместье Барятинского (бывшего одним из тех, кого в поместья «не пустили»): *«князь деи Путятин по недружбе грамоты боярской не послушал и крестьянам слушать не велел»*.

Как бы то ни было, дело обернулось, действительно, не слишком красиво: «В Арзамасе — пишет историк С. Ф. Платонов, — дворцовые мужики смольнян «не послушали, делить себя не дали, чтоб им быть за ними в поместьях». Долго стояли смольняне под Арзамасом (в Выездной Слободе. — Л. М.), и у них *«бои с мужиками были, только мужиков не осилили; помогали мужикам арзамасские стрельцы триста человек»* [41]. Выручили, как обычно бывало в те годы, нижегородцы, которые, прознав про арзамасские страсти, пригласили смоленских дворян к себе и, «затянув потуже пояса», без обиды наделили их поместьями из земель Нижегородского уезда.

Не позднее октября 1612 года Путятин на должности арзамасского воеводы (вероятно, по настоянию самого князя Дмитрия Пожарского, которого Путятин «не слушал») сменил Петр Михайлович Львов.

Год 1613-й

В начале января 1613 года в Москве начал свою деятельность знаменитый Земский собор, делегатам которого предстояло избрать нового царя на российский престол. Полтора зимних месяца шли в столице трудные дебаты о том, кому быть государем на Руси. Несмотря на споры и несогласия, к концу февраля судьбоносный выбор был сделан: *«Все православные крестьяне всего Московского государства, от мала и до велика и до сущих младенцы, яко едиными усты, вопияху и взываху, глаголющи, что быти на Владимирском и на Московском и на Ноугородском государствах, и на царствах Казанском, и на Астороханском и на Сибирском, и на всех великих и преславных государствах Росийскаго царствия государем царем и великим князем, всеа Руси самодержцем [...] благоцветущие отрасли от благочестива корене родившуся, Михайлту Федоровичу Романову-Юрьеву; да примет скипетр Росийскаго царствия, для утверждения истинные нашия православные веры, и чтоб Господь Бог его государским призрением во всем Московском государстве расточеные и разорение исправил, и во едино благочестие совокупил, и межусобье в Московском государстве утолил, и вся благая Московскому государству устроил»* [42].

Под Утвержденной грамотой, текст которой в окончательной редакции был подготовлен к маю 1613 года, 207-м по списку «руку приложил» и Иван Семенович Путятин. Однако вопрос о том, был ли он делегатом самого Собора и принимал ли участие в зимних избирательных дебатах, остается пока без ответа, поскольку П. Г. Любомиров доказал, что не все подписанты этого исторического документа, поставившие под ним свои подписи, были непосредственными участниками самого процесса избрания царя.

В мае 1613 года, когда собирались подписи под Утвержденной грамотой, арзамасский выборный дворянин И. С. Путятин, действительно, находился в Москве и устраивал свои поместные дела, что подтверждается записями в книгах Печатного приказа. Оттуда мы узнаем, что 19-го числа он выправил отказную грамоту на новое поместье в Арзамасском уезде (хотя источник не указывает название селения, но мы знаем, что речь здесь идет именно о деревне Хирино), а спустя без малого две недели, 31 мая, *«дано ему по прежней даче из его поместья в вотчину в Арзамаском уезде 140 чети. Пошлин полполтины. Взято»* [43].

Получение Путятиным новых поместных «дач», вероятно, было связано с увеличением его поместного оклада, поскольку тогда же, весной-летом 1613 года, в Москве

Васнецов А.М. Улица в городе, начало XVII века

принимается решение о его новом назначении — на этот раз на должность городского воеводы в казанский пригород Уржум, где Путятин и значился по боярским спискам 122 (1613/14) года [44].

К новому месту службы Путятин, очевидно, поехал через Арзамас, через свои старые и новые арзамасские поместья и хиринскую вотчину, где ему необходимо было устроить все дела, связанные с новыми «дачами»: новоприобретенные земли нужно было размежевать, отделить крестьянские и бобыльские дворы, раздать приказчику и дворовым хозяйственные распоряжения и т. д.

Снова в арзамасских краях он окажется по делам службы лишь в 1615 году, когда попытка правительства Михаила Романова увеличить сбор так называемых пятинных и запросных денег с инородцев спровоцировала мощное восстание в Поволжье: *«Казанские и Свияжские и иных многих Понизовых городов татарова и луговая черемиса заворовали, Государю изменили, и собрався многие места повоевали, и села и деревн и жгут, и многих людей в полон емлют и побивают, и к городом приходят и приступают, и дороги от Казани к Нижнему отняли, и тесноту Понизовым городам чинят многую, и собрався многими людьми хотят приходить к Нижнему, и к Орзамасу, и к Мурому и в иные места»* [45].

В связи с этими событиями в Поволжье князь Путятин упоминается в числе сборщиков, разосланных в разные города для сбора ратных людей, которых предписано было *«отвести на государеву службу в Нижней Новгород к боярину и [воеводе] ко князю Юрию Енишеевичю Сулеилеву да к столнику и воеводе ко князю Алексею Львову»* [46]. С этим поручением наш герой едет в ставший родным для него Арзамас, где его все хорошо знают и помнят по недавним событиям.

«Жилец московский»

Восстание было успешно подавлено, зачинщики и смутьяны казнены, а отличившиеся по службе государевы люди были отмечены новыми прибавками к жалованию и повышениями в разрядной иерархии. Так, именно в 1615/16 году Путятин из выборных дворян по Арзамасу переходит, наконец, в разряд дворян московских с включением его в «жилецкий» список [47] — с этого времени он обзаводится собственным жилым двором в столице.

С апреля 1618 года Путятин состоит в числе «объезжих голов для огней», то есть занимается обеспечением противопожарной безопасности: в зоне его ответственности закреплён участок от Покровской до Неглинной улицы. Здесь же его и застаёт польское нашествие 1618 года, когда повзрослевший королевич Владислав IV Ваза с 25-тысячным войском подходит к стенам древней российской столицы. Одним из тех, кто накануне прихода польско-литовской армии был послан по государеву указу из Москвы для сбора ратных людей, был и князь Путятин, который в составе миссии боярина И. Б. Черкасского в сентябре 1618 года собирал подкрепление в Ярославле. По окончании военных действий, закончившихся подписанием Деулинского перемирия (декабрь 1618 года), всех московских осадных сидельцев в «королевичев приход» правительство наградило земельными пожалованиями: в частности, Путятину с каждых 100 четвертей его поместного оклада 20 четвертей были отказаны в вотчину [48], благодаря чему вотчинные его владения в Хирине несколько увеличились.

Там, отделив подходящий участок собственной своей земли, Путятин с разрешения церковных властей строит в хиринской вотчине деревянную церковь, посвященную его небесному покровителю Иоанну Предтече. Таким образом, Хирино к началу 1620-х годов становится селом, о чем в писцовых материалах, частично утративших свой текст, сказано так: «Село, что была деревня Хирина, а в нем церковь Усекновение Честные Главы Иванны Предтечи, да церковных дворов во д [воре] <...> Лытошка, во д [воре] пономар <...> места дворовых. Церковные пашины <...> перелозу пятнадцат чети в поле, а в дву потому ж. Сена тридцат копен» [49].

Еще одним «инфраструктурным преобразованием» тех лет, связанным в Хирине с деятельностью Путятина, становится появление там «двора вотчинникова», где с тех пор размещался приказчик, ведший все хозяйственные дела владельца.

Но Ивану Семеновичу недолго довелось владеть своей вотчиной. Уже очень скоро здесь будут хозяйничать его наследники, которые, влезая в долги, растеряют значительную часть родовой собственности в Хирине, и лишь почти столетие спустя эти земли, сменив множество владельцев, снова возвратятся в род князей Путятиных.

Завещание И. С. Путятина

В 1621 году князь Путятин, по некоторым данным, состоял воеводой в Опочке [50], хотя эти сведения, вероятно, требуют проверки и уточнения. А последние годы жизни (1622–1624) князь Иван Семенович Путятин провел на воеводстве в подмосковной Коломне, где (вероятно, будучи уже в преклонных годах) занемог и в конце мая — начале июня 1624 года предал Богу душу.

О времени его кончины можно судить по духовному завещанию, составленному им перед смертью и датированному 20 мая 132 (1624) года. Выписка из этого завещания во второй половине 1620-х была использована переписчиком Арзамасской приказной избы при изготовлении копии с арзамасских писцовых книг 1621–1623 годов.

В том духовном завещании Путятин говорил, что *«после своего живота, вотчину свою отказал он, князь Иван, жене своей княгине Анне, да детям своим князю Ивану, да князь Федору, да князь Гаврилу по жереб [ъ]ям. А будет жена его княгиня Анна подет замуж и ей до вотчины дела нет, та вотчина детям его вся, а будет жена его княгиня Анна похочет сидет [ъ] вдовством или пострижетца и ей тою вотчиною, что ей достанетца, владеет [ъ] до своей смерти и при своем животе жене его княгине Анне тою вотчины не продат [ъ] и не заложит [ъ] [н]и роду своему ни племени и никому на сторону детям своим не отдать, ни в монастырь. А после жены его смерти то вотчина детям его князю Ивану, да князь Федору, да князь Гаврилу, а в род их детям и внучатом, а по их полюбовному разделу вотчина ей вдовы княгини Анны четвертой жеребей написан в селе Хирина на ее жеребей крестьяне и земля, а после ее смерти тою вотчиною ее княгини Анны четвертым жереб [ъ] ем вледет [ъ] князю Ивану з братею и по отказу отца своего и по духовной» [51].*

Вот такой предстала перед нами судьба хиринского вотчинника князя Ивана Семеновича Путятин, первым из представителей именитых дворянских родов получившего законное право называть здешние земли своей собственностью и передать их своим потомкам.

Исторический двойник: завязка наследственной драмы конца XVIII века

Не часто случается в истории, когда в один короткий период времени на исторической арене действуют два крупных военно-политических деятеля, оказавшихся полными тезками друг другу. Причем не только по фамилии, имени и отчеству, но и социальному статусу. Однако именно так произошло на Руси в годы Смуты начала XVII века, в событиях которой принимали активное участие сразу два князя Ивана Семеновича Путятин: один — арзамасец, уже хорошо нам знакомый, а другой — новгородец, который тоже оказался причастен к истории Хирина, хотя и весьма странным образом.

Документы свидетельствуют, что в 1609–1610 году тот «другой» князь Иван Семенович Путятин, известный по прозвищу Люль, совместно с Л. И. Милославским состоял воеводой в городе Орешке (будущем Шлиссельбурге), сохраняя, по-видимому, верность царю Василию Шуйскому. Но уже тогда земли Северо-Западной Руси находились под сильным военным и политическим давлением Швеции, чьи агрессивные намерения в отношении России сдерживал лишь Выборгский трактат 1609 года, по которому Швеция обязана была оказывать союзническую военную помощь Москве в обмен на передачу ей крепости Корела с уездом.

Свержение царя Василия с московского престола предсказуемо повлекло за собой шведскую оккупацию всех северо-западных территорий Руси, центром которых был, как и прежде, «господин Великий Новгород».

В тех обстоятельствах, когда на Москве хозяйничали поляки, а под Москвой и в Поволжье еще только собиралось первое ополчение, новгородцы, предоставленные самим себе и шведским оккупантам, 25 июля 1611 года подписали «приговор», по которому признали своим законным властителем шведского королевича Карла Филиппа и прочили его впоследствии на московский престол. Одним из наиболее ярых сторонников шведского королевича был как раз новгородский князь И. С. Путятин — тот, который Люль.

Не углубляясь в детальное изучение фактов его биографии, ограничимся лишь небольшими выдержками из «Русского биографического словаря» А. А. Половцова (автор статьи В. Корсакова). Оттуда мы узнаем, что имя этого деятеля встречается в разных записях 1613–1614 годов в связи с новгородскими событиями, в которых И. С. Путятин принимал живое участие, будучи убежденным сторонником Карла Филиппа. Эти записи, отмечает автор статьи, наглядно показывают настроение Новгорода Великого уже после избрания на московский престол Михаила Федоровича Романова. Большинство новгородцев, несмотря на решение Земского собора 1613 года, продолжало считать шведского королевича своим законным государем и относилось к людям, отъезжавшим из Новгорода в Москву или иные земли, как к изменникам. Так, например, 20 ноября 1613 года была составлена поручная запись по новгородским помещикам о неотъезде их из своих поместий за новгородский рубеж. Во главе поручителей находился тот самый князь Путятин, а заканчивалась запись так: *«И будучи в Новгороде учтут с ким какие в мире смутные речи говорити или вместиати, или из Новгорода без государева указу куды отъедут, или изменят: и на нас на порутчиках пеня пресветлейшего и высокорожденного государя королевича и великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича, и наши порутчиковы головы в их голову место; а который нас порутчиков в лицех, на том государева пеня и порука»*.

Относительно же избрания на Московское царство Михаила Федоровича Романова в обход Карла Филиппа новгородцы отзывались так: *«А Владимирского, государь, и Московского государства всяких чинов люди потому же учинили так не с нашего совету, мы с ними о таком непостоятельстве не ссылались и вперед ни о каком неприятельственном деле ссылатися не учнем же, держимся во всем верно государя своего королевича, пресветлейшего и высокорож [д]енного великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича»*.

В родословной князей Путятиных, составленной Руммелем, сказано, что «великий князь пожаловал кн. Ивана Семеновича Путятину городом Орешком» (жаль, не указывается год этого события. — Л. М.). А так как шведского королевича новгородцы величают «великим князем», то возможно, что Орешек был пожалован Карлом Филиппом князю Путятину за его особенную преданность и какие-нибудь неизвестные нам заслуги, — предполагает в заключение Корсакова [52].

Одним словом, в те суровые годы, когда в Москве и под Москвой решалась судьба России, новгородский И. С. Путятин и его единомышленники, оказавшись на захваченных шведами землях, по слову «Нового летописца», «от Московского государства и ото всей земли отлучишася». И даже когда Земский собор «яко едиными усты и едином сердцем» постановил быть на Московском государстве Михаилу Федоровичу Романову, новгородцы этому решению не подчинились и еще в течение нескольких лет продолжали верой и правдой служить шведским оккупантам, считая их королевича своим законным государем. И тот князь И. С. Путятин-Люль по заданию шведской администрации ездил с «дозором» в августе 1615 года описывать Корельскую половину Водской пятины для нужд налогообложения — подлинник этой дозорной книги сохранился в Стокгольмском архиве [53].

Лишь в 1617 году Новгород с прилегающими к нему землями после нескольких лет изнурительной войны был, наконец, возвращен под «высокую руку» Москвы в результате подписания России со Швецией Столбовского мирного договора. Представители новгородской аристократии, еще недавно желавшие ходить под шведской короной, были прощены и снова приняты на московскую государеву службу. Возможно, был в их числе и новгородец Иван Семенович Путятин, хотя судьба его после 1615 года нам неизвестна.

Как выяснилось, оба князя Ивана Семеновича Путятина оставили немало документальных свидетельств о себе за годы службы. Только один, арзамасец, — на юго-востоке, а другой, новгородец, — на северо-западе Руси. Причем оказалось, что без должного изучения и тщательного сравнительного анализа источников эти следы легко перепутать. Даже такой авторитетный исследователь той эпохи, как П. Г. Любомиров, не избежал этого и «назначил» арзамасца Путятина вместо его новгородского тезки воеводой в Орешек в 1609–1610 году.

Следует также с осторожностью отнестись и к сведениям большинства справочников о том, что арзамасец Путятин в 1621 году был воеводой в Опочке под Псковом — все-таки территориально это гораздо ближе к новгородским землям.

В заключение добавим, что у арзамасца И. С. Путятина было трое сыновей: Иван, Гавриил и Федор, а идущая от него родовая ветвь прервалась по мужской линии в конце XVIII века. У новгородца же Ивана Семеновича Путятина сыновей было четверо: Даниил, Юрий, Иван и Богдан, а в дальнейшем род новгородских князей Путятиных, получивший продолжение по линии одного лишь Богдана, был внесен в V часть Дворянской родословной книги по Тверской губернии. Потомки их живы до сих пор.

Для чего мы столько внимания уделили новгородскому тезке нашего хиринского помещика, читателю станет известно из последующих глав. Хотя... приоткроем немного завесу: речь пойдет о странном наследственном деле. Так сложилось, что деятельность да и сам факт сосуществования «исторических двойников» Путятиных стали своего рода прологом и завязкой позднейшей исторической драмы, коренным образом изменившей судьбу села Хирино и его крепостных крестьян. «Смутное время» даже и в этом частном вопросе вполне оправдало свое название спустя более чем полтора столетия...

ПО СЛЕДАМ ПЕРВЫХ ХИРИНСКИХ ПОМЕЩИКОВ

В представленных ниже материалах собраны сведения о тех представителях служилого сословия Московского государства, имена которых в числе первых хиринских помещиков упоминаются в документах Арзамасской приказной избы и Поместного приказа конца XVI — начала XVII века, опубликованных С. Б. Веселовским в составе «Арзамасских поместных актов».

Иногда лишь вскользь и совсем ненадолго судьбы этих служилых землевладельцев прикоснулись к ранней истории Хирина, не оставив этой деревне ни имени на века вперед, как Хирины, ни результатов хозяйственных преобразований, связанных с устройством вотчины, как, например, князь Иван Семенович Путятин.

Однако эти люди, среди которых были поистине выдающиеся деятели своего времени, оставили память о себе и след в русской истории. Посему потомки первых хиринских хлебопашцев, безусловно, не только имеют право, но и должны знать, на кого и ради чего их далекие пращуры трудились от зари до зари в поте лица своего, внося свою крестьянскую лепту в становление державной мощи и величия государства Российского.

В поисках Ивана Болобанова

*«... ездил Томило Денисьев сын Хирин в Орзема-
ской уезд в-Бванова поместья Болобанова в Хири-
на, отделил жене Болобанова с сыном да з доче-
рью на прожиток ...»*

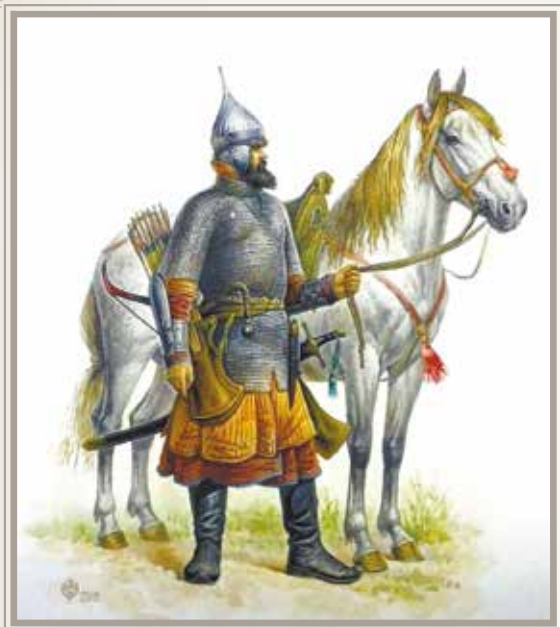
Из цитаты понятно, что помещика Ивана Болобанова, о котором упоминается в этой «отдельной» записи, к январю 1583 года уже не было в живых.

Кроме того, в «Арзамасских поместных актах» есть сведения о том, что за ним же, помимо хиринского, числилось когда-то и другое поместье — «селище Болобаново», что «за Шетковским лесом на реке на Пьяне», которое, лишившись своего хозяина, к 1587 году превратилось в «Ивановскую пустошь Болобанова», где «пашня лежит перелогом», то есть не обработана и заросла сорняком.

Поиски в источниках и литературе следов этого исторического лица привели нас под Калугу, в Боровский район — туда, где сейчас находится город районного подчинения Балабаново, происхождение названия которого местные краеведы связывают с разновидностью большого сокола, именуемого «балабан», подтверждая эту версию распространенностью «соколиных» названий в этих краях [54].

Возможно и так. Однако известно, что в XVII веке на этом месте была крошечная монастырская деревенька. Из дошедших до нас древних актов можно установить, что среди селений Заячкова Стана тогдашнего Малоярославецкого уезда на месте бывшей здесь когда-то деревни Ерохиной в 1584 году значилась по описаниям «пустошь Болобанова» — вотчина Пафнутьева Боровского монастыря. В позднейших писцовых материалах это место часто обозначалось двойным названием: «Ерохино, Болобаново тож».

По этим данным мы можем попытаться восстановить последовательность и логику событий: примерно в середине XVI века на месте нынешнего города Балабаново Калужской области была деревенька Ерохина, где, должно быть, получил землю в поместное владение некий Болобанов (Болобанов). Однако в начале 1580 годов помещик «преставился от живота» (помер или погиб в сражении), крестьяне его разбежались, поместье запустело и к 1584 году, уже в статусе пустоши Болобановой, оказалось во владении Пафнутьева Боровского монастыря. Позднее, во времена Смуты, калужские земли, как известно, стали центром «воровского брожения», принесшего с собой еще большую разруху и разорение городов здесь снова появились пахотные крестьяне, деревня стала возрождаться. А началом истории города Балабаново, широко отметившего в 2013 году свой 400-летний юбилей, считается первая дата упоминания пустоши, «что была деревня Болобаново, а в ней пашни перелогом три чети», как то записано в Дозорной книге 1613 года по Боровскому уезду [55].

Воин русской поместной конницы.
Середина XVI века

Герб города Балабаново

Действительно, бросается в глаза синхронность запустения арзамасских и малоярославецких обжитых земель (поместий), получивших, кроме того, почти в одно время одинаковое название. Это наблюдение заставило нас предположить, что связующим звеном между ними может быть судьба одного и того же исторического деятеля — служилого человека, помещика, землевладельца — свидетеля и участника далеких событий времен царствования Иоанна Грозного.

И есть вероятность, что этим человеком был некий Иван (Иванец) Болобанов сын Губастов, который упоминается в «Дворовой тетради» 1550-х годов в числе дворовых детей боярских, служивших по городу Боровску [56].

Дальнейшая его судьба совсем неизвестна.

Однако списки имен из «Дворовой тетради» — это, как признают исследователи, ближний круг царя Иоанна Васильевича — те, кому он сугубо доверял и на кого опирался при реформировании Российского государства в 1550–1580-е годы. Причем некоторые деятели из этого ближнего круга, действительно, были верстаны поместьями в Арзамасском уезде и оставили следы своей деятельности на Арзамасской земле, как, например, ранее уже упоминавшийся нами Василий Собакин.

Косвенным подтверждением выдвинутой гипотезы о боровском происхождении хиринских Болобановых в арзамасских материалах может служить, на наш взгляд, и то обстоятельство, что помещик Иван Болобанов ни разу в «Арзамасских поместных актах» не упоминается с полным своим именем — возможно, как раз потому, что «Болобанов» — это отчество, ставшее фамилией для его потомков.

Впоследствии нетитулованный дворянский род Болобановых был внесен в V часть Дворянской родословной книги по Нижегородской губернии, а родоначальником их,

согласно официальному родословию, считается Ульян Постников сын Болобанов, поверстанный новичным поместным окладом в 1628 году.

По документам же легко прослеживается, что хиринский землевладелец Иван Болобанов и условный родоначальник нижегородских дворян Болобановых — это соответственно дед и внук, а связующее звено между ними — Постник Иванов сын Болобанов, известный нам хиринский помещик, упоминаемый все в той же отдельной книге Томилы Хирина 1583 года.

Григорий Васильевич Львов — бывший опричник у руля российской дипломатии?

*«Да ис того ж Иванова поместья Болобанова отделил
Григорию Васильеву сыну Львову в деревне Хирине ...»*

Кроме единичного упоминания этого имени в отказе 1583 года, других сведений о Григории Васильевиче Львове в «Арзамасских поместных актах» мы не найдем. Судя по всему, хиринское поместье в скором времени вышло из его владения, подтверждением чему может служить, в частности, тот факт, что записанный в 1583 году за ним крестьянин Якуня (Яков) Онтипин в 1586 году пашет землю уже на другого помещика — Петра Горчакова (о нем речь пойдет далее).

В документе 1583 года вскользь упоминаются верховское и старое ростовское поместья Григория Львова, что прямо указывает на нахождение их в Ярославском (Верховского стана) и Ростовском уездах. Эта деталь позволяет безошибочно идентифицировать нашего хиринского помещика с малолетним Гришей (недорослем), одним из детей Василька (Василия) Микифорова (Никифорова) сына Львова из уже знакомой нам «Дворовой тетради», записанного среди «литвы дворовой в Ростове» с пометкой «65-го году», то есть 1557-го [57]. По этим записям можно предположить, что юноша этот родился примерно в 1550–1555 годы.

В 1578–1579 году тот же Григорий Львов уже как царский опричник приезжал из Александровской слободы для «обыска» в Аргуновскую волость по спорному делу местных крестьян с Троице-Сергиевым монастырем, и дело тогда было решено им в пользу крестьян [58]. Потом мы встречаем его в Хирине в 1583 году при наделении его поместьем, а дальше след теряется.

Но был в российской истории XVI–XVII веков еще один исторический деятель точно с таким же именем. Речь идет о Григории Васильевиче Львове, который стал известен как служилый дьяк при первых Романовых. Согласно справке Веселовского, в 1626–1627 годы он был подьячим Посольского приказа, с 8 марта 1637 года по 30 августа 1643 года — дьяком Посольского приказа в Новгородской чети; в 1638 году упоминался как дьяк Печатного приказа. А 1 сентября 1643 года был пожалован в думные дьяки и оставлен управлять Посольским приказом, в каковой должности этот старожил российской приказной бюрократии и встретил свою кончину в декабре 1646-го — январе 1647 года [59].

Ерошкин С.Н. **Опричник, XVI век**

Васнецов А.М. **Сибирь**

Установлено, что в подьячие Посольского приказа Г. В. Львов был переведен в 1616 году из Казани [60]. Об этом сказывал и сам Григорий Васильевич, когда в 1637 году ходатайствовал о повышении ему оклада, говоря, что служит в Посольском приказе 22 года и за это время «во все окрестные государства к великим государем писал их государские тайны и о всяких делех грамоты в лист, мелким почерком» [61].

Именно упоминание о службе Г. В. Львова в Казани (а Арзамасский уезд, как известно, в XVI–XVII веках в военно-административном и финансовом отношении состоял в ведении Приказа Казанского дворца) заставляет предположить, казалось бы, невозможное: а вдруг недоросль Гриша Васильев сын Львов из дворовой литвы в Ростове (1550-е), он же будущий опричник царя Иоанна Грозного (1579) и хиринский помещик (1583), «отстав» за преклонным возрастом от военной службы, переквалифицировался в приказного служителя? Но ведь никаких других представителей служилого сословия с такими же именем, отчеством и фамилией ни в разрядных документах, ни в актах служилых землевладельцев за указанный период не встречается.

Так что, быть может, убеленный сединами глава Посольского приказа в 1643–1647 годах, стоявший несколько лет у руля всей российской дипломатии, писавший мелким почерком «к великим государем их государские тайны» — это состарившийся на приказной государевой службе Гриша Львов, проживший невероятно долгую (более 90 лет) и чрезвычайно богатую событиями жизнь, короткий период которой был как-то связан с его службой в Арзамасе и небольшим поместьем в деревне Хирино.

Одиссея Петра Ивановича Горчакова

«... а на отделе были ... из Хирина князя Петров крестьянин Горчекова Моксим Офонасьев ...»

В истории Арзамаса и его уезда XVI–XVII веков, как и в нижегородском краеведении вообще, имя Петра Ивановича Горчакова практически неизвестно.

Военная и административная служба его проходила большей частью вдали от этих мест. Однако упоминание его имени в числе первых хиринских помещиков должно вызывать у нас особый интерес к судьбе этой необычайно яркой, как оказалось, личности, оставившей более чем заметный след в российской истории.

Самые ранние сведения о нем, согласно официальному родословию князей Горчаковых, относятся к 1570 году, когда Петр Иванович впервые упомянут в разрядных записях в числе детей боярских [62]. А завершающим эпизодом его биографии до недавнего времени многие ошибочно считали легендарную оборону Смоленска 1609–1611 годов, после падения которого в июне 1611 года Горчаков, бывший вторым воеводой города после Михаила Борисовича Шеина, оказался в польском плену, где якобы вскоре и умер, как указывается в большинстве энциклопедий и справочников.

Действительно, военная служба его в государевом войске началась еще в опричные годы, когда полным ходом шла Ливонская война, так что к концу 1570-х годов за плечами у него был уже немалый опыт ратных походов. Об этом можно судить даже по тем «трофейным»

Герб Горчаковых

вкладам, что сделаны князем в Серпуховский Высоцкий монастырь в 7085 (1577) году, куда он пожертвовал «коня серого с седлом с бархатным, и с уздой, и с войлоки, и с попоною черкасскою», да «кобылу ногайскую» (курсив наш. — Л. М.) и проч. [63].

Ревность о сем «Доме Пречистой Богородицы» проходит красной нитью сквозь всю биографию Петра Ивановича. Монастырь этот был основан еще преподобным Сергием Радонежским и удельным князем Серпуховским Владимиром Андреевичем Храбрым (1353–1410), героем Куликовского сражения (это его засадный полк решил исход битвы), прозванным Донским, как и его двоюродный брат великий князь Московский Дмитрий Иванович.

Горчаков, видно по всему, заезжал в тот монастырь на богомолье в перерывах между походами и службами, неоднократно привозя щедрые вклады за себя и за членов своей семьи — покойных родителей, убиенного сына Алферия (Елферия) и младенца Григория. Причем, судя по вкладной книге, он был едва ли не главным благодетелем этой древней обители как минимум вплоть до середины 1590-х годов.

В том же 1577 году, которым датировано первое пожертвование Горчакова, он упоминается в боярском списке в числе дворян, служащих «из выбора» [64], куда он, как выясняется из позднейших источников, был выведен из «понизовых городов» [65]. Так что возможно, что вышеупомянутый вклад его в монастырь был положен еще и в знак благодарности Богу за повышение в разрядной иерархии.

Соответственно, к 1586 году, когда мы впервые встречаем имя Горчакова среди помещиков Арзамасского уезда, он как выборный дворянин несет службу уже на командных военно-административных должностях, будучи далеко не рядовым ратником государева войска. Так, в 1585–1586 году он состоит в должности головы в Тетюшах [66] — крепости недалеко от Казани на правом берегу Волги, входившей в оборонительную сторожевую линию Московского государства против ногайских татар.

В 1588 году он несет службу на Чусовой — там, где пролегал главный путь в Сибирь, чуть ранее проложенный Ермаком. О чусовской службе Горчакова стало известно благо-

даря «сказке» сибирских инородцев, сообщивших в 1623 году, что на Чусовую они платили ему ясак еще при царе Федоре Иоанновиче [67]. Вероятно, к началу 1589 года его сменил на этой должности Федор Хлопов, упоминаемый в том же источнике, а сам Петр Иванович отправился к государеву двору за новым назначением.

Далее мы узнаем, что в мае 1589 года голова Горчаков послан из Шацка по черкасским вестям [...] на поля за черкасы в конной [рати] с тем, чтобы пресечь на южных окраинах Руси «воровство» донских казаков и черкас (запорожцев) атамана Б. Татаринова. Причем с этим военным предприятием связан любопытный эпизод. Отправленный вместе с Горчаковым казачий голова из Пронска Иван Губин посчитал себя оскорбленным тем, что общее руководство походом было отдано князю Горчакову, и решил с ним «посчитаться», затеяв так называемый местнический спор. Перед самым походом он пишет челобитную государю, в которой жалуется, «что ему менили князь Петра Горчакова быть невместно». Но мудрый государев указ предписал Губину, *«чтоб он на той службе был по росписи, а как полевая служба минетца, а будет ему до князь Петра дело, и государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии велит, ему со князем Петром счот дать»* [68]. Мол, если, Бог даст, живыми вернетесь — посчитаетесь.

А уже полгода спустя, в январе 1590 года, Горчаков в составе 35-тысячного русского войска во главе с самим государем Федором Иоанновичем принимает участие в походе на «свейского короля на Ягана», где Петр Иванович значится в середине списка одним из 15 «голов у наряду» [69], то есть командует артиллерией и не в последних, заметим, чинах. Активные военные действия на севере были прерваны русскими к лету 1591 года, когда царю стало известно, что к Москве черной тучей стремительно приближается 150-тысячное войско крымского хана Казы Гирея, вступившего в союзнический сговор со шведским королем. Поэтому Федор Иоаннович на спасение Москвы срочно бросил значительные военные силы. В их числе должен был находиться и князь Горчаков, чей начальственный и боевой опыт был так необходим, чтобы устоять против как никогда могущественного и многочисленного крымско-ногайского войска.

Однако главная надежда православного воинства была, как всегда, на милосердие Божие и заступничество Пресвятой Богородицы. Поэтому в ожидании врага благочестивый царь Федор Иоаннович распорядился по всем церквям совершать молебны и обойти московские укрепления крестным ходом с иконой Донской Божией Матери — той самой, что, по преданию, была преподнесена донскими казаками великому князю Димитрию после исторического сражения на Куликовом поле, и той самой, которой 3 июля 1552 года горячо молился Иоанн Васильевич Грозный перед отправлением войска из села Коломенского на Казань.

А 4 июля 1591 года объединенная крымско-ногайская армия по Серпуховской дороге подошла к российской столице, и передовые татарские отряды обрушились на подвижные деревянные укрепления московской рати, так называемый гуляй-город. Русские ответили дружным артиллерийским огнем, при этом за спиной «нарядчиков» в походной церкви во имя преподобного Сергия Радонежского стояла Донская икона Божией Матери. До наступления сумерек на подступах к Москве продолжался ожесточенный бой, но оборонявшиеся русские полки устояли. Смирившись с первой неудачей, Казы Гирей отвел своих воинов и встал лагерем недалеко от села Коломенского, в Котлах.

В ночь на 5 июля русские отряды, совершив дерзкую вылазку, атаковали ханский лагерь и нагнали на татар немало страха. А уже 6 июля Казы Гирей, поверив дезинформа-

Васнецов А.М. **Тайга на Урале. Синяя гора**

ции русского пленника о подошедшем к Москве большом подкреплении из Новгорода, внезапно свернул свой стан и, бросив значительную часть обозов, спешно устремился прочь от Москвы. В очередной раз столица Руси была спасена, а основные бои этой кампании происходили лишь с преследуемыми русской конницей в беспорядке отступавшими татарскими отрядами.

В память о чудесном избавлении Москвы Федор Иоаннович повелел на месте первого боя с крымчаками заложить монастырь, который с тех пор и поныне известен в России и за ее пределами как Донской — в честь одноименной иконы Божией Матери.

Когда же крымцы и ногаи были выдворены за пределы Руси, в Серпуховском Высоцком монастыре появилась еще одна запись о совершении вклада князем Петром Горчаковым — на этот раз по его сыну «убиенному Елферию» (Алферию), вероятно, павшему в боях со степняками [70].

Последовавшее в декабре 1592 года новое назначение — снова «за Камень», то есть за Уральский хребет — в далекую Сибирь «для устройства тамошних дел» — стало еще одной знаменательной вехой в биографии Петра Ивановича. «Наказ» князю П. И. Горчакову, найденный в свое время Г. Ф. Миллером и опубликованный им в приложениях к его легендарной «Истории Сибири», подробно описывает тот поистине огромный объем работы, который предстояло в этом походе совершить Горчакову. В числе прочего ему было велено «взяв образы, и книги, и все церковное строение, и в Ростове диякона и подмога, ехати в Сибирь, в новой город в Тоборы, а попа взять, едуци, в Перми Углетцково. А приехав

на Тоборы, как город обложат, и почнут делать, и в ту пору велети князю Петру и церковь поставить всею ратью, Рожество Христово, да в приделе Никола чудотворец, и церковное строение велети устроить, и церковь освящати велети». Кроме того, Горчаков и его люди везли «наряд» (артиллерию), десятки пудов «зелья» (пороху) и «свинца» (боеприпасов), да 200 прутов железа для военных нужд разных сибирских городов и многое другое.

Также одна из «памятей» предписывала Горчакову покончить все дела с союзником сибирского хана Кучума — пелымским князем Аблегиримом, который много вредил государевым людям в Сибири. Причем сделать это Горчакову нужно было весьма жестко: он должен был «приманить» Аблегирима и «известить», причем заочный смертный приговор в Москве был вынесен не только самому пелымскому князю, но и его старшему сыну, и племянникам, и внучатам, да еще пяти-шести преданным ему людям, «которые самые пушие, от которых смута была».

В живых должен был остаться лишь младший сын Аблегирима Таусей, которого после пленения следовало вместе с женой и с детьми отправить под конвоем в Тобольск.

Горчаков как дисциплинированный воин и послушный слуга государев исполнил все в точности: Аблегирим и его старший сын Тагай с семейством были «приманены» и казнены, старый пелымский город — аблегиримово логово — был уничтожен, а на его месте заложен острог и начато строительство нового, уже русского, города Пельма, первым воеводой которого Горчаков и стал. С местными вогульскими племенами (манси) Петр Иванович тоже сумел договориться («черных ясашных людей примоллил»), чтоб «они веков были в государеве жалованье, и ясак сполна платили, и к городу приходили, и ни о чем не опасались, а государева милость к ним будет» [71]. Так был сделан еще один важный шаг, приблизивший вхождение необъятной Сибири в состав Московского государства, а Горчаков через год сдал пелымское воеводство и отправился с докладом государю. По возвращении князь в очередной раз посетил милый его сердцу Серпуховский Высоцкий монастырь, куда сделал новый вклад — кобылицу ногайскую с двумя жеребятами, да кобылицу сибирскую — память о его пелымской службе.

1595 годом датируется разрядная запись о том, что князь Горчаков снова послан в Сибирь — на этот раз с донскими казаками к Березову, откуда пришли вести о «воровстве» остяков, отказавшихся платить ясак московскому государю [72]. Мятеж был подавлен, зачинщики казнены, а некоторых с повинной головой и с «ясачной казной» прислали к Москве. К событиям того же березовского похода, по мнению некоторых историков, относится основание Горчаковым в низовьях Оби Обдорского острога [73].

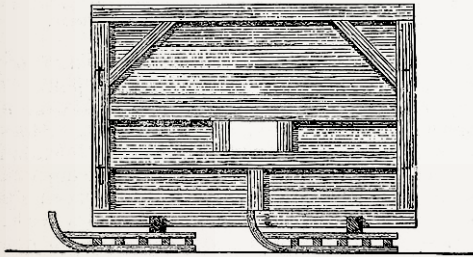
В 1598 году П. И. Горчаков, записанный в первом боярском списке времени правления Годунова выборным дворянином по Алексину, снова значится в Сибири, но с каким наказом и по каким делам, источники умалчивают. Затем мы узнаем, что Горчаков был составителем боярского списка 1602–1603 годов, где указан его поместный оклад в 500 четвертей — весьма значительный по тем временам [74]. Но хиринское поместье в этот оклад уже не входило: годом ранее Горчаков передал его другому владельцу.

Наконец, в первые годы Смуты он воюет против отрядов Болотникова. В 1607 году, будучи уже дворянином московским, он находится в большом войске под личным командованием царя Василия Шуйского при осаде Тулы, где в последний раз укрылся Болотников и его повстанцы. А после взятия города Горчаков получает, пожалуй, главное в своей жизни назначение — вторым воеводой в Смоленск, в помощники жесткому и харизматичному Михаилу Борисовичу Шеину (1634). Вокруг Смоленска было тогда неспокойно: малые города один

Гуляй-город: выдвигание обоза на позицию

Защитные щиты гуляй-города

**Вогульский воин (манси)
эпохи русской колонизации XVI-XVII веков.
Рисунок М. А. Лобырева**

Сибирский город XVII века

за другим переходили на сторону второго самозванца, по всей западной Руси бродили воровские шайки казаков и гулящих людей. И для того чтобы удержать Смоленск от разброда и шатанья, Шуйский назначил туда именно этих двух воевод — Шеина и Горчакова. Как показала история, этот выбор впоследствии сыграл огромную роль в преодолении русскими людьми тяжелейшего духовного и политического кризиса начала XVII века.

Вторгаясь на Русь летом 1609 года 12-тысячная армия польского короля Сигизмунда III в сентябре того же года приступила к Смоленску, взяв город в плотное осадное кольцо. Вскоре к полякам присоединилось еще около 10 тысяч запорожских казаков. За годы осады смоляне выдержали несколько мощных штурмов и долгую, невиданную по тяжести подкопную войну. Люди мужественно терпели голод, болезни (прежде всего, цингу из-за недостатка соли) и лишения, но не сдавались. Ни отрешение Шуйского от престола, ни признание в Москве царем королевича Владислава не заставили их изменить присяге. Напротив, крепость духа осажденных была столь велика, что они, собравшись на молитву в храме Успения Божией Матери на Соборной горе, дали обет *«за ваши жены и дети и за все православное христианство в дому у Пречистой Богородицы помереть и города не сдать и литовскому королю не поклониться»* [75]. И смоляне не нарушили своей клятвы.

20 месяцев продолжалась героическая оборона Смоленска под руководством Шеина и Горчакова. Когда 3 июня 1611 года поляки пошли на решающий штурм, на крепостных стенах было уже менее двухсот его защитников из пяти с половиной тысяч, бывших налицо в сентябре 1609 года. И когда стало ясно, что город пал, смоляне заперлись в Успенском соборе и на глазах у изумленных врагов взорвали его вместе с собой.

Во время того последнего боя Горчаков находился вместе с Шеиным, его семьей и несколькими ратниками в одной из крепостных башен, где они с оружием в руках, отбиваясь от наседавших врагов, готовились принять смерть. Но Бог судил иначе. Все вместе они попали в плен...

Гетман Станислав Жолкевский, главнокомандующий польской армией, руководивший осадой Смоленска на ее начальном этапе и наверняка неплохо осведомленный, кто противостоял ему по ту сторону крепостной стены, мельком упомянул в своих «Записках», что смоленский воевода Горчаков в свое время пленил царевича Ураз-Мухаммеда [76].

Событие, о котором идет речь, имело место в 1587–1588 году и, согласно сибирским летописям, связано с именем основателя и первого воеводы города Тобольска Данилы Чулкова. Однако к Жолкевскому стоит прислушаться, поскольку гетман должен был лично знать Ураз-Мухаммеда, который после пленения перешел на русскую службу, при Годунове за выдающиеся военные заслуги получил в удел Касимовское ханство (с 1600 года) и титул «царя Касимовского». В 1608 году он изменил Шуйскому и со всей своей армией примкнул к тушинскому вору. В 1610 году Ураз-Мухаммед, недовольный Лжедмитрием II, пожелал перейти на службу к Сигизмунду III, поэтому явился в королевский лагерь под осажденный Смоленск и был принят там Сигизмундом с большой любезностью. Однако вынужденный затем вернуться к тушинцам, где осталась его семья, «царь Касимовский», заподозренный в заговоре, был подло убит Лжедмитрием во время охоты, а его мертвое тело сброшено в Оку. Впрочем, этим поступком Лжедмитрий подписал и себе смертный приговор: вскоре ногайский мурза князь Петр Урусов отомстил самозванцу за своего убитого друга, разрубив тушинского «царька» саблей во время конной прогулки (по другой версии — отрубив ему голову) [77].

Что же касается заслуги Горчакова в пленении Ураз-Мухаммеда, то начнем с того, что нет ни одного факта, могущего опровергнуть слова Жолкевского. Действительно, за 1587 год в биографии Горчакова, реконструируемой по источникам, никаких сведений о его службе нет, однако точно установлены его «головство» в Тетюшах в 1586 году и служба на Чусовой в 1588 году.

Между тем достоверно известно, что в период между этими датами, а именно летом 1587 года, явились в Тюмень 500 новых служилых людей, которые *«привезли царский указ о том, чтобы письменный голова Данила Чулков отправился с этими людьми на Иртыш и заложил бы вблизи татарского города Сибири другой город, из которого было бы удобнее принимать соответствующие меры против татар. Так было положено начало главному городу Сибири — Тобольску, который первоначально состоял из небольшого деревянного укрепления и нескольких построек для служилых людей. Вскоре после своего основания Тобольск стал местом пребывания главных воевод и позже губернаторов всей Сибири ...»* [78]. В те времена, о которых идет речь, главными поставщиками людей для сибирских походов были именно казанские города — Тетюши среди них, а путь в Сибирь и обратно лежал как раз через Чусовую. Так что в числе тех пятиста, вероятно, был и князь Горчаков, оказавшийся в 1587 году в дружине Чулкова при основании Тобольска и ставший участником последующих событий, в результате которых сразу трое вождей сибиряков стали пленниками московского государя.

А дело было так. Вскоре после строительства Тобольска у стен города появилась татарская конница сибирского хана Сейдяка (Сеид-Ахмада), считавшего именно себя, а не изгнанного им Кучума законным властителем сибирских земель.

В свите Сейдяка находился и 16-летний Ураз-Мухаммед — потомок ханов Синей (киргиз-кайсацкой) Орды, происходивший из рода Чингизидов. Его Сейдяк сумел привлечь на свою сторону в борьбе, с одной стороны, против «узурпатора» Кучума, а с другой — против русских, все более ощущавших себя хозяевами сибирских земель.

И вот неподалеку от Тобольска, на Княжьем лугу, сейдяковы татары остановились и начали «тешиться» ястребиной охотой. Подозревая, что *«умысел другой тут был»* и что «пятьсот татар взяты Сейдяком на охоту не на одних птиц», встревоженный Чулков, посоветовавшись с другими военачальниками, решил пригласить непрошенных гостей в острог для переговоров. На предложение тобольского воеводы Сейдяк, поразмыслив и, видимо, зная о немногочисленности русского гарнизона крепости, ответил согласием. В назначенное время сибирский хан прибыл к воеводской трапезе, взяв с собой Ураз-Мухаммеда («Сибирская летопись» называет его «салтаном Казачьей орды» или просто «Салтаном») и некоего Карачу (бывшего кучумова советника). Внутри города их сопровождал вооруженный отряд из 100 человек татар, тогда как прочие были оставлены за стенами острога.

Во время трапезы Чулков, видя, что Сейдяк не вкушает и сидит в задумчивости, спрашивает его: *«Князь же Сейдяк, что еси зло мыслиши, ни брашина вкушая?»* Сейдяк отвечает ему: *«Аз не мыслю на вас никакого зла»*. Тогда воевода берет чашу и, *«налив пития»*, предлагает Сейдяку испить эту заздравную чашу в подтверждение своих слов, что он *«не мыслит зла»* на христиан, на государевых людей. Сейдяк, пригубив, сразу поперхнулся и передал чашу Ураз-Мухаммеду (Салтану), который глотнул и тоже поперхнулся. Затем и с Карачею все повторилось. Так, по выражению Саввы Есипова, *«Бог обличил их зломыслие»*, а П. Небольсин подытожил: *«чарка вина сгубила Сибирь»* [79].

Распознав по этому признаку их лукавство, Чулков тут же дал своим людям условный знак («помахав из руки своей платом»), и казаки стремглав бросились на татар, сопровождавших Сейдяка, *«начата поганных сетчи и бити. Князь же Сейдяк, увидя сечу, кинувся в окно, за ним же кинулся царевич Салтан и думной их Карача, и в тот час воинские люди их нечестивых и безбожных врагов схваташа и вязаша»* [80].

Здесь мы и находим место для предполагаемого подвига Горчакова, который, вероятно, и «повязал» метнувшегося в окно и пытавшегося сбежать Ураз-Мухаммеда. Оставшиеся за городом татары, в раз лишившись своих вожаков, были затем частично перебиты, иные же разбежались. А все трое высокопоставленных пленников вскоре отправлены были Чулковым *«к великому государю в стольный град Москву с выборными воинскими людьми [...] где они по их природе честно были приняты и пожалованы вотчинами»*. В числе сопровождавших (например, до Чусовой) вполне мог оказаться и князь Горчаков, если находился тогда в Tobольске, как следует из свидетельства Жолкевского.

...Сам же Петр Иванович, оказавшись в польском плену в 1611 году, явно не испытал на себе того любезного и почтительного отношения, которое русские некогда проявили к высокородным сибирским пленникам, взятым в Tobольске. Разъяренный Сигизмунд III, король Речи Посполитой, которому непокорный Смоленск почти два года стоял, как кость в горле, велел допрашивать Шеина под жестокими пытками, но тот, однако, мужественно держался, не скомпрометировав никого из своих соратников. Когда же мучители лукаво спрашивали его, почему он не слушал Горчакова, который советовал ему сдать город, Шеин отвечал: *«От Горчакова ничего не слыхал»* [81]. Но если поляки, в нарушение всех кодексов воинской чести, пытали и всячески унижали самого главнокомандующего Шеина, то церемониться с Горчаковым у них и вовсе не было причин, и он, без сомнения, хлебнул лиха в польском плену.

Всех знатных русских пленников распределили между собой польские военачальники. Измученный Шеин с сыном был увезен в кандалах ко двору Сигизмунда III, который пользовался любым случаем, чтобы отомстить ему за «смоленское упорство», в том числе позором, заставив, например, присутствовать на королевском приеме, где низложенного и доставленного в Варшаву царя Василия Шуйского в знак полной покорности заставляли припадать к стопам польского монарха [82]. Жена и дочь Шеина достались Яну Петру Сапеге. Горчаков же попал в руки пана Александра Руцкого, командовавшего тогда польским гарнизоном в Вязьме. Но здесь Горчакову судьба снова улыбнулась: очень скоро он сумел как-то договориться, чтобы тот его отпустил.

А в 1613 году пан Руцкой жаловался московскому посланнику Денису Оладьину: *«Отпустил я князя Петра Горчакова за присягою, что было ему выслать за себя на обмен тех людей, которых он изъязался выслать. И князь Петр присяги своей забыл, за себя тою обмену и по се места не выслал»*. Видимо, была между ними договоренность, что в обмен на свою свободу Горчаков, вернувшись в Москву, вызовет и отправит на родину кого-то из польских военнопленных, в которых был заинтересован Руцкой. Но и позже дело не сдвинулось, поскольку тот продолжал сетовать: *«Воеводу смоленского Горчакова выпустил я на его крестное целование, а бил ему челом, чтобы он против того кого-нибудь выпустил. Не мочно ему кого-нибудь доброго человека выпустить, и он бы хоть мужика выпустил, сотника запорожского Кирилла, которого поймали под Боровском с грамотами от гетмана к Заруцкому! А он Богу да мне солгал, никого по сю пору не выпускавал...»* [83].

Осада Смоленска 1609-1611 годов. Гравюра начала XVII века

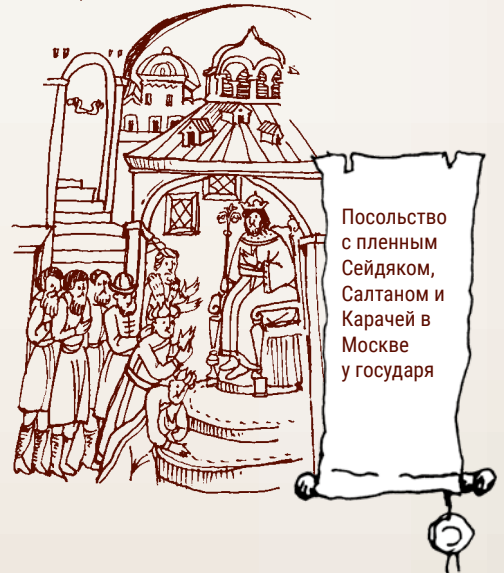
Князь Сейдяк, царевич Салтан и думный Карача охотятся на птиц ястребами под Тобольском

Сейдяк, Салтан и Карача в гостях у Даниила Чулкова

Побиеие и поимка казаками лживых гостей

Посольство с пленным Сейдяком, Салтаном и Карачей в Москве у государя

Действительно, свое обещание Горчаков почему-то не выполнил — не смог. Вопрос об обмене пленниками был тогда одним из ключевых в отношениях с Речью Посполитой, поскольку кроме Шеина там находились и другие великородные особы, в том числе митрополит Филарет (Романов), будущий патриарх Московский и всея Руси, отец избранного на царство Михаила Федоровича. В связи с этим на Земском соборе многие настаивали на обмене пленниками по принципу «всех на всех», и потому все частные обмены шли вразрез с государственными интересами Москвы. Вот и оказался Горчаков заложником своего слова, пока, наконец, в 1619 году по условиям Деулинского перемирия Россия и Польша не обменялись пленными. Еще и Смоленск остался за поляками, поэтому даже пану Рущкому грех было обижаться.

В августе 1615 года по челобитью Петра Горчакова из Печатного приказа была выдана грамота о «сдаче» им внуку своей вотчины на 609 четвертей в Волоцком стане Вяземского уезда, а полагавшейся пошлины в размере 7 рублей 20 алтын пол- 2 деньги по государеву указу не взято «для его бедности» [84]. Земли и хозяйство, очевидно, были настолько разорены войной, что Горчакова, передавшего вотчину внуку, освободили даже от уплаты пошлинного сбора.

Однако, помня особенное усердие князя к делам духовным, можно предположить, что, отстраняясь от имущественных забот, Петр Иванович уже готовился к своему «уходу». Казалось бы, он сделал все, что мог и должен был сделать в своей жизни, и даже чуть больше. Где бы Горчаков ни оказывался, не щадя живота своего он верой и правдой служил своему государю, а смерть старательно обходила его стороной. Несколько раз верхом на коне (судя по вкладам в Высоцкий монастырь, лошади были его страстью) он пересекал всю тогдашнюю Русь с запада на восток и с севера на юг (представить только — это десятки тысяч верст!), и, думается, не было такой «горячей точки» вдоль ее границ, где бы не побывал Петр Иванович за время своей более чем 40-летней службы.

Трудно переоценить и его вклад в присоединение Сибири к землям Московского государства. Что же касается обороны Смоленска, то, как знать, не окажись по Промыслу Божию рядом с Шеиным такого грамотного, опытного и надежного помощника, как Горчаков, так ли сложилась бы судьба этого города-героя, на долгие 20 месяцев отвлекавшего на себя от Москвы и других городов огромные силы польско-литовских завоевателей. Во многом именно смоляне во главе с Шеиным и Горчаковым своим бессмертным подвигом дали возможность православным русским людям очнуться, опомниться и, призвав на помощь Бога и Его Пречистую Матерь, объединить свои силы для отпора многочисленным врагам, внутренним и внешним.

Последнее по времени свидетельство о князе Горчакове, известное нам из источников, запечатлело его в самом сердце России — в Москве, в приказе Казанского дворца, где он, рассказывая на расспросе о своей березовской службе четвертьвековой давности [85].

Где, когда и при каких обстоятельствах окончил он свои дни, историкам пока неизвестно. Но в подробном боярском списке 1626 года его имя уже отсутствует. Не исключено, что где-то в архивных «древлехранилищах» или музейных запасниках, в монастырских синодиках или вкладных книгах, найдется рано или поздно неприметная запись о церковном поминовении раба Божьего Петра или, быть может, некоего безвестного инока, который после бурной жизни, перенасыщенной яркими событиями и ратными подвигами, нашел упокоение под сенью тихих монастырских стен...

И делается как-то очень светло на душе оттого, что к этой удивительной судьбе оказались так или иначе причастны первые хиринские крестьяне, исправно пахавшие эту добрую землю и собиравшие хлеб для своего вечно где-то пропадавшего помещика и верного государева слуги Петра Ивановича Горчакова, о жизни которого они, почти наверняка, ничего не знали. Однако именно так и творится великая история, когда каждый на своем месте исправно делает свое малое или большое дело, а остальное, слагая человеческие усилия, премудро довершает Господь...

Хочется выразить особую благодарность д. и. н. профессору Я. Г. Солодкину, заведующему кафедрой истории России Нижневартковского государственного педагогического университета, и петербургскому исследователю А. М. Молочникову, аспиранту Института истории РАН, исследования и публикации которых [86], любезно предоставленные авторами, были использованы при подготовке данного материала.

«Жильда на правду»: история хиринского поместья Ададуриных

После Петра Горчакова его арзамасское поместье было отказано Сергею Ададурину [87]. Случилось это не позднее апреля 1601 года, что следует из записи о присутствии его крестьян на отделе: «... да деревни Своробоярского Сергеевы крестьяня Ододурова Олексей Федоров, Миня Григорьев ...» [88], тогда как 1 января того же 1601 года, согласно аналогичной записи, поместьем владел еще Горчаков.

Как выясняется из позднейших документов, помимо своробоярского поместья значился за Ададуриным и жребий в деревне Хирино — их он, по всей вероятности, получил одним разом в счет своего поместного оклада. Следовательно, и Петру Горчакову ранее принадлежали поместные земли в обеих названных деревнях, которые в начале 1601 года выбыли из его владения и были отказаны Сергею Ададурину.

Так вот, с правами на это арзамасское поместье Ададурина, бывшее Горчакова, приключился в годы Смуты любопытный эпизод.

Как мы помним, хиринский помещик Сергей Григорьевич Ададуринов, воевода царя Василия Шуйского, был убит воровскими людьми в сражении под Дедиловым «на побеге». Его поместье, оставшееся без хозяина, по закону подлежало возвращению в казну, пока ему в скором времени не найдется новый владелец.

Отказывались ли хиринские и своробоярские земли кому-либо в 1607–1610 годах, мы точно не знаем, однако в 1610–1611 году по челобитью некоего Григория Константиновича Доможирова в придачу к его старому нижегородскому поместью «дано новое поместье в Арзамаском уезде селцо Панове, Осаново тож, а в том селце жеребей Воина Раневского, да Сергеевское поместье Дудорова, жеребьи в деревнях Своробоярской да в Кожине да в Хирине, да на Алаторе селцо Скрытино с починком, в его оклад, до ласки короля его милости» [89].

Отказной лист Доможирову выдал не кто иной, как «*Жигимонт третий, Божою милостию король Польский и великий князь Литовский и пр<очая>*», войска которого во главе с гетманом Станиславом Жолкевским осенью 1610 года заняли Москву и вскоре уже принимали в Кремле присягу столичных бояр на верность польскому королевичу Владиславу — сыну Сигизмунда III.

Сохранилось и свидетельство самого Доможирова, из которого становится понятно за какие такие заслуги, вернее сказать — «подвиги», он получил столь щедрую прибавку к его прежнему поместному окладу: «*Наяснейшему и великому государю Жигимонту, королю Полскому и Литовскому, и великому государю нашему Владиславу королевичу Жигимонтовичю, бьет, челом верный поддантнй вашише милости государские, Григорей Костентинов сын Доможиров. Мучил я живот свой от Шуйского, в турме сидел и разорен, государи, со всем животом за вас, великих государей; а за то, государь, я мучил живот свой за ваши государево величество, и сказывал на Москве дворянам и детем боярским и торговым людем, чтоб нам на Московском государстве видети государем сына твоего государя Владислава Жигимонтовича; и про то, государь, у меня сведали князя Василья Шуйского ушники Иванис Ададуров да Мисюръ Соловцов, да Соловой Протасъев, и сказали, государи, на меня Шуйскому, и меня подданного вашише милости разорил совсем; и как я выкинут из тюрьмы после Шуйского, и я вам государем служил: к патриарху и к бояром приходил с дворяны, чтоб нам крест, целовати тебе государю и сыну твоему государю нашему; и как, государи, приговорили крест, целовати бояря и вся земля, и я с тою вестью выехал из Москвы к твоему государеву гетману к Станиславу к Станиславовичу Желтовскому (имеется в виду гетман Станислав Жолкевский. — Л. М.) да к боярину к Ивану Михайловичу Салтыкову, и о той моей работе писал гетман к тебе государю. Пожалуйте меня подданного своего за ту работу поместною придачей и денежным жалованием, как вам великим государем Бог известит, и велите, государи, меня написати по московскому списку. Государи смилуйтесь, пожалуйте» [90]. «Жигимонт, король Польский», как видно, внял мольбе своего угодника и смиловался, и обласкал, и пожаловал...*

Добавим к этому, что разоблачителем подрывной агитации Доможирова в Москве и виновником его заточения в тюрьму в 1607 году оказался, как видно из текста челобитной, родной брат погибшего воеводы Сергея Ададунова Иван (Иванис) Григорьевич Ададунов, написанный в боярском списке 115 (1607) года «стряпчим с ключом» [91], то есть действительно входивший в самый ближний круг царя Василия, а впоследствии, уже при Михаиле Феодоровиче Романове, служивший воеводой в Переславле-Резанском [Рязани] (1614) и Дорогобуже (1617) [92].

Не исключено, что Г. К. Доможиров выпросил себе именно бывшее арзамасское поместье Сергея Ададунова с жребиями в деревнях Своробоярское и Хирино, желая тем самым заодно насолить своему обидчику через родных его племянниц, которые должны были претендовать на право кормиться с отцова поместья после его гибели. Хотя возможно, что в этом деле «злокозненно порадел» кто-то из числа московских бояр, обласканных поляками, — тот, кто с прежних времен имел зуб на Ададуновых, верой и правдой служивших царю Василию Шуйскому, имевшему немало врагов и завистников в боярской среде.

Впрочем, мы не знаем, смог ли, успел ли Доможиров воспользоваться своим правом на арзамасские поместные земли. По писцовым и переписным книгам 1621–1623 годов в числе помещиков Арзамасского уезда он, действительно, упоминается, но не в Хирине и Своробоярском, а в деревне Гагино, а также в Нижегородском уезде, где ему в придачу к старому

**Сигизмунд III Ваза,
король Польский
и Великий князь Литовский**

**Служильный татарин
второй половины XVI века.
Рисунок О. Федорова**

Максимов А.Ф. На службу государю

поместью даже была пожалована вотчина. Видимо, в дальнейшем он сумел как-то реабилитироваться в глазах новой власти, возможно, как предположил Любомиров, своим последующим активным участием в борьбе против польско-литовских оккупантов [93].

Во всяком случае, бывшим поместьем Ададунова в 1610-е годы владел не «польский агент» Г. К. Доможиров, а московский дворянин Иван Иванович Воейков, упоминаемый в разрядных записях тех лет как «стряпчий с платьем» [94], то есть ведающий царскими одеждами и прочей «стряпней» (креслами, подушками, полотенцами и тому подобным).

Наконец, уже во второй половине 1620-х поместье Воейкова (прежде бывшее за Ададуновым, а еще ранее — за Горчаковым) было отказано «за девками за Федосею да за Овдотею за Сергеевыми дочерми Ододорова», за которыми до этого, судя по писцовым и переписным книгам 1621–1623 годов, значился в Хирине и Своробоярском лишь небольшой «прожиточный жеребей» размером «45 четвертей в поле, а в дву потому ж» [95].

Так что справедливость в этом случае, похоже, восторжествовала: хиринские и своробоярские земли с крестьянами, кормившие достойнейших русских военачальников, верой и правдой служивших России в переломный момент ее истории, — вернулись в итоге к тем девицам-сиротам, которые по праву были их наследницами и в скором времени заслуженно составили брачные партии представителям двух именитых родов — князей Долгоруковых и Волынских.

Несостоявшийся покоритель Сибири стрелецкий голова Воин Аничков

Известен также еще один документ, имеющий прямое отношение к истории Хирина, — это грамота к воеводе Нечаю Федоровичу Благово об отказе поместья Павлу Аничкову с бабкой и матерью, датированная 11 января 1595 года (см. Арзамасские поместные акты, № 435). Вот ее текст: *«От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси в Орземас Нечаю Федоровичу Благово. Бил нам челом Павлик Воинов сын Оничков: в нынешнем де 103-м году отца его Воина на нашей службе на Терке не стало, а после его осталось отцу его мать, вдова Василиса, а ему Павлику бабка, да его Павликова мать, вдова Олена, да он, Павлик, ныне девяти лет. А государева де жалованья помес [т]ья за отцом его было в Орземасе в деревне в Хирине 32 чети с полосминою да в Нижнем Новгороде 307 чети, а оклад де отца его был 500 чети. И нам бы его, Павлика з бабкою да с матерью тем отца его помес [т]ьем пожаловать, а он, Павлик, как к нашей службе поспеет и будет в 15 лет, и он с того отца своего помес [т]ья учнет нашу службу служить, а сверх службы бабку и мать свою кормить.*

И ож будет, так, как нам Павлик Оничков был челом, и мы к тебе тому Воинову помес [т]ью Оничкова послали с орземаских книг письма и меры Игнатья Зубова с товарищи лета 7093-го выпись слово в слово, за дьячьєю приписью, и как к тебе ся наша грамота и выпись с книг придет, и ты-бы в Орземаской уезд в Воиново помес [т]ье Оничкова, в деревню Хирину, послал кого пригоже, а велел ему, взяв с собою тутошних и сторонних попов, и дьяконов, и старост, и целовальников, сколько человек пригоже, в Воиново помес [т]ье Оничкова ехать, да в том помес [т]ье, в Воинове жеребью Оничкова, чем Воин владел, oprичь иных жеребьев, по выписи пашни

Суриков В.И. **Покорение Сибири Ермаком**

Лебедев К. **Поход Ермака**

32 чети с полосуиною велел отказати Павлику Воинову сыну Оничкову з бабкою да с матерью к нижегородскому помес [т]ью, к 300 к 7 четям; а как Павлик будет в 15 лет., и ему с того помес [т]ья наша служба служить, а сверх службы бабка и мать своя кормить. А что Павлику Оничкову в том отца его помес [т]ье откажет дворов и дворех людей по имяном, пашни, и сена, и лесу, и всяких угодей, и ему то все велети написати в книги подлинно порознь земскому или церковному дьячку, да те книги, за поповыми и за дьяконовыми руками и за того рукою, кого пошлешь отделять, прислал к нам к Москве и велел отдати в Помес [т]ном приказе дьяку нашему Елизарю Вылузгину.

*Писан на Москве лета 7103-го генваря в 11 день.
Диак Елизарей Вылузгин.*

Правил Микифорко Сверчков.

*В Орзemas Нечаю Федоровичу Благово 103-го майя
в 7 день привез Павлов человек Ларька».*

Отец сего просителя, Воин Владимиров сын Аничков (Оничков), прежний владелец скромного хиринского поместья в 32 четверти с полуосминою, вероятно, выменял его незадолго до своей гибели (1595), поскольку те же самые «32 чети с полуосминою» были отказаны ему еще в 1592 году, но в деревне Старое Сысерево [96].

Впрочем, основные его владения находились все-таки в Нижегородском уезде, в частности, в деревне Жестелёво и в селе Подвязье Березопольского стана, где в 1588 году «казанские жильцы» стрелецкий голова Воин и его брат Владимир, Владимировы дети, Аничковы (Оничковы) получили поместные земли по 49 чети в поле, а в дву потому ж [97]. В дальнейшем поместные оклады братьев Аничковых, много преуспевших на государственной службе, выросли и были подкреплены соответствующим земельными «дачами».

Воин Аничков стал известен в российской истории тем, что в ноябре 1582 года, будучи послан из Москвы в Пермь, по наказу царя Иоанна Грозного, должен был задержать сибирский поход Ермака Тимофеевича, организованный Строгановыми. В частности, Аничкову государем было дано предписание: «тех казаков, Ермака с товарищи, взяв отвести в Пермь и в Усолье в Камское, и туто им стоять велели, разделяся, и из тех мест на Пельинского князя зимою на нартах ходить воевать велели есмя тем всем казаком и пермичем и вятчином, с своими посланники с Воином с Оничковым и с Иваном с Глуховгунч, чтоб вперед воинские люди, пельинцы и отяки и вогуличи, с сибирскими людьми на наши земли войною не пришли и нашии земли не извоевали. А велели есмя тем казаком быти в Перми до весны и на отяки и на вогуличи ходить с Воином воевать и их в нашу волю приводить по нашему указу» [98]. В той же грамоте самодержец российский изливает свой государев гнев на Строгановых за то, что они «тем задором с сибирским салтаном ссорили нас». Миссия, порученная Воину Аничкову с Иваном Глуховым, по замыслу государя, заключалась в том, чтобы эти государевы люди, возглавив зимний поход на Пельинского князя и союзные с ним сибирские народы, тем самым перехватили бы инициативу у строгановских наемников Ермака и его казаков, и контроль Москвы над сибирским делом, ранее порученным Строгановым, был бы таким образом восстановлен.

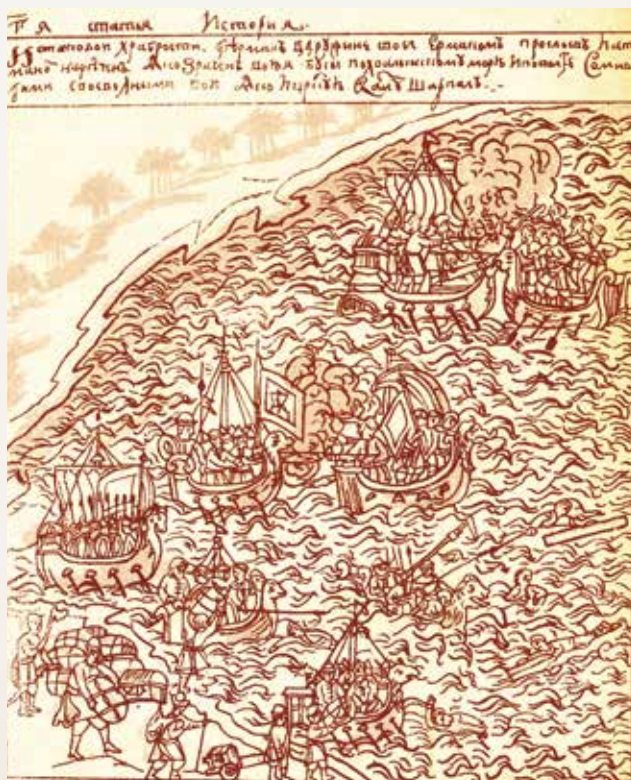

Ростворовский С.Р. Послы Ермака перед Иваном Грозным

**Старинная парсуна Ермака,
XVII век**

Ни этот, ни какой-либо другой
портрет Ермака не были
написаны при жизни

Ермак и ермаковы струги.

Детали миниатюры из Ремезовской летописи XVII века

Но Аничков остановить и повернуть Ермака в Пермь и Усолье Камское не успел — те ко времени его прибытия уже ушли, и случилось то, что случилось. Последующий успех сибирского похода Ермака переменял государев гнев на милость, а войну с враждебным Пелымским княжеством, как мы уже писали, полностью завершил П. И. Горчаков в 1592–1593 году, но было это уже при преемнике Грозного — его сыне «святоцаре» Федоре Иоанновиче.

И хотя история, как принято считать, не терпит сослагательного наклонения, но кто знает, если бы Ермак Тимофеевич малость помедлил и Аничков успел доставить государев Ермак наказ вовремя, возможно, звание покорителя Сибири досталось бы не волжскому казачьему атаману Ермаку, а именно «казанскому жильцу» стрелецкому голове Воину Аничкову, нижегородскому и арзамасскому помещику, за которым в 1590-е годы числилось небольшое поместье в деревне Хирино.

С 1589 года Воин Аничков упоминался на астраханской (терской) службе на южных окраинах Руси [99], где он оберегал земли Московского государства от набегов крымских и ногайских татар, от разбоев горных черкес и вольных казаков, временами промышлявших грабежом купеческих торговых караванов, шедших с товарами по Волге от Астрахани через Самару и далее к Москве. Где-то там, «на Терке», в 1595 году его и застигла смерть, о которой поведал его сын в своей челобитной.

Павлик же, ставший хиринским помещиком вместо своего отца, вырос и, как обещал, стал служить государеву службу с отцова поместья. Так, в нижегородской десятыне 115 (1607/1608) года записано о нем: «Павлик Воинов сын Оничков — прежней ему поместной оклад 350 чет, да по государеве грамоте за приписью диака Истома Карташова придано ему за службу 50 чет., и учинен ему помес [т]ной оклад 400 чет» [100]. Впрочем, имя Павла Аничкова в связи с хиринской историей нам более не встречалось, поэтому дальнейшая его судьба осталась за рамками нашего исследования.

Вот такими увидели мы судьбы первых хиринских помещиков по дошедшим до нас письменным источникам.

Глава III

*Барская воля.
Очерки владельческой
истории села Хирино
XVII-XVIII веков*

Село Хирино.

The background of the page features a historical map of the village of Khirino. The map shows a grid of land parcels, some colored in light blue and others in light green. A prominent parcel in the lower right is outlined in red and contains handwritten text in Cyrillic, including the number '168'. Other numbers like '189', '253', '109', and '45' are visible on the map. The map is drawn with thin lines and includes some small symbols, possibly representing buildings or trees.

ПОМЕСТЬЯ И ВОТЧИНЫ

Ключевский определял поместье как «участок казенной или церковной земли, данный государем или церковным учреждением в личное владение служилому человеку под условием службы, то есть как вознаграждение за службу и вместе как средство для службы. Подобно самой службе, это владение было временным, обыкновенно пожизненным. Условным, личным и временным характером своим поместное владение отличалось от вотчины, составлявшей полную наследственную земельную собственность своего владельца» [101].

Владелец вотчины, соответственно, имел право распоряжаться ей по своему усмотрению: продать, заложить, подарить, разделить ее, дать в приданое, завещать наследникам или отказать в монастырь на помин души.

Поместье же, как сказано выше, было условным владением дворянина, состоявшего на государственной или церковной (патриаршей) службе. Распорядиться поместьем, то есть чужой собственностью, служилый землевладелец не мог, однако по закону имел право обменяться поместьем для удобства пользования поместной землей в интересах службы. На практике такие обмены, ставшие весьма распространенными в XVII веке, в большинстве случаев оказывались скрытой куплей-продажей поместных земель, поскольку обмен неравноценными поместьями предполагал компенсационные денежные расчеты между сторонами. Еще одной формой сделки, приводившей к фактической смене владельца поместья, была сдача его внаем другому помещику — сроки и условия подобного найма никак не регулировались тогдашним законодательством. Наконец, значительная часть поместий в XVII веке становилась по сути наследственным владением дворян, поскольку сыновья, вступавшие в государственную службу после отцов, все чаще и чаще «били челом» государю о наделении их поместными окладами с отцовых жребиев.

Все это способствовало тому, что различия между вотчинной и поместной формами землевладения на практике постепенно стирались, а в 1714 году были, наконец, и законодательно упразднены указом Петра I о единонаследии. С того времени в российском праве вместо прежних вотчин и поместий появилось новое юридическое понятие «недвижимого имения», признававшегося отныне наследуемой собственностью дворянина, но запрещенного для отчуждений и разделов. В указе так и было прописано: «*Всем недвижимых вещей, то есть родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместей, также и дворов и лавок, не продавать и не закладывать*» [102].

При этом введенный Петром новый порядок наследования предполагал возможность передачи дворянином неделимого недвижимого имения только одному из наследников (отсюда и название указа) — либо старшему сыну, либо тому, кто будет указан в духовном завещании наследодателя. Прочим, менее удачливым наследникам, по замыслу преобразователя России, следовало искать чинов, жалования и имений на государственной (статской) или военной службе на пользу Отечества.

Цель законодателя в указе была выражена довольно ясно: оградить недвижимые имения от бесконечного дробления, потому что «*от того разделения казне государственной великой есть вред и людям подлым (податным. — Я. М.) разорение*», а дворянское сословие — защитить от обнищания, являвшегося, по мысли государя, следствием таких дроблений.

Иванов С.В. Юрьев день

Однако, защитив таким образом дворян от обнищания, Петр сделал для них и нечто большее. Отмена поместного землевладения в том варианте, как осуществил ее царь-реформатор, одним росчерком пера фактически превратила вчерашние государственные земли в частную собственность высшего сословия. По сути это была безвозмездная приватизация в пользу дворянства огромной доли государственной земельной собственности, которую после отмены крепостного права придется выкупать бывшим помещичьим крестьянам. Хорошей иллюстрацией ко всему вышесказанному являются материалы по владельческой истории села Хирино XVII–XVIII веков, представляющие собой извлечения из записных книг Поместного приказа и Вотчинной коллегии, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов.

Чтобы не потерялся оригинальный колорит позднесредневекового текста, мы постарались сделать наш пересказ этих записей максимально приближенным к языку первоисточника. С этой целью многие слова, выражения, обороты речи и написания имен сознательно оставлены в том виде, как они даны в оригинале. Лишь датировка событий «от сотворения мира», принятая в допетровской Руси, заменена в соответствии с более привычным для нас летоисчислением от Рождества Христова, установленным в России Петром I в 1700 году.

*Хроники хиринского поместья-вотчинного
землевладения XVII–XVIII веков
(из записных книг Поместного приказа
и Вотчинной коллегии)*

По арзамасским писцовым книгам 1621–1623 годов «за девками за Федосею да за Овдотью за Сергеевыми дочерми Ододорова [...] жеребей в селе Хирине, [...] пашни паханные помещиковы 24 чети, да крестьянские пашни чет, да перелозу 20 чети, и 45 чети в поле, а в дву потому ж, земля добра, сена сто копен. В живущем чет пашни» [103].

В 1626 году «по Государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказной памяти воеводы Ильи Стрешнева да подьячего Михаила Максимова» пристав Андрей Четвертаков Сергеево поместье Ададунова, что было в вотчине за Иваном Воейковым, и то, что осталось у него за вотчинной дачей в поместье — всего 268 чет в поле, а в дву потому ж, отказал девкам Федосье да Овдотье Сергеевым дочерям Ададунова «на прожиток со всеми угоды» пополам, каждой по 134 четверти.

1627 года апреля в 6-й день девка Федосья Ададунова вышла замуж с прожиточным своим поместьем за князя Дмитрия Петровича Волынского. А сестра ее девка Авдотья 1630 года сентября в 28-й день вышла замуж с прожиточным своим поместьем за князя Алексея Федоровича Долгорукова. И за мужьями их те поместья записаны.

В 1672 году Дмитриеве поместье Волынского 22 чет с осминою в поле, а в дву потому ж, дано сыну его Александру Дмитриевичу Волынскому в поместье «со всеми угоды». По писцовым и переписным книгам 1678 года за ним в Хирине значилось 12 крестьянских и бобыльских дворов. А в 1683 году поместье А. Д. Волынского — жребий в селе Хирине с другими деревнями — дано ему в вотчину за Чигиринскую службу.

Князя Алексея Федоровича Долгорукова в 1636 году не стало, а из недвижимого его конюшеского и арзамасского имения, всего 330 чет в поле, а в дву потому ж, дано жене его Авдотье с дочерьми княжнами Прасковьей да Марьей на прожиток.

В 1660 году вдова княгиня Авдотья Долгорукова стоворила дочь свою княжну Марью с прожиточным ее поместьем замуж за князя Даниила Афанасьевича Барятинского, и за ним то поместье, «жеребей в селе Хирине, 134 чет в поле, а в дву потому ж», справлено. В 1665 году из того Данилова поместья Барятинского дано вдове княгине Авдотье 51 чет с осминою на прожиток по-прежнему. А в 1670 году «прожиточное ее поместье 51 чет по поступке ее и по заручному челобитью и по допросу» справлено за зятем ее за князем Григорием Даниловичем Несвицким. И в арзамасских переписных книгах 1678 года за ним в селе Хирино записано крестьянских и бобыльских 2 двора.

В 1681 году досталась та вотчина Григория Несвицкого стольнику Ивану Петровичу Языкову. А в 1684 году Языков ту вотчину в селе Хирине и прочих селениях променял Ивану да Андрею Несвицким на их суздальскую вотчину. Несвицкие в 1688-м ту вотчину, что в селах Хирино да Своробоярское, да жребий в деревне Шерстино, «с пашнею и со крестьяны и со всеми угоды» продали Александру Дмитриевичу Волынскому.

В 1695 году та вотчина справлена за сыном его стольником Иваном Александровичем Волынским. А в 1698 году ту выслуженную вотчину Александра Волынского велено написать между сыном его, названным Иваном, да дочерью девкой Агафьей.

В 1698 года февраля в 23-й день девка Агафья Александрова дочь Волынского, с выслуженной вотчиной отца своего, что в селах Хирино да Своробоярское, да в деревне Шерстино, да с купленной вотчиной отца своего в тех же селениях — всего 168 чет с осминою в поле, а в дву потому ж — вышла замуж за стольника князя Ивана Ивановича Щербатова. И за ним та вотчина по заручному челобитью и по допросу справлена и показана.

А в 1705 году княгиня Агафья, Иванова жена, Щербатова, ту свою арзамасскую вотчину, жребий в селе Хирино — *«пашины 45 четвертей в поле, а в дву потому ж, да крестьянских 24 двора»* — продала стольнику князю Степану Ивановичу Путятину, и за ним *«по купчей и по допросу справлена и об отказе в Арзамас [...] грамота послана 705 году Октября в 12 день, а отказных книг по городу Арзамасу не сыскано»*.

* * *

...Из выслуженной вотчины князя Ивана Семеновича Путятина в сельце Хирино с деревнями дана была часть в приданое дочери его Марье, что вышла замуж за стольника Михаила Семенова сына Жеребцова, и за ним та вотчина записана. И в 1636/37 году судились о той вотчине с Михаилом Жеребцовым шурины его князя Иван, да Федор, да Гаврила Ивановы — дети Путятины, но оставлена та вотчина за ним, Жеребцовым, по-прежнему. А по закладной кабале от 25 декабря 1630 года выслуженную вотчину тестя своего Михаил Жеребцов просрочил Григорию Климентьеву сыну Зловидову, и 1 марта 1631 года та вотчина за ним, Григорием, записана.

А в 1640 году Григория Зловидова не стало, и та его вотчина осталась за вдовою его Фетиньей [Фотиньей] и сыном Федором, которые по рядной записи 1648 года ту вотчину, «половину сельца Хирина», дали в приданое за дочерью первой и сестрой второго — Оксиньей Григорьевой дочерью Зловидова, что вышла замуж за Павла Федоровича Леонтьева, и за ним та вотчина, Оксиньин жеребей, в 1649 году записана...

* * *

...В 1638/39 году патриарший стольник князь Иван Иванович Путятин заложил выслуженную вотчину отца своего, жребий в сельце Хирино, Федору Григорьеву сыну Зловидову, и по просроченной закладной кабале в 1647 году 8 апреля та вотчина за ним, Федором, записана.

По переписным арзамасским книгам Федора Лызлова да подьячего Матвея Андреева 1648 года за Федором Григорьевым сыном Зловидовым в селе Хирине записано было 18 дворов крестьянских и бобыльских, да 2 двора людских. А в 1665 году та вотчина, 48 чет с осминою в поле, а в дву потому ж, справлена за детьми его за Иваном да за Петром Зловидовыми. В 1669 году 27 апреля заложили они, дети Зловидовы, ту хиринскую вотчину князю Ивану Дмитриевичу Барятинскому и просрочили, и по закладной кабале та вотчина за ним, за князем Барятинским, записана.

А в 1677 году «князь Иванова вотчина Барятинского по его данной и заручной челобитной», что дал он в приданое за своей дочерью, за княжной Прасковьей, жребий в селе Хирино, в записные вотчинные книги записана за мужем ее за стольником Петром Федоровичем Мещерским.

По смерти же его княгиня Прасковья, вдова Мещерского, с «приданой» своей вотчиной вышла замуж за боярина князя Константина Осиповича Щербатова, и за ним та вотчина 16 декабря 1687 года справлена. А в 1697 году, 25 февраля, Прасковья Иванова дочь, жена Щербатова, ту свою вотчину в селе Хирино «48 чет с осминою в поле, а в дву потому ж, со крестьяны» продала стольнику князю Степану Ивановичу Путятину, и 1705 году марта в 11-й день та вотчина за ним записана.

* * *

...По переписным арзамасским книгам Федора Лызлова да подьячего Матвея Андреева 1648 года в поместьях за Михаилом Ивановым сыном Засецким в селе Хирино показано 17 крестьянских и бобыльских дворов. И в 1665 году то Михайлово поместье Засецкого дано сыну его Назарию Засецкому в поместье, а в 1674 году, апреля 10-го дня, оно продано ему из Поместного приказа в вотчину. В 1678 году по смерти Назария та вотчина в селе Хирино дана жене его вдове Афимье «в пожить».

В 1684 году после смерти вдовы Афимьи вотчина ее дана Назарьеву племяннику Григорию Засецкому «вопче з дядьями ево 13 человеком по 6 чет без полуомины с пол пол пол пол четвертком в поле, а в дву потому ж». А в 1696 году Григорий Засецкий ту дяди своего вотчину в селе Хирино продал стольнику Прокофию Афанасьеву сыну Кологривову, по смерти которого в 1701 году та вотчина дана вдове его Афимье. И в том же году вдова Афимья, Прокофьевская жена Кологривова, ту «вотчину свою в Арзамасском уезде в селе Хирине с пашнею и со крестьяны и со всеми угоды» отдала в приданое за сестрой своей Анной зятю своему стольнику Матвею Алексеичу Головину.

В 1727 году Матвеева вдова Анна «приданую свою вотчину в селе Хирино со всеми угоды и со крестьяны» продала стольника Степана Ивановича Путятину жене княгине Гликерье (Лукерье), и в феврале 1732 года та вотчина за ним, князем Степаном, записана и дана ему для владения и сыску беглых крестьян выпись.

* * *

...А в сентябре 1718 года вдова Прасковья Васильевна Ушакова с сыном ее Алексеем Ивановичем Ушаковым продали князю Степану Ивановичу Путятину поместную свою землю в селе Хирино за 49 рублей.

* * *

По писцовым книгам 1621–1623 годов за Ильей Кречковым сыном Ананьиным в Тешском стане в селе, что была деревня Хирина, значилось отца его поместье 25 четвертей, да в Залесном стане за Шатковскими воротами в деревне Ушакове 25 четвертей в поле, а в дву потому ж.

В 1632 году Илья из своего поместья в деревне Ушакове 25 четвертей променял брату своему Любиму Ананьину на 42 четверти в Ичаловском стане в деревне Ульянино, и стало у Ильи поместной земли всего 67 четвертей в селе Хирино да в деревне Ульянино. А в 1652 году то поместье отдано детям его Никифору да Надеже, в 1667 году из того поместья 30 четвертей дано «на прожиток со всеми угоды» сестре их родной девке Нениле, что после вышла замуж за Романа Алексеева сына Спесивцева.

15 декабря 1690 года тот Роман Спесивцев из своего поместья в селе Хирино 5 четвертей пашни с осминою променял князю Степану Ивановичу Путятину на те же 5 четвертей в деревне Кашиной Ичаловского стана, «и того ж года декабря 30-го дня та мена меж ними расписана».

* * *

В 1682 году за Яковом Семеновым сыном Ананьиным справлен отца его, Семена Ильина, жребий, а также дано ему из поместья родных дядьев его Никифора и Надёжи Ильиных детей Ананьиных, что в селе Хирино и деревне Ульянино, всего 27 четвертей без полуосмины в поле, а в дву потому ж.

В 1684 году тому ж Якову Ананьину дано поместье в селе Хирино да деревне Вонючке «17 четвертей в поле, а в дву потому ж», что прежде состояло за отцом его Семеном Ильиным Ананьиным, а тому дано было еще в 1648 году после дяди его Замятии Кречкова сына Ананьиных и по поступке Замятниной дочери Анны. И тогда же из того Замятниного поместья в селе Хирино и деревне Вонючке 15 четвертей отделено было Матвею Исупову.

А из того ж поместья в селе Хирино и в деревне Вонючке 7 четвертей с осминою дано было на прожиток девке Соломониде Владимировой дочери Ананьиных, которая в 1685 году вышла замуж без прожитка за Никиту Андреева, а прожиточное поместье ее отдано тому ж Якову Семенову сыну Ананьину.

Да за ним же, Яковом Ананьиным, по отказным книгам 1688 года состояло поместье в селе Хирино, что прежде было выменяно Степаном Никифоровым сыном Ананьиным «пашни 10 четвертей в поле, а в дву потому ж». В 1736 году то недвижимое имение умершего Якова Ананьиных справлено за двоюродной племянницей его Натальей Степановой, дочерью Ананьиных, что в замужестве была за Яковом Синбухиным.

А 20 февраля 1750 года сын их поручик Дмитрий Яковлевич Синбухин по смерти матери своей то недвижимое имение в селе Хирино продал Анастасии Ивановне Путятиной, жене князя Алексея Алексеевича Путятин, и то имение за ним, Путятиным, записано...

По материалам РГАДА [104]

Вот примерно так происходил в России оборот земельных владений в XVII — начале XVIII века.

Конечно, далеко не все цепочки сделок с хиринскими поместьями, вотчинами и недвижимыми имениями пока удалось раскрыть. Тем не менее уже из представленных материалов видно, что хиринские земли с прикрепленными к ним крестьянами в течение XVII — первой половины XVIII века сменили свыше трех десятков владельцев. То, что удалось узнать о некоторых из них, изложено ниже в трех небольших биографических очерках.

А затем последует рассказ о главных действующих лицах владельческой истории села — князьях Путятиных, в чьих руках к началу XVIII века сосредоточилась большая часть хиринских земель и крепостных крестьян. Поэтому XVIII столетие в истории Хирина по праву можно назвать «веком Путятиных».

ТРИ ОЧЕРКА О ТЕХ, «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

«По имени и житие»: *Несмеянов сын Зловидов, а звали Григорием*

Григорий Несмеянов сын Зловидов, упоминаемый в письменных источниках XVII века также под отчеством «Климентьевич», — это известный государственный деятель и дипломат времен правления Михаила Федоровича Романова, владимирский, затем московский дворянин, помещик Владимирского, Суздальского, Арзамасского и ряда других уездов.

«Неприветливая» фамилия, говорящая сама за себя, досталась Григорию от родителя, как и не менее суровое отчество. Его отец Несмеян Иванов сын Зловидов, названный Климентом (Климентием) в крещении, в 1607 году был губным старостой Владимирского уезда, а в 1611 году состоял в должности воеводы во Владимире, будучи назначен туда польской администрацией короля Владислава [105].

В древних актах упоминается двое сыновей Несмеяна-Климентия — Иван, который в мае 1613 года от имени владимирцев подписывал Уставную грамоту об избрании на царство Михаила Романова, и Григорий, арзамасский и, в частности, хиринский землевладелец, который по просроченной заемной кабале заполучил от несостоятельного должника Михаила Жеребцова часть бывшей вотчины его тестя Ивана Семеновича Путьятина. Но Хирино, вероятно, не единственный пример такого рода приобретательской деятельности Григория Зловидова.

Любопытна характеристика, данная ему одним из современников, составителем сказания о чудесах преподобного Сергия Радонежского. В этом повествовании описан случай, когда алатырские дворяне и дети боярские, «заведоша вражду велию» на Алатырский Троицкий Сергиев монастырь и строителя монастыря Симона *«предай! а судии, зело немилосерду суцу, именем Григорию, зовому от человек Зловидову. И яко имя же его бысть, тако и нрав его подобен имени его: кротость на языке нося, обычаем же зверообразен; льстивым языком глагола, яко помогая на правду, сердце же его не бе к правде, но во всем ис [т]цем угож [д]ая и строителя того безвинного на правеже бьяше без милости»* [106]. Троице-Сергиева лавра к которой в то время был приписан Алатырский монастырь, тоже, кстати, пострадала, но не от самого Григория Зловидова, а от его ближайших родственников — вышеназванных отца и брата, на которых еще в 1605 году от служителей лавры была подана жалоба, дескать они, Зловидовы, захватывают монастырские вотчины и силой вывозят в свои поместья монастырских крестьян [107].

Еще про Григория Зловидова известно, что в 1621 году он, часто привлекавшийся для разных дипломатических поручений, был послан государем «к кызылбашскому (персидскому. — Л. М.) послу на встречу в Ярославль» и «до Москвы шел вместе с послом с дорожными приставами» [108]. В 1623–1625 годах Зловидов — письменный голова в Тобольске, в 1629 году он в той же должности служит в Кольском остроге. Вообще, имя его довольно часто упоминается в документах 1620–1630-х годов по самым разным

случаям (судам, сборам, ревизиям, дозорам), что свидетельствует о его известности в свое время, довольно высоком статусе в дворянской служилой иерархии и хорошей репутации при государевом дворе.

Но, пожалуй, основное, чем запомнился Григорий Зловидов в российской истории, — это своей дипломатической миссией к крымскому хану Инайет Гирею в 1635–1636 годах, случившейся в весьма сложный для русско-крымских отношений период. Тогда и Григорию, и его спутникам, шедшим в Крым из Москвы с дорогими дарами, пришлось претерпеть от крымчаков многие обиды и унижения.

Менее чем через год после отбытия русских послов из Крыма — в 1637 году — донские казаки дерзко взяли Азов, бывший важной опорной крепостью Турции и вассального по отношению к ней Крымского ханства по пути к Москве. После потери Азова Маметша ага, один из приближенных нового крымского хана Бегадыр Гирея, «выговаривал» московским толмачам (переводчикам), предрекая скорое будущее русско-крымских отношений: *«что де посланники нам ни говорят, тем все о [б]манывают. А великий государь украины свои загораживает и города и острожки вновь велел поставить, а сам де государь к Крыму ближитца. Азов велел взять и называет крымских царей братьями, и поминки посылает, а Крым емлет. А бусурманские де цари и с того просты и на корысть падки. Так же де и прежние великие государи Казань и Астрахань взяли, большое де [зло] и над Крымом так же будет»* [109].

Вставший в годы казачьего владения Азовом во всей своей остроте крымский вопрос стал одним из главных на повестке дня Земского собора 1639 года, созванного *«по поводу небывалых еще по своей жестокости в практике дипломатических сношений Москвы с Крымом насилий, совершенных крымцами над посланниками И. Фустовым и И. Ломакиным»* [ПО].

На том соборе люди Московского государства имели суждение о «неправдах крымского царя». Сначала выступил с гневной речью патриарх Иоасаф, затем говорили бояре, окольные и думные люди, что «они против крымского царя за такие злые неправды стояти готовы. А стольники и стряпчие и дворяне московские говорили, что они, слыша такие крымского царя и калгины и нурадиновы злые неправды, рады стоять не щадя голов своих. А дворяне и дети боярские из городов говорили, что они рады за то все помереть. А гости и торговые люди говорили, чтоб за такие злые неправды бусурманом неверным казны не давать, а давать бы казна (так в документе. — Л. М.) государевым ратным служивым людям, которым против тех бусурманов стоять. Да те ж крымские злые неправды и мученье сказывал на соборе Григорий Зловидов, потому что он сам в Крыме был и такие злые насильства и позор терпел» [111]. В итоге русские люди, «помысля», на совете так и решили: крымскому хану за его «неправды» казны, которая раньше посылалась «для дружбы и любви», больше не давать, а дать ее ратным людям, которые против крымчаков стоять станут.

В 1640 году Григорий Зловидов помер, и хиринская вотчина перешла во владение его вдовы и сына Федора, который по примеру своего отца и тоже по просроченной закладной кабале отобрал у Ивана Ивановича Путятина часть хиринской вотчины.

Так что непосильные «кабальные» займы и легкомысленные кредиты во все времена были угрозой общественному и личному благосостоянию, делая имущество несостоятельных должников легкой добычей сильных мира сего.

Шварц В.Г. Вешний поезд царицы на богомолье при царе Алексее Михайловиче

«Отлынил»: эпизод из служебной биографии Александра Дмитриевича Волынского

Помещик Арзамасского уезда Александр Дмитриевич Волынский, владевший поместными и вотчинными землями в селах Хирино и Своробоярское, однажды очень прогневал царя Алексея Михайловича (1629–1676). Случилось это осенью 1673 года, когда государь в очередной раз собрался в традиционный Троицкий поход — на богомолье к Святой Троице и преподобному Сергию.

Волынский был одним из тех многочисленных государевых слуг, которым надлежало в установленный срок явиться к царскому обозу. Но тот почему-то не приехал — то ли «отлынил», то ли «протянул волынку» и опоздал. Так или иначе, Алексей Михайлович уехал из Москвы без Волынского, а по возвращении наказал всех «нетчиков», в числе которых досталось и нашему помещику — по государеву указу поместье у него отобрали [112].

Чтобы понять, насколько была велика по понятиям того времени вина Волынского, достаточно ознакомиться с потрясающей книгой известного знатока московской старины Ивана Егоровича Забелина «Троицкие походы русских царей».

Начало традиции этих походов было положено еще великим князем Дмитрием Донским в 1380 году. Когда многочисленное Мамаево войско стремительно приближалось к границам Великого княжества Московского, Дмитрий, узнав об этом, «поспешил к преподобному Сергию, славному уже тогда везде делами святости, чтобы испросить его

совета и благословения на брань решительную, ужасную». Победа на Куликовом поле, дарованная русскому воинству по молитвам аввы Сергия, сделала основанную им обитель главным монастырем Московского великого княжества, а затем и царства. С тех пор дети и внуки Донского, и все государи московские ходили на поклонение «в дом Пресвятой Троицы» и к преподобному Сергию, «игумену всея Руси», которого почитали как великого чудотворца и называли «кормителем всех царей российских» [113].

Троицкие походы совершались ежегодно, а бывало и по 2–3 раза в году. Цари *«нередко по обещанию говели там и ходили туда пешком, путешествовали туда весною и летом, осенью и зимою, но чаще всего на память св. Сергия, 25 сентября. И ни войны, никакого дела государственного и семейного они не начинали, не побывав прежде у Троицы».*

Особенной пышностью и великолепием отличались эти процессии во времена царя Алексея Михайловича, о чем сохранилось подробное свидетельство очевидца — секретаря иностранного посольства Адольфа Лизека, со слов которого мы можем представить себе следующую картину.

В день выезда — 19 или 20 сентября — с самого утра назначенный воевода с полутора тысячами лучших московских стрельцов («ветеранов пехоты») готовил для государя путь. Открывала шествие большая пушка, которую сопровождали двое заряжающих — один с секирой, другой с копьем, увенчанным двуглавым орлом с фитилем в когтях. По бокам двигалась фаланга стрельцов в красной суконной одежде, дальше шли знаменосцы, трубы и барабанщики.

В это время в поле царя уже ожидало 14-тысячное войско в полном парадном снаряжении — это те, кому было поручено организовать станы по пути к монастырю. С этим войском передвигалось несколько десятков обозов с иконами, продовольствием, оружием, деньгами для раздачи милостыни, с разными царскими вещами («стряпней»): платьями, бельем, постелями, посудой, банными принадлежностями и прочими предметами царского обихода.

С особым величием и торжественностью двигалась украшенная золотом и серебром царская карета, предваряемая кавалькадой из 62 всадников и запряженная шестью рослыми жеребцами. По бокам от кареты шла личная охрана царя с пищальями и его слуги. Карета царицы, запряженная двенадцатью лошадьми, была больше и величественнее кареты царя. Следом катилась карета царевича, запряженная четырьмя маленькими лошадьми, в сопровождении четырех карликов. После карет царской семьи следовали бояре, окольниковы, думные дворяне, стольники и слуги. В этой процессии у каждого было свое место и свои обязанности.

Одним словом, каждый такой поход представлял собой крайне сложное по организации, но чрезвычайно важное государственное мероприятие.

А Волынский взял и не приехал.

Впрочем, за его неявку к очередному Троицкому походу государь отобрал у него только своробоярское поместье, а хиринское осталось при нем. В 1676 году Алексей Михайлович умер, провинность Волынского со временем забылась, да и искупил он ее ратными подвигами: в 1683 году хиринское поместье было пожаловано ему в вотчину «за Чигиринскую службу», а в 1705 году у его дочери, принявшей отцово наследство, эти земли выкупил Иван Семенович Путятин.

Неврев Н.В. Петр I в иноземном наряде перед матерью своей царицей Натальей, патриархом Адрианом и учителем Зотовым

Царь, обрезающий бороды.
Старообрядческий лубок,
начало XVIII века

Хлебовский С. Ассамблея при Петре I

«**Без вины виноватый**».

Стольник Матвей Алексеевич Головин

*Да ведают потомки православных
Земли родной минушую судьбу, Своих
царей великих поминают За их труды,
за славу, за добро. А за грехи, за темные
деянья Спасителя смиренно умоляют.*

А. С. Пушкин. Борис Годунов

Стольник Матвей Алексеевич Головин, представитель одного из именитых аристократических родов старой Москвы, женившись вторым браком в 1700 году на Анне Ивановне (младшей сестре Афимьи Кологривовой), хириинскую вотчину получил за ней в качестве приданого. Бывал ли он сам в Хириине или нет, достоверно неизвестно, хотя здешние крестьяне точно знали его по имени, поскольку давали подписку новому владельцу в послушании и повиновении.

На государственной службе за свою долгую жизнь М. А. Головин прошел многое — и военные походы, и ответственные государственные должности, и важные поручения, и участие в разных соборных совещаниях, был в городах на воеводствах (в частности, в Симбирске в 1687 году), даже возглавлял, будучи уже в преклонных годах, Оружейную палату. Сенатский указ 1711 года гласил: *«У его государевых дел в оружейном приказе быть столтнику Матвею Алексееву сыну Головину, да ему ж ведать конюшенную казну»* [114].

Однако итог жизненного пути стольника Головина, успевшего отметить свою 80-ю годовщину со дня рождения, оказался весьма необычным для такого послужного списка. Неожиданно для себя и знавших его людей богобоязненный сановник оказался жертвой абсолютно дурацкой и кощунственной забавы самого, пожалуй, противоречивого из царей на российском престоле.

Общеизвестно, что государь император Петр Алексеевич отличался не только тяжелым характером и необузданным нравом, но подчас и весьма непочтительным отношением как к Православной Церкви, так и к древнему христианскому благочестию. Впрочем, таково было отношение ко всему, что ассоциировалось у Петра со старой патриархальной Москвой: это и ее служилая аристократия, и традиционное русское платье, и бороды, и «слишком» воздержанное, по его понятиям, отношение к хмельному зелью, которое у русских доходило до полного неприятия «питей» во время строгих православных постов. Потому-то при Петре и московское стрелецкое войско было упразднено в ходе военной реформы, будучи заменено на полки европейского образца, и столица России перенесена в построенный «на костях» среди северных болот Петербург, задуманный его создателем как «город на водах» по примеру Амстердама — столицы любезной его сердцу Голландии. Российское царство на европейский манер стало именоваться империей, а «слишком независимая от государства» Церковь, оставшись в 1700 году без патриарха, по монаршему произволению была подчинена специально созданному коллегиальному органу — Священному Синоду. Действительно, многое было сделано Петром для того, чтобы русский дух в России уступил место духу европейскому.

Нельзя не упомянуть в связи с этим (хотя эта тема нам глубоко неприятна) и о разных постыдных «деяниях» «всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего собора», созданного Петром в 1690-е годы под впечатлением от той жизни, которой он прикоснулся в протестантской Немецкой (Кокуйской) слободе в период своего юношества в подмосковном Измайлове. Эта жестокая и кощунственная пародия на Православную Церковь, ее управленческие органы и обрядность просуществовала в России более 30 лет, войдя в историю прежде невиданными на Руси придворными пьянками, разгулами, матерщиной и прочими бесчинствами, которые оттолкнули от Петра многих его современников, особенно среди глубоко верующих людей.

Матвей Алексеевич Головин оказался, быть может, последней жертвой этого позорного учреждения... Одна из дочерей Головина, Евдокия, была в свое время выдана за муж за тайного советника Алексея Петровича Лопухина (1728), который когда-то имел неосторожность одолжить 3000 рублей царевичу Алексею, впоследствии обвиненному в заговоре против отца, приговоренному к смерти и умершему при загадочных обстоятельствах в заточении в Петропавловской крепости в июне 1718 года. К тому же Лопухин был двоюродным братом опальной царицы Евдокии Федоровны Лопухиной (матери царевича Алексея) и поддерживал ее в трудные для семьи времена. За все эти «преступления» А. П. Лопухина и его жену по приказу Петра I выпороли кнутом и сослали в Сибирь. Малолетние дети Лопухиных с тех пор воспитывались в доме своего деда Матвея Головина, что, вероятно, и стало причиной неприязни к нему подозрительного монарха.

На святках в морозные январские дни 1725 года по традиции происходили гуляния с участием монаршей особы и «всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего» сборища. Призванному туда почтенному 80-летнему старцу Матвеем Головину император — вероятно, порядком захмелевший и бывший в «веселом» расположении духа, — приказал исполнять на том маскараде постыдную роль: по одной версии — демона, по другой — казанского архиерея [115]. Для этого Матвеем Алексеевичу было велено водрузить на голову шутовской колпак с рогами и вымазаться сажей. Богобоязненный Головин, разумеется, от этого отвратительного и унижительного действия отказался. Но не терпевший в тот день возражений Петр приказал насильно раздеть старика, вымазать его сажей и усадить в буквальном смысле голым задом на невский лед, что и было немедленно исполнено под дикий хохот безудержно веселящейся придворной толпы.

Поруганный старик не выдержал такого бесчестия и физических мук: *«будучи раздет донага и наряженный демоном, он простудился на этом правеже, получил горячку и вскоре потом скончался»*, — сообщает составитель истории рода Головиных Петр Казанский, пользовавшийся их семейным архивом [116].

Эта смерть, как видно из «Записок» Василия Васильевича Головина (внучатого племянника «невского страдальца», с которым они духовно были очень близки), наступила 30 января 1725 года, когда в его дневнике появилась запись: *«скончался дед Матвей Алексеевич Головин в Петербурге»* [117].

Тем временем история о святочном происшествии стремительно разлетелась в перебегах по столичным домам и салонам, вызывая у одних глубокое сочувствие и справедливое негодование, а у других, которых тоже немало, — наоборот, язвительную улыбку или даже смех.

А кто знает, быть может, именно это последнее кощунственное издевательство, учиненное Петром над бедным Головиным в святые рождественские дни, да еще при всем честном народе, как раз и переполнило чашу Божьего долготерпения?..

Во всяком случае, документы рассказывают вот что.

9 января Петр вместе с императрицей гулял на свадьбе *«Мишки с гудошницей Настасьей»* (Мишка — это слуга его денщика Василия Поспелова), 10-го — был на литургии у Троицы, а после кушанья — *«на родинах и на крестинах у помянутых женившихся»*. Потом 12-го и 14-го — на двух «ассамблеях» у графа Толстого и адмирала Крейца; 15-го — в доме *«у директора над строениями Синявина»*. Наконец, 17 января, как записано в походном журнале 1725 года, *«Его Императорское Величество заболел и никуда ездить не изволил. 18-го тож»*.

Далее недуг молниеносно перешел в «антонов огонь» — гангрену, сопровождавшуюся такими сильными болями и судорогами, что несколько дней Петр кричал от нестерпимых мучений, а потом, уже не имея сил кричать, только тихо стонал. 22-го он исповедовался и причастился Святых Христовых Тайн. 26-го его помазывали маслом (соборовали).

Лежа на смертном одре, он распорядился выпустить из тюрем всех заключенных, кроме убийц и государственных преступников, помиловать приговоренных к смерти, освободить сосланных в каторжные работы и покрыть долги осужденных за неплатеж должников из его собственных средств, «простил дворян, не явившихся на смотр» — одним словом, явил монаршую милость всем, «дабы молили они о здравии государевом» [118]; еще раньше повелел служить молебны о своем выздоровлении во всех церквях империи, включая костелы, кирхи и мечети.

27-го императору стало хуже. Архиереи, бывшие у его постели, стали его увещевать, говоря ему «о милосердии Божиим беспредельном». Еще дважды государь причастился Святых Тайн, сказав при этом: *«Сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня»*.

Наконец, 28 января (8 февраля) 1725 года в 6-м часу утра Государь император Всероссийский Петр Алексеевич *«преставился в своей конторке [...] от болезни урины запору»* [119], поспев на Божий суд даже на два дня раньше униженного им до смерти Головина.

По иронии судьбы Петр, чье имя в переводе с греческого означает «камень», принял смерть от «каменной болезни» в мочевом пузыре: вышло так, что «маленький камень сокрушил большой». Царь при жизни, действительно, был огромного роста, поэтому приготовленный для него гроб не вошел не только в тесные двери конторки, но и впоследствии, в день похорон, из траурной залы Зимнего дворца его пришлось выносить через окно.

При условии соблюдения канонического церковного обряда Петра должны были бы хоронить 30 января. Но на этот день — так случилось — пришлась неприметная на фоне общероссийского траура кончина поруганного Матвея Головина.

Дальнейшее известно. Забальзамированное тело императора оставалось непогребенным целых 40 дней, в течение которых российская элита (преимущественно уже безбородая, в завитых париках и в европейском платье), жители Петербурга, приезжие из Москвы и других городов могли проститься с царем-реформатором. Организаторов похорон совершенно не смущало явное нарушение православных канонов, потому что и сам покойный монарх, набожный, но «свободный от условностей», нередко попирал их при жизни, показывая своему окружению пример, отнюдь не достойный подражания.

Op den 8 Feb 1725, is den Kyser van Groot Rusland PIETER de Eerste, naar een siekte van 12 Dagen des Morgens ten 5 uuren in de Ouderdom van 52 Jaaren en 8 Maanden tot S^t. Peter sburg overleeden. Pet. Schenk Exc. Amst. cum Priv. Ingermanland. Act. 8 Feb 1725.

Imperator Russiæ magnæ PETRUS I. mortuus est post morbum dierum duodecim, hora quinta ante meridie, vixit annos duos et quinquaginta et menses octo in Arcem S^t. Petri S^t. Peter sburg overleeden. Pet. Schenk Exc. Amst. cum Priv. Ingermanland. Act. 8 Feb 1725.

Питер Шенк-младший

Кончина Петра I. Гравюра из исторического календаря памятных дат за 1725 год

Наконец, 8 марта прощание было окончено и гроб с телом государя торжественной процессией перенесли в строившийся тогда Петропавловский собор.

Но погребать не стали: присыпав тело землей, закрытый гроб с накинутой поверх императорской мантией оставили так еще на долгих 6 лет.

Умершего Матвея Алексеевича Головина схоронили тихо, по-семейному, как и положено, на третий день после кончины. А в 1729 году его вдова Анна продала свою «приданую вотчину» в селе Хирино Лукерье Осиповне Путятиной.

ПОД ГЕРБОМ КНЯЗЕЙ ПУТЯТИНЫХ. ХИРИНО В XVIII СТОЛЕТИИ

Нижегородский вице-губернатор Степан Иванович Путятин и его сыновья

Когда в июне 1714 года князь Степан Иванович Путятин — пусть не по должности, но по статусу — возглавил учрежденную в январе того же года Нижегородскую губернию, большая часть окружавших Хирино земель и около 2/3 крепостного населения этого села уже находились в его владении. В том же 1714 году в марте вышел государев указ о единонаследии, согласно которому различия между вотчинами и поместьями дворян были отныне упразднены, и появилось новое понятие «недвижимое имение». С учетом этих нововведений изменился и правовой статус путятинских владений в Хирине — теперь князь стал полным и безусловным собственником всех крестьян и земель, как доставшихся ему по наследству и выкупленных вотчинных, так и выменянных бывших поместных угодий.

Настойчивость, с которой правнук первого хиринского вотчинника собирал эти земли под свою хозяйскую руку, заставляет думать, что не одни только имущественные интересы стояли за этим стремлением. Была в этом, несомненно, и дань памяти своему пращуру, ставшему участником знаковых для России событий начала XVII века, и «любовь к родному пепелищу» — вотчине, в которую несколькими поколениями Путятиных было вложено немало трудов.

О Степане Ивановиче Путятине известно, что не позднее как с 1682 года он значился в чине государева стольника и занимал во времена царствования Петра I ряд важных военно-административных должностей. Так, например, в 1690–1691 годах он — воевода в Нарыме, затем с 17 июля 1691-го по 24 июля 1694 года — на той же воеводской должности в Томске. В 1701–1703 годах находился на воеводстве в Пензе, за это время составил подробное описание пензенской крепости (кстати, в 1682–1683 годах воеводой в Пензе служил и его отец стольник Иван Федорович Путятин, передавший своему единственному сыну хиринскую вотчину в конце XVII века). В 1704 году Путятин — городской воевода Саранска. В 1711 году он разбираал алатырских подьячих для определения на военную службу и, по-видимому, был комендантом в Алатыре (с 1711 года прежние воеводы стали именоваться «комендантами»), после чего получил назначение на ту же должность в Арзамас, на службе в котором он и упоминается в документах 1712–1713 годов [120].

В связи с учреждением 26 января 1714 года Нижегородской губернии и скоропостижной кончиной ее первого губернатора А. П. Измайлова, пробывшего в должности коротких четыре месяца, С. И. Путятину высочайшим указом от 17 июня предписано «*быть в Нижегородской губернии ландратом и тою губернию во всем ведать и отправлять всякие дела с прежними с ландраты обще*» [121]. С этого момента на последующие четыре года он стал фактическим руководителем Нижегородской губернии (с 1715 года — уже в чине вице-губернатора) вплоть до ее упразднения в 1717 году, вскоре после чего Степан Иванович отпросился в отставку в связи с болезнью.

В 1720 году против него было выдвинуто обвинение и начато следственное дело «о злоупотреблениях казенными подводами, о том, что он установил повышенную цену на кирпич и незаконно наживался на поставках зерна из Казани и Нижнего Новгорода и вообще вел фальшивые счета» [122].

Вероятно, в связи с этими обстоятельствами, еще более подорвавшими его здоровье, в 1720–1721 годах Степан Иванович устраняется от управления вотчинными делами и передает их своему сыну Алексею. В некоторых справочниках упоминается еще один сын С. И. Путятин — Андрей, однако, судя по тому, что имя его практически не встречается в алфавитах Поместного приказа, можно предположить, что жизнь его оборвалась слишком рано. Другим основанием для такого предположения служит деревянная церковь в честь апостола Андрея Первозванного, появившаяся в Хирине в 1720–1721 годах. Возможно, церковь была построена Путятинными именно для помина души их безвременно почившего сына и брата и освящена по распространенному тогда обычаю в честь небесного покровителя, чьим именем он был наречен при крещении.

Принявший хиринскую вотчину Алексей Степанович Путятин выступил инициатором замены в Хирине обветшавшего здания Предтеченской церкви, о чем свидетельствует запись в документах Патриаршего приказа, согласно которой «1721 г. декабря 31 запечатан указ о строении церкви и со освящением, по челобитью князь Алексея Путятин велено ему в Арзамасском уезде в вотчине его в селе Ивановском, Хирино тож, вместо ветхой деревянной церкви на том же церковном месте построить вновь церковь во имя Иоанна Предтечи, да в приделе Николая Чудотворца, пошлин 2 гривны взято» [123].

Сведений о начале строительства каменной церкви в Хирине найти не удалось. В указе, как мы видим, ничего не сказано о том, что новая церковь должна была стать именно каменной (обычно это всегда прописывалось в тексте). Поэтому, скорее всего, просителем предполагалось строить новую, очевидно, более вместительную и удобную, но все же деревянную церковь. Однако время и обстоятельства внесли в этот проект свои коррективы.

Неизвестно, удалось ли Алексею Степановичу начать задуманные им преобразования. Но можно предположить, что какая-то трагедия или болезнь внезапно оборвала и его жизнь, потому что ко второй половине 1720-х годов к управлению хиринской вотчиной снова пришлось вернуться престарелому Степану Ивановичу Путятину и его жене Лукерье Осиповне, похоже, потерявшим за короткое время обоих своих сыновей.

Несмотря на эти потрясения супруги в дальнейшем продолжают заниматься вотчинными делами. В 1727 году им удается выкупить у наследников покойного М. А. Головина недвижимое имение в селе Хирино с 74 ревизскими душами крепостных. Длившееся несколько лет утверждение этой купчей и предшествовавших ей сделок окончательно завершилось в Поместном приказе к 1732 году, когда по указу от 29 февраля С. И. Путятину на «недвижимое его арзамасское имение, которое за ним явилось по дачам, дана ему для владения и сыску беглых людей и крестьян выпись» [124].

На фоне пережитой личной драмы Путятин в эти годы особенно нуждались в духовном утешении, которое очень сблизило их с монахами Саровской пустыни, в частности, с основателем и первым ее строителем иеросхимонахом Иоанном, а также с казначеем Иосией (Самгиным). Их знакомство началось, по всей видимости, еще в бытность Путятин комендантом в Арзамасе и продолжилось в годы последующего вице-губернаторства в Нижнем Новгороде. А в 1722 году на средства, пожертвованные Степаном Ивановичем Путятинным с женой Лукерьей Осиповной и сыном Алексеем, был изготовлен

новый иконостас для главной церкви Саровской обители — храма Божией Матери в честь Живоносного Ее Источника [125]. В дальнейшем, когда Иоанн бывал в Москве по делам обители, он постоянно пользовался советами и помощью влиятельных вкладчиков, среди которых в числе первых назывался С. И. Путятин [126].

В отсутствие Иоанна обителью управлял иеромоах Иосия — протеже царевен Марии Алексеевны и Феодосии Алексеевны (родных сестер Петра I), с 1716 года бывший в должности казначея Саровской пустыни. Пользуясь безграничным доверием Иоанна, он со временем стал допускать некоторые вольности за спиной настоятеля, чем и вызвал справедливое недовольство первоначальника. Между ними наметился конфликт, до разрешения которого Иосия счел за лучшее покинуть Саровскую обитель, однако уже в 1732 году по ходатайству влиятельных столичных покровителей был назначен настоятелем Берлюковской пустыни, что в 40 верстах к северо-востоку от Москвы. Вступив в новую должность, Иосия, по слову одного из монахов того монастыря, «часто ездил в Москву исповедовать детей духовных, потому что у него много в духовности знатных персон» [127]. Не исключено, что в числе этих влиятельных покровителей мог быть и С. И. Путятин, поскольку Иосия в бытность свою в первопрестольной останавливался в его доме у Мясницких ворот и имел с ним беседы [128].

А в 1734 году некий монах Георгий, в миру звавшийся Григорием Зварыкиным, — один из постриженников Иосия в Саровской пустыни, явился в Московскую Синодальную контору и сообщил, что его люто преследуют бесы, от которых он и попросил его избавить. При дальнейшем разбирательстве выяснилось, что этот несчастный в свое время, будучи еще мирянином и находясь в Санкт-Петербурге, заключил страшную сделку с загадочным немцем по фамилии Вейц, который оказался и не человеком вовсе, а дьяволом, явившимся в людском обличии и выторговавшим у Зварыкина отречение от Христа. В обмен на это Зварыкину, как тот и просил, было обещано, что «к нему люди будут добры». Договор этот, по известной традиции, был оформлен на клочке бумаги и подписан Зварыкиным кровью из пальца, проколотого булавкой.

С этого момента жизнь его, действительно, изменилась: отныне ни в чем Зварыкин не знал нужды, а бесы в человеческом образе в любое время служили ему во всем, доставляя в изобилии пищу и питье, денег, сколько потребно, лошадей, если предстояло куда-то ехать. Уже готов был для него и дом в солнечной Италии, но ...

Однажды случайный разговор о «священных предметах» внезапно пробудил у Зварыкина крепко заснувшую совесть и привел его в храм на исповедь. Священник, внимательно его выслушав, исповедь принял, но наложил на него строгую епитимью (церковное наказание), запретив до самой смерти причащаться Святых Христовых Тайн [129].

В дальнейшем ради принесения покаяния и искупления тягчайшего из грехов Зварыкин много скитался по разным монастырям, пока не оказался, наконец, в Саровской пустыни, где без должного испытания и был вскоре пострижен в монахи Иосией. Однако после этого нечистая сила напомнила о себе Зварыкину, требуя от него исполнения ранее взятых «обязательств», и извела его настолько, что тот не выдержал душевных мук и, ища спасения, обратился за помощью в Синодальную контору. Так началось печально знаменитое следственное дело Тайной канцелярии, ставшее суровым испытанием для всех монахов Саровской пустыни и, прежде всего, для ее первоначальника Иоанна, арестованного по ложному доносу и, в конце концов, умершего в 1737 году в застенках этой мрачной организации времен бироновщины. Причем именно Иосия, прознав, что его вчерашний подопечный сидит в Тайной канцелярии и дает показания,

**Иеросхимонах Иоанн,
первоначальник Саровской пустыни**

Вид Саровской пустыни в 1764^{году}.

1. Иерусалимский Собор.	7. Девичья.
2. Церковь Живоначальной Троицы.	8. Девичья.
3. Церковь св. Иеронима.	9. Девичья.
4. Церковь св. Иеронима.	10. Церковь Звонкии Троицы.
5. Церковь св. Иеронима.	11. Житница.
6. Церковь св. Иеронима.	

**Вид Саровской пустыни
1764 год**

настолько испугался за свою жизнь и теплое местечко, что, решив обезопасить себя, написал постыдный донос, превративший в итоге это малозначительное дело в самый громкий политический процесс 1730-х годов.

Но о том, что Самгин оказался «явившейся в образе голубя змеей, пригретой на груди», Путятин при жизни своей так и не узнал, продолжая до кончины своей считать и Саровского первоначальника Иоанна, и его некогда ближайшего сподвижника Иосию своими друзьями и молитвенными ходатаями пред Богом. Преставился Степан Иванович, как можно понять, в конце 1733 или самом начале 1734 года, то есть за несколько месяцев до того, как получило ход громкое дело, открывшее лукавство Иосия.

А как так случилось, что не только многоопытный Путятин и другие «видные особы», но даже и такой искушенный в духовных делах угодник Божий, как иеросхимонах Иоанн, оказались обмануты Самгиным, объяснил в Тайной канцелярии один из Саровских монахов, показавший на допросе: *«Иосия имеет состояние, мнится мне, льстивое: слово гладко, поклоны низки; коварства скоро в нем признать неможно, потому что ежели хотя и мало усмотрит человека, кто куда склонен, то так и угождает; а кто б дел его, какие бы он удумавши, не зазирал, те ему приятны. Так он и обманул и Иоанна»* [130].

Впрочем, именно из показаний Иосии дошли до нас сказанные незадолго до кончины слова Степана Ивановича Путятина, очень почтительно отозвавшегося тогда о бывшем кабинет-секретаре Петра I А. В. Макарове, и высказавшегося с горечью о том, что *«нынче при доме Ее Величества больше все иноземцы»* [131].

Вдова С. И. Путятина Лукерья Осиповна на несколько лет пережила мужа и умерла в начале 1740-х годов.

***Строительство каменной церкви
и благоустройство усадьбы
при Алексее Алексеевиче Путятине***

Единственным наследником всего движимого и недвижимого имущества супругов Путятиных оказался их внук Алексей Алексеевич Путятин, состоявший по данным 1738–1742 годов в военной службе в звании прапорщика от кавалерии Луцкого драгунского полка [132].

Еще совсем недавно был у него родной брат, но будучи от роду 21 года и 27 дней Петр Алексеевич Путятин, капрал лейб-гвардии конного полка, скоропостижно скончался 25 июля 1738 года, о чем свидетельствует сохранившаяся надпись в некрополе Высоко-Петровского монастыря в Москве [133].

О наследнике хиринской вотчины Путятиных узнать удалось пока немного.

После увольнения от военной службы А. А. Путятин служил «по гражданскому ведомству», состоя на разных должностях в коллегиальных учреждениях — тогдашних аналогах современных министерств. Так, в Высочайшем указе от 7 апреля 1764 года, подписанном государыней императрицей Екатериной II, говорилось: «Всемиловитейшее пожаловали Мы отставного от службы надворного советника князя Алексея Путятина коллежским советником в ревизион-коллегию» [134], где он значился по спискам в 1764–1771 годах, а в 1774 году имя его, уже как статского советника, встречается среди членов Главной соляной конторы [135]. Видимо, в скором времени после того он совершенно отошел от государственных дел и предался исключительно своим помещичьим заботам. От деда с бабкой ему досталось действительно завидное наследство, состоявшее из двух домов в Москве и недвижимых имений в Арзамасской и Пензенской провинциях, с большим количеством земельных угодий и, по предварительным подсчетам, примерно с двумя тысячами крепостных ревизских душ (под «ревизскими», напомним, имелись в виду лица исключительно мужского пола).

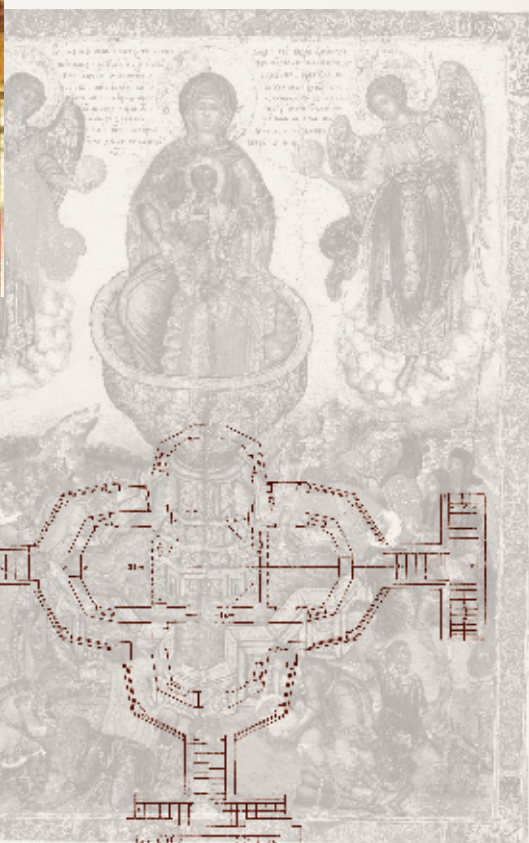
Женившись на княжне Анастасии Ивановне Барятинской, Путятин получил за ней вдобавок к своим именьям богатое приданое в Ярославской губернии, где с давних времен располагались обширные вотчинные владения князей Барятинских. Все это огромное хозяйство требовало постоянного внимания и попечения со стороны владельца.

Однако главной заботой А. А. Путятин была, как и для его деда, родовая хиринская вотчина, расположенная неподалеку от полюбившейся его сердцу Саровской пустыни, где за всех его почивших сродников — вкладчиков этого монастыря — совершалась непрерывная молитва. Поэтому в начале 1750-х годов молодой помещик вместе с супругой начинают планировать и обустраивать свою усадьбу в селе Хирино, как и положено, с барским домом, с прудом и садом. Доминантой всей усадебной планировки, а с ней и всего села, должен был стать уже не деревянный, как предполагал его отец, а каменный храм на месте разобранной ранее бревенчатой Предтеченской церкви.

По данным клировых ведомостей церковей Нижегородской епархии, к 1758 году первый этап строительных работ по сооружению каменного здания храма был успешно завершен — именно этот год значится по документам датой освящения каменной церкви в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи. С этого же времени, надо полагать,

**Хиринский храм –
икона Божией Матери
«Живоносный Источник»**

в еще недостроенном хиринском храме начались регулярные богослужения, что отнюдь не мешало строителям продолжать работы. Наконец, к 1777 году все здание храма было полностью закончено, и в том же году епископ Владимирский и Муромский Иероним торжественно освятил верхнюю (холодную) церковь в честь иконы Божией Матери, именуемой «Живоносный Источник» [136], а с нею — и весь храм, который отныне предстал во всей своей красоте, изысканном своеобразии и неповторимости.

Документов, из которых мы могли бы точно узнать, кто был автором проекта хиринской церкви («плана и фасада», как тогда это называлось), найти, увы, не удалось. И судя по количеству просмотренных нами архивных фондов и отдельных дел, можно предположить, что документов этих, скорее всего, не сохранилось.

Информационные пустоты в нашей исторической памяти всегда пытались восполнить местные жители и краеведы. Так, в советские времена родилась в народном сознании версия о том, что проектировал Предтеченский храм не кто иной, как прославленный русский зодчий Василий Иванович Баженов (1738–1799), владевший, как знают почти все в Шатковском районе, соседними с Хириным мордовскими деревнями Корино и Кардавилъ, входившими довольно продолжительное время в состав хиринского церковного прихода.

О возможном авторстве Баженова среди исследователей нижегородской храмовой архитектуры первой заговорила Л. М. Смирнова, присоединившаяся к мнению шатковцев: *«... Мы забыли дивный, хотя и опоганенный в годы большевизма храм, изображение которого не найдешь ни в одном альбоме, посвященном великому зодчему [Баженову. — Авт]. А храм-то баженовский. Говорят, что построен по его чертежам. О нем мало кто знает. Зато жители села Хирина, где он находится, да и вообще вся Шатковская округа убеждены в своей правоте: конечно же, чертежи для церкви разрабатывал сам Василий Иванович. Почему-то очень хочется, чтобы было именно так...»* [137].

Тем не менее, по экспертному заключению историков и специалистов-реставраторов, изложенному в служебной записке нижегородского научно-исследовательского предприятия «Этнос», занимавшегося разработкой и реализацией проекта реставрации хиринской церкви, авторство Баженова подтверждения не находит*.

Отчасти это заключение можно подкрепить общеизвестными фактами баженовской биографии. Известно, что строительство каменного храма в те времена занимало в среднем от 3 до 6 лет, а значит, даже при минимальных сроках и с учетом времени, необходимого для производства внутренних работ, Баженову, родившемуся в 1738 году, должно было быть на момент начала строительства — это 1753–1754 год — 15-16 лет. Но тогда он был пусть и весьма талантливым, но еще начинающим и никому не известным рядовым учеником московской архитектурной школы В. Д. Ухтомского.

Что же касается соседства с Хириным баженовских деревень, то их владельцем он стал лишь в 1797 году, когда при Павле I производилась щедрая раздача казенных земель служилым дворянам, а в особенности — обиженным его матерью — императрицей Екатериной Великой, в числе которых значился и оказавшийся не у дел В. И. Баженов.

Павел же, наоборот, очень благоволил к нему и даже сделал Баженова вице-президентом Академии художеств. Но в 1799 году прославленный архитектор в возрасте 62 лет скоропостижно скончался, оставив арзамасское имение своим горе-наследникам, за которыми сквозь века и до сего времени тянется очень дурная и, к сожалению, справедливая слава тиранов, скверно-характерных самодуров и мучителей своих крепостных.

Церкви Живоносного Источника и Успения Божией Матери в Саровском монастыре.

Фото М. Дмитриева

Впрочем, все эти доводы прямо не опровергают возможное авторство В. И. Баженова. Быть может, впоследствии еще откроются некие архивные документы или новые факты, которые позволят нам внести больше ясности в этот интригующий вопрос.

Но есть и другая интересная версия, на наш взгляд, гораздо более логичная и убедительная, как станет ясно из дальнейшего. Согласно этой второй версии архитектором-строителем хиринского храма являлся сам тогдашний помещик Алексей Алексеевич Пуятин.

Устное предание об этом довольно долго сохранялось хиринскими стариками, от которых эти сведения и почерпнул автор неоднократно упоминавшейся нами заметки в «Нижегородских губернских ведомостях», посетивший Хирино в 1890-е годы.

Почему Пуятин?! Попробуем разобраться.

Храм — икона. Символ — история — судьба

«Эврика!» — воскликнул Архимед и...

Всемирная история открытий

Архитектура храмового комплекса села Хирино — говорится в записке НИИ «Этнос» — не имеет прямых аналогов в зодчестве середины — второй половины XVIII столетия. Видимо, своеобразие архитектурного облика во многом определялась вкусовыми предпочтениями заказчика». То есть, конечно же, — хиринского помещика...

Так что же это за храм такой? В чем его своеобразие и уникальность?

Начнем с описания, которое оставил нам все тот же таинственный Н-ков: «Внешняя фигура храма довольно оригинальна и носит на себе следы византийского художества. Построен храм в крестообразной форме и имеет два этажа, из которых нижний занимает, теплая церковь, а верхний — холодная. Высота храма достигает 18 сажен. Благодаря такой высоте летняя верхняя церковь, несмотря на двухэтажное устройство всего храма, отличается большим простором. Вход в верхнюю церковь ведут с трех сторон широкие лестницы или, по местному названию, баясы, укрепленные на толстых колоннах. Все три входа в церковь имеют свои особые лестницы, из которых каждая состоит, из трех малых лестниц. Две из них начинают баясу с противоположных сторон, а третья от соединения первых двух ведет прямо к входу в храм. При этом двери храма соединены между собою террасами, которые окружают крестообразную фигуру храма со всех сторон, кроме восточной. Террасы эти также утверждены на колоннах величиною около шести аршин в окружности. В устройстве баяс выразилась слабая сторона древней архитектуры, задача которой, по-видимому, состояла в том, чтобы строить твердо, прочно, но в то же время мало обращая внимание на удобство и красоту» [9].

Если рассматривать элементы этого храма по отдельности, то в них, на первый взгляд, нет ничего особенного: крестообразная форма здания вполне традиционна, два этажа, они же два яруса на фасаде — тоже отнюдь не редкость в культовом зодчестве XVIII столетия. Быть может, только форма лестниц (баяс) и галереи, обтекающие храм с трех сторон, несколько оригинальны для церковной архитектуры, но это вполне можно объяснить «вкусовыми предпочтениями заказчика».

И долгое время нечего было добавить к уже сказанному. Но...

Ключом к разгадке хиринской тайны оказалась... иконография образа Божией Матери «Живоносный Источник», в честь которого помещик А. А. Путятин пожелал освятить верхний придел хиринского храма.

Случилось так, что в ходе работы над этой книгой при переключивании бумаг копии чертежей хиринской церкви в разрезе легли на стол рядом с распечаткой старинной иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный Источник». И нам открылось очевидное: хиринский храм — как раз и есть та самая икона, сюжет которой получил свое воплощение в камне. Да, тот, кто проектировал церковь, несомненно, держал перед глазами эту икону.

Действительно, если смотреть на храм с запада на восток, то есть со стороны колокольни, в очертаниях церкви легко узнать абрис знакомого иконописного сюжета. Контуры восьмерика с барабаном и главой в точности повторяют силуэт Пречистой Девы, которая по сюжету иконы парит в воздухе над чашей, держа на лоне Богомладенца Христа. Второй (верхний) ярус церковного здания — собственно, сама церковь Живоносного Источника — соответствует изображению чаши (фиалы), из которой проистекают струи живительной влаги. Эти струи создатель-архитектор воплотил в виде направленных сверху вниз баяс — необычных лестниц, спускающихся от трех входов в верхнюю церковь с северной, западной и южной сторон. Входы символически соответствуют трем

* Материалы НИП «Этнос» по строительной истории хиринской церкви были любезно предоставлены нам на правах рукописи руководством и коллективом данной организации, за что автор выражает искреннюю благодарность директору НИП «Этнос» М. Ю. Пухову, главному архитектору И. С. Агафоновой, к. и. н. А. А. Давыдовой, архитектору Е. Е. Мареевой и др. сотрудникам, принимавшим непосредственное участие в разработке проектной документации по реставрации памятника. Отдельные слова благодарности — проф. В. А. Каравашкину, который в своей докторской диссертации первым привлек внимание научного сообщества к состоянию хиринской церкви и наметил возможные подходы к организации реставрационных работ.

Антиминс церкви в честь иконы Божией Матери, именуемой «Живоносный Источник», в селе Хирино Арзамасского уезда. 1777 год.

Из коллекции антиминсов Церковно-археологического музея Нижегородской епархии

отверстиям в чаше, из которых фонтаном изливается вода. Струи-лестницы задуманы таким образом, что два нижних лестничных марша симметрично расходятся от центра в противоположные стороны, благодаря чему достигается подобие растекания струящейся воды по поверхности земли.

К схожим выводам пришли и специалисты-архитекторы, обследовавшие этот памятник архитектуры в 1980-е годы, но не знавшие о символической связи храма с Живоносным Источником: «... лестницы (к сожалению, почти совершенно разрушенные) как бы растекаются по земле, тогда как динамически растущие массы основного объема стремятся ввысь, сливаясь с воздухом и растворяясь в окружающем пространстве» [138].

Нижний ярус — это церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи (с приделом апостола Андрея Первозванного), занимающая первый этаж. Но таковой она является лишь по внутреннему своему содержанию. Снаружи, как часть архитектурного плана здания, нижняя церковь соответствует в сюжете «Живоносного Источника» бассейну (водоему), крестообразную форму которого, как на иконе, в точности повторяет основание хиринского храма.

Можно сказать, хиринская церковь как раз и есть воплощенный в камне сюжет, традиционно изображаемый на иконе Пресвятой Богородицы, именуемой Живоносной Источницей. Русский православный писатель Е. Поселянин описывал ее так: на иконе «представлена высокая, громадная каменная чаша, стоящая в широком водоеме, полном воды. Над чашей парит Пресвятая Дева с Предвечным Младенцем на руках, венчанная короной. К водое-

му, полному животворной воды, стеклись жаждущие; несчастные, утомленные жизнью, пьют воду и становятся сильными и бодрыми. Какой прекрасный символ ...» [139].

Появление этого сюжета в христианской традиции связано с чудесным событием, произошедшем в середине V века по Р.Х., о котором повествуется в церковном синаксаре пятницы Светлой седмицы, когда Православной Церковью установлено празднование в честь Живоносного Источника Божией Матери.

Случилось это в Константинополе. Воин Лев (400–474), в прошлом обычный мясник, за что и получил прозвище Макелла, а в будущем — римский император Лев I (457–474), названный историками Великим, однажды в роще близ Золотых врат, издавна посвященной Божией Матери, встретил слепца, который попросил подать ему воды, чтобы утолить жажду. Лев откликнулся на эту просьбу (составитель сказания называет его человеком добрым и смиренным), однако он долго не мог найти источника. Вдруг Лев услышал голос самой Пресвятой Богородицы, Которая назвала его «царем» и указала путь к источнику, находившемуся в густых зарослях. При этом Она велела ему приложить тину «от сея мутная воды» к глазам слепца, что Лев в точности и исполнил. Слепой тут же прозрел, а воин, став впоследствии императором и памятуя о свершившемся с его участием чуде, велел этот источник очистить и воздвиг над ним храм, который был назван — для засвидетельствования чудесной силы, от него исходящей, — Живоносным, или Живопримным Источником Божией Матери. Храм этот просуществовал до середины XV века, а после взятия турками Константинополя был полностью разрушен.

В 1834–1835 годах, когда при султани Махмуде религиозные запреты для христиан в Османской империи несколько ослабли, на этом месте снова был возведен храм, освященный с великим торжеством вселенским патриархом Константином в сослужении 20 архиереев и при громадном наплыве богомольцев. В память этого события — обновления храма — и было установлено переходящее празднование Живоносному Источнику Божией Матери в пяток Светлой седмицы. Храм этот, кстати, существует и поныне на территории православного монастыря Балыклы в современном Стамбуле.

Ранние списки иконы Богоматери «Живоносный Источник», появившиеся в Византии задолго до османского завоевания, судя по всему, не имели изображения источника. Последующее усложнение иконографического сюжета привело к тому, что в композиции появилась сначала чаша (фиала), а затем — водоем и фонтан.

Распространение этого сюжета в отечественной иконописи приходится на середину XVII века, после того как в 1654 году, при патриархе Никоне, в состав русской Цветной Троицы была включена служба иконе Божией Матери «Живоносный Источник» и «Сказание о Ней», созданные Никифором Каллистом, а несколькими годами позже в сборнике «Небо Новое» (Львов, 1665 г.) был приведен составителем рассказ о 16 чудесах в главе «Чуда Пресвятой Богородицы от Источника Ея» [140]. Наконец, в 1668 году знаменитым русским изографом Симоном Ушаковым была написана икона Богоматери «Живоносный Источник» с чудесами, изображенными в 16 клеймах по ее периметру. Однако самой известной и наиболее почитаемой на Руси иконой, писанной на этот сюжет, был Саровский образ Божией Матери «Живоносный Источник», всегда считавшийся главной святыней этой прославленной обители. В 1927 году при закрытии монастыря образ этот исчез и судьба его не установлена до сих пор.

Из истории Саровской Живоносицы известно, что она была принесена туда в 1706 году духовным другом первоначальника Иоанна и одним из первых вкладчиков обители —

Раев В.Е.
Преподобный Серафим Саровский

**Успенский собор Саровской пустыни,
где почивают мощи прп. Серафима**

арзамасским посадским человеком Иваном Васильевичем Масленковым [141]. По другой версии, «икона Пресвятой Богородицы с изображением Ея явления на живоносном источнике [...] принесена сюда основателем церкви Богоматернего Живоносного источника, построенной в честь и во имя Ея, первоначальником пустыни иеросхимонахом Иоанном в первых годах прошлого столетия. При своей древности икона эта известна как чудотворная. Пред нею нередко заставлял молиться своих посетителей старец Серафим, внушая им искать у Нея духовного утешения и исцеления в телесных недугах». [142].

Этот образ хранился в одноименной церкви (она — единственная из Саровских построек, которая уцелела в пожаре 1712 года), для которой Путятины, как мы уже упоминали, пожертвовали в 1722 году резной иконостас. А учитывая тесные связи хиринских помещиков с Саровской пустыней и ее священноначалием, о которых говорилось выше, можно предположить, что список (копия) Саровской Живоносной Источницы вполне мог быть одной из главных домашних святынь для нескольких поколений Путятиных.

5 сентября 1732 года новый строитель Саровской пустыни иеромонах Дорофей с благословения первоначальника Иоанна обратился в Синодальный казенный приказ с прошением, в котором писал: «в обители нашей в Саровской пустыни имеется теплая деревянная церковь во имя Живоносного Ея источника, которая весьма обветшала, и в прошлом 1732 г. по прошению нашему дан указ о строении другой деревянной церкви Преображения Господня, но мы еще и поныне строить не начинали, а туте обещают вкладчики построить теплую каменную церковь во имя Живоносного Ея Источника с приделом преподобных и богоносных отец Антония и Феодосия, Печерских чудотворцев», а потому просил «о строении и освящении означенной церкви с приделом дать указ». Таковой и был ему вручен от властей церковных 11 сентября 1733 года, которым: «то челобитью

Саровские пустыни строителя иеромонаха Дорофея с братьею, велено против их челобитья во оной Саровской пустыне вместо ветхой деревянной церкви на том же церковном месте построить вновь тот же престол каменной во имя Живоносного источника да придел Преподобных и Богоносных Отец наших Антония и Феодосия Печерских чуд [отворцев]» [143].*

Строительство нового храма, где должна была разместиться главная святыня Саровской обители — икона Живоносного Источника, началось, вероятно, еще при жизни Степана Ивановича Путятина. Быть может, он даже был одним из тех вкладчиков, упоминаемых в челобитной Дорофея, выразивших желание посодействовать возведению каменной церкви и наверняка хлопотавших вместе с Саровскими монахами в Московской Синодальной конторе именно о таком решении вопроса.

Постройка Саровской церкви Живоносного Источника была окончена к 1744 году. Но далее случилось непредвиденное: вопреки указу Синодальной конторы от 1733 года, вопреки воле приснопоминаемого иеросхимонаха Иоанна (14737) и желанию монашествующих обители, чтивших заветы первоначальника, преосвященный Димитрий (Сеченов), епископ Нижегородский и Алатырский, не согласился с братией и единолично принял решение освящать храм в честь Успения Божией Матери, почему — неизвестно [125].

Так и получилось, что главный храм монастыря, ставший его первой каменной постройкой, сделался Успенским, определив название и всей обители, в XIX веке официально именовавшейся «Сатисо-Градо-Саровской Свято-Успенской мужской пустынью» Темниковского уезда Тамбовской губернии.

Многие богомольцы, болевшие душой за монастырь и особенно почитавшие главную Саровскую святыню — Живоносную Источницу, тогда восприняли это волевое решение нижегородского архиерея как несправедливость. Возможно, отголоском той истории как раз и явился архитектурный проект, реализованный в своем имени А. А. Путятиным.

Добавим к тому, что хиринский храм, «Предтеченско-Живоносицкий», мог быть задуман создателем еще и как образ Саровской пустыни в миниатюре, поскольку церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи и Живоносного Источника Божией Матери с первых лет существования обители были узнаваемыми и дорогими для Путятиных священными символами Саровской духовности. В каменном исполнении (вместо прежних деревянных церквей) они появились в монастыре в 1752 и 1758 году соответственно.

Расположение хиринского храма на берегу живописного пруда, по замыслу создателя, должно было еще ярче подчеркнуть символическую связь его с водной стихией, усиливая вместе с тем и общее эстетическое впечатление. Не исключено, что пруд специально расширяли таким образом, чтобы церковь, если смотреть на нее с севера — со стороны дороги и главной (транзитной) улицы села, оказалась стоящей по центру береговой зоны. Благодаря этому достигался необычайно сильный по своему эстетическому воздействию зрительный эффект, когда храм словно парит в воздухе над прудом, в ясную и безветренную погоду *«отражаясь полностью в его воде. И кажется, что храма два. Один на этом свете, а другой где-то в Зазеркалье...»* [137]. Таким образом, по всему выходит, что путятинская церковь в Хирине по ведомостям хотя и именовалась всегда Предтеченской, но в действи-

* В «Кратком историческом описании Саровской пустыни», составленном игуменом Маркеллином, указывается, что начало строительства этой церкви относится к 1730 году. Эти данные, как можно заметить, несколько расходятся с документально подтвержденными фактами, известными из публикации Холмогоровых. Поэтому более поздняя дата начала строительства храма заслуживает, на наш взгляд, большего доверия.

Икона Божией Матери «Живоносный Источник».
Предположительно, работа Симона Ушакова,
1670 год. Из собрания Московского
Новодевичьего монастыря

**Чудотворный образ Божией Матери «Жи-
воносный Источник» – главная святыня
Саровской пустыни**

тельности она, будучи задумана и реализована как богородичная икона в камне, по сути своей была именно «Живоносицкой», или просто — Живоносным Источником.

Впрочем, в данном случае новый религиозный сюжет, получивший по замыслу создателя главенствующее значение в архитектурной композиции, вполне органично наложился на традиционный, связанный с почитанием в Хирине Предтечи Господня Иоанна, церковь в честь которого была возведена здесь еще первым из Путятиных в начале XVII века. Для пояснения снова обратимся к истории Саровской пустыни и вспомним, что когда в 1849 году будущий нижегородский губернатор А. Н. Муравьев посетил паломником Саровский монастырь, то под впечатлением от Предтеченской церкви, поставленной над источником, он отметил в своих «Записках», что *«весьма прилично посвящена она Крестителю, [находясь] над водами, на коих совершается освящение Иорданское...»* [144].

Действительно, Иоанн Креститель — один из наиболее традиционных персонажей, связанных с использованием воды в обрядах Православной Церкви. И он же, если обратиться к священной истории, символизирует собой переход Церкви от Ветхого к Новому завету, проповеданному Христом после того, как Иоанн окрестил Его в водах Иорданских.

Исходя из этого, два яруса хиринской церкви вполне можно прочесть еще и как образ священной истории, где эпоха Ветхого Израиля, уходя в прошлое (низ), сменяется эпохой новозаветной Церкви Благой Вести, возвещенной Спасителем и приближающей всех верующих в Него к небесам обетованным (верх). Ибо *«закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит, в него»* (Лк. 16:16). Прочитав слова Христа об «усилии», через употребление которого только и можно попасть в горный мир, еще раз вспомним высокие и «неудобные» лестницы-балаясы,

в устройстве которых, как считал Н-ков (повторим цитату): *«выразилась слабая сторона древней архитектуры, задача которой, по-видимому, состояла в том, чтобы строить твердо, прочно, но в то же время мало обращая внимание на удобство и красоту»* (выделено мной. — Л. М.).

Некоторые конструктивные особенности внутреннего устройства хиринского церковного здания позволяют продолжить и углубить обнаруженные параллели. Войдем сначала в нижнюю церковь. Она, как следует из вышесказанного, занимает в композиции подчиненное положение, что соответствует месту в христианской истории Иоанна Предтечи — последнего ветхозаветного пророка и первого новозаветного мученика. И получается, что она как бы «усечена» надстроенной сверху Живоносницкой церковью, приобретая от этого стеснения по высоте вид в некотором смысле «темничный», что связано опять же с евангельским сюжетом усекновения главы Крестителя в темнице. На это обращает внимание и автор статьи в «Нижегородских губернских ведомостях»: *«Вследствие величины колонн промежутки между ними получили форму арок, которые и служат, единственными проводниками света в окна нижней церкви, отчего в ней всегда ощущается недостаток света»*. И далее продолжает: *«Но насколько тесна и мрачна нижняя церковь (выделено мной. — Л. М.), настолько светла и удобна верхняя»*.

Высота ее внутреннего помещения достигает 11 сажень, считая вместе и купола. На высоте 7 сажень помещаются хоры. Иконостас состоит из семи ярусов, завершаясь крестом Распятого Христа. [...] Потолки и стены храма украшены картинами, изображающими большею частью библейские события. В общем своем виде верхняя церковь производит очень сильное впечатление.

Преосвященный Модест, посетивший в 80-х годах хиринский храм, обратил внимание на красивое устройство верхней церкви и в своей речи, произнесенной пред народом, выразил мысль, что храм «первый по фигуре» и красоте среди сельских церквей».

Не будем много добавлять к сказанному, обратим лишь внимание читателей на расположение хоров (клиросов), где во время служб в верхней церкви располагались певчие, — они, как известно, в церковном богослужении символизируют собой хоры ангелов, прославляющих Бога и Его Пречистую Матерь. Так вот, если снова вернуться к сюжету иконы Живоносного Источника, то мы увидим, что по обе стороны от Богородицы парят в облачной дымке предстоящие Ей архангелы: слева — Михаил, грозный предводитель Небесного Воинства, а справа — Гавриил, возвестивший Марии Благовесть.

Таким вот получился этот удивительный храм, сложность и смысловая глубина композиции которого, на наш взгляд, выдают очень личное отношение его создателя к своему архитектурному детищу, в котором по закону жанра должно быть предусмотрено место и для него самого. И здесь, конечно, нужно вспомнить последний эпизод исследуемого нами иконописного сюжета: на иконе Живоносной Источницы множество людей с верой и надеждой черпают живительную влагу от фонтана Божией Матери и утоляют ей свою духовную жажду, находя утешение в скорбях и болезнях. Не среди них ли должны мы искать нашего князя Путятина?..

Мы предположили, что, потеряв еще в молодости всех своих родных — отца, дядю и брата, затем похоронив деда и бабушку, Алексей Алексеевич остался «единственным в роде своем». В дальнейшем богатое наследство, благополучно складывавшаяся карьера и удачная женитьба на Анастасии Бярятинской, представительнице одного из самых знатных княжеских родов России, заслуженные уважение и почет от властей гражданских

Александр Николаевич Муравьев,
нижегородский губернатор
в 1866–1861 годах

**Внутренний вид Саровской пустыни
с колокольни**

и церковных, яркая светская жизнь в кругу видной московской аристократии должны были, казалось бы, доставить ему счастье, но... у Путятина не было детей, и перед лицом смерти он оказался не только единственным, но и последним в роде своем.

Поэтому, возможно, одним из тайных мотивов строительства и посвящения храма именно Живоносной Источнице была эта личная трагедия четы Путятиных, которые так и не смогли родить детей, хотя, видимо, надеялись до конца. Они, конечно же, хорошо знали, что в истории чудес, явленных от Живоносного Источника, были известны случаи благополучного деторождения и исцеления от бесплодия, как сказано о том в синаксаре пятницы Светлой седмицы: *«и неплодные разреши: яко и царица Зоя неплоды сущи приют, дар от сего источника, сына Константина Порфирогенита»* (в литературном переводе: *«и бесплодных разрешал, как даром этого источника был родившийся у царицы Зои сын Константин Багрянородный»* — Л. М.).

Так уходили годы, а наследников Господь все не давал. Путятины ездили по монастырям, щедро жертвовали на церковные нужды, строили храмы. Попечением и трудами А. А. Путятина появлялись новые церкви в его помещичьих имениях, из которых, в частности, известны Успенская (1765) — в селе Князевке (Ардым) Пензенской провинции и Казанская (1782) — в селе Панове Арзамасского уезда [145], а вероятно были и другие. Помимо строительства новых храмов, в их имениях обновляются и благоукрашаются старые. Путятины числятся также в списках благодетелей, способствовавших обновлению Арзамасской Высокогорской пустыни [146]; разумеется, и Саровскую обитель своими милостями они не оставляли. А нужно вспомнить еще Москву, где Путятины жили, и Подмоскovie, с их бесчисленными храмами и монастырями, а также Ярославскую губернию, где находились

имения Анастасии Ивановны, — наверняка, в этом списке тоже окажется немало мест, где историками еще будут найдены следы благотворительной деятельности этого семейства.

Единственным по-настоящему близким человеком Алексея Алексеевича, делившим с ним все радости и скорби суетного земного пути, была его супруга Анастасия Ивановна. Но в октябре 1789 года она умирает, и Путятин остается совсем в одиночестве. Утружденный годами и больной человек, чей автограф на документах того времени обнаруживает заметное дрожание ослабевшей руки, берется хлопотать о том, чтобы тело его супруги разрешили похоронить в дорогой для них обоих Саровской обители. Так появилось в Московской Синодальной конторе «всепокорнейшее прошение» следующего содержания: *«Супруга моя княгиня Настасья княж Иванова дочь Путятина, будучи здесь в Москве, сего Октября 8-го числа скончалась, а при жизни своей завещала, чтоб тело ее по отпетии здесь в Москве погребсти Суждальской епархии в Саровской пустыни. Того ради Святейшаго Правительствующаго Синода кантору всепокорнейше прошу о погребении означенного умершей супруги моей в показанной Саровской пустыни тела во оную Саровскую пустынь предписать указ».*

Суждение об этом деле имели тогда Высокпреосвященнейший Платон, митрополит Московский, и протоиерей Успенского собора Александр Левшин, вынесшие определение о даче просителю желаемого указа со следующим предписанием: *«Когда показанное тело в помянутую Саровскую пустыню привезено и от светской команды писменное дозволение объявлено будет, тогда не чиня вторичного надгробного отпевания, в той пустыне погребсти дозволити, и о том к Преосвященному Виктору, епископу Суздальскому, послан указ».* Однако в декабре того же 1789 года князь Путятин вернул данный ему конверт с указом в Московскую Синодальную контору обратно за ненадобностью, пояснив в сопроводительной записке следующее: *«Как уведомила я, что в показанной Саровской пустыни тел женскаго пола не погребают, то оное покойной супруги моей тело по дозволению Синодалнаго члена Преосвященного Платона, митрополита Московского, погребено в Боровском Пафнутиево монастыре, почему означенной запечатанной в конверте указ представляю при сем обратно»* [147].

А спустя полгода после смерти своей нежно любимой супруги — 26 апреля 1790 года — скончался в Москве и сам Алексей Алексеевич Путятин, вдов и бездетен. Из-за этого в Хирине, как гласило местное предание, пришлось приостановить работы по возведению каменной колокольни, которую начали было пристраивать к церкви с западной стороны в конце 1780-х годов. В течение столетия память об этом эпизоде сохранялась хиринскими крестьянами, которые точно знали, как и почему появилась рядом с храмом эта «несоразмерная» колокольня, и кто-то из старожилов поведал о том в 1890-е годы автору неоднократно цитировавшейся нами статьи: *«В то время, когда колокольня, начатая по широте своей пропорционально величине церкви, была доведена до половины второго яруса, неожиданно помер архитектор-строитель А. Путятин. Недостаток материала и отсутствие умелого и опытного руководителя в продолжение церковных работ заставили мастеров изменить тот план колокольни, какой намечен был Путятиним, и значительно сократить объем и высоту ее»* [9].

Так что создателем хиринской церкви, автором проекта ее и непосредственным руководителем строительства с учетом всего вышесказанного, действительно, мог быть сам помещик А. А. Путятин, хотя ни в одном современном справочнике, ни в одном специальном издании, посвященном истории каменного зодчества XVIII века, имени такого архитектора мы не найдем. Возможно, это только вопрос времени...

**Преосвященный Модест,
епископ Нижегородский**

**Усекновение главы Иоанна Предтечи
икона, первая треть XVII века**

Путятинский род, да не тот: странная история с наследством

После А. А. Путятина, умершего в столице, остался в Хирине, помимо возведенной им церкви и недостроенной колокольни, трехэтажный бревенчатый дом со службами и с прилегающими к усадьбе липовыми аллеями и садом фруктовых деревьев — все это помещичье хозяйство располагалось к востоку от церкви, как видно на межевых планах того времени.

Кроме села Хирино, числились за ним к моменту его смерти однодворчинные деревни Ключищи и Выселки (впоследствии именовавшиеся Хиринскими Выселками). В Арзамасском же уезде находились в его владении недвижимые имения в селах Паново, Своробоярское, Ичалово и в деревнях Выползово, Озерки и Пасьяново, несколько сел и деревень в землях Пензенского и Саратовского наместничеств, а также, вероятно, оставшиеся от жены имения в уездах Ярославского наместничества, да наверняка еще какие-то дачи в Подмоскowie.

Главными наследниками арзамасских владений (про другие мы достоверно не знаем) были Яков и Петр Федоровичи, князья Шаховские, приходившиеся покойному Путятину внучатыми племянниками: их бабка Александра Алексеевна, урожденная Путятина, в замужестве Шаховская, была нашему помещику родной сестрой. Им же, Шаховским, должна была отойти и хиринская вотчина.

Схоронив «деда», как они его называли, обрадованные перепавшему наследству, братья приступили к оформлению бумаг. Однако по прошествии месяца открылись чрезвычайные

обстоятельства, которые поначалу повергли их в состояние легкого недоумения, сменившегося затем раздражением и, наконец, досадным разочарованием. Оказалось, что незадолго до своей кончины А. А. Путятин написал некое духовное завещание, о котором Шаховские не знали, где говорилось о том, что свои родовые селения (к которым относились Хирино, Ключищи и Выселки) и земли, к ним прилежащие, желает он оставить в роде своем, а потому отдает их в «вечное и наследственное владение» действительному камергеру князю Николаю Авраамовичу Путятину. Особо была выражена воля наследодателя по поводу деревни Пасьяново, которая отошла детям Николая Васильевича Леонтьева (1739–1824), известного государственного деятеля, сенатора, писателя, поэта и переводчика. Какие отношения связывали А. А. Путятин с этой семьей, нам пока неизвестно.

Шаховские были очень удивлены такому повороту событий, что видно из формулировок, использованных при составлении прошения о вводе их во владение доставшимися по наследству от деда селениями, где они писали: *«по смерти его ко всему имению состоим мы законные наследники»*, а *«что же принадлежит до состоящего за ним же имения до села Хирина и деревень Ключищ, Выселок и Пасьяновой, о тех просить мы будем впредь»* [148].

Уверенные, вероятно, в том, что вся эта ситуация — в лучшем случае какое-то недоразумение, а в худшем — результат преступной фальсификации (подделки документов), князья Шаховские пошли искать правды и взялись оспаривать дело в дворянских судах, но чем дальше поднималось оно по инстанциям, тем очевиднее становилось, что выиграть судебный спор им не удастся. Точку в этом деле поставил правительствующий Сенат, который признал завещание А. А. Путятин подлинным и тем самым окончательно утвердил его юридическую силу.

С этого времени новым законным владельцем Хирина, Ключищ и Выселок становится князь Николай Авраамович (Абрамович) Путятин (1749–1830), который в некоторых позднейших документах, связанных с владельческой историей хиринского имения, упоминается как троюродный брат наследодателя.

А был этот Николай Авраамович сыном некогда весьма влиятельного оренбургского губернатора Авраама Артемьевича Путятин (1710–1769) — одного из наиболее заметных государственных деятелей екатерининского времени. В молодости Николай, как и все дворяне того времени, служил в армии, но там обнаружилась сентиментальная сторона его натуры: «став свидетелем потрясшей его экзекуции — порки кнутом, [он] со службы уволился» и в дальнейшем сделал неплохую карьеру по гражданскому ведомству.

В 1778 году Н. А. Путятин оказался виновником большого скандала, когда вдруг стало известно о давних любовных отношениях, связывавших его с Елизаветой Карловной Сивере, дочерью обер-гофмаршала Карла Сиверса и женой Якова Сиверса, племянника и протеже ее отца. За развитием этой неприятной истории следила тогда сама государыня императрица Екатерина II. В конце концов после громкого развода в семействе Сиверсов, еще долго являвшимся предметом светских сплетен среди петербургской аристократии, Путятин и его возлюбленная в январе 1882 года поженились и, не желая впредь ловить на себе косые взгляды великосветской публики, сочли за лучшее покинуть Россию.

С этого времени Путятин много путешествует по Европе, а с 1797 года поселяются в Саксонии, в пригороде Дрездена под названием Кляйнцшахвиц. Здесь по проекту Путятин была построена весьма оригинальная вилла с 16 балконами и башней в форме минарета, а вокруг разбиты сад и парк, украшенный гротами и руинами, доступный для всех желающих и широко известный даже за пределами Дрездена. Прозванный за свои

**Митрополит Московский Платон
(Левшин), протоиерей Успенского собора.**
Литография А. Мюнстера

**Николай Авраамович
Путятин**
(1749-1830)

странности, экстравагантные костюмы и необычный стиль жизни «дрезденским оригиналом», князь Путятин вызывал у местных жителей уважение и интерес. Он много жертвовал на благотворительность, построил здесь сельскую школу, любил просвещение и в часы досуга предавался философским размышлениям, из которых родилось его сочинение *Worte aus dem Buche der Bucher* («Слова из Книги книг»), вышедшее в 1824 году на немецком языке и никогда не издававшееся на русском.

Он прожил почти 81 год и умер там же, в Дрездене, похоронен в Дессау, в спроектированном им же фамильном склепе, где похоронены также его жена и дочь. До сего времени имя и память о «фюрсте» Путятине является одной из достопримечательностей Дрездена, где многое напоминает о более чем 30-летнем пребывании его в этих краях, в том числе недавно поставленный ему памятник на площади его же имени [149].

Такова в общих чертах, без особых подробностей, биография последнего из Путятиных, владевшего селом Хирино с деревнями чуть менее трех десятилетий.

Но вернемся все-таки к последней воле завещателя.

Кажется, что все здесь вроде бы логично и по-человечески понятно. Представим, вот готовится к смерти бездетный Алексей Алексеевич Путятин, «последний в роде своем», воспринимавший отсутствие прямых потомков — продолжателей истории своего славного рода и имени — не только как личную и семейную драму, но и как родовую трагедию. А тут появился представитель того же древнего княжеского рода — «троюродный брат» — значит, в нем течет та же благородная кровь общего пращура. А на повестке дня — судьба исторических земель, поистине знаковых для этой ветви Путятиных, ибо

в вотчину князю Ивану Семеновичу они пожалованы были в год воцарения Романовых за участие в событиях Смутного времени, связанных со спасением Москвы и Отечества.

Да, все правильно, если бы не два «но».

Первое — это полная неожиданность появления в числе наследников Н. А. Путятин, который к тому же явно не испытывал сильной ностальгии по России, приятно проводя время рядом с обожаемой им супругой в «просвещенной» Европе. Искреннее удивление Шаховских и уверенность в благоприятном для них исходе судебного дела явно свидетельствует, что в ближний круг наследодателя он не входил. Потому они до последнего не верили, что все это может быть правдой.

А второе «но» связано с существованием рукописи, которая называется «Поколенная выпись о роде Путятиных, собранная князем Авраамом Артемьевичем Путятиным и законченная князем Сергеем Алексеевичем Путятиным в 1820-х гг.»* [150]. Наличие ее означает, что еще в 1760-е годы работа по первичному сбору материалов для родословия князей Путятиных проводилась упоминавшимся ранее оренбургским губернатором Авраамом Артемьевичем Путятиным — отцом новоявленного хиринского помещика, которому эти записи, очевидно, были хорошо знакомы и находились в его распоряжении после смерти родителя в 1769 году.

Обратившись непосредственно к содержанию этих записей, мы увидим, что предком Авраама Артемьевича Путятин в пятом колене является уже известный нам новгородский князь Иван Семенович Путятин, «по прозвищу Июль, которого Великий Князь Иван Васильевич (так в рукописи, хотя это явная ошибка. — Л. М.) пожаловал городом Орешком». Но там нет никаких данных о другом князе Иване Семеновиче Путятине, арзамасце, и, соответственно, о его потомках — владельцах хиринской вотчины.

Не этими ли обстоятельствами объясняется неожиданное появление Николая Авраамовича Путятин рядом с умирающим бездетным Алексеем Алексеевичем?! Быть может, виной тому неточность или неполнота собранной оренбургским губернатором путятинской родословной? Ведь в соответствии с ней наш хиринский вотчинник и ретировавшийся из России тайный советник и камергер императорского двора могли показаться друг другу потомками одного легендарного предка, жившего в эпоху Смуты.

О том, что некая ошибочная (или искаженная?!) родословная Путятиных могла существовать в каких-то рукописях, косвенно может свидетельствовать и тот факт, что в 1886 году в Санкт-Петербурге вышла в свет двухтомная «История родов русского дворянства», составленная историком-энциклопедистом Петром Николаевичем Петровым, разбиравшим отечественные архивы. Весьма симптоматично, на наш взгляд, что на страницах своего труда автор, как бы «исправляя» официальную родословную Путятиных, берется в очень категоричной форме утверждать, что у Ивана Семеновича по прозвищу «Моль» (хотя он «Люль» — здесь Петров допускает ошибку при разборе текста рукописного источника. — Л, М.) «на самом деле» было не четыре, как показывает тверское родословие, а целых семь сыновей. К ним Петров, помимо Даниила, Богдана, Юрия и Романа, довольно безапелляционно относит также ветвь арзамасца Ивана Семеновича Путятин — Гавриила, Ивана (дворянина московского в 1636 году) и Федора — отца Ивана и деда Степана Ивановича, родившего двух сыновей: Андрея (бездетного) и Алексея — отца также не имевших потомства Алексея и Петра Алек-

* Эти материалы С. А. Путятин — внук Авраама Артемьевича и, соответственно, родной племянник Николая Авраамовича, готовил для подачи прошения о включении себя с семейством в Дворянскую Родословную Книгу Рязанской губернии.

Кристиан Готтлоб Хаммер. Усадьба Путятина в Дрездене (Кляйнцшахвиц), 1811 год

сеевичей [151]. Но даже принимая в расчет хорошо известную современным исследователям «вольность» обращения Петрова с историческими материалами, все-таки едва ли возможно, чтоб такую «смелую» интерпретацию родословия Путятиных он, явно не проводивший серьезного сравнительного анализа исторических источников, мог предпринять совершенно без оглядки на некую рукопись, уверившую его в обоснованности собственных выводов.

А это значит, что в конце 1789 — начале 1790 года вполне можно представить себе такую ситуацию, когда Николай Авраамович Путятин, «скитающийся» по Европе, вдруг обнаруживает себя (внезапным личным визитом, письмом или через посредников) перед помышляющим о скорой смерти Алексеем Алексеевичем Путятиным, вдовым и бездетным, знакомит его с содержащим известные «неточности» родословием князей Путятиных, согласно которому оба они являются потомками общего предка — Ивана Семеновича Путятина. Дальнейшее предугадать несложно...

Хотя, даже и окажись Иван Семенович Путятин их общим предком, это не сделало бы их троюродными братьями — их степень родства была бы гораздо дальше. Тогда, возможно, по женской линии?.. Но при чем здесь тогда род князей Путятиных и правопремство в отношении их родовой хиринской вотчины?!

Как бы то ни было, все эти рассуждения ни в коем случае не объясняют странность последнего волеизъявления Алексея Алексеевича Путятина. Догадок и предположений здесь пока несоизмеримо больше, чем фактов и доказательств. Но будем надеяться, что со временем архивы дадут ответы и на эти вопросы.

Зато точно известно, что Н. А. Путятин с момента утверждения завещания Сенатом становится законным владельцем хиринской вотчины. Обиженные Шаховские, проигравшие дело в судах всех инстанций, еще долго потом тягались с новоиспеченным хи-

ринским помещиком о разных пустошах и границах смежных между ними земельных владений. Но это уже было не так интересно.

В целом за те 27 лет, в течение которых служители Н. А. Путятин распорядились в Хирине и приписных к нему деревнях, жизнь там текла обычным порядком: крестьяне пахали землю, жали хлеб, женились, рожали детей, платили оброк, сдавали рекрутов и так далее. Да еще вот колокольню достроили, отступив от первоначального плана, намеченного прежним помещиком, «значительно сократив объем и высоту ее»...

ГОСПОДА БАЛАШЕВЫ

Знакомство с новыми владельцами

«Вечно владеть» хиринской вотчиной, как думал о том покойный Алексей Алексеевич Путятин, его правопреемник Николай Авраамович не пожелал, да и по наследству передавать ее было некому.

Поэтому 4 мая 1817 года коллежский советник Франц Францев сын Бель на основании доверенности от барона Бориса Васильева сына Искуля, поверенного князя Николая Авраамовича Путятин, продал Елене Петровне Балашевой имение в селе Хирино с деревнями Ключицы и Выселки, *«в коих по нынешней 7 ревизии состоит, мужеска пола крестьян 877 душ с их женами и рожденными после ревизии обоего пола детми, братьями, племянники, со внуцатами, приемьши, с господским и крестьянским строением, имуществом, со скотом мелким и рогатым, с лошадами и со птицы, с хлебом стоячим, молоченным и в земли посеянным, со всеми принадлежащими к имению сему землями, лесами, санными покосами, садами, прудами, мельницами, реками, озерами и рыбными ловлями, а также с людьми в бегах находящимися, словом, что топко к оному имению в Арзамасской округе принадлежит»* [152].

Новая хиринская владелица Елена Балашева (1779–1823), урожденная Бекетова, состояла в браке с Александром Дмитриевичем Балашевым (1770–1837), крупным государственным деятелем Российской империи первой трети XIX века. В его послужном списке были должности Ревельского военного губернатора (1800–1802), Московского обер-полицмейстера (1804–1807), генерал-кригскомиссара (1807–1808), обер-полицмейстера Санкт-Петербурга (1808), наконец, Санкт-Петербургского военного губернатора (1809–1810). С учреждением 1 января 1810 года Государственного совета Балашев по настоянию Александра I был включен в его состав и вскоре назначен министром полиции Российской империи.

В 1812 году он занимался организацией народного ополчения, состоял чиновником особо важных поручений при монаршей особе и в этом качестве по поручению государя дважды в течение войны встречался с Наполеоном. В дальнейшем, после некоторого охлаждения к нему Александра I, Балашев вплоть до 1818 года — на дипломатической службе. В том же году, вполне в духе своего времени, он становится членом масонских лож «Соединенных Друзей» и «Палестины».

Последней значимой вехой в служебной карьере Балашева была должность рязанского генерал-губернатора (1820–1828), чьи властные полномочия распространялись на огромный экспериментальный административный округ, включавший в себя помимо Рязанской еще Воронежскую, Орловскую, Тамбовскую и Тульскую губернии.

Боровиковский В.Л.
Елена Петровна Балашева
(1779–1823)

Доу Дж.
Александр Дмитриевич Балашев
(1770–1837)

В 1823 году в Рязани умирает его супруга Елена Петровна. Еще через два года оставляет престол император Александр Павлович, к которому Балашев, несмотря на бывшие между ними когда-то недоразумения, испытывал глубочайшую верноподданническую любовь и уважение. *«Потери эти, — пишет его биограф, — имев гибельное влияние на расстройство его здоровья, заставляли его сойти с поприща, на котором он подвизался так долго и неутомимо. Он неоднократно просил увольнения от должности, которое и последовало в июне 1828 года. Он сохранил, впрочем, звание члена Государственного и Военного советов»* [153].

После отставки Балашев много времени и сил отдает своим детям, а также обустройству нового родового имения в селе Покровское (Шапки) Шлиссельбургского уезда, приобретенного им в 1817 году — тогда же, что и хиринское имение его женой. Именно там, в Шапках, долгие годы располагалась главная домовая контора экономии Балашевых, откуда разлетались приказы и указы по оперативному управлению многочисленными имениями и заводами, и куда, в свою очередь, стекалась вся хозяйственная и бухгалтерская отчетность с мест.

Краеугольным камнем балашевской экономической империи были крупные рудодобывающие предприятия на Южном Урале, или, как их тогда называли, «железодельные заводы», вокруг которых сложился Симский горный округ*.

* Горный округ — административно-хозяйственная территориальная единица в дореволюционной России, объединявшая группу заводов с их земельными наделами под общим административно-хозяйственным управлением. Симский горный округ образован в 1800 году. В него входили заводы Симский (1759), Миньярский (1784), а позднее Аша-Балашовский (1898) с прилегающими к ним населенными пунктами, территориями и рудниками. Горный округ в своем составе имел медицинские учреждения, школы, жилые дома, собственную полицейскую службу, как юридическое лицо вел торговые операции.

Для того чтобы лучше понять новое положение, в котором оказались крестьяне села Хирино и деревень Ключищи и Выселки, сменившие владельца в 1817 году, обратимся теперь к истории семьи Балашевых, имевших по современным понятиям все основания называться «олигархами» тогдашней России.

Наследники промышленной империи Твердышевых и Мясникова

Середина XVIII века — время расцвета южноуральской промышленной империи симбирских купцов братьев Ивана и Якова Борисовичей Твердышевых, вершивших свои дела вместе со своим другом и компаньоном-шурином Иваном Семеновичем Мясниковым, женатым на их родной сестре Татьяне.

Свою предпринимательскую деятельность эта оборотистая троица начала еще при Петре I, с которым, благодаря случаю, они сумели завести личное знакомство и получить хорошие преференции для развития своего дела.

С 1740-х годов их деловые интересы оказались прочно связаны с Оренбургским краем. Свои капиталы, ранее нажитые на торговле, винокурении и варении селитры, они методично вкладывали в развитие горнозаводского дела, сулившего, как безошибочно подсказывал им купеческий нюх, уже в ближайшем будущем огромные перспективы и баснословные доходы.

К концу 1760-х годов Твердышевы и Мясников — хозяева уже шести медеплавильных, нескольких чугуноплавильных и железоделательных заводов, в том числе двух Симских заводов, получивших название по имени реки Сим (притока Урала), по берегам которой расположились эти предприятия.

Восстание Емельяна Пугачева, центром которого стал Оренбургский край, нанесло в 1773 году сокрушительный удар по горнопромышленной империи Твердышевых-Мясникова. Яицких (уральских) казаков поддержало тогда и подавляющее большинство крепостного работного люда, доведенного до крайней степени ожесточения тяжелыми условиями заводского труда, и многие башкиры, таившие на горнозаводчиков Твердышевых кровную обиду за незаконно отнятые у них общинные земли.

Один из Симских горных заводов с деревнями и рудниками расположился как раз на тех территориях, которые Яков Твердышев в 1759–1762 годах при поддержке губернской администрации сумел отобрать у башкир Шайтан-Кудейской волости, возглавляемых тогда старшиной Юлаем Азналином. Несмотря на то, что этот храбрый и опытный воин в прежние времена был удостоен многих наград и почестей от имперских властей, обида оказалась сильнее. В ноябре 1773 года Юлай Азналин и его 19-летний сын Салават Юлаев, посланные властями во главе карательного отряда против Пугачева, внезапно перешли на сторону повстанцев и затем больше года отчаянно сражались с правительственными войсками, одержав немало громких побед. Не забыли они и о «твердышевской неправде»: восставшие башкиры трижды приходили на Симский завод, многие «работные людишки» которого пополняли ряды пугачевцев и снабжали их оружием. А в последний раз это случилось 23 мая 1774 года, когда повстанцы под командованием пугачевского полковника Салавата Юлаева ворвались на Симский завод, перебили около

60 человек заводских служащих, крестьян и работных людей, «и тот завод, фабрику с плотиной, церковь божию и все заводское селение сожгли» [154].

В итоге из 11 заводов Твердышевых и Мясникова 10 за годы войны были полностью разорены. Кошмарный 1773-й год не смог пережить глава горнозаводской империи Иван Борисович Твердышев. После его кончины фактическое управление компанией перешло к его брату Якову.

Пугачевщина миновала. Оренбургский край был разорен. Но, несмотря на баснословные убытки, компаньоны сумели восстановить свои заводы благодаря казенной ссуде, выданной им по личному распоряжению Екатерины II в размере 180 000 рублей в знак уважения к их прежним заслугам перед государством. К концу 1776 — началу 1777 года им удалось воссоздать практически всю инфраструктуру своего горнометаллургического дела: 9 из 10 разгромленных заводов к указанному времени полностью возобновили производство.

Но в 1780 году умирает Иван Мясников. А еще через 3 года — Яков Твердышев, последний из основателей промышленной горнозаводской империи. Твердышевы не оставили наследников, поэтому все имущество делили между собой четыре замужние дочери Ивана Мясникова. Последние, благодаря личному участию в их судьбе императрицы Екатерины II, составили в свое время завидную партию блестящим кавалерам двора Ее Императорского Величества: П. А. Бекетову, А. И. Пашкову, А. Н. Дурасову и Е. В. Козицкому.

По итогам раздела горнозаводской империи старшей дочери Мясникова Ирине, бывшей замужем за гвардейским полковником Петром Афанасьевичем Бекетовым (1732–1785), достались во владение Богоявленский медеплавильный и два Симских железоделательных завода.

Ирина Ивановна Бекетова (1752–1823/24), вступив во владение заводами, лично занялась их развитием и модернизацией, вкладывала значительные средства в увеличение производственных мощностей предприятий. Для увеличения численности заводских рабочих в начале XIX века ею были куплены и переселены на территорию Симского горного округа свыше 3000 крепостных крестьян из разных селений Нижегородской, Симбирской и Калужской губерний. Кроме того, много внимания она уделяла благотворительности и просвещению: на территории одной только Оренбургской губернии ее стараниями было возведено несколько каменных храмов в классическом стиле, обустроено несколько школ и больниц в заводских поселках и деревнях. А после страшного пожара в Уфе, уничтожившего в 1821 году более половины города, на ее средства была отстроена там целая улица-слобода, долго носившая название Бекетовской (сейчас — Мустая Карима). Ее имя и по сей день стоит под № 1 в списке крупнейших благотворителей и меценатов за всю историю края, хотя масштабы этой деятельности простирались, конечно, и далеко за пределы Оренбургской губернии.

После смерти Ирины Ивановны в 1823/24 году (точная дата нам неизвестна) состоялся очередной наследственный раздел, по которому южноуральские заводы обрели нового хозяина, которым стал ее сын Иван Петрович Бекетов, старший брат уже покойной к тому времени Елены Балашевой. А в 1827 году Симский горный округ за 2 млн рублей ассигнациями выкупил у своего шурина Александр Дмитриевич Балашев [155].

Горные заводы против села Хирино с деревнями

После смерти Елены Петровны село Хирино с деревнями согласно ее духовному завещанию перешло в совместное владение ее мужу Александру Дмитриевичу и трем их сыновьям: Петру (1811), Александру (1813) и Ивану (1815), до совершеннолетия которых опекуном должен был состоять их отец.

В сентябре 1834 года А. Д. Балашев ввиду ухудшающегося здоровья испросил себе императора Николая I полную отставку от всех государственных должностей. Но весной 1837 года, когда он предпринял очередную поездку к лечебным водам, уже по пути за границу его состояние резко ухудшилось и 8 (20) мая 1837 года, находясь в Кронштадте, Александр Дмитриевич Балашев на 67 году жизни скончался [156].

После его смерти хиринское имение как часть огромного наследства с заводами и именными в разных губерниях Российской империи унаследовали трое его сыновей, из которых старшему Петру было тогда 26, среднему Александру — 24, а младшему Ивану — 22 года. Вступая в права наследства, братья из любви и уважения к покойным родителям, повинувшись «души прекрасному порыву», дали друг другу слово, что будут владеть всем имуществом сообща и нераздельно. Но действительность оказалась к ним слишком жестокой.

9 (21) мая 1841 года в возрасте 25 лет умирает от ран, полученных в бою близ селения Ахатле на Кавказе, младший из трех братьев — адъютант военного министра штаб-ротмистр кавалергардского Его Величества полка Иван Александрович Балашев. По его духовному завещанию и согласно домашнему условию, ранее заключенному между тремя братьями, его часть наследства предназначалась среднему брату Александру. Почему — неизвестно, но договоренность была именно такой. Следовательно, после гибели Ивана 2/3 доли общего состояния Балашевых предназначались Александру и лишь треть — старшему Петру.

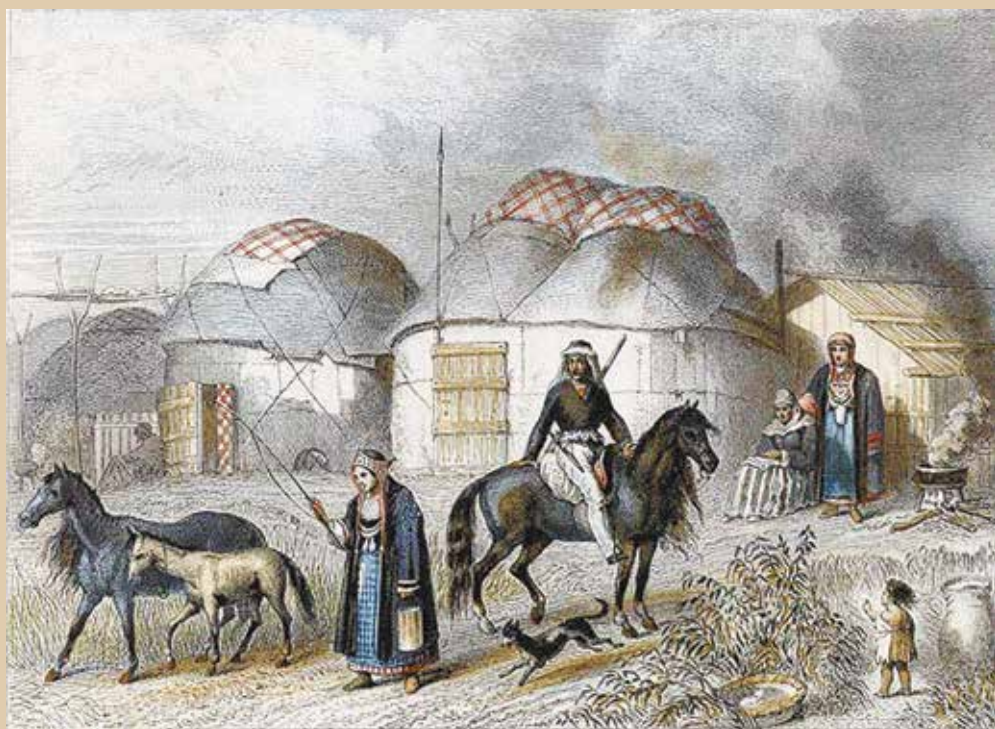
Но согласно той же договоренности выделение долей в натуре могло произойти лишь в случае смерти одного из оставшихся двух братьев, тогда как до того момента все семейное достояние Балашевых должно было, как и прежде, оставаться в их общем и нераздельном владении.

Поначалу все так и шло. Потеряв после родителей еще и младшего брата, Петр и Александр были полны решимости и дальше соблюдать свои договоренности. Однако в дальнейший ход событий вмешался или какой-то злой рок, или, что более вероятно, чья-то сильная человеческая воля, которая помешала осуществлению этих благих намерений.

Загадочная болезнь, надломившая Петра Балашева, подтолкнула его нарушить ранее данные обещания и в 1844 году инициировать скорейший имущественный раздел. Целью этого раздела было выделение в натуре и закрепление за каждым из братьев своей части огромного наследного состояния Балашевых, которым они предполагали владеть совместно и нераздельно.

Петру тогда было всего 33. Прогрессирующий непонятный недуг, постоянное ухудшение самочувствия, сопровождавшееся высокой раздражительностью и чувством страха перед неизвестностью, по-видимому, сделали его легким объектом манипуляций и заложником чужих интересов в большой экономической игре, главной ставкой в которой были, конечно, южноуральские заводы.

В связи с этим небезынтересно будет узнать, что непосредственными участниками процедуры раздела, помимо самих хозяев, были еще трое: тайный советник Евграф Петрович Ковалевский (главный эксперт-консультант), полковник Карл Карлович

Башкирское поселение.
Французская гравюра XVIII века

Шван (оценщик) и полковник Василий Евграфович Самарский-Быховец — доверенный П. А. Балашева, осуществлявший все дальнейшие юридические действия и сыгравший в итоге очень большую роль в судьбе семейства Балашевых. Все они — люди весьма известные, достигшие на горной службе высоких чинов и должностей. Все трое в прошлом — блистательные выпускники Горного кадетского корпуса, а на момент раздела — действующие чины горного управления и, в частности, штаба Корпуса горных инженеров (далее КГИ)*.

Генерал-майор Евграф Петрович Ковалевский (1790–1867), будущий министр народного просвещения при Александре II, на 1843 год состоял директором Департамента горных и соляных дел, членом Горного аудиториата и членом Мануфактурного совета при Правительствующем сенате. За время его службы в горном управлении на него неоднократно возлагалось исправление должности управляющего штабом КГИ. Можно сказать, что на момент совершения раздела между братьями Балашевыми сенатор Ковалевский был одним из первых экспертов в российской горной отрасли.

* Корпус горных инженеров — специальное (с 1834 года — военизированное) формирование в Российской империи, основная функция которого определялась как «заведывание распорядительной и искусственной частями горного, монетного и соляного производств». Главные структурные подразделения КГИ: Горный совет (председатель — министр финансов), ведавший общими вопросами развития горного дела и являвшийся совещательным органом при министре; Горный ученый комитет (председатель — директор Горного департамента), занимавшийся как теоретическими, так и практическими вопросами развития горного дела; Горный аудиториат (учрежден в 1837 году для рассмотрения военно-судных и следственных дел, относившихся к горному ведомству); штаб КГИ, ведавший инспекторской, технической и ученой частями горного ведомства.

Полковник Карл Карлович Шван всю свою служебную карьеру сделал в штабе Корпуса горных инженеров, дослужившись к 1851 году до звания генерал-майора, хотя о его должностях и заслугах мы сведений не имеем.

Наконец, полковник Василий Евграфович Самарский-Быховец (1803–1870) — это друг и сослуживец Карла Швана (оба с 1834–35 года были дежурными офицерами штаба КГИ), с 1845–46 года назначенный на должность начальника штаба КГИ. Впоследствии Самарский-Быховец фактически занял место Ковалевского в системе горного управления, где он, говоря более неформальным языком, продолжал оставаться человеком Ковалевского, поскольку ему Василий Евграфович во многом был обязан своей служебной карьерой.

Но было и еще одно напрямую заинтересованное лицо — это всесильный генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич-Эриванский (1782–1856), тогдашний наместник и полновластный хозяин Царства Польского (1832–1856). Ведь именно его дочь Александра была замужем за Петром Балашевым, родив от него двух сыновей-наследников — Ивана (1840) и Николая (1842).

Раздельное дело, о котором идет речь, открывается обстоятельной и подробной оценкой всего родового состояния Балашевых.

Большую часть оценочной ведомости составляет, естественно, описание Симского и Миньярского горных заводов в Уфимском уезде Оренбургской губернии, или, как называет их источник: *«Два завода горные с принадлежащими к ним крепостными и заводскими людьми, землями, лесами, рудниками, со всеми строениями и устройствами и с двумя домами в г. Уфе и г. Лаишеве»* [157].

Оценщик Карл Шван, перечислив подробно все заводское имущество, включая 3 900 душ крестьян Подлубовской вотчины, 260 десятин земли, 15 рудников, плотины, доменный корпус с двумя печами и воздуходушными машинами, кричные фабрики со всеми механизмами и мехами, пильные мельницы, господский дом, рудовальные и углевалынные сараи, симский госпиталь, разные машины и инструменты, все хозяйственные строения, включая контору на Симском заводе, мукомольные мельницы, магазины и проч., с прибавлением стоимости запасов в провианте, дровах, угле, чугуна, руде и так далее, оценил общую стоимость Симских горных заводов в размере не менее чем 4 085 000 рублей.

Эксперт Ковалевский в своих замечаниях, представленных на проект раздельного акта, указал, в частности, что *«Получивший заводы будет иметь дохода от 350 до 400 тыс. руб. А получивший прочее имение — от 200 до 220 тыс. руб., зато сей последний получит, денежного капитала 1 150 000 рублей, который, полагая по 8% [годовых], дадут 92 тыс. рублей [ежегодно]. За всем тем по доходу выгоды будут на стороне заводов. Но при этом не должно забывать, что доходы с заводов, по соображениям, будут, упасть, а с вотчинных имений при хорошем управлении возвышаться»*. Забегая вперед, заметим, что, когда в 1860-е годы в уральской металлургии разразится кризис, повлекший значительное падение объемов производства железа и чугуна, именно Симские заводы принесут владельцам хорошие прибыли, благодаря которым удастся построить к концу этого десятилетия еще один крупный металлургический завод в селе Илек.

«Наконец, дабы уравнивать обе части, — продолжал Ковалевский, — по моему мнению, будет совершенно справедливо и уравнительно, если одна часть получит, заводы, а другая — вотчинное имение с домом с доплатою от первой 1 500 000 рублей. Этим как ценность, так и доходы будут, по возможности уравнены» [158].

Раев В.Е.
Иван Александрович Балашев
(1816–1841)

Генерал-майор
Евграф Петрович Ковалевский
(1790–1867)

Оценщик, не согласившись с экспертом в большей части замечаний, разделил, однако, его мнение о том, что *«владение заводами представляет несколько более страха, чем владение вотчинами или имениями; а потому проценты с заводов полагать наравне с процентами с вотчин, быть может, не совсем правильно»* [159].

Таким образом, владение заводами было представлено экспертами очень обременительным и рискованным предприятием с неопределенными перспективами, тогда как владение недвижимыми имениями и вотчинами, как казалось, при меньших хлопотах давало гораздо больше уверенности владельцу в получении гарантированных и стабильных доходов.

Заводы в интересах кооперации экспертами было рекомендовано не разделять. Согласившись с этим условием, Балашевы решили все свое наследное состояние распределить по долям таким образом, чтоб одному из братьев достались Симские заводы, а другому — все имения в Санкт-Петербургской, Саратовской, Тульской, Рязанской, Нижегородской (в том числе Хирино с деревнями) и Оренбургской губерниях, а также недвижимые имущества в городах. Для уравнивания доходности с долей та сторона, которая получит заводы, должна будет уплатить другой 1 500 000 рублей ассигнациями.

Оставалось только определить, кому именно из братьев отойдут предприятия с месторождениями, а кому — благоприобретенные имения, вотчины и недвижимые имущества в городах.

Жребий, который был предрешен

В архивном деле имеется рукопись без начала, которая сообщает чрезвычайно интересные подробности о том, как происходила сама процедура раздела. Из нее мы узнаем, что судьбу раздела — кому что достанется — должен был решить жребий. Петр Александрович, которому становилось все хуже, в России давно не появлялся и последнее время жил в Риме. Поэтому и *«раздел происходил в 1844 году за границей, куда Александр Александрович, по болезненному положению своего брата, должен был отправиться»*.

Там жребий действительно был брошен и он *«благоприятствовал Александру Александровичу, но [так] как Петр Александрович особенно желал получить их [заводы], то и были они ему уступлены в июне 1844 года в Женеве»*.

Но поскольку *«Петр Александрович по прежним счетам был должен Александру Александровичу и, кроме того, на развитие заводов ему требовался значительный капитал, которого у него не было, то, по особенному братьев соглашению, Петр Александрович из кассы Александра Александровича получил 160 тыс. руб. серебром (Приказ по Конторе 1/13 декабря 1844 г. из Рима)»*.

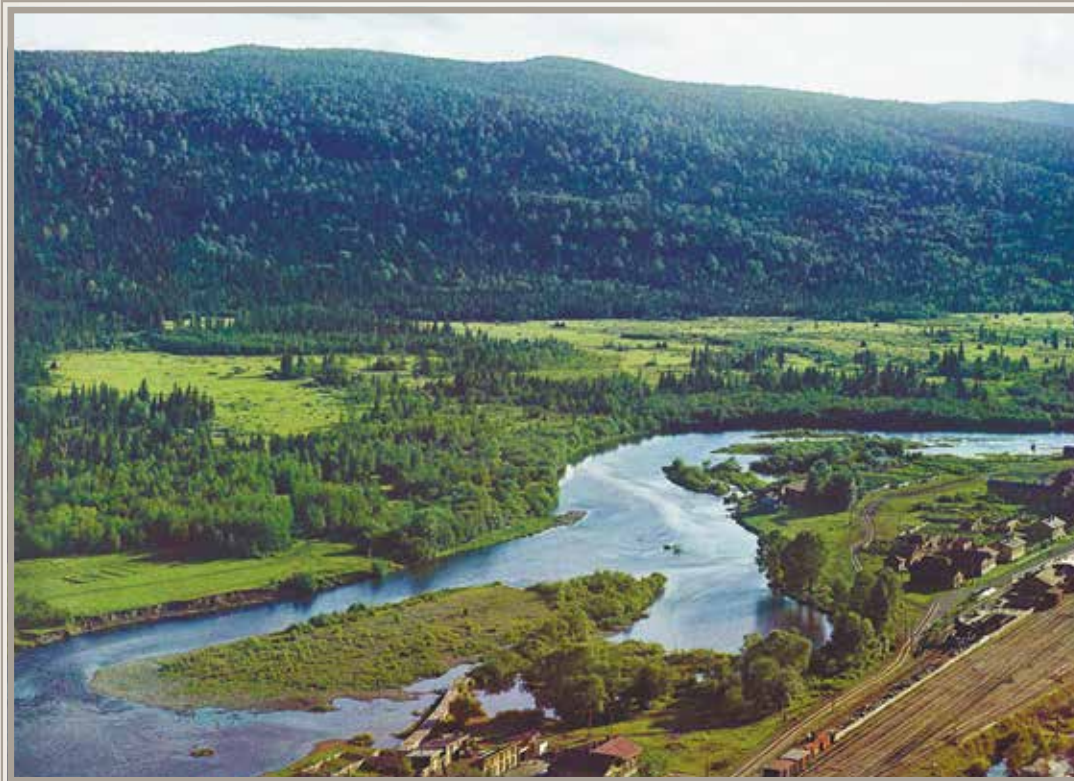
Взамен этой суммы и помянутого добавочного платежа, Петр Александрович обязался по отдельному акту выдать в течение 13 лет Воробьев М.М. Вид Рима. Начало 1850-х годов 547 тонн железа на 2 188 000 рублей ассигнациями и сверх того передал Александру Александровичу собственный свой дом с ценою в 120 т. р. серебром.

Это последнее изменение в разделе, следовавшее в декабре 1844 года в Риме за два месяца до смерти Петра Александровича, было крайне невыгодно для Александра Александровича: оно лишило его наличных денежных капиталов, передало ему по высокой цене дом, не приносящий дохода, а получение следующего ему для уравнивания частей платежа раздробило на 13 лет.

Но крайне болезненное положение Петра Александровича, его болезненная раздражительность, не допускавшая ни малейшего противуречения, не позволяли ни оспаривать, ни отлагать совершение раздела, особенно Александру Александровичу, не желавшему воспользоваться важным по семейным обстоятельствам предоставленным ему правом, ибо по силе духовного завещания покойного брата их Ивана Александровича и вследствие домашнего соглашения между тремя братьями, две трети всего отдельного имения принадлежали Александру Александровичу и только одна третья часть Петру Александровичу. Это обстоятельство подтвердил Петр Александрович в духовном своем завещании, писанном им до раздела в Риме в январе 1843 года и получившем законную в прочих частях силу.

Если бы по смерти Петра Александровича раздел имений не был совершен на основании данной полковнику Самарскому доверенности, то его надлежало бы сделать на основании духовного завещания 1843 года, и тогда по действительной стоимости имений на часть Александра Александровича поступило бы оных на 6 840 000 рублей, а на часть наследников Петра Александровича на 2 050 000 [рублей]» [160].

Таким образом, судьбу раздела, как видно из этой записки, фактически решило «болезненное положение» Петра, которому младший брат Александр по благородству своей души и, быть может, природной мягкости характера или малоопытности (ему было всего 31) не решился перечить. А 18 (31) января 1845 года получивший желанные заводы 34-летний Петр Александрович Балашев, находясь в Риме, скончался [161].

Долина реки Сим. Миньяр.

Фото С. М. Прокудина-Горского 1910 года

6 февраля того же года по представлению полковника Самарского-Быховца «*Санкт-Петербургскою Палатою Гражданского Суда П-м Департаментом на законном основании между Двора Его Императорского Величества Камергера Коллежского Советника и Кавалера Петра и Ведомства Министерства Иностранных дел Титулярного Советника Александра Александровичей Балашевых [...] совершена раздельная запись*» [162].

Итальянский мор продолжается. Сироты и опекуны

Еще больше интриги и драматизма в эту историю добавляет то обстоятельство, что в июне 1845 года в том же Риме умирает вдова П. А. Балашева и мать двоих его малолетних сыновей — 28-летняя Александра Ивановна, урожденная Паскевич-Эриванская княжна Варшавская. Ее внезапная трагическая кончина случилась спустя всего несколько месяцев после совершения последних юридически значимых действий, связанных с разделом.

Эта череда явно преждевременных смертей привела к тому, что владельцами Симского горного округа — огромной промышленной зоны на Южном Урале с годовым оборотом до 400 000 рублей, оказались 4-летний Николай и 2-летний Иван Петровичи Балаше-

вы. Но вплоть до их совершеннолетия горнозаводскими делами и всем их имуществом по закону должно будет распоряжаться лицо, назначенное при сиротах опекуном и под отчетное опекунскому правлению. Таким человеком как раз и стал Василий Евграфович Самарский-Быховец, который от имени малолетних наследников Балашевых летом 1845 года вступил в управление южноуральскими заводами, продолжавшееся почти полтора десятилетия.

Александр Александрович тем временем начал хлопотать о перевозе праха брата и его жены в Россию для их последующего перезахоронения в родовой усыпальнице Балашевых в селе Покровское (Шапки) Шлиссельбургского уезда [163].

В июле того же 1845 года на основании упомянутой раздельной записи, по решению Нижегородской губернской палаты гражданского суда коллежский асессор А. А. Балашев вводится во владение селом Хирино с деревнями, став, таким образом, их единственным владельцем [164]. Крепостным крестьянам, созванным на сельские сходы, оглашается имя нового помещика с отобранием надлежащих подписок о повинности объявленному законному владельцу.

Пройдет еще 9 лет, и во Флоренции (ох уж эта «солнечная Италия»!) 2 (15) апреля 1854 года умрет последний из братьев Балашевых 43-летний Александр, после которого останутся вдова Александра Васильевна, урожденная графиня Левашова (1821–1880), и двое малолетних сыновей — Петр (1847) и Александр (1848), названные так в память об отце и брате.

В скором времени по делам покойного А. А. Балашева тоже будет назначено опекунское правление, которое возглавит все тот же В. Е. Самарский-Быховец, но уже в чине генерал-лейтенанта и в должности начальника штаба Корпуса горных инженеров.

Формально он должен был управлять находившимися в опеке наследственными недвижимыми имениями только до совершеннолетия Петра и Александра Александровичей Балашевых. В действительности это управление продолжалось гораздо дольше — вплоть до его смерти в 1870 году, поскольку наследники хиринской вотчины большую часть жизни проводили за границей, получая из России только денежные средства от доходов с имений и разную отчетную документацию.

Поэтому именно он, Самарский-Быховец, будет принимать в 1860-е годы ключевые решения о судьбе хиринского имения, в частности — об условиях освобождения местных крестьян и о порядке выкупа ими земельного надела в рамках крестьянской реформы Александра II. А непосредственным исполнителем этих решений на месте станет лифляндский гражданин Владимир Борисович Зендер — новый управляющий имением, появившийся в Хирине сразу после смерти помещика А. А. Балашева в 1854 году. Ему, Зендеру, суждено было сыграть в судьбе хиринских крестьян очень важную, хотя и не самую приятную роль.

Глава IV

Земля и неволя.

Взаимоотношения хиринских помещиков и крестьян до и после отмены крепостного права

О свободе и рабстве. Уроки крепостного права

Вот два состояния, которых народу нужно бояться как огня, если он дорожит свободой. Нельзя быть недобросовестным и преступно быть бессильным.

М. О. Меньшиков

Хиринские крестьяне с момента основания селения и вплоть до так называемой отмены крепостного права обязаны были работать на своих помещиков, многих из которых мы теперь знаем почти в лицо. Однако в XVI и даже в начале XVII века помещикам нередко приходилось самим пахать свою землю и сеять хлеб, впрягаясь в соху наравне с крестьянами своих поместий. Поэтому не исключено, что те же Хирины, Болобановы, Львов, Горчаков, Ададуров, Путятин и другие землевладельцы были знакомы с тяготами земледельческого труда не понаслышке.

Еще во второй половине XVII века хиринские крестьяне-хлебопашцы считались свободными людьми, хотя и прикрепленными к поместной земле. Почему пришлось прикрепить крестьян? *«Потому что они вследствие непрерывного убегания от долгов и перебегания от одного кредитора к другому целыми массами начали приобретать характер беглых людей. Это были вечные беглецы. [...] Правительство прикрепило крестьян к земле для того, чтобы спасти их и их заимодавцев от конечного разорения»* [165]. Но это ограничение свободы само по себе еще не могло сделать крестьян рабами. Соборным уложением 1649 года крестьянин был лишен права сходить с земли, но во всем остальном он оставался совершенно свободным. Закон признавал за ним право на собственность, право заниматься торговлей, заключать договоры, распоряжаться своим имуществом по завещанию.

Однако лучшие умы человечества неоднократно предупреждали, что именно в неумелом распоряжении собственной свободой таится для человека главная опасность превращения его в раба. Поэтому, глядя на то, как в современной России народ основательно погряз и продолжает еще глубже утопать в долгах и кредитах, вспомним, как наши предки в XVII веке становились не просто крепостными, а вечно обязанными: *«Свободные люди входили в долги свободными и не уплачивали этих долгов в срок. Чтобы расплатиться, должники работали на заимодавцев, но чтобы существовать брали у них же еще в долг и т. д. В конце концов, слагался неоплатный долг и вечная повинность одного свободного человека работать на другого. Крепостное право возникло из неточного исполнения принятых на себя обязанностей. Причиной тому были или недобросовестность должников, или их бессилие. Вот два состояния, которых народу надо бояться как огня, если он дорожит, свободой. Нельзя быть недобросовестным и преступно быть бессильным»* [165].

Сам процесс закрепощения крестьян, достаточно подробно разобранный в трудах и исследованиях отечественных историков, — один из первых в российской истории примеров того, как частный произвол («право сильного») брал верх над законами и интересами государства. Выходит, частный беспредел, не изжитый еще и поныне, — отнюдь не изобретение «лихих 90-х», все это уже было в нашей истории в XVII веке.

Вот, например, как объяснял этот процесс С. Б. Веселовский: *«Государство в видах исправного отбывания тягла развивало земельную крепость, считая людей крепкими не по-*

мещику, а земле. С точки зрения государства, которая выразилась во многих сторонах системы поместного права, крестьяне со всем своим движимым и недвижимым имуществом были принадлежностью поместной земли. Поэтому при переходе поместья к другому владельцу крестьяне с имуществом переходили во владение и пользование нового помещика. Владелец, лишившийся поместья, не имел права вывезти за собой крестьян, даже тех, которые поселились и обстроились при нем и при его помощи, и все крестьяне поместья со своими дворами, скотом и прочим имуществом переходили во владение нового помещика. Старый владелец имел право только на некоторую долю хлеба, посеянного при нем. В принципе этого положения не могли изменить какие бы то ни было частные обстоятельства, которыми временный владелец поместья мог связать и обременить крестьян. Действительность сильно расходилась с этим принципом (выделено мной — Л. М). Не говоря о злоупотреблениях (например, о незаконном вывозе крестьян или их имущества), могло случаться и действительно бывало, что новому владельцу было самому невыгодно удерживать обнищавшего или обремененного частными обязательствами (долгом или ссудой) в пользу старого помещика крестьянина. В таких случаях новый помещик за вознаграждение или даже даром «выпускал» крестьянина из поместья, и личное закрепощение брало верх над государственной земельной крепостью» [166].

Таким образом, защита личной свободы и собственности тяглого крестьянского населения (через возможную «охранительную регистрацию населения поместий и его имущества», по выражению того же Веселовского) со временем стала для правительства непосильной, практически невыполнимой задачей. И тогда верховной власти уже не оставалось ничего иного, как частные интересы служилого сословия, оказавшиеся сильнее действовавшего тогда закона, признать интересами самого государства. Для этого пришлось кардинально менять закон.

Это и осуществил Петр I, который не только произвел разгосударствление имперских поместных земель в пользу дворянства, но и ввел подушный учет тяглого населения, официально закрепив крестьянские «души» за помещиками. Тем самым он, по мнению И. Л. Солоневича, заложил правовую основу крепостного рабства: *«Первый и решающий шаг в этом направлении сделал петровский указ, превративший государственные имения в частные и государственно-обязанных крестьян — в частную собственность»* [167]. А ближайшие преемники Петра на российском престоле, сохранив верность его принципам, развили и упрочили эту систему.

Таким образом, отмена крепостного права, затеянная Александром II, должна была стать, по идее, величайшим благодеянием для народа России. Но как составная часть крестьянской реформы 1860-х годов, проводившейся в ослабленном Крымской войной и революционным брожением государстве, она оказалась лишь продолжением трагедии той части российского крестьянства, которая так неумело была освобождена от крепостной зависимости. Как это происходило в действительности, мы увидим далее — как раз на примере крепостных крестьян села Хирино.

Впрочем, вслед за М. О. Меньшиковым повторим, что «слово «освобождение» в отношении к крестьянскому переустройству было введено писателями, не слишком строгими к духу русского языка», которые «в интересах возбуждения иногда добрых, иногда недобрых чувств извратили понятие о крепостных отношениях и приучили считать их рабством». Следствием такого переворота в умах стало то, что *«мягкие и добродушные дворяне, которых было большинство, постепенно стали стыдиться крепостных прав*

и ненавидеть их; вместо того, чтобы сидеть в деревне и служить крепостному народу своей образованностью, такие дворяне сбросили свое «рабовладение» на руки старост и бурмистров, а сами укатили в столицы, в крупные центры, на канцелярскую службу, наконец — в огромном числе — за границу. Так образованные владельцы фабрик и рудников бросают эти, по их мнению, неопрятные источники дохода на руки темных и жадных управляющих, которые доводят в иных случаях зависимые отношения бедного люда до уровня, близкого к рабству» [168].

Эти слова могли бы стать эпиграфом к истории Хирина в XIX веке.

«Бегство чувствительных дворян из деревни задолго до отмены крепостного строя обезглавило народ и разорило одинаково и барина, и мужика. Те же писательские вопли о “рабстве” народа русского приучили другую часть дворянства — с крутым характером — думать, что их крепостные действительно рабы, стало быть, к ним допустимы жестокие отношения, как к рабам [...]. Извращения эти, нося явно преступный характер, далеко не были ни всеобщими, ни широко распространенными, но они поражали воображение и западали в память. Хотя на бумаге крепостные крестьяне и были ограждены в своих человеческих и отчасти гражданских правах, но крайне слабая наша государственность не умела осуществлять закон».

Так в XIX веке, потом в начале XX, а затем и в годы горбачевско-ельцинского «демонстража» «преувеличенный либерализм, как все фальшивое, оказал плохую услугу народной жизни» [168]. С этим мнением трудно не согласиться, потому что главным гарантом обеспечения свободы личности может выступать только сильное, но вместе с тем ответственное государство. Отсутствие у власти одного из этих качеств — силы или ответственности — неизбежно влечет за собой возникновение различных форм порабощения и попрания личной свободы. Когда государство слабо, внутри общества сильные пожирают слабых, а если государство безответственно, то оно само пожирает собственный народ. Примеры тому мы не раз видели в отечественной истории. Увидим ли еще, и какие именно — во многом зависит от нас.

Хири́нская вотчина как доходное место

Источников, из которых можно было бы узнать о взаимоотношениях хири́нских помещиков с их крепостными, оказалось не так много, как хотелось бы. Но кое-что в архивах все-таки нашлось.

В экономических примечаниях к планам межевания 1785 года было записано: «Село Хирино князя Алексея Алексеевича Путятина, Асафа Ивановича Ахматова, Антона Иванова сына Ахматова ж, Александра Федорова сына Познякава, Ивана [и] Николая Петровых детей Астафьевых, Марьи Афанасьевой дочери, жены Бабушкиной.

- Число дворов 105;
- По ревизию душ (мужеска/женска) 450/489;
- Под усадьбою [земли] 60 десятин 2060 сажней;
- Пашни 1623 десятины 543 сажени;
- Сенных покосов 56 десятин 210 сажней;
- Лесу 7 десятин 500 сажней;

- Неудобных мест 1879 десятин 1755 сажений;
- Всего [удобной земли] 1755 десятин 392 сажени.

Село [расположено вдоль] речки Вонячки на левой [стороне] и по обе стороны оврага безымянного. В нем два пруда, церков [ь] во имя Усекновения Честныя Главы Иоанна Предтечи и колоколна каменные. Господской дом деревянной и при нем регулярной сад с плодovitыми деревьями. А дачею речек показанной Вонячки [и] Лапшенки на левой и по обе стороны вышеописанной Вонячки земля чернозем, хлеб и покосы средственны, лес мелкой дровяной, крестьяне на оброке» [169].

Таким образом, еще в конце XVIII века Хирино продолжало оставаться многопоместным селом, где помимо Путятиных было еще несколько мелких помещиков, владевших скромными имениями без господской усадьбы, с небольшим количеством земли и всего несколькими душами крепостных. Это подтверждается и материалами подушных переписей (ревизских сказок) конца XVIII — первой половины XIX века. Но главными землевладельцами и крепостниками продолжали оставаться, конечно же, Путятинны (до 90% крепостного населения Хирина принадлежало именно им), а после них — Балашевы, приобретшие хиринское имение в 1817 году, а затем последовательно скупившие все окрестные земли у менее состоятельных владельцев.

В экономических примечаниях указано, что в конце XVIII века крестьяне в селе Хирино состояли на оброке. В документе, к сожалению, не уточняется, была ли эта повинность полностью денежной, или все-таки смешанной, при которой часть оброчных платежей крестьяне обязаны были вносить натуральными продуктами (урожаем, сеном, сельскохозяйственными продуктами и тому подобным).

Упоминаний о барщине при последних Путятинных в архивных документах мы не нашли, что косвенно может свидетельствовать о довольно высокой степени личной свободы хиринских крепостных, которая, с другой стороны, наверняка компенсировалась величиной вмененного им оброка. Но чтобы требовать хороший оброк, владелец имения должен был дать в пользование крестьянам достаточное количество земли и угодий. Поэтому при оброчной системе все земли, которые не использовались помещиком и не сдавались в аренду, обычно поступали в полное распоряжение крестьянской общины. Именно так, по нашему предположению, обстояли дела в Хирине в конце XVIII — начале XIX века при Николае Авраамовиче и, возможно, даже при его предшественнике Алексее Алексеевиче Путятине.

В дополнение к землям крепостным предоставлялись также широкие возможности в поиске сторонних заработков, приносивших им (а значит, и помещичьей экономии) доход живыми деньгами. Поэтому наиболее вероятно, что еще при последних Путятинных (особенно при Н. А. Путятине, который, проживая за границей, не вел в Хирине своего помещичьего хозяйства и интересовался только сборами оброчных денег), здешние крестьяне начали систематически отлучаться на отхожие промыслы, ставшие в XIX веке главным занятием для большинства взрослых мужчин вотчины.

При этом строитель церкви и усадьбы Алексей Алексеевич Путятин оказался последним крупным хиринским помещиком, которого его крепостные видели и знали в лицо. Начиная с «дрезденского оригинала» и заканчивая Балашевыми, никто из помещиков в Хирино уже не приезжал — все хозяйственные дела велись исключительно через наемных управляющих и бурмистров либо через крепостных же конторщиков и сельских старост.

В 1798–1799 годах «вотчинным управителем» в Хирине состоял бурмистр Н. А. Путьятина отставной капитан Семен Семенов фон Завадский. Раз «фон» — значит из служилых немцев. Против него в Хирине чуть было не состоялся крестьянский заговор с участием местного священника Ивана Иванова [170]. В основе «заговора» классический сюжет крепостной эпохи: где-то далеко живет хороший помещик, который не знает, что без его ведома творит в вотчине управляющий. А по мысли «заговорщиков», если б знал, то, конечно, выгнал бы его в шею. Значит, заключают они, управляющего надо выгнать самим. Потом, когда все выяснится, хороший помещик их одобрит и еще «спасибо» скажет.

Некоторые из крестьян шептались об этом со священником по избам да по углам, но разговоры эти подслушал их односельчанин Семен Волков и донес управляющему. Тот написал куда следует, и розыскное дело получило ход. Дознаватели долго переливали из пустого в порожнее и в конце концов вины священника не нашли, «шептавшихся» крестьян Петра Сурикова и Ивана Рыцкого (возможно, имелся в виду Резчиков) ни в чем так и не уличили. А на «нет», как говорится, и суда нет.

С 1817-го по 1820-е годы делами хиринского имения заправлял отставной капитан Михаил Иванович Яцынин, представлявший интересы экономии Балашевых. По документам как раз в это время хиринские крестьяне впервые замечены на отхожих промыслах по каменщицкому ремеслу, где зарабатывали деньги для уплаты оброка.

В 1840 году в Хирино для «счетных дел» Балашевыми был переведен из Поддубовской вотчины Уфимского уезда конторщик Арефий Арефьевич Круглов вместе с семейством. В целях подготовки таких конторских кадров для своей экономической империи Балашевы отбирали наиболее способных мальчиков из своих крепостных и обучали их на свой счет в Строгановском училище. Одним из таких воспитанников, по всей вероятности, и являлся Арефий Круглов, ведавший делами в хиринской вотчине как минимум до начала 1850-х годов. Но пребывание в Хирине было ему, кажется, в тягость, о чем он жаловался в письмах своему брату, служившему на важной должности при Симских заводах и бывшему у Балашевых в большой чести. На это намекает записка, сохранившаяся в составе «раздельного дела», где говорилось следующее: *«Александр Александрович [Бяляшев] пишет, мне от 14/16 декабря, что в уважение заслуг Ивана Арефьевича Круглова, он согласен брата его Арефия Круглова, что в Хирине, возвратит в завод с семейством его; почему и не причислять Арефия Круглова к Поддубовской вотчине, но до возвращения владельца оставаться ему в Хирине по-прежнему»* [171].

Наконец, последним хиринским начальником стал опекунский управляющий Владимир Борисович Зендер, присланный сюда Самарским-Быховцем и мозоливший глаза местным крестьянам более 40 лет. Даже после отмены крепостного права и завершения всех расчетов с крестьянами Зендер довольно долго управлял местными помещичьими хуторами, пока не умер около 1896/97 года.

Из его аттестата известно, что родился он в 1824 году, происходил из лифляндских немцев. Был женат на Эмилии-Доротее Карловой, урожденной Мехильсон, от которой имел двоих детей: сына Вильгельма-Вольдемара (1864) и дочь Луизу-Софию (1865). Все семейство придерживалось евангелическо-лютеранского вероисповедания. «Имения у него самого и у его жены ни родового, ни благоприобретенного нет». Управленческую деятельность в имении Балашевых Зендер успешно совмещал с частными уроками немецкого языка [172].

Мясоедов Г.Г. Косцы

При нем в 1883 году случился очередной имущественный раздел между Александром и Петром Александровичами Балашевыми, по которому хиринское имение, насчитывавшее 5358 десятин земли, досталось Петру [173]. Сразу после смерти Зендера все земли в окрестностях Хирина П. А. Балашев продал елабужскому купцу Сергею Петровичу Петрову. А тот через несколько лет по духовному завещанию отписал их Понетаевскому женскому монастырю, сделавшемуся с того времени крупнейшим землевладельцем в Арзамасском уезде.

Но вернемся к крепостным обязанностям крестьян.

Выше мы предположили, что при последних Путятиных хиринские крестьяне полностью состояли на оброке и при достаточном количестве земли могли пользоваться всеми выгодами своего положения. Если это было действительно так, то после перехода имения к Балашевым вполне благополучная крепостная жизнь местных крестьян резко изменилась в худшую сторону. Значительно расширив земельные владения вокруг Хирина и приписанных к нему деревень Ключищи и Выселки, новые помещики и их управляющие развернули здесь бурную хозяйственную деятельность, для поддержания которой потребовалась дешевая рабочая сила. В связи с этим помещичья экономия возвратила для своих крестьян трехдневную барщину, которая так и просуществовала в Хирине вплоть до 1870 года.

Балашевых, впрочем, можно понять: они были дворянами новой формации, для которых эффективность управления активами определялась размером полученной прибыли и увеличением темпов производства — как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Хиринское имение для Балашевых было лишь одной из доходных статей в многопрофильном бизнесе. Поэтому, чтобы представить экономическую ситуацию в Хирине, обратимся к оценочной ведомости из неоднократно упоминавшегося нами «раздельного дела», где несколько страниц посвящено как раз хиринскому имению — следующему по значимости «активу» Балашевых после Симских горных заводов. Поэтому оно и записано под № 2.

«II Оценка села Хирино с деревнями.

а) Доход с оных в течение 10 последних лет:

<i>В 1832 г.</i>	<i>32.542 р. 27 к.</i>	<i>В 1837 г.</i>	<i>41.013 р. 78 к.</i>
<i>1833</i>	<i>24.502 р. 81 к.</i>	<i>1838</i>	<i>47.736 р. 4 к.</i>
<i>1834</i>	<i>24.004 р. 4 к.</i>	<i>1839</i>	<i>70.067 р. 25 к.</i>
<i>1835</i>	<i>18.283 р. 48 к.</i>	<i>1840</i>	<i>26.732 р. 44 ½ к.</i>
<i>1836</i>	<i>36.267 р. 47 к.</i>	<i>1841</i>	<i>34.627 р. 2 к.</i>

Вообще за все 10 лет: 355.776 р. 60 ½ к. или около 35 ½ т. р. ассигнациями на каждый год.

б) Оценка по имуществу:

- *Земли 8.050 десятин по 50 р. — 402.500 р.*
- *Крестьян 876 души по 150 р. — 131.400 р.*
- *Рогатого скота 208 штук по 15 р. — 3.120 р.*
- *Разного усадебного строения и имущества — 5.000 р.*
- *Вообще: 542.020 р.*

с) Судя по среднему доходу, оценка эта не высока, тем более что имение это при значительном количестве земли по числу душ и при избытке хорошего леса представляет все удобства к упрочению и возвышению дохода в будущем чрез увеличение хлебопашества и чрез ведение особых хозяйственных операций. По сим выводам имение это не должно быть оценено ниже 550.000 руб. ассигнациями» [174].

Насколько объективно и беспристрастно дана эта оценка, сейчас сказать трудно. Но надо учитывать, что на другую чашу весов были положены Симские горные заводы, которые по результатам раздела должны были достаться умирающему Петру Балашеву. Следовательно, стоимость хиринского имения, предназначенного брату Александру, в той деликатной ситуации могла быть несколько завышена.

Но если говорить о самой ведомости, то обращает на себя внимание указание, что одна крестьянская душа (причислявшаяся тогда к помещичьему имуществу) оценивалась в 150 рублей ассигнациями. Кроме того, в своем заключении оценщик Карл Шван в качестве основных доходных статей с хиринского имения называет «значительное количество земли по числу душ» и «избыток хорошего леса».

В дальнейшем «ведение особых хозяйственных операций» (в их числе активная вырубка окрестных лесов с последующей переработкой древесины на заводе близ села Понетаевка) не только приносило помещичьей экономии хороший доход, но и основательно меняло окружавший Хирино ландшафт. Вспомним еще раз статью Н-кова, написанную в конце 1890-х годов: «*Вся местность вокруг Хирина носит степной вид. Всюду тянутся распаханые поля, изредка видоизменяясь оврагами или небольшими группами кустиков, служащих жалкими остатками некогда бывших здесь лесов. Некоторые старожилы еще помнят, то счастливое время, когда Хирино было окружено лесом. В настоящее время ближайший к Хирину лес находится не ближе 8 верст*» [174].

От оценщика Швана мы узнаем, что все крестьянское население хиринского имения, состоявшего из самого села и двух деревень — Ключищи и Выселки, в отношении исправления крепостных повинностей было разделено на тягла. По данным ведомости,

173 ½ «рабочих» тягла состояли на барщине (т. е. должны были отрабатывать на помещиков три «трудодня» в неделю), а остальные 226 ½ «оброчных» тягла платили владельцам имения оброк*.

Резюмируя свои подсчеты по оценке имения, Карл Шван приводит следующие итоговые цифры:

[Общее] Количество земли 8.050 [десятин]

• По 1-е Апреля 1843 года [в имении] состояло хлеба и разных произведений сельских на сумму 20.500 руб.

• За крестьянами состоит по 1-е Апреля долга деньгами и хлебом на сумму 18.910 р. 25 коп. (недоплаченный помещикам оброк за несколько лет — Л. М.).

• Средний доход годовой из последних 10 лет — 35.500 руб.

• Долга на имении по залогу в кредитных установлениях — 195.510 руб. (еще в марте 1837 года имение было заложено в одной из кредитных организаций под денежный займ — Л. М.).

• За уплатою капитала и процентов остается годового дохода — 23.769 руб.

• Оценка: полная — 550.000 руб./за сложением долга — 354.490 руб. [9].

Вероятно, с годами задолженность хиринских крепостных перед помещицей экономией только росла. Крестьяне, конечно же, с нетерпением ожидали, что точка в этой истории будет поставлена правительством, поскольку слухи об освобождении появились задолго до 19 февраля 1861 года, когда были обнародованы Высочайший манифест и «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Но вместо точки появился лишь вопросительный знак. И многоточие...

Земельный вопрос: ребус господина Зендера

Главным документом, содержащим условия выхода хиринских крестьян из крепостной зависимости, была так называемая уставная грамота, копия которой, к счастью, сохранилась в составе выкупного дела по арзамасскому имению Балашевых в архивном фонде Главного выкупного учреждения Министерства финансов Российской империи [175].

Уставная грамота составлялась помещиком, опекуном или их доверенным лицом либо в одностороннем порядке, либо по соглашению с крестьянами. Если грамота готовилась без участия крестьян, то ее содержание затем оглашалось перед ними на сельском сходе. А те в случае несогласия с отдельными положениями документа могли пожаловаться местному мировому посреднику и требовать их изменения.

Как можно понять из самого документа, хиринские крестьяне подписали текст уставной грамоты, предложенный помещицей экономией (хотя документы более позднего вре-

* Тягло — единица обложения крестьян натуральными и денежными повинностями в пользу помещика. В основу исчисления тягла обычно полагались полный работник с работницей (семья), получавшие землю для обработки, или определенное количество трудоспособных лиц в крепостной крестьянской семье, принятое за единицу обложения при разверстке барщины и оброка. По статистическим подсчетам, в большей части помещичьих имений число тягол составляло чуть менее половины от общего числа ревизских душ. Для хиринского имения эти цифры также были справедливы: $226 \frac{1}{2} + 173 \frac{1}{2} = 400$ тягол при наличии 886 ревизских душ, числившихся по трем селениям.

мени заставляют нас в этом усомниться), то есть согласились с ее условиями и в дальнейшем уже не имели права требовать их пересмотра. В таком виде грамота была утверждена и вступила в законную силу.

«УСТАВНАЯ ГРАМОТА

Нижегородской губернии Арзамасского уезда села Хирина помещиков малолетних Петра и Александра Александровичей Балашевых, состоящих в опеке, и матери их вдовы Коллежского Ассессора Александры Васильевны Балашевой

Составлена 1862 года Генваря 2 дня.

Поверена Мировым Посредником 1862 года Генваря 30 дня и утверждена того же числа как составленная по добровольному соглашению вла <дельцев и крестьян> и не подлежащая дальнейшему производству, утверждена и введена в действие окончательно, согласно составленному по ней протоколу от того же 30 генваря [...].

I.

1. В селе Хирине значится по 10-й народной переписи мужеского пола душ дворовых 19, крестьян 534. Из них отпущенных после ревизии на волю не было, а все состоят на лицо.

2. Все означенные по ревизии дворовые не имеют права пользоваться наделом земли на основании Положения об устройстве дворовых людей ст. 6-й, так как они до обнародования указа 2-го Марта 1858 года, сами лично не пользовались полевым наделом и по поступлении к помещику в услужение перестали пользоваться наделом и нести повинность за обработку пахотных полей.

3. Затем на основании Местного Пол<ожения> должны получить в постоянное пользование поземельный надел все 534 м<ужеского> п<ола> душ<и>.

Текст Манифеста 19 февраля 1861 года

II.

1. До обнародования Пол<ожения> о кр<естьянах> всей земли состояло в пользовании крестьян села Хирино до двух тысяч ста десятин.

2. Из них под крестьянскою усадебною оседлостью 104 десятины 1330 квадратных сажень, в число которых входит 31 десятина 366 квадратных сажень выгона, состоящего в пользовании одних крестьян.

Примечание. Означенное количество земли определено на основании плана, снятого в 1861 г. межевщиком Нижегородской Палаты Госимуществ Такашиным.

1. Для местности, где находится вышесказанное село, определен Местным Пол<ожением> о поземельном устройстве крестьян, высший размер душевого надела в 3 десятины 1200 квадратных сажени, а потому на основании 1-го примеч. к ст. 17-й по числу душ в селе высший размер надела на все крестьянское общество составляет. 1869 десятины.

2. Так как крестьяне пользуются ныне землею, в том числе и усадебною оседлостью, в большем против высшего размера количестве, то на основании ст. 18-й предоставляется им в постоянное пользование полное количество земли по расчету высшего размера душевого надела, то есть 1869 десятин удобной земли на настоящих местах, вокруг их селения в одной окружной меже, за исключением из оной настоящей господской усадьбы, в количестве 13 десятин 1187 квадратных сажени, обнесенной канавою с валом, и затем

остальная земля, сверх сего количества, бывшая в их пользовании, а именно из дальних запашных земель до 171 десятины в пустом поле, 10 десятин по дороге, ведущей из д. Корина в село Вонячку, и 5 десятин в поле Хириинский ключ отверзывается на основании 18-й ст. из надела и обращается в непосредственное распоряжение владельцев. Эта отрезка произведена согласно 54 и 58-й ст. местного Положения.

Для уничтожения чрезполосицы и разграничения угодий к одним местам производится на основании ст. 51 и 64, и по взаимному добровольному согласию с крестьянами обмен угодий помещичьих на крестьянские, а именно: поступает, в крестьянский надел из помещичьей запашки Коринское поле до 110 десятин, Поздняковское поле до 120 десятин унавоженных, и лежащих оба поля близ Хирина около вершин. Липового оврага до 13 десятин, и поле Городок до 47 десятин унавоженных, всего до 290 десятин, а взамен оных отрезывается от крестьян во владение помещиков: в запольных местах от Тоузакковского поля до 110 десятин, от Измайловского поля до 120 десятин, около дороги из Корина в Вонячку до 10 десятин и поле Хириинский ключ до 15 десятин, всего до 290 десятин.

За сим на основании п. 7-го ст. 35 Правил о приведении в действие Положений, поясняется, что отводимая крестьянам земля будет, иметь следующие границы: [...] (подробное описание границ и прохождения межей мной опущено. — Л. М.).

III.

- 1. Крестьянская усадебная оседлость к перенесению на новые места не подлежит.*
- 2. Находящийся при селе Хирине водопой остается в общем пользовании владельцев и крестьян с тем, однако, что ловли рыбы и мочки конопли в Хириинском пруде крестьяне производить не должны, плотину одного пруда они обязаны содержать в исправности.*
- 3. Состоящий при селе Хирине выгон остается в пользовании одних крестьян и поступает в число их надела.*

IV.

- 1. До обнаружения положений о крестьянах, крестьяне села Хирина находились частью на смешанной повинности, плата 20 рублей оброка в год, и отбывая сверх того 12 мужских и 10 женских дней с тягла, и частью на 3-дневной барищине.*
- 2. За предоставленную в постоянное пользование крестьян села Хирина землю в количестве 3 десятин 1200 квадратных сажень на душу причитается [...] оброка с каждого душевого надела 9 рублей в год, а со всех 534 душевых наделов 4806 рублей.*
- 3. Оброк крестьяне обязаны вносить в два срока по 2403 руб., а именно: первую половину к 10-го Июля, а вторую половину к 1-му числу Декабря месяца.*
- 4. Сроки для перехода крестьян с барищины на оброк назначаются 15 марта.*
- 5. Из числа душевого оброка относится на усадьбу 1 руб. 15 коп. [...], так как она причисляется к 3 разряду, вследствие чего повинность за пользование всею усадебною оседлостью крестьянского общества составляет в год 801 руб., а выкупная сумма за всю оседлость 13352 руб. 67 коп.*
- 6. Так как мирская земля состоит в пользовании всего сельского общества, то временнообязанные крестьяне села Хирина отвечают друг за друга круговую порукою за исправное отбывание повинностей.*
- 7. Общественная мирская сумма, состоящая из 249 руб. серебром, и мирский обще-*

ственный хлеб в количестве 667 четвертей и 6 четвериков ржи, и овса 220 четвертей и 3 четвериков передали по принадлежности под расписку Хиринского Волостного Правления.

Обмен земли произведен с разрешения Санкт-Петербургской Дворянской Опеки.

[Уставную грамоту] Подписали: опекун Действительный Тайный Советник Князь Александр Голицын, опекун Генерал-Лейтенант Василий Евграфов сын Самарский Быховец за себя и по доверенности Александры Васильевны Балашевой.

И крестьяне (далее следует неполный список домохозяев без фамилий с обычным завершением «и за прочих неграмотных и по их личной просьбе [такой-то] руку приложил», который мы здесь опускаем. — Л. М.).

С подлинным верно: [Мировой Посредник] Ермолов» [176].

Именно этот важный документ с 1862 года регулировал взаимоотношения помещицкой экономии с бывшими крепостными. Отметим три основных момента, от которых напрямую зависело качество жизни хиринских крестьян после этих нововведений.

Во-первых, площадь земли, оставшейся у них в пользовании после подписания уставной грамоты, несколько сократилась, поскольку из-за плодородности почв коэффициент местности был повышен, а значит, и земли из расчета на ревизскую душу полагалось меньше.

Во-вторых, с 20 до 9 рублей ассигнациями (то есть более чем в два раза) уменьшился оброк, хотя и составил максимальную сумму, определенную Положением о крестьянах (в соседних селениях такую же сумму оброка крестьяне платили за больший надел земли, но худшего качества).

И, в-третьих, до заключения между помещиками и их бывшими крепостными так называемой выкупной сделки хиринские крестьяне, считавшиеся «временнообязанными» своим помещикам, должны были исправно выполнять свои прежние крепостные повинности — платить оброк и обрабатывать барщину.

В дальнейшем, чтобы продлить это положение, очень удобное и выгодное для помещицкой экономии, но тягостное для крестьян, опекуны и управляющий старательно оттягивали сроки заключения той самой выкупной сделки. В итоге она состоялась лишь в январе 1870 года, когда повзрослевшие наследники Балашевы «развязались», наконец, со своими бывшими крепостными крестьянами, передав им в собственность оговоренный земельный надел, а от правительства получив выкупные деньги.

Впрочем, в Хирине, как и во многих других бывших крепостных владениях, не обошлось без хитростей со стороны помещицкой экономии.

В пореформенные годы в несельскохозяйственных губерниях (в Нижегородской, в частности) крупным помещикам было выгоднее отдать крестьянам максимально возможный надел по числу душ. Чем больше земли помещик отчуждал, тем большую сумму выкупа он получал от казны.

Крестьяне же, наоборот, зачастую желали уменьшить размер выкупной ссуды, а соответственно и переходивший к ним земельный надел, чтобы последующее возвращение долга государству не было для них слишком обременительно. Однако по неграмотности и невежеству крестьяне часто не знали, как этого добиться и вообще как себя вести в незнакомой для них правовой ситуации.

Лавров Н.А. Александр II

Мясоедов Г.Г. Чтение Положения 19 февраля 1861 года

По всей стране было множество случаев, когда заслушав помещичье объявление об условиях выкупа, крестьяне попросту «обижались», будучи уверенными, что господа помещики опять чего-то темнят и водят их за нос. Часто эти крестьянские подозрения были справедливы. Но закон действовал по принципу «молчание — знак согласия», поэтому неоспоренные выкупные сделки получали юридическую силу. А всего-то нужно было в месячный срок предоставить в надлежащую инстанцию соответствующий приговор сельского схода.

Так случилось и в Хирине, о чем свидетельствует акт мирового посредника Ермолова, где говорилось: «*При предъявлении мною 31-го Декабря 1869 года временнообязанным гг. Балашевых крестьянам с. Хирина и дд. Ключищ и Выселка объявления к <оллежского> р <егистратора> Владимира Борисовича Зендера об обязательном выкупе отведенной тем крестьянам по уставной грамоте земли, — крестьяне села Хирина и деревень Ключищ и Выселка изъявили желание состоящий в их пользовании надел уменьшить для выкупа, но указанный 97 ст. Положения о выкупе месячный срок для представления приговора пропустили и даже совсем отказались от представления какого бы то ни было приговора.*

За тем, по рассмотрении вышеозначенного выкупного объявления и всех приложенных при оном бумаг, оно найдено мною во всех отношениях составленным правильно, а потому постановил:

Выкупное объявление поверенного г <осподина> Зендера со всеми к нему приложениями и настоящим протоколом представить в Нижегородское губернское по крестьянским делам присутствие на дальнейшее с его стороны распоряжение.

Подпись (мировой посредник Ермолов)» [177].

Так крестьяне села Хирино автоматически получили в собственность по 3 десятины 1200 сажень (3,4 десятины) удобной земли* на душу, а всего 1869 десятин из расчета на 534 ревизские души, бывшие налицо по 10-й ревизии 1858 года.

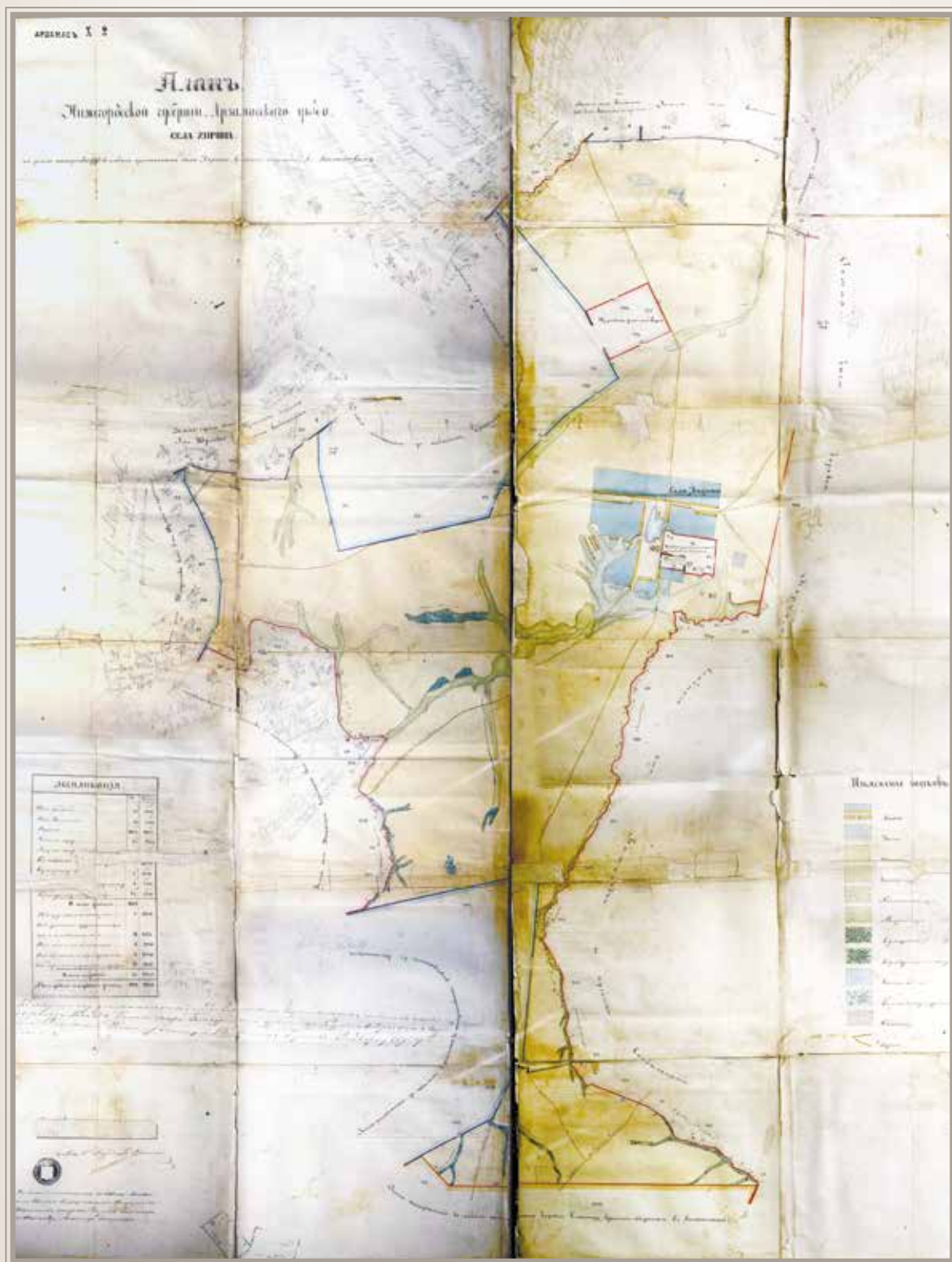
За эту землю, переданную обществу крестьян села Хирино, правительство уплатило Балашевым за вычетом всех банковских «условий» (процентов) 64 080 рублей. Означенную сумму хиринским крестьянам, связанным круговой порукой, предстояло теперь вернуть государству в течение 49 лет в виде выкупных платежей.

Зато с 1870 года они, по документам, гордо назывались «крестьянами-собственниками» — полноправными хозяевами своей земли. Хотя многим из них это не принесло ни счастья, ни достатка. По результатам крестьянской реформы 1860-х годов хиринцы в большинстве своем считали себя обманутыми помещиками (наследниками А. А. Балашева) и их управляющим Зендером.

Эту обиду, ставшую еще острее после драматичных событий 1885–1887 годов (о них речь пойдет ниже), хиринские крестьяне помнили потом долгие годы: отцы рассказывали об этом своим детям, а деды — внукам. Похожие истории случались тогда во многих российских селениях, жители которых недавно вышли из крепостной зависимости.

В скором времени на этой почве вызрела кровавая революция, которую вполне предсказуемо поддержали многие хиринцы — и те, что остались в родном селе, и те, кого судьба разбросала по разным уголкам империи, где они пополнили ряды пролетариев — тех самых, которым было «нечего терять, кроме своих цепей».

* В состав удобных земель входили: усадебная земля, пашенные и луговые земли, выгон для скота, земли под кустарником. Неудобные — это земли под церковью и кладбищем, под речками, оврагами и прудом, под чистыми болотами, под болотами с кустарником, дорогами, улицами и проулками. Неудобные земли поступали в пользование крестьян безвозмездно.

Земельные владения крестьян села Хирино.
План 1861 года. ЦАНО

Крестьянский ответ: миссия унтера Безсонова

Пассивной формой социального протеста против помещичьей несправедливости стал фактический отказ многих хиринских крестьян от земледельческого труда как основного источника дохода — они предпочли ему более надежные виды заработка вдали от родных мест. Многие там и остались, поскольку возвращаться на родину им не было никакого смысла.

Но был в Хирине и активный протест, правда, произошло это уже в середине 1880-х годов, когда в селе появился настоящий вожак — харизматичный лидер, сумевший объединить, зажечь и увлечь за собой людей.

Этим человеком оказался отставной унтер-офицер Кузьма Игнатьевич Безсонов. Родился он в Хирине, в обычной многодетной крестьянской семье. В 1849 году его, 21-летнего парня, забрали в солдаты по очередному рекрутскому набору. С тех пор служил он в разных пехотных частях, получал боевой опыт на Крымской войне, сражался с горцами на Кавказе, затем участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. По некоторым, пока документально не подтвержденным данным, имелись у него за боевые заслуги и Георгиевский крест, и орден Святой Анны. Уйдя в отставку, Кузьма Игнатьевич поселился в Нижнем Новгороде, временами наведывался к родным в Хирину. Тут-то все и началось...

Впрочем, с сего момента гораздо интереснее эту историю расскажет нижегородский военный губернатор Николай Михайлович Баранов (1837–1901), который осенью 1886 года на заседании Кабинета министров делал доклад по поводу резонансных хиринских событий.

«... В этом году возвратился на родину в с. Хирину отставной унтер-офицер одного из кавказских батальонов Безсонов. Много служивший, весьма от природы способный, до известной степени начитанный и по прежней службе более или менее известный многим из бывших кавказских начальников и самому вел<икому> кн<язю> Михаилу Николаевичу, Безсонов приобрел полное доверие односельцев и ложным толкованием Священного Писания и законов и частным отправлением просьб и поздравительных телеграмм к лицам высокопоставленным вселил убеждение в крестьянах в его необыкновенной силе в Петербурге и в полной безнаказанности его поступков.

Все стало быстро меняться. Исправные до сего [времени] крестьяне перестали платить повинности и повели бесконечные процессы с владельцем, домогаясь от него невозможных уступок.

Все предупредительные меры были испробованы, но не привели ни к чему.

Наконец, местной администрации удалось привлечь к судебной ответственности Безсонова, и по требованию судебной власти в прошлом году, хотя и не без затруднения, Безсонов был арестован и доставлен в Арзамасский тюремный замок. Заключение в острог Безсонова произвело благотворное действие на хиринцев, и я получил надежду, что все придет к прежде бывшим порядкам, но вследствие взглядов судебного следователя и прокурорского надзора Безсонов был освобожден и явился триумфатором к себе в село. Этого было довольно, чтобы население Хирина окончательно уверовало в особую силу Безсонова, и он стал единственной властью, которую хиринцы признавали.

Крамской И.Н.
Деревенский староста

Николай Александрович Баранов,
нижегородский губернатор
в 1882–1897 годах

Крестьяне назначили ему жалование до 600 руб. в год, и когда в скором времени судебная власть снова признала нужным арестовать Безсонова, то крестьяне объявили, что они его не выдадут, и для охраны Безсонова от судебного пристава и полиции нарядили караул вооруженных парней. Когда судебный следователь и исправник приехали в Хирино для ареста Безсонова, то все население оказало сопротивление, угрожая изрубить исполнителей закона.

Узнав об этом, я счел нужным быстро покончить с Безсоновым, не выжидая уже действия судебной власти и не боясь превысить законом мне указанные права.

Выслав в Хирино сотню Оренбургского казачьего полка, я до прибытия команды приехал в Хирино и потребовал в волостное правление Безсонова с его ближайшими пособниками. Никто не явился, и парламентаром ко мне прислан был отставной гвардейский солдат, объявивший, что не только общество не дозволит арестовать «Христа» Безсонова, но и слушать никого не будет.

По прибытии казаков сход состоялся, и намеченные заранее люди с Безсоновым были на сход доставлены. Не добившись результата увещанием, я жестоко наказал розгами упоминаемого солдата и шестерых главных виновников и, заковав в кандалы Безсонова, отправил его в город в сопровождении казачьей сотни. Наказать Безсонова, как и других розгами, к несчастью, было нельзя по его старости (Безсонову было тогда 59 лет. — Л. М.).

Оставшись по уходе команды на некоторое время в Хирине, я был свидетелем отрезвляющего впечатления, произведенного на крестьян наглядным решением дела, без бумажных проволочек и вмешательства самодельной адвокатуры.

Хиринская история была обострилась до того, что был момент, заставивший меня сильно опасаться, что дело не обойдется без необходимости употребить оружие, и все это могло случиться только потому, что организация нынешнего сельского управления, основанная вся на положении бумажных актов — этом удобном поприще для бессовестных адвокатов в деле ведения нескончаемых судебных тяжб — совершенно обезличила и лишила власти местное начальство, которое совершенно лишено возможности, относясь к существу дела, вовремя останавливать появляющиеся беспорядки» [178].

Некоторые подробности этой захватывающей истории можно проверить и уточнить из судебного дела, рассмотренного в Нижегородском окружном суде в 1886 году, по обвинению братьев Кузьмы и Павла Игнатьевых Безсоновых в оскорблении волостного старшины при исполнении им служебных обязанностей [179].

Из материалов дела выясняется, что 13 (26) января 1886 года волостной старшина Тарас Васильев Лопатников созвал в Хирине сельский сход для решения вопросов о взыскании недоимок и «учете» прежнего сельского старосты. Но явившиеся на сходку братья Безсоновы сорвали мероприятие, устроив там потасовку и нецензурно обругав старшину, находившегося при исполнении служебных обязанностей, назвав его «негодяем», «потатчиком воров» и «скверным старшинишкой». При этом отставной военный Кузьма Безсонов, давно уже не состоявший членом сельского общества, во время словесной перепалки схватил старшину Лопатникова за тулуп и так тряс его, что тот еле вырвался и вынужден был покинуть собрание.

Допрошенные по делу хиринские обыватели Андрей Сергеев Кочетков, Дмитрий Иванов Резчиков, Степан Григорьев Беляков, Александр Егоров Сосков и Петр Гаврилов Обушников пояснили, что потасовка произошла из-за того, что Лопатников взялся на сходе покрывать своего родственника бывшего сельского старосту Столярова, подозревавшегося крестьянами в растрате общественных денег. Именно этим, по словам свидетелей, был вызван гнев братьев Безсоновых, что в итоге и вылилось в драку на сельском сходе (л. 1–2).

В актах должностных лиц полиции Кузьма Безсонов характеризовался как «коновод в селе», «человек, пользующийся доверием общества» и уполномоченный им ходатайствовать об «обмене негодной земли, доставшейся хиринским крестьянам по уставной грамоте», на более удобную из той, что осталась за помещиком Балашевым. Пока же земельное дело не решено, Безсонов запрещал хиринским крестьянам отсылать выкупные платежи (л. 4 об.) и якобы даже ругал старосту Обушникова за то, что тот внес в казну 200 рублей.

Иван Павлов Лапушин, проходивший по делу сначала в качестве обвиняемого (говорили, что он тоже ругался в адрес старшины на сходе), на дознании уточнил, что подати все-таки собирались, но Безсонов настаивал, что вносить их в казну не следует до тех пор, пока им не будет получен ответ от великого князя Михаила Николаевича.

О масштабах деятельности, развернутой хиринским «коноводом» Безсоновым, свидетельствует его письмо, написанное летом 1885 года и адресованное фельдфебелю Павлу Егоровичу Курмышеву (цитата из канцелярской копии с сохранением орфографии источника): *«Читайте письма мои, которые получили, и исполняйте, что прошу я вас в них, в точности все. Если придет к вам непременно член Кутлубицкий или Зендер [...] и будут угрожать, не слушать их и возложить все ответы на меня, и если [даже предложат: что-то] в вашу пользу и то не позволяю вам [решать] без меня. Уведомляю я вас, что же-*

Судебное дело по обвинению братьев Безсоновых. ЦАНО

стоко тебе противу рожна и мне жестоко стоять противу суда за вас, да будет: с нами Бог, разумеите языцы и покаряйтесь, яко с нами Бог. 24 года ждали, да и очень много дел набрали, не считая ваших заявлений, и я подал 18 прошений, да и если я не буду жив, то и тогда скажите детям всем вашим, что у нас документ: данный купчий — ложный, сделан Зендером без согласия общества, да и если Зендер сдохнет, тогда будем искать с Балашева имения. И вот вам пример, что которая земля не принята вами у Крутца (имеется в виду дер. Ключищи. — Л. М.) 200 десятин от 1862 года и [до] 1885 года — итого 24 года, за нее следует взыскать с Балашева всех денег 27 тысяч 208 руб. 48 коп.» [180].

Когда следователь допрашивал главного обвиняемого Кузьму Безсонова, тот показал, что состоит поверенным хиринского сельского общества по делу об обмене негодной земли, навязанной крестьянам помещиком и его управляющим без согласия сельского общества. Иногда он, Безсонов, действительно писал своим единомышленникам письма, чтобы ознакомить их с ходом дела и предупредить на случай возможного запугивания со стороны Зендера и связанных с ним должностных лиц, в частности неперменного члена Нижегородского губернского правления г-на Кутлубицкого. Обвиняемый сообщил, что в губернское правление хиринские крестьяне неоднократно обращались с прошениями, но все их письма оставались без ответа, потому что «там все решал Кутлубицкий, как хотел». А он был на стороне Балашева и Зендера.

Безсонов также уверил следователя в том, что никогда не возбуждал крестьян против властей. Бывшего сельского старосту Столярова он, действительно, подозревает в растрате мирских денег и требует от него «учета», за что на него и наговаривают старшина Лопатников (родственник Столярова) и его пособники. Что же касается последнего хиринского старосты П. Е. Обушников, то о нем Безсонов отозвался очень уважительно, заявив, что «не находит лучшего старосты, как Обушников, ибо сей последний человек скромный, достойный, и что за 20 лет что ни староста, то вор, никто не проходил, не захватив 100–200 рублей мирских денег». Поэтому «терпение лопнуло», и он, Безсонов, решился отстаивать интересы общества [181].

Следствие не нашло в действиях главного обвиняемого состава преступления против властей. В обвинительном заключении говорилось, что «целью действий Безсонова был обмен бездоходной, для пашни и сенокоса неудобной земли, отведенной крестьянам села Хирино по уставной грамоте в 7 верстах от селения и в чрезполосном с бывшим помещиком владении», а это — чисто имущественный спор.

Кстати, в 1904 году та самая неудобная земля, доставшаяся хиринским крестьянам по злому умыслу Зендера, описывалась в хозяйственных документах следующим образом: «Участок к д. Ключищам лежит частью в залежи. Прежде была новь, но теперь родить перестала, т. к. навоз возить далеко и скотину гонять нельзя (новь из-под дубника). На ½ теперь зарастает мелким лесом. Земля иловатая, на другой половине, где песок, кроме мха ничего не растет. По всем этим местам ходит гумая скотина (коринская и крутецкая и ключищенская)». [182].

В судебном заседании, состоявшемся 6 ноября 1886 года, после обвинительной речи прокурора был заслушан подсудимый Кузьма Безсонов. Он повторил свои показания, а также все прежние обвинения и ругательства в адрес волостного старшины, почему и был лишен «за дерзкое поведение» последнего слова (л. 14 об.).

В итоге суд признал братьев Безсоновых виновными и назначил каждому из них соответствующее уголовное наказание: Кузьме — тюремное заключение сроком на 8 месяцев, Павлу — арест при полицейском управлении сроком на 3 месяца (л. 18 об.).

В советские времена в Хирине и окрестных селениях эту историю хорошо знали, потому что каждый подобный случай «борьбы угнетенных против своих угнетателей» был у властей на особом учете. Соответственно, многим здесь было известно, что закованного в кандалы Безсонова увезли под стражей в Нижний Новгород, после чего героя якобы и след простыл.

Кузьма Игнатьевич, действительно, больше никогда не возвращался в родное село. Но, скорее всего, не из-за репрессий властей, а потому что просто не оправдал надежд односельчан, поскольку все суды по земле он проиграл. В 1887 году Правительствующим Сенатом — высшей судебной инстанцией Российской империи — в хиринском деле была поставлена точка: все здесь осталось по-прежнему, границы земельных владений пересмотру не подлежали.

Однако в ходе этой очень дорогостоящей для крестьян, но безрезультатной тяжбы с Безсоновым и его единомышленниками были каким-то образом «утрачены на суде с господином Балашевым» абсолютно все документы и планы сельского общества на землю [183]. Не исключено, конечно, что это могло быть подстроено ответчиками. Но факт остается фактом: Кузьма Безсонов в этой неравной борьбе проиграл, «миссию» свою не выполнил, а потому и возвращаться в Хирино ему было совершенно незачем — стыдно людям в глаза смотреть.

Его младший брат Павел, опытный каменщик, на ноябрьский суд 1886 года явился прямо из Оренбурга. Отбыв назначенные судом 3 месяца ареста, он туда же и возвратился, чтобы продолжить работу. Со временем за ним перебралась и его семья.

А вот у Кузьмы своей семьи не было, не обзавелся.

Поэтому, возможно, старый солдат Кузьма Игнатьевич Безсонов окончил свои дни где-то в Оренбургской или соседней с ней губернии, рядом с братом и его домочадцами. За свою долгую и беспорочную воинскую службу он совершил немало ратных подвигов, вместе с товарищами одержал в боях не одну победу, но, вернувшись к мирной жизни, потерпел такое сокрушительное и обидное поражение.

С землей, но без земли.

Жизнь хиринцев после крестьянской реформы

После истории с Безсоновым, проигранного им суда и утраты документов, многие хиринские крестьяне, кажется, окончательно потеряли интерес к земледельческому труду. Об этом можно судить по материалам Арзамасского уездного съезда земских начальников, куда в январе 1897 года поступил на рассмотрение приговор крестьян села Хирино с просьбой об отсрочке выкупных платежей. И, судя по дате, свое ходатайство хиринцы «приурочили» к знаковому для них событию — получению известия о смерти Зендера. Или просто так совпало.

По дознанию, произведенному земским начальником Тарховым, оказалось, что за душевой надел в 3,4 десятины крестьяне платили по 6 рублей выкупных платежей в год, а всех платежей, не считая страховых, приходилось около 10 рублей в год с души, что, по мнению земского начальника, было для них крайне затруднительно.

«Обременительность платежей обуславливается неудовлетворительностью надела и непривычкой большинства населения к земледелию, так как большинство издавна занимается каменно-кладочным и штукатурным мастерством, уходя с 14–15 лет в посто-

ронные заработки. Земельный надел наполовину удовлетворительного качества, наполовину плохой — с чисто песчаным грунтом, тянется верст на 6 от села, часть земли заброшена и не пашется. Покосов самое незначительное количество — всего 25 десятин и те не высокого качества. [...] Хлеба от надельной земли никогда не хватает, для прокормления населения. [...] Хозяйство крестьян, — заключает Тархов, — несомненно, расстроено, на что указывает, кроме накопления недоимки, недостаток скота и вообще движимого имущества и упадок строений».

Но далее он пишет: «Надельная земля в общем по качеству своему не настолько плоха, чтобы одним этим можно было объяснить такое расстройство хозяйства; плохие урожаи объясняются небрежным отношением к земле и крайне плохой обработкой; во всяком случае лежащие на земле платежи несколько велики и не соответствуют ее доходности, почему при падении цен на работников в половине 80 годов недоимка стала сильно расти и с 3454 руб. в 1883 году к 1890 г. возросла уже до 25 тыс. руб.; наступившие затем неурожай и вздорожание хлеба способствовали большему разорению. [...]

В настоящее время нет никаких данных предполагать, чтобы хозяйство крестьян в близком будущем исправилось, напротив недоимка за 1895 г. возросла слишком на 2 т<ысячи> руб.

[...] Накопление недоимки объясняется в большей степени хозяйственными условиями, но немалую долю влияния имела и слабость взыскания: крестьяне плательщики, увидав, что неплатеж даже по упорству остается безнаказанным, переставали платить; теперь не редкость видеть накопление недоимки за богатыми. Немало способствует, накоплению недоимки полная небрежность полиции в содействии ко взысканию таковой с лиц, проживающих на сторонних заработках; нередко последние, проживая без паспортов, которых не выселяют за неплатеж повинностей, пользуются покровительством низших чинов полиции, почему взыскания с них становятся невозможными» [184].

Таким образом, хозяйственные условия, в которых оказались хиринские крестьяне после отмены крепостного права, медленно, но верно сгоняли многих из них с собственной земли, заставляя искать счастье вдали от родных мест.

С вышеизложенными взглядами земского начальника в целом согласен и автор статьи в «Нижегородских губернских ведомостях»: «При достаточном количестве полевой земли, — писал Н-ков, — хиринцы могли бы получать от земледелия полное обеспечение. Но, к сожалению, надел земли, причитающийся на каждую душу, благодаря своей незначительности, часто приносит, такое количество хлеба, что его едва хватает, до зимы. Так как земледелие не может, удовлетворять всем нуждам и потребностям многих семейств хиринцев, то последние принуждены искать себе средств к пропитанию посредством промыслов» [185].

О них теперь и пойдет речь.

Глава V
*Дорогами
хириnskих
каменищиков*

От сохи и плуга к кирке и лопатке. Начало истории хиринских каменщиков

Промысел, ставший в XIX веке своего рода визитной карточкой и главным доходным занятием хиринских крестьян, зародился, вероятно, еще в середине XVIII века, когда в Хирино по приглашению князя А. А. Путятина прибыла артель мастеров-каменщиков для строительства Предтеченской церкви.

Кем они были и откуда пришли, узнать пока не удалось. Основных версий две. Строителями могли быть, во-первых, ярославцы — главные по тем временам «каменных дел мастера», активно промышленявшие в обеих российских столицах и их окрестностях. Поскольку князь Путятин постоянно жил в Москве, он вполне мог «сговорить» понравившихся ему умельцев для работы в своей арзамасской вотчине. Кроме того, в Ярославском уезде находились родовые имения жены Путятина Анастасии Барятинской, где тоже наверняка были свои крепостные каменщики. Возможно, в Хирино отправили кого-то из них.

Во-вторых, хиринскую церковь могли прийти строить владимирские мастера: в середине XVIII века именно их чаще всего привлекали к каменным работам в Саровской пустыни, с которой Путятин всегда поддерживали тесные связи.

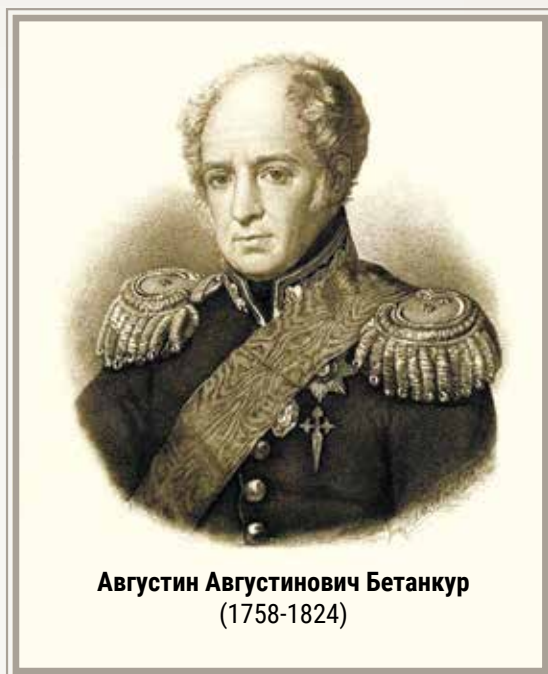
Как бы то ни было, приезжим при строительстве церкви в качестве подмастерьев, подносчиков, плотников и чернорабочих постоянно помогали путятинские крепостные крестьяне, которые старательно осваивали секреты доселе не знакомого им ремесла. В 1770–80-е годы практическое обучение хиринских крепостных продолжилось уже при возведении верхней церкви, а затем колокольни. Постепенно хиринские каменщики обрели самостоятельный опыт отхожих заработков, получения строительных подрядов, заключения договоров, организации рабочих артелей и т. д. и т. п. Первые документальные сведения о хиринских мастерах-каменщиках нам удалось разыскать в бумагах конца 1810-х годов, связанных с историей всемирно известной Нижегородской ярмарки.

Напомним, после большого пожара в Макарьеве, уничтожившего в августе 1816 года практически все ярмарочные строения, в Петербурге было принято решение о перенесении большого торгового комплекса в Нижний Новгород. Для возведения нового комплекса сооружений Нижегородской ярмарки из казны было выделено 6 млн рублей. Принимая во внимание исключительную важность ярмарки для экономического процветания России, император Александр I распорядился даже отложить строительство Зимнего дворца в Петербурге.

Застройка выделенной под размещение торгового комплекса обширной территории на левом берегу Оки, между Кунавинской слободой и селом Гордеевка, была начата весной 1818 года и осуществлялась по проекту и под руководством знаменитого архитектора Августина Бетанкура (1758–1824), задавшегося целью — ни больше, ни меньше — возвести лучший торговый комплекс в Европе. Масштабы строительства были поистине огромны и постоянно требовали большого числа рабочих всех строительных специальностей, для поиска и вербовки которых по городам и весям Поволжья неустанно разъезжали уполномоченные комиссары.

Но строители и сами шли в Нижний, чтобы предложить свои услуги.

Так, 3 января 1819 года в Комитет строения Нижегородского ярмарочного гостиного двора явились из села Хирино крепостные крестьяне господ Балашевых Василий Ре-

Августин Августинович Бетанкур
(1758-1824)

занов, Иван Зубарев и Кирилл Безсонов, которые пожелали обязаться поставить для производства каменных работ при ярмарочном строении до 60 каменщиков и 20 подносчиков. За работу они попросили *«с каждой кубической сажени выведенного в фундамент бута и с каждой положенной в стену тысячи кирпича по 6 рублей 25 копеек, на делание карнизов, сводов, лестниц и колонн [...] по 2 рубля на каждого каменщика и по 1 рублю на каждого подносчика в день, а знающим плотничное мастерство, в случае [если] кто употреблен будет, в плотничные работы, такую плату, какая при последних торгах состоять на оные будет»* [186].

Комитет, найдя расценки хиринских мастеров «весьма умеренными и для казны выгодными» и удостоверившись из имеющихся у них аттестатов, что «к означенным работам они навичны», на предложение согласился. Для заключения сделки им был передан контракт с детально прописанными «кондициями» (условиями). Для утверждения контракта необходимо было получить обязательное согласие и гарантии вотчинной конторы Балашевых в лице управляющего хиринским имением. Только после соблюдения этой формальности договор мог вступить в законную силу.

В феврале 1819 года уполномоченный от Комитета строений ярмарочного гостиного двора казенный комиссар Диго отправился в очередную поездку по Арзамасскому уезду с целью вербовки рабочей силы. С okazji заехал он и в село Хирино для улаживания последних формальностей с вотчинным начальством, подписания с подрядчиками контракта и выдачи им условленной предоплаты. Однако дело приобрело неожиданный оборот, поскольку оказалось, что управляющий хиринским имением Балашевых капитан Яцынин *«по новости управления его оною вотчиною [...] не может, за них поручительства сделать, а хотел прислать еще некоторых известных ему людей для присоединения в одной же контракт»* [187].

Диго уехал ни с чем, а в марте того же года вотчину Балашевых посетил инженер подполковник барон Боде, которому Комитетом было поручено на обратном пути из Пензенской

губернии заехать в село Хирино «для окончательного разрешения по заключенному с теми крестьянами условию, с такими переменами, какие он сделать по обстоятельствам найдет нужным, а по недостатку каменщиков подрядить оных и еще, сколько возможно» [188].

На месте же, как следует из рапорта г-на Боде, управляющий Яцынин объяснил, что «хотя оные крестьяне — хорошие мастера в своем деле, но не довольно воздержанные и основательные, чтобы он мог дать им такое одобрение». Как оказалось, это был лишь благовидный предлог, поскольку гораздо важнее для вотчинного начальства было то, что «по недостатку в расчислении они [подрядчики] взяли такую цену, за которую они не могут оную работу выполнить, что и более ему воспрепятствует ручаться за них». После того Яцынин призвал других подрядчиков из крестьян хиринской вотчины, которым он готов был дать нужное одобрение. Однако эти новые подрядчики, вступив в переговоры, «находили многие затруднения в условии, сделанном с прежними подрядчиками, по которым они вовсе не согласны были [работать]» [189]. По ходу переговоров в Хирине инженер барон Боде, «для лучшего согласия обеих сторон», счел необходимым переделать прежние условия контракта, копию с которого он и предоставил в Комитет.

Этот интересный документ позволяет увидеть, как в начале XIX века была организована ежедневная работа каменщиков на объекте, а также раскрывает некоторые технологические тонкости строительного процесса того времени. Следующий ниже текст условий приводится нами в современной орфографии, с исправлением многочисленных грамматических и синтаксических ошибок, зачастую существенно искажавших смысл отдельных фраз и предложений.

Итак, бароном Боде от лица высочайше утвержденного Комитета строения ярмарочного гостиного двора хиринским подрядчикам было предложено следующее:

«1) Поставить 60 каменщиков и нужное количество подносчиков с 15 мая по 1 октября и далее, ежели нужно будет, и погода позволит.

2) Каменщиков выставлять не первогодков и не моложе 17 и не старше 55 лет.

3) В случае ненастья и [в] дождливые дни, по которым каменную кладку производить невозможно, по желанию подрядчиков [следует] употребить каменщиков в черную работу, платы им [в этом случае полагается] за каждый день каждому по 1 р. 20 к., а подносчикам — по 1 р. в день, а ежели найдутся в числе каменщиков плотничного дела мастера, то употреблять оные на дело кружал, производя тем плату по 1 р. 50 к. на день.

4) Каменщики должны иметь принадлежащий к мастерству их весь инструмент свой собственный, а прочее получают от казны, а подносчики должны сами себе сделать носилки, ящики, козлы и прочие им нужные вещи без платы и получая только на оные казенные материалы.

5) На каждый десяток каменщиков иметь одного совершенно знающего свое дело, на коего бы можно было положиться в точном исполнении приказа. Сверх того, иметь им одного хорошего десятника для надзора за творением извести. Оные десятичники как равно и подрядчики, ответственны, за худой раствор извести и за худую кладку бута и кирпича в стены. И если [господами] инженерами усмотрено будет, что кто-либо [из] каменщиков положил бут насухо и не плотно, заливая только сверх ряда прыском, или также положил кирпичи в стену, не взимая оные в раствор, но только с заливанием оной прыском, то сломать им сию работу и переделать оную на счет приказчиков.

6) Творение извести каменщики должны производить следующим образом: 1) как име-

Гостиный двор Нижегородской ярмарки в первой половине XIX века

ется в казне на творение извести мельница, в которой предлагается приготовить сколь возможно оной для постройки, что и составляет, великое облегчение каменщикам, то подрядчики дают из каждой сотни каменщиков по три человека для нужной работы при мельнице без платы. Сей раствор подвозят им в их творила подле строений на счет казны, а каменщики перед употреблением оного раствора должны оный еще перемешать; 2) если казенная мельница не успеет наделать все нужное число раствора, то каменщики должны носить известь из магазина в творила, ими приготовленные, положить на оную [известь] известное по опытам число песка, потом налить потребной воды, сколько возможно ровнее, и заравнивать делаемые в песке третины, дабы известь не потеряла бы свою силу, оставив оную так закрытой до 4-х суток, после чего размешать оную в твориле, не прибавляя более воды, как необходимо нужно, и до тех пор, пока песок будет совершенно с известью перемешан, выкидывая из оной [смеси] все камни и другие части к ним (песку и извести. — Л. М.) не принадлежащие.

7) Каменщики должны принять бут в полусаженях, как оный подле самых строений положен, и положить с должной осторожностью под лопаткой и зацебенить оный лучшим образом, дабы он плотно лежал, и отнюдь не впрыском.

8) Каменщики должны принять кирпич счетом в клетках в окружности производимых строений. По выравнивании цокольной кладки или бута по ватерпасу, заливая по нему слой раствора, обмочить каждый кирпич в воде и положить оный плотнейшим образом, дабы выжимать сколь возможно между швами раствором, и так продолжать кладку.

9) Если потребно будет, класть в строение железные связи, скобы, крючки для дверей и прочее, то за положение оных подрядчикам не получают особенную плату сверх уговоренной на тысячу кирпичей, также и за перемычки сверх дверей и окон, равно и за рустик.

10) Каменщики должны выходить на работу в мае, июне, июле и августе месяцах в 4 часа утра, в 8 часов завтракать на работе полчаса, обедать и отдыхать от 12 до 2 часов, а вечером уходить в 8 часов с работы; в сентябре и октябре выходить в 5 часов, завтракать в 8 часов полчаса, обедать от 12 до 1 часа и уходить в 8 часов.

11) Подрядчики должны представить в Высочайше утвержденный Комитет все свои и рабочих своих плакатные паспорта или билеты.

12) Выдачу денег производить подрядчикам ежемесячно, оставляя треть всей суммы месячного заработка в казне на случай неисправности подрядчиков, как и для большего казны облегчения.

13) Подрядчики обязуются производить таковую работу по всей силе их и рабочих их во всей исправности и в должном послушании и сделать все точно, как им от *г<оспод>* инженеров и архитектора приказано будет, с получением за каждую сажень бута, полученную в полусаженях, по __ рублей, а за каждую тысячу б-вершиковых кирпичей, полученных в клетках, по __ (цифры в документе опущены. — Л. М).

14) Как предполагается делать своды, колонны, лестницы и карнизы поденной работой, то подрядчики обязуются для оной работы ставить каменщиков вместе с нужным числом подносчиков по (цифры в документе опущены. — Л. М).

15) Всякого рода материалы, какие бы ни было нужно каменщикам или их подносчикам носить, [должны будут находиться не] далее, как в расстоянии 20 сажень, а в случае дальних расстояний оных казна обязаны материалы им доставлять.

16) Подрядчикам получить в задаток при заключении сего контракта (указание суммы задатка в документе опущено. — Л. М.).

17) В обеспечение казны для исправного выполнения сего уговора и задаточных денег представляют подрядчики одобрение, какое им дано будет, от управляющего вотчиной госпожи их» [190].

Однако переговоры в Хирине даже после корректировки условий, сделанной инженером Боде, зашли в тупик. Как сказано в его отчете, предложенные Яцыниным «подрядчики просят такие высокие цены, что нельзя подумать с ними заключить контракт, а именно просят, за каждую сажень бута по 15 р. и за каждую тысячу кирпичей по 10 р., а за каждого каменщика в черную работу во время ненастных дней по 1 р. 50 к. и за каждого подносчика в таком случае по 1 рублю в день, так и далее. Подносчиков оные самые предлагают, иметь, по большей части, из малолетних».

«По сим причинам и по малой склонности сих крестьян приняться за таковой подряд, — завершил свой отчет Боде, — я оставил сие дело, о чем честь имею известить Комитет, дабы в ожидании выгоднейшего подряда с хиринским [и], не остановлены были делаемые ниже на сие в Комитете торги и подряды» [191].

Сейчас уже трудно сказать, по каким причинам дело в итоге расстроилось. Возможно, крестьяне-подрядчики В. Резанов, И. Зубарев и К. Безсонов, действительно, просчитались в цене или слишком дешево оценили свой труд и труд своих братьев-крестьян, как указывал на то управляющий вотчиной. Но скорее всего, что и сам Яцынин, по собственной ли корысти или в интересах своих помещиков и своих подрядчиков, решил воспользоваться рыночной конъюнктурой и особым отношением казны к строительству ярмарки, желая сорвать на этом деле хороший куш. Во всяком случае, у нас есть основания заподозрить его в некотором лукавстве, поскольку он, отказываясь у-

Рабочие-каменщики на железной дороге. Фото начала XX века

вердить контракт, ссылался якобы на «новизну управления им вотчиной», тогда как ко времени начала переговоров прошло уже почти полтора года с момента вступления его в должность.

Как бы то ни было, Комитет принял решение: исполнение журнального постановления от 3 января 1819 года *«прекратить и контракт с [хиринскими] крестьянами как не имеющими доверия оставить без действия»* [192].

Подряд на строительство ярмарочного гостиного двора в итоге получили конкуренты, а именно — государственный крестьянин Иван Иванович Климов из села Диево-Городище, собравший на ту стройку около двух тысяч крестьян из Костромской, Ярославской и Нижегородской губерний, причем из последней — преимущественно помещичьих крестьян Балахнинского уезда — главных конкурентов арзамасских каменщиков внутри губернии. Размах деятельности Климова хоть и оказался гораздо шире хиринского предложения, однако многие завербованные им рабочие так и не получили от него кровно заработанных денег, но, похоже, план Климова этого и не предусматривал. Едва получив расчет от казны, предприимчивый ярославский подрядчик удалился в неизвестном направлении, а на претензии рабочих и их многочисленные жалобы в Комитет отвечал презрительным молчанием. Когда же из-за вмешательства в дело высоких чинов отмалчиваться дальше стало уже невозможно, Климов назвал себя тяжело больным и прислал для неприятных объяснений в Нижний Новгород своего сына, примером доказавшего, что «яблочко от яблони недалеко падает». Дело дошло до суда, но чем все закончилось, из настоящих архивных материалов установить невозможно. Впрочем, вся эта история кажется нам до боли знакомой по реалиям современной России.

Несмотря на первую неудачу, на следующий 1820 год хиринские мастера снова попытались завербоваться на нижегородскую «стройку века». Н. Ф. Филатов, посвятивший немало своих трудов истории ярмарки, приводил в свое время данные (жаль, что без указания источника) о том, что некий подрядчик Сергей Королев (вероятно, из тех, кому управляющий Яцынин «доверял») тоже предлагал Комитету услуги хиринских каменщиков [193], однако Филатов не уточняет, увенчалась ли эта их повторная попытка успехом. Принимая во внимание поистине гигантские масштабы тогдашнего ярмарочного строительства, можно лишь предположить, что вотчинное правление Балашевых и хиринские крестьяне-подрядчики, сделав необходимые выводы из неудачного переговорного опыта 1819 года, сумели как-то сговориться с Комитетом строения ярмарки о ценах и внесли-таки свою трудовую лепту в создание лучшего, по замыслу Бетанкура, торгового комплекса в Европе.

Другой интересный пример из жизни хиринских каменщиков связан со строительством в уездном городе Лукоянов городского собора в честь Покрова Божией Матери — того самого, с которым с конца XIX века теснейшим образом переплелась судьба деда нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла — Василия Степановича Гундяева и его родных.

В этот Покровский собор в бытность В. С. Гундяева сначала слесарем, а затем и машинистом депо при железнодорожной станции Лукоянов, вся семья Гундяевых регулярно ходила молиться за богослужением, здесь крестились их дети, в том числе и отец будущего первоиерарха Русской Православной Церкви — Михаил, родившийся в 1905 году. А в 1920-е годы В. С. Гундяев, возглавив в Лукоянове и его уезде борьбу православных с обновленческим расколом, приложил немало усилий, чтобы сохранить главный лукояновский храм за Канонической церковью. И хотя отстоять его тогда не удалось, однако активная борьба православных жителей г. Лукоянова практически свела к минимуму распространение обновленческого церковного раскола на территории уезда [193].

Незадолго перед тем как открылись обстоятельства, обнаружившие связь Хирина с историей Лукоянова и его собора, нами были найдены в архиве уникальные документы, раскрывающие подробности ареста и заключения в 1923 году В. С. Гундяева вместе с епископом Лукояновским Поликарпом. Чекисты обвинили их в поддержке Святейшего Патриарха Тихона — тогдашнего главного, по версии большевиков, «государственного преступника», находившегося в то время под следствием. А в канун своего 65-летия из рук потомка хиринских каменщиков И. Р. Ашурбейли нынешний Патриарх Московский и всея Руси Кирилл получил точные копии тех материалов, раскрывающих драматические страницы истории возведенного хиринцами лукояновского храма, его служителей, прихожан и своего деда В. С. Гундяева.

Итак, документы свидетельствуют, что в апреле 1824 года крестьянин села Хирино Арзамасского уезда Василий Григорьев сын Кульков (он же Пуриков), совместно с крестьянином Балахнинского уезда деревни Черницы (вотчина графини Орловой-Чесменской) Дмитрием Пантелеевым Снегиревым подрядились построить в Лукоянове каменную церковь *«по утверждённому плану и фасаду из материалов и припасов городского общества до самого ее совершения на прописанных в контракте кондициях»*.

В соответствии с тем контрактом работа Василием Кульковым и его артелью, набранной, очевидно, из одновотчинных ему хиринских крестьян (имена рядовых каменщиков в договорах никогда не упоминались), была полностью завершена. Попечительский ко-

Василий Степанович Гундяев
(1879 – 1969)

Виды лукояновского Покровского собора,
начало XX века

митет в декабре 1827 года выдал Кулькову аттестат, удостоверяющий, что *«каменный собор в течение прошедших 4-х лет вчерне кирпичною кладкою по данному ему плану и фасаду, не отступая ни в чем от оных, весь исправно окончен»* [194].

Однако в 1834 году при осмотре собора нижегородским городовым архитектором Г. И. Кизеветтером были обнаружены в конструкции собора некоторые неточности и отступления от утвержденного проекта, допущенные каменщиками. Стоимость переделки их была оценена комиссией в сумму 4 500 рублей серебром. В контракте же для подрядчиков было прописано условие, что «ежели против плана и фасада не в точности собор они сработают, то переделать должны они на свой кошт» [196]. В связи с этим и началась тогда долгая судебная тяжба, прошедшая все судебные инстанции того времени и завершившаяся в 1864 году, когда Правительствующий Сенат вынес по этому делу окончательное решение. Сам Кульков вскоре после начала судебного процесса помер, едва отметив свое 40-летие, — возможно, на фоне перенесенного им в связи с началом тяжбы душевного расстройства. Поэтому ответчиком на суде выступала вотчинная контора Балашевых в лице нового управляющего хиринским имением В. Б. Зендера.

После повторной экспертизы, удостоверившей, что лукояновский собор давно принят в эксплуатацию, в нем регулярно проводятся богослужения, и никаких неудобств в связи с ранее допущенными отступлениями от плана никто не испытывает, Сенат отказал истцам во взыскании ущерба, приняв таким образом сторону ответчика.

Оба эти случая, возможно, не совсем удачные иллюстрации того, как хиринские мастера-каменщики подвизались на строительных подрядах. Положительных примеров, несомненно, было гораздо больше — об этом свидетельствует размах промыслового исхода каменщиков из Хирина в последней трети XIX века, доказывающий, что репутация местных строителей, востребованность их профессиональных услуг и доверие заказчиков к качеству их работы были чрезвычайно высоки.

Этапы развития отхожих промыслов в селе Хирино

В дореволюционной истории села Хирино можно условно выделить два периода в развитии крестьянских отхожих промыслов. Первый этап — с начала XIX века до 1861 (точнее, до 1870) года, можно условно назвать «крепостным», поскольку в это время главным стимулом, заставлявшим крестьян искать сторонние заработки, было «оброчение» крепостных крестьян помещиками и их управляющими.

В этот период главным центром притяжения крестьян-отходников был Нижний Новгород, а точнее — Нижегородская ярмарка, куда стекались многочисленные подрядчики и крестьяне в поисках заказчиков на свои услуги. Хиринцы явно были здесь не редкими гостями. Нужно учесть и то, что хиринские мужики, наверняка, привлекались для различных поручений, связанных с обеспечением Нижегородской ярмарки продукцией многочисленных балашевских предприятий, прежде всего, южноуральских железодельных заводов, — ее за один ярмарочный сезон продавалось здесь на несколько десятков, а то и сотен тысяч рублей.

Кстати, уже известный нам лукояновский случай вступления в подряд хиринской артели каменщиков вместе с крестьянами Балахнинского уезда, вполне вероятно, свидетельствует о том, что переговорной площадкой для заключения этого контракта могла быть как раз Нижегородская ярмарка. Именно здесь конкурирующие между собой на внутреннем рынке арзамасские и балахнинские каменщики имели больше всего шансов пересечься и договориться о совместной работе.

Второй этап, начинающийся с 1870 года — времени обретения крестьянами полной и безусловной независимости от помещичьей экономики, характеризуется преимущественно вынужденным исходом хиринских крестьян на сторонние заработки из-за невозможности прокормиться за счет доставшегося им земельного надела.

В этой схеме 1860-е годы — некий переходный период экономической неопределенности, когда хиринские крестьяне в статусе «временно обязанных» господам Балашевым, с одной стороны, все еще надеялись на благополучный для них исход земельного вопроса и потому не рвали окончательно связи с землей, а с другой — еще больше нуждались в живых деньгах как для уплаты оброка и уже введенных земских повинностей, так и для обустройства жизни на новых хозяйственных началах.

Об отхожих промыслах крепостного периода можно было бы почерпнуть более подробные сведения в документах хиринского вотчинного правления, если бы таковые в архивах сохранились. Но, увы, их нет. Поэтому мы можем довольствоваться лишь данными земской статистики, характеризующей второй период развития отхожих промыслов хиринских крестьян.

И здесь в нашем распоряжении имеется любопытный доклад, сделанный в 1874 году на заседании Нижегородской губернской ученой архивной комиссии Н. Г. Первухиным «О состоянии отхожих промыслов Арзамасского уезда», где обобщен значительный статистический материал по данной проблематике [197].

Из приложенных к докладу таблиц видно, что, по данным волостных учреждений, до 1850 года крестьяне села Хирино отлучались на сторонние заработки всего лишь 10 раз.

В ожидании парома. Фото начала XX века

Однако эта цифра кажется нам мало правдоподобной. Во-первых, волостные учреждения, на которые в качестве источника ссылается автор доклада, возникли лишь в ходе земской реформы 1860-х годов, следовательно, предоставленные ими данные не подкреплены заслуживающими доверия документами. Во-вторых, учитывая масштаб вовлечения хиринских крестьян в каменщицкий промысел уже в 1820-е годы, трудно поверить в то, что на протяжении почти трех последующих десятилетий они не использовали свои профессиональные навыки для получения дохода на стороне, наблюдая, как этот чрезвычайно выгодный и стремительно растущий сегмент рынка методично завоёвывают их конкуренты.

Из обзора Первухина также видно, что в 1860–1870-е годы отход каменщиков из Хирина носил нерегулярный характер. Например, по данным за 1860 год докладчику было известно о 24 случаях промыслового отхода. В 1864 году наблюдался пик трудовой миграции хиринских каменщиков за весь обзорный период — на заработки ушло 43 крестьянина. В 1865–1867 годах число хиринских отходников упало до минимума — 3–5 человек, а в 1870 году — снова резко выросло до 30 [198].

Не вдаваясь в анализ причин этих колебаний, подчеркнем лишь, что цифры, представленные докладчиком, взятые им в основном из волостных ведомостей выдачи паспортов, оказались, вероятно, несколько ниже реальных.

Объясняется это довольно просто. Во-первых, в те времена, как и всегда, нарушения паспортного режима в России были явлением отнюдь не исключительным. Многие крестьяне, покидая места приписки ради заработка, иногда вовсе не обзаводились обязательными для отлучки паспортами по самым разным причинам — по собственной безалаберности, из-за неоплаченных налогов, или просто оттого, что «не успели», поскольку решили идти «в последний момент» и т. п.

А во-вторых, немало крестьян, уходя на сезон и оказываясь в отдаленных местностях, зачастую совсем не торопились возвращаться на родину. Часто отходники годами умудрялись жить и работать на стороне с просроченными паспортами, уходя от административной ответственности при помощи либо обосновавшихся в тех краях земляков, либо подрядчиков-работодателей, плативших нелегалам гораздо меньшие деньги. Да и подкуп нижних чинов полиции, готовых за небольшую мзду закрыть глаза на мелкие нарушения законности, был весьма распространенной практикой.

Специализация внутри промысла

В кратком статистическом обзоре «О кустарных и отхожих промыслах по сельским обществам Арзамасского уезда» за 1901 год говорится, что в селениях Хирино, Корино, Тоузаково, Ключищи, Выселки, Федоровка, Шатки и Нечаевка «*кустарных промыслов не существует. Отхожие промыслы исключительно по каменно-кладочному и шtukатурному мастерству*» [199].

Однако в документах местных учреждений более раннего периода обнаруживается, что в земских и полицейских отчетах 1860–1880-х годов, как правило, никак не фиксировалась более узкая специализация ремесла. Всех крестьян, уходивших на строительные заработки из Хиринской и ряда соседних с ней волостей Арзамасского уезда, обобщенно именовали каменщиками, хотя на самом деле среди них были представители нескольких строительных профессий, каждая из которых имела свои особенности.

Вот, например, сведения, почерпнутые нами из «Материалов для статистики России, собираемых по ведомству Государственных имуществ» (1858), где дана классификация строительных специальностей и краткое их описание.

«Занятия каменщиков заключаются в выводе стен, фундаментов и прочих частей различных зданий, из кирпича и камня, а равно в обделке или обтеске, самого материала. Работа их весьма немногосложна и не требует особого искусства; а потому все, в известной мере опытные работники в артели, получают одинаковую плату. Весь успех дела зависит от подрядчика или, от одного из самых опытных работников артели, называемого десятником, который руководит, работами и наблюдает, чтобы кладка кирпичей и камня была выполнена, согласно предложенному плану или чертежу. Обыкновенный период занятия их продолжается с мая месяца до середины октября, — всего 5 с половиной месяцев.

После них поступают в дело печники, которые занимаются кладкою различного рода печей, общеупотребительных в домашнем быту горожан: голландских, кухонных, очагов и прочих, из кирпича, изразцов и глины. Работа их многосложнее, чем простая кладка стен каменщиками, и притом производится нередко в одиночку; от чего в этом деле обращается большое внимание на искусство и опытность рабочего, с которым соразмеряется месячное жалование печников. В этом отношении они разделяются:

а) На мальчиков, обучающихся печному делу, которые мнут глину, носят, кирпич, изразцы, подают, воду мастеру и т. п.

б) На подмастерьев или обыкновенных рабочих, которые выводят голландские и другие, более искусственные печи, под надзором мастера; а сами по себе, то есть одни, могут класть только простую крестьянскую печь (стряпную).

Каменщик

Штукатур

в) На мастеров, то есть лучших и опытных в печном деле работников, которые в состоянии выполнить всякую печную работу и заменять в нужном случае самого подрядчика.

Период занятий печников с 23 апреля (с Егорья) до 22 октября (Казанской), то есть 6 месяцев; но большею частью работают, они не более 5 с половиной месяцев.

Штукатуры делят свою работу на простую, или серую, и хорошую, или фигурную. Первая состоит, в обыкновенной штукатурке прямых наружных стен зданий и внутренних покоев, а вторая — в выводе шаблонов для карнизов, наличников и т. п. фигурных украшений различных частей зданий. Мастера фигурной работы получают плату дороже и составляют около половины общего числа всех штукатуров» [200].

Среди хиринских крестьян, уходивших на заработки во второй половине XIX века, были представители всех названных специальностей, причем нередко повышение их профессиональной квалификации являлось одновременно переходом из одной строительной специальности в другую. Первогодки (обычно мальчики-подростки 14–15 лет), пообвыкнув в артели на простейших «черных» работах (например, подносчиками), затем нередко привлекались к работам в качестве штукатуров — это был самый простой в строительном промысле и потому наименее оплачиваемый труд. Поэтому штукатуры, как правило, стремились стать каменщиками, и зачастую им это удавалось. Наконец, бывалые каменщики по мере накопления практического опыта могли уже браться за исполнение заказов и по печному делу, где требовался высокий уровень индивидуального мастерства.

В последней четверти XIX века штукатуры стали отделяться от каменщиков и составлять специализированные артели, занимавшиеся исключительно штукатурными работами на объектах с законченной кирпичной кладкой — это было выгоднее для

крестьян-отходников и по эффективности использования рабочего времени, и, соответственно, по оплате труда.

У каменщиков рост квалификации рабочего обычно сопровождался изменением его места в системе артельной организации труда, или, если можно так выразиться, внутри рабоче-строительной иерархии. Среднестатистический представитель профессии, начав свою трудовую жизнь в артели «мальчиком», затем становился рядовым каменщиком (второй руки), работавшим на объектах под руководством старшего и более опытного товарища, потом — каменщиком первой руки. В описываемые времена кирпичная кладка стен, согласно действовавшим тогда строительным стандартам и правилам, производилась каменщиками попарно, где один — «первая рука» — был старшим, ведущим, а другой — «вторая рука» — помощником.

Самые опытные каменщики, умевшие «с листа» читать чертежи, планы и рисунки, назначались в артели десятниками. Наиболее предприимчивые из них, обнаружив в себе деловую жилку и постигнув все тонкости организации строительного дела, нередко потом становились подрядчиками и «выходили в люди»: обретали достаток, обзаводились домами в городах, переходили из крестьянского сословия в мещанское и купеческое, становились «потомственными гражданами» и так далее. У них появлялась возможность дать неплохое образование своим детям.

Наверняка подобных примеров и сюжетов немало и в истории бывших крестьян Хирина. Но искать их следует преимущественно в тех отдаленных губернских и уездных городах и крупных селах, куда законы рынка направляли во второй половине XIX века многолюдные потоки крестьянской трудовой миграции.

Некоторые обобщения

Собранные сведения дают нам богатый материал для обобщений относительно организации отхожих промыслов хиринских каменщиков в первой половине XIX века и самого процесса работы на строительных объектах.

В частности, мы видим, что уже в 1820-е годы в Хирине было несколько крупных подрядчиков, бравших заказы по строительной части. Эти подрядчики ежегодно могли обеспечивать работой по каменно-кладочному мастерству до нескольких десятков своих односельчан и одновотчинных с ними крестьян, «к каменщицкому мастерству навыков». К их числу, помимо Хирина, напомним, относилось также крепостное население Ключищ и Хиринского выселка. После отмены крепостного права хиринские подрядчики часто производили вербовку рабочей силы и в других селениях Арзамасского уезда, не ограничиваясь территорией бывшей балашевской экономии.

Надо полагать, инициатива в поиске заказчиков даже в крепостные времена принадлежала самим подрядчикам, которым вотчинное начальство, заинтересованное в увеличении денежного оброка, предоставляло для этих целей известную свободу передвижения. Являясь на переговоры, подрядчики для удостоверения своего профессионализма и добросовестного отношения к делу предъявляли потенциальным работодателям аттестаты — то есть свидетельства об уже исполненных ими ранее строительных работах, принятых заказчиками.

Для помещичьих крестьян, каковыми и были хиринские подрядчики и их наемники, обязательным условием при заключении контракта всегда было получение согласия и гарантий от вотчинного начальства, которое выступало одной из сторон в случае возникновения каких-либо юридических споров. Однако главные финансовые риски за недобросовестно сделанную или неисправную работу с подрядчиками делило сельское общество в силу действовавшего в обычном праве принципа круговой поруки. И при неблагоприятном решении суда ошибку или недосмотр хиринского подрядчика Василия Кулькова в истории с лукояновским собором его односельчанам пришлось бы отработать.

После отмены крепостного права гарантами добросовестного строительства выступали уже сами хиринские подрядчики, которые в обеспечение своих обязательств по договорам обычно оставляли часть суммы у заказчика до сдачи объекта, а также нередко предоставляли документы на имеющееся у них недвижимое имущество, на которое по ходатайству заказчика стройки могло быть наложено запрещение. Эта недвижимость, таким образом, становилась залогом добросовестности исполнения подрядчиком своих обязательств. Так было, если подрядчик, выйдя из состава сельского общества, действовал как самостоятельный хозяйствующий субъект. Если же он продолжал оставаться членом хиринской общины, то в случае его несостоятельности при покрытии ущерба от некачественно выполненных работ могли быть задействованы правовые основания круговой поруки.

Впрочем, главной гарантией успешной сделки в старой России всегда оставались совесть и добрая репутация как подрядчика, так и заказчика, их крепкое мужское рукопожатие и данное перед Богом честное слово.

Чем крупнее и серьезнее был заказчик строительства, тем детальнее обычно прописывались в контрактах требования, предъявляемые к подрядчикам и поставляемым ими рабочим. Как в вышеописанном случае с Комитетом строения ярмарочного гостиного двора, в договоре могли указываться возрастные ограничения и опытность рабочих, детально прописываться материалы и инвентарь (инструменты и приспособления), которые каменщики обязаны были иметь при себе и которые, в свою очередь, должны были получить от заказчика. Вот, к примеру, выдержка из черновика известного нам контракта, где инвентарь каменщиков описан несколько подробнее: *«Каменщики должны иметь принадлежащие к мастерству их все инструменты, как то молоток и лопатки, а ломы, кулаки и прочее получить им из казны; подносчики должны сами себе сделать в праздное время носилки для таскания извести, ящики для творения оной и козлы для толкания кирпича; весь же потребный для поднощичьих (оригинальная орфография. — Л. М.) инструментов материал должен быть казенный». Подрядчик, в свою очередь, обязан был позаботиться о приготовлении достаточного количества творил, чтобы «положенная в творила известь не ранее поступала в работу, как на третий день после своего в творила положения, а для построения творил весь потребный материал, равно и для наливания в творила воды, должны быть от казны»* [201].

Обязательно прописывались в контрактах случаи простоя каменщиков из-за неблагоприятных погодных условий и возможность их использования на других работах, например по плотничному мастерству, если кто таковым владеет, или земляных работах (копание рвов, котлованов и т. п.), с указанием стоимости оплаты такого труда или порядка ее вычисления. Особо оговаривались условия производства и оплаты специальных работ, связанных с закладкой железных элементов в конструкцию здания (железные связи, скобы, крючья для дверей и ворот), а также декоративных частей строения (рустики, карнизы, своды, лестницы и колонны).

Одним из главных условий качественной работы рядовых каменщиков была организация подрядчиками грамотного руководства за ходом работ, а со стороны заказчика — надлежащего надзора за этим процессом.

Надзорную функцию могли выполнять инженеры-строители, как это было в большинстве случаев, когда в качестве заказчика выступали казенные учреждения, либо, например, приказчики, когда заказчиками строительства являлись частные лица (дворяне, купцы, состоятельные горожане) или коммерческие структуры.

Важную руководящую функцию выполняли так называемые десятники. Эти должности в артелях занимали обычно опытные мастера-каменщики с многолетним стажем работы, во всех тонкостях и деталях изучившие каменщицкое ремесло.

В договорах предусматривались случаи возможных конфликтных ситуаций из-за отступления строителей от правильной технологии (некое подобие современных СНИПов в те времена уже имело распространение), недобросовестного исполнения ими работ и возможных ошибок. Были четко прописаны меры, которые следовало предпринять, когда применялись неверные методы работы или обнаруживался брак. Например, если кто-то из рабочих стал *«класть бут насухо и сверх только ряда заливать прыском, а не в нажим, пуская каждый камень в раствор в наплав, и колотушками выжимать раствор из-под одного до тех пор, пока камень съедет на свое место, и не зацебенит плотно камнями промежутков, то такую работу переломать и на счет, подрядчика переделать, оставляя сему последнему взыски с тех рабочих, за коими замечено будет таковое самовольство»*. Были предусмотрены в контрактах и штрафы, которые заказчик мог брать, удерживая часть месячной платы, полагавшейся к выдаче подрядчикам по договору, например: *«если замечено будет, что каменщики по лености своей будут класть необлитой водою кирпич на версту и пускать оной в раствор не в наплав, а будут только сверх заливать известковым прыском, то подвергать вышесказанному наказанию»*.

Особенное внимание при каменном строительстве уделялось качеству раствора. Основой для приготовления раствора на Руси издавна служила известь, которая, как поясняет главный справочник по строительным работам в Российской империи, могла к месту постройки доставляться *«по местным обстоятельствам и обыкновению, как в гашеном (пушовка), так и негашеном состоянии (кипелка). Та и другая прилитием воды и размешиванием может, быть приведена в состояние теста такой густоты, что при смешении с ним песку в различной пропорции, зависящей от качества извести, получается раствор, годный для каменных и штукатурных работ»* [202].

Известь могла быть разной степени жирности — это зависело от места ее добычи и, соответственно, поставщика. Чем жирнее известь, тем выгоднее с ней работать, поскольку можно использовать больший объем песка. Однако качество раствора в значительной степени зависело от добросовестности и усердия рабочих на местах. Поэтому в контрактах, которые заключали с хиринскими каменщиками, иногда можно было прочесть: *«По принесении из творил извести в яцики, оную хорошенько вновь перебить и перемешать лопатками таким образом, чтоб раствор был совершенно в том же виде, как оной должен идти в дело, и чтоб в оном не оставалось ни известковых, ни песчаных прослойков; в противном случае употребивший худо приготовленный раствор подвергается денежному наказанию дневной платы»* [203].

Общеизвестно, что в России при строительстве церквей в известковый раствор исстари добавлялся для лучшей сцепки яичный белок, который поставляли, как правило, местные

крестьяне. Такой раствор быстро и необычайно крепко схватывался. Поэтому, когда большевики, придя к власти, в своем богоборческом порыве принялись по всей стране разбирать храмы на стройматериалы, им зачастую не оставалось ничего иного, как только взрывать или обрушивать церковные здания с помощью тяжелой техники, надеясь, что какая-то часть кирпича уцелеет для повторного использования. Однако процент такого «полезного» кирпича, посаженного ранее на яичный раствор, оказывался, как правило, ничтожно мал.

С яичным раствором не раз имели дело и хиринские мастера, поскольку на протяжении более чем вековой истории развития в Хирине каменщицкого отхожего промысла им неоднократно приходилось возводить храмы в разных уголках России.

Наконец, особо стоит сказать о географии трудовых миграций крестьян-отходников, отправлявшихся на заработки в поисках лучшей жизни, найдя которую, многие, в основном молодежь, уже не желали возвращаться на свою малую родину.

Миграции хиринских строителей-отходников

Наибольший спрос на рабочую силу во второй половине XIX века и, соответственно, самые высокие заработки были, конечно, в столицах — в Санкт-Петербурге и Москве, но эти города находились за пределами сферы интересов хиринских каменщиков. Слишком велика и непосильна была там конкуренция с выходцами из центрально-промышленных и западных губерний Российской империи.

Хиринцы за несколько десятилетий, прошедших после отмены крепостного права, были замечены в крупнейших городах Поволжья — Казани, Самаре, Симбирске, Пензе, Саратове — и уездных центрах соответствующих губерний: Чистополе, Бугульме, Бугуруслане, Бузулуке, Новоузенске, Вольске, Аткарске, Балашове, Царицыне. Также хиринские отходники регулярно появлялись в Астраханской и Оренбургской губерниях, откуда, в свою очередь, им открывались дороги на Кавказ и в Закавказье, в Среднюю Азию, в Сибирь и на Дальний Восток.

Первухин в уже известном нам докладе привел некоторые общие данные по волостям о направлениях движения крестьян-отходников Арзамасского уезда за период с 1850 по 1874 год. По Хиринской волости (без уточнения по селениям и конкретизации по годам) статистика случаев отходничества в эти годы была такова:

- *Астрахань* — 49
- *Казань* — 19
- *Оренбург* — 41
- *Пенза* — 17
- *Самара* — 45 (к этому числу можно добавить данные по Бугульме и Сызрани — уездным городам Самарской губернии: 6 и 9, соответственно)
- *Сапожок Рязанской губернии* — 16
- *Симбирск* — 19
- *Уральск Оренбургской губернии* — 22
- *Чистополь* — 5
- *Нижний Новгород* — 3

Учитывая, что большинство отходников из Хиринской волости представляли волостной центр, можно считать, что основными направлениями трудовой миграции хиринских крестьян в третьей четверти XIX столетия были Самарская, Оренбургская и Астраханская губернии.

Главным сопутствующим фактором стало, конечно же, бурное развитие в 1860-х годах парового судоходства на Волге — крупнейшей водной артерии России, по которой в сезон навигации (с апреля по ноябрь) на пароходах перевозились огромные массы народа.

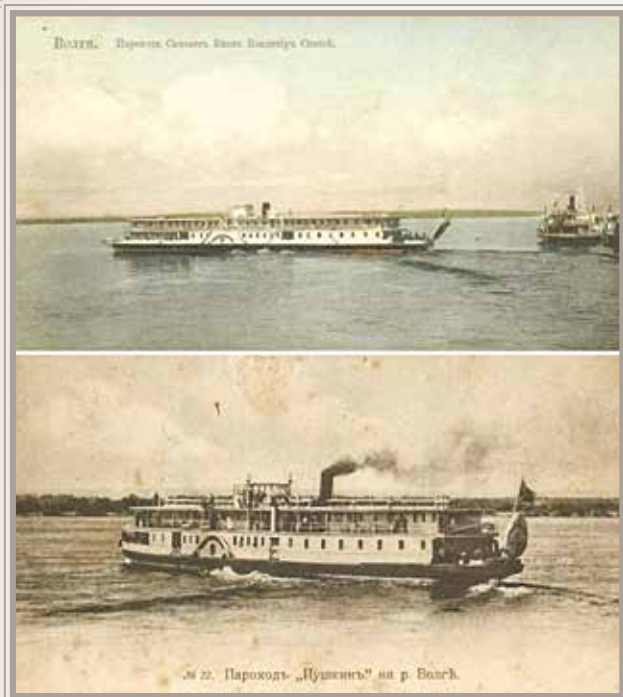
Главный волжский перевозчик тех лет — пароходное общество «По Волге», зарегистрированное еще в 1843 году, до конца 1850-х годов вовсе не занималось развитием пассажирского речного транспорта, делая ставку лишь на грузовые перевозки. Но уже в 1863 году, приобретя в Англии несколько палубных пароходов, общество «По Волге» открыло прямое сообщение от Нижнего Новгорода до Астрахани, которое оказалось очень востребованным.

Рядовые крестьяне, уезжавшие на заработки в низовые губернии, приобретали самые дешевые билеты 3-го класса: их обладатели *«размещались на палубе под открытым небом, ничем не защищаемые ни от дождя, ни от летнего зноя. Кроме того, вылетающие из трубы искры и мелкие угли портили и одежду, и багаж пассажиров»* [204]. Временами действительно бывало очень трудно. Немало сочувственных слов написано теми, кто, путешествуя на волжских пароходах в классах повыше, видел, как *«жмутся, мокнут и дрогнут на открытой палубе в наши холодные ночи и под нашим частым ненастьем пассажиры 3-го класса»* [205]. Но к подобным трудностям выносливые и закаленные русские крестьяне были привычны. Хотя случалось, конечно, что заболели, а заболев и умирали.

Вояж с такими «удобствами» от Нижнего Новгорода до Астрахани на пароходах общества «По Волге» в период с 1863 по 1885 год неизменно стоил 10 рублей 50 копеек. У главного конкурента — пароходного общества «Самолет», дотянувшего свое сообщение до Астрахани годом ранее — в 1862 году, билет 3-го класса от Нижнего до Казани изначально стоил 3 рубля, а от Казани до Астрахани — 11 рублей [206]. С годами количество перевозчиков по Волге увеличивалось, что обостряло конкуренцию и вынуждало пароходовладельцев улучшать условия для пассажиров всех классов и делать цены для них более привлекательными.

Таким образом, с развитием волжского речного пароходства так называемые низовые губернии сделались гораздо более доступными для трудовых мигрантов из южных уездов Нижегородской губернии. Этим воспользовались хиринские мастера-каменщики, которым на нижегородском рынке строительных услуг было довольно трудно соперничать, во-первых, с балахнинцами — те были территориально гораздо ближе к Нижнему Новгороду, а во-вторых, с ярославцами и костромичами, поскольку тамошние подрядчики из-за меньшей рентабельности земледелия могли собирать на нижегородские стройки значительно больше людей, а цены держали ниже. Другое дело — волжское понизовье, открывшее хиринским отходникам множество дорог в самые отдаленные уголки России.

После волжского судоходства следующим по значимости фактором, определявшим в пореформенной России направления потоков трудовых миграций рабочих-строителей, стало бурное развитие сети железных дорог в последней четверти XIX — начале XX в. За несколько десятилетий они охватили почти всю территорию России, включая Среднее и Нижнее Поволжье, центрально-черноземные губернии (Тамбовскую, Воронежскую,

Волжские пассажирские пароходы Обществ «Самолет» и «По Волге»

Курскую), недавно присоединенный Русский Туркестан, промышленный Урал и Приуралье, необъятную Сибирь и Дальний Восток.

Огромные объемы каменного строительства, связанного с развитием инфраструктуры железных дорог (возведением мостов, зданий вокзалов и депо, станционных поселков и т. д.), особенно в малообжитых и малонаселенных низовых и приграничных губерниях, требовали значительного числа квалифицированных каменщиков, львиную долю которых поставляла Нижегородская губерния и особенно Арзамасский уезд. При этом, можно сказать с уверенностью, хиринские мастера стали одними из пионеров этого движения.

После 1874 года, которым ограничил свой обзор Первухин, масштабы отходничества хиринских крестьян неуклонно возрастали, а география становилась все обширнее. Самарские, Оренбургские и Астраханские земли и города стали воротами, через которые артели хиринских каменщиков и одиночки уходили все дальше на юг и юго-восток.

После присоединения к России в 1860–1880-х годах обширных среднеазиатских территорий (Бухарского эмирата, Кокайдского и Хивинского ханств, а также туркменских земель), эти новые владения, именовавшиеся в те времена Русским Туркестаном, становятся объектом притяжения значительных людских ресурсов из Центральной России и Поволжья. Вплоть до 1917 года хиринские каменщики, часто вместе со своими семьями, тоже бороздили эти огромные пространства к востоку от побережья Каспийского моря в поисках строительных заработков. Бухара, Самарканд, Коканд, Ташкент, Ашхабад (Ашхабад), Фергана, Чарджуй (Чарджоу), Ош, Хива — вся эта колоритная география была знакома хиринцам не понаслышке.

Одна из ярких страниц в истории отхожих промыслов хиринских крестьян связана с Мургабским государевым имением Байрам-Али, которое расположилось в южной ча-

сти Мервского оазиса на площади около 80 000 десятин (примерно 90 000 гектар) — сейчас эта территория находится в составе независимого Туркменистана. Среди мужского населения Хирина в начале XX века и вплоть до конца 1930-х годов едва ли можно было найти того, кто хотя бы раз не бывал там на заработках.

История этой царской экономии началась в 1887 году, когда казной были приобретены в собственность пустующие земли по течению реки Мургаба, на которых при помощи систем искусственного орошения были разведены виноградники, хлопковые и миндальные плантации, фруктовые сады, а также древесные питомники и опытные посевы различных сельскохозяйственных культур. В связи со строительством в Байрам-Али большого числа гидротехнических сооружений, административных зданий, железнодорожной станции и крупного завода по переработке хлопка в 1890–1910-е годы туда устремилось множество рабочих строительных специальностей. В их числе было немало хиринских каменщиков.

Одно из лучших описаний Мургабского имения оставил шведский композитор Вильгельм Гартевельд, посетивший Байрам-Али накануне Первой мировой войны. Вот что он писал:

«Всего в полутора верстах от вокзала расположена Государева экономия или, как принято ее называть, Государево Мургабское имение. А совсем около станции находится замечательный, построенный по последнему слову техники, хлопкоочистительный завод, принадлежащий этому имению.

Весь Байрам-Али живет и дышит, конечно, имением и заводом, и 70% жителей состоят из высших и низших служащих этих учреждений.

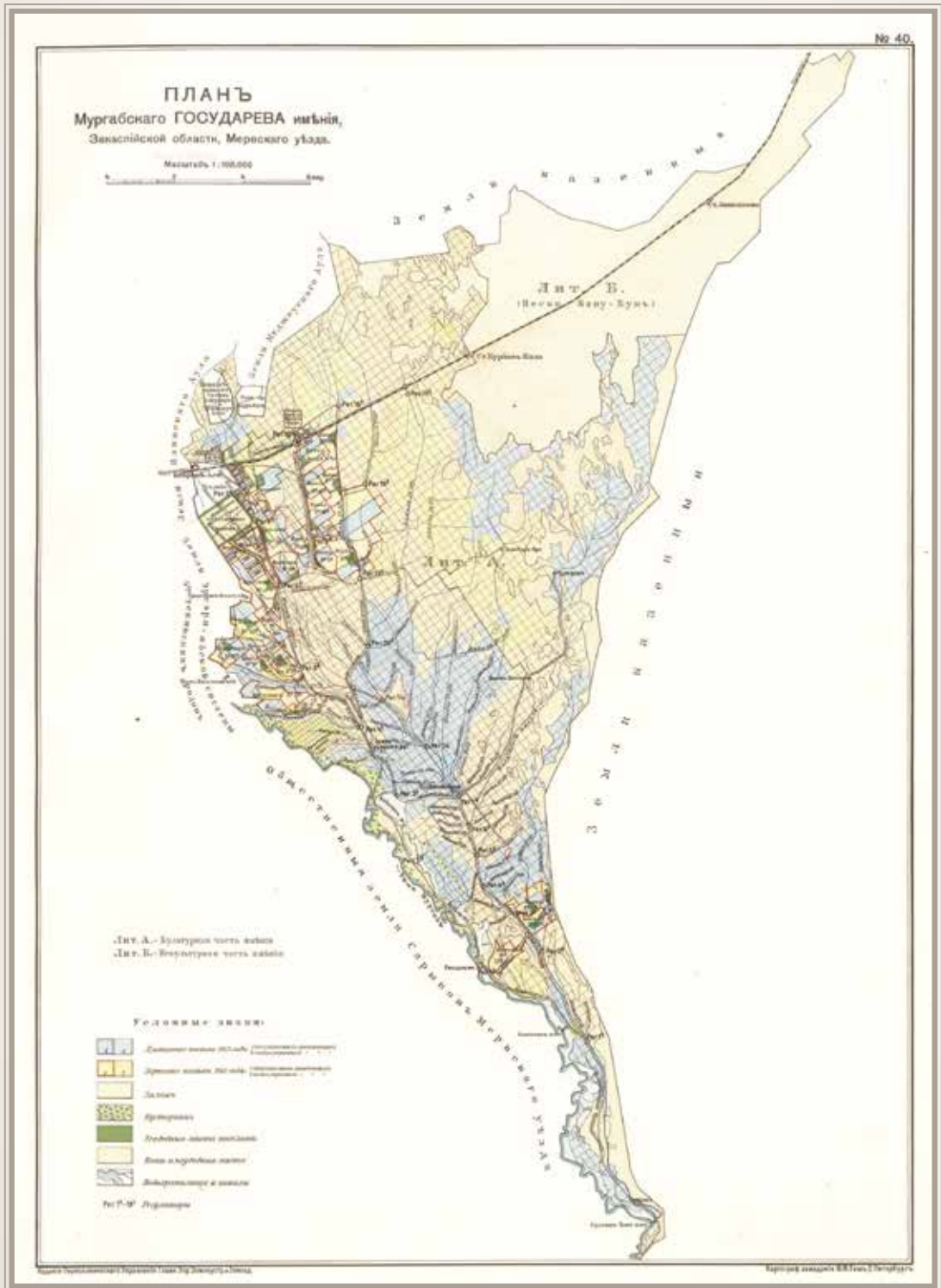
Прекрасная и многоводная река Мургаб протекает близ самого имения, а в 25 верстах находится знаменитая Султанбентская плотина — одно из замечательнейших ирригационных сооружений края.

[...] По своем приезде, я немедленно отправился осматривать царское имение и, признаться, был поражен его великолепным благоустройством.

Чудесен и роскошен парк редких и ценных деревьев с аллеями, посаженными пышным, темным карагачем (дерево из породы акаций). Дворец небольшой, но очень красивый, построенный в современном стиле и, по крайней мере, наружно, содержится хорошо. В дворцовый сад я не попал, ибо, при первой моей попытке войти туда, был остановлен сторожем.

Система орошения при Мургабском имении представляет собой последнее слово техники. Но поразительнее всего в Байрам-Али, это его арыки (канавки). Арык — уличная или степная канавка, желобок — имеет для всего Туркестана огромное значение. При скудости естественного орошения края, а местами полного отсутствия воды, арыки часто являются единственными источниками влаги. [...] Вода, конечно, в них грязная, как всякая стоячая вода, и буквально смертоносна для питья, если ее хорошенько не прокипятить. Половина ужасных местных болезней рождается в этих арыках.

Но в Мургабском имении арыки нельзя, в сущности, даже назвать арыками. Это очень широкие (около аршина) канальчики, заключенные в гранитные стенки, и вода в них прозрачна и чиста, как в источнике Ипокрена. Эти арыки идут сетью по своему имению, питаюсь водою из р. Мургаба.

План Мургабского государственного имения, Закаспийской области, Мервского уезда.
Масштаб 4 версты в дюйме, из «Атласа Азиатской России», 1914 год

Огромному количеству служащих людей живется в экономии больше чем хорошо, а те, которые недавно попали там под суд за злоупотребления, или, как нежно выражаются в Байрам-Али, «за путаницу в отчетах», вероятно, просто с жиру сбесились.

А служащим здесь есть от чего жир нагулять.

Природа очаровательна, климат превосходный, мясо, дичь, молоко, фрукты и вина дешевы, а кроме того, кредит, для служащих открыт, широкий. Словом, умирать не надо!

[...] Поселок служащих составляет целый маленький городок между вокзалом и имением. В нем есть, конечно, врачи, аптеки, магазины, парикмахеры и клуб (собрание служащих). В клубе можно недурно пообедать и поужинать, и там же находится театральная сцена со зрительным залом, которая сделала бы честь любому губернскому городу Средней России.

Пароконные извозчики недороги и в достаточном количестве.

Я хотел было посетить хлопкоочистительный завод, но, оказывается, посторонним лицам вход туда воспрещен. [...] Но каюсь... На двор завода все-таки ходил и позволил себе (конечно, с должным уважением) осмотреть огромные горы хлопка, лежащие на нем.

Уже по этим горам можно судить о колоссальном значении завода для окружающего района. Из хлопка здесь ничего даром не пропадает. По очищении его и после выжимания из него масла, жмыхи прессуются и в форме кубиков идут на топливо, которое употребляется во всем Мервском крае. Они горят прекрасно и дают массу тепла.

Имение и завод приносят, как говорят, хороший дивиденд, и содержание их, во всяком случае, окупается с избытком.

Восточного элемента здесь совсем не видать, и все служащие русские.

Зато, пройдя через вокзал на другую сторону железной дороги, т. е. просто через рельсовые пути, вы сразу почувствуете Восток. [...] Насколько по левой стороне рельс (в имении) все опрятно и благоустроено в русском духе, настолько «по ту сторону» все бедно и грязно с чисто восточным оттенком» [207].

Вот в таком свете увидел этот райский уголок среди пустыни шведский путешественник. И к созданию этого великоления, в основе которого на фотографиях С. М. Прокудина-Горского просматривается образцовая каменная кладка, приложили свою руку многие выходцы из Хирина, чьи потомки, кстати, до сих пор еще живут в этих краях и поддерживают друг с другом связи в социальных сетях.

В годы советской власти на территории Мургабского имения разместилась уникальная всесоюзная здравница для почечных больных — этот климатический курорт действует и сейчас. А стоит только выехать за пределы Байрам-Али, как вы увидите каракумские сыпучие пески, где в 1969 году режиссер Владимир Мотыль снимал свое знаменитое «Белое солнце пустыни», благодаря которому все в нашей стране знают, что «Восток — дело тонкое!».

Мургабское государево имение. Фото С. М. Прокудина-Горского, 1911 год

Дом помощника управляющего Мургабским имением

Оросительный канал в имении

Общий вид Султан-Бентской плотины

Хлопковый завод в имении

Доставка хлопка на завод

Хиринские печники в Баку

По другую сторону Каспийского моря, на западном его побережье, жизнь хиринских отходников складывалась не менее интересно, а причиной тому была нефть. О том, что недра Баку и его окрестностей полны черного золота, было известно уже более тысячи лет назад, когда над этими территориями господствовали могущественные Ширваншахи. В течение многих веков караваны верблюдов, нагруженных бурдюками с нефтью, добытой ручным способом, исправно наполняли сокровищами сначала ширванскую, а потом персидскую казну. Короткое существование полунезависимого Бакинского ханства закончилось в 1806 году, когда эти территории были приняты в состав Российской империи. Спустя четыре десятилетия на Апшеронском полуострове впервые в истории освоения недр была пробурена разведочная глубинная скважина. А 14 июля 1848 года в Баку получена первая в мире нефть, добытая ударным способом с помощью деревянных штанг [208]. Это заслуга российских военных геологов — тех самых горных инженеров, штаб Корпуса которых в 1846 году возглавил уже знакомый нам Василий Евграфович Самарский-Быховец.

В 1872 году по решению царского правительства была отменена откупная система, тормозившая развитие нефтедобывающей отрасли. Проданные с торгов участки Бакинского нефтеносного района разошлись по рукам частных инвесторов и предпринимателей, благодаря которым всего за несколько месяцев в Баку и его окрестностях появился лес из нефтяных вышек. С этого времени начинается знаменитый «нефтяной бум», превративший Баку к середине 1870-х годов в крупнейший промышленный центр добычи и переработки нефти, каковым он остается до сих пор.

В списке владельцев многочисленных нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих фирм дореволюционного Баку два имени стояли особняком — это шведские братья Нобели и еврейские бароны Ротшильды [209]. И те и другие пришли на запах бакинской нефти не в числе первых, но именно они к началу XX века оказались хозяевами положения на этом рынке, либо перекупив активы у более слабых конкурентов, либо поглотив их через акционирование и кредитование (или субсидирование) «на особых условиях». Причем если практичные и напористые Нобели больше преуспели на первом поприще, то хитроумные Ротшильды, разумеется, на втором.

Кстати, в числе тех, кто передал в концессию часть своего высокодоходного бизнеса в этот период был и прапрадед Игоря Рауфовича Ашурбейли по отцовской линии — Хаджи Мехти Кули бек Ашурбеков, потомственный дворянин и землевладелец Бакинской губернии, уступивший Нобелям часть своих нефтеносных родовых земель в селениях Забрат и Сабунчи близ Баку [206]. Кроме того, Ашурбековы предоставляли братьям Нобелям в дружеское пользование свою загородную резиденцию.

А вот с Ротшильдами у Ашурбековых отношения не сложились.

Впрочем, амбиции нефтяных королей — это лишь огромная сцена с богатыми декорациями, на которой разыгрывались большие и маленькие личные и семейные драмы простых людей с их повседневными заботами о хлебе насущном.

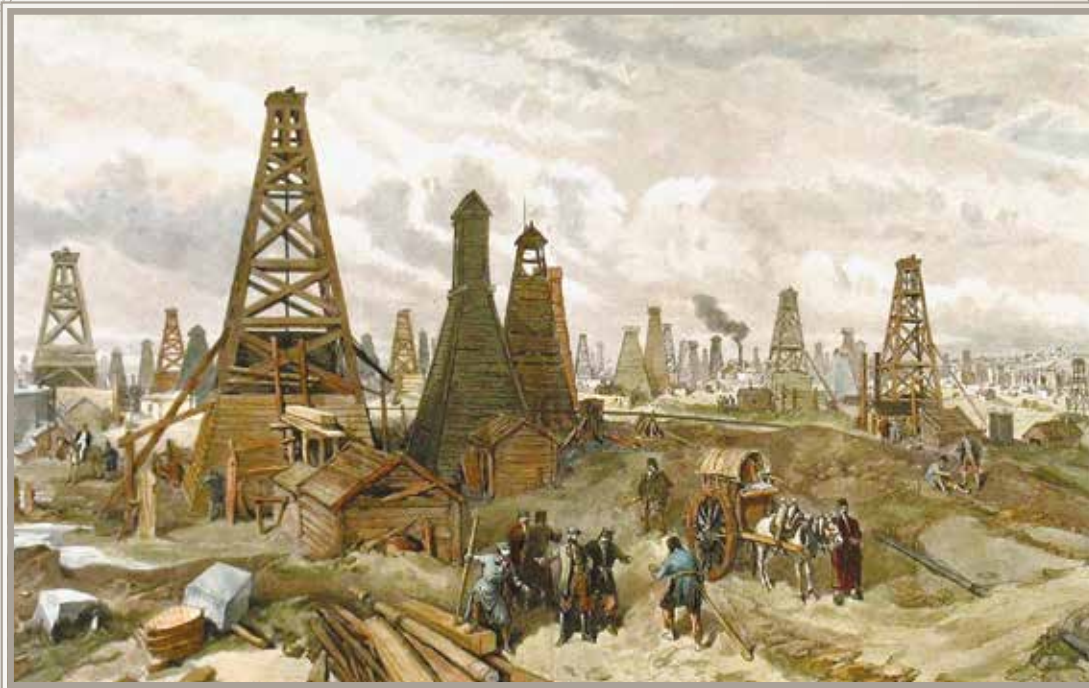
Действительно, так случилось, что судьбы многих хиринских крестьян-отходников и их семей оказались тесно вплетены в историю бакинской нефти. Многие из них трудились и на заводах Нобелей. Н-ков писал: *«Большинство хиринских каменичников направляются*

Сбор нефти. Баку. Фото XIX века

в Черный городок около г. Баку. Работы хиринцев продолжаются до поздней осени, когда они возвращаются на родину. Где выгоднее промысел в Баку или в других городах — трудно решить. Все дело зависит от степени труда, поведения работающих. Усердный и трезвый крестьянин может заработать чистого дохода в течение шести рабочих месяцев не менее 160 руб. Правда, в Баку хиринцев легко можно занять в известной артели каменщиков, где и получают довольно солидное жалование, но вместе с тем подобное положение хиринца невыгодно в экономическом отношении. Самостоятельное, сравнительно видное положение в общей артели, требующее и соответствующих расходов на экипировку, городская жизнь, способствующая развитию роскоши, — все это, так или иначе, приучает хиринца к излишним расходам на удовлетворение таких потребностей, какие в обыкновенном крестьянском быту считаются роскошью. Возвратившись на родину, хиринцы-бакинцы стараются «блеснуть» своим немецким костюмом, который еще не вошел во всеобщее употребление среди хиринских жителей. Чем роскошнее наряд известного «бакинца», тем, по мнению хиринцев, он больше заработал средств на каменной работе. Но, несомненно, в таких случаях бывает нередко обман и злоупотребление добытыми деньгами. Часто привольная и довольно выгодная жизнь в Баку привлекает сюда многих хиринцев на постоянное проживание. Поэтому в Хирине нередко можно встретить дома с забитыми окнами, — признак того, что хозяева его поселились в Баку» [185].

«Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» было образовано в 1879 году, и почти сразу появились в числе его рабочих первые выходцы из Хирина. Например, с 1880 года у Нобелей начали работать печниками Матвей Беляков и Василий Евдокимов [211], с 1883-го — Андрей Желудков, проработавший здесь долгие 25 лет и за это удостоившийся от Товарищества пенсии по выслуге лет, которую он регулярно получал по возвращении в родное Хирино [212].

Симпсон В. **Нефтяные скважины в Баку. На Каспии.** 1886 год

Вообще за четыре десятилетия, предшествовавшие установлению советской власти в Азербайджане и национализации всей нефтяной отрасли, в списках рабочих одного только Товарищества братьев Нобель (ГИА АР, ф.798) можно отыскать около сотни хиринцев, работавших здесь в разные годы: Беляковы, Безсоновы, Бочкаревы, Галкины, Горины, Евдокимовы, Желудковы, Жияевы, Завьяловы, Карповы, Кирсановы, Кисляковы, Корниловы, Курмышевы, Лебедевы, Лобачевы, Минеевы, Миридоновы, Мироновы, Мореновы, Мурышевы, Пивоваровы, Привозновы, Пуриковы, Резановы, Сазановы, Самоделовы, Сосковы, Субботины, Суриковы, Якунины и др. Наверняка это далеко не полный список хиринских фамилий, представители которых побывали в Баку на заработках. Не будем забывать, что были и другие фирмы, где спрос на каменщиков-печников тоже был стабильно высоким, и те, кто не нашел места у Нобелей, устраивались у других работодателей.

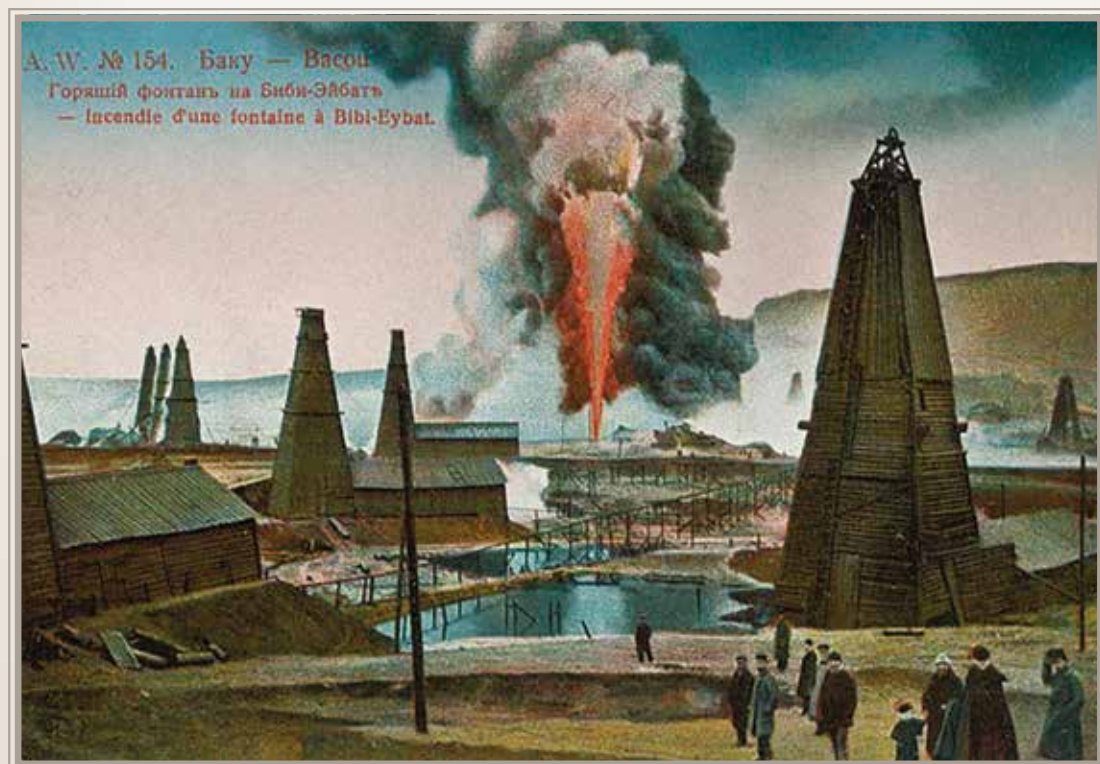
Хиринцы в Баку были почти монополистами в своей профессии, занимая большую часть вакансий печников на крупнейших предприятиях. Например, в Товариществе братьев Нобелей из 21 печника, числившегося в штате механической мастерской на 1907 год, 17 представляли именно Хирино [213]. Конкуренцию им могли составить, пожалуй, только их же земляки из соседних Ключищ, которых в Баку в 1906–1913 годах тоже было немало, но преимущественно на бывших заводах С. М. Шибаяева в Белом городе, входивших в группу компаний, подконтрольных Ротшильдам.

Хиринцы трудоустроивались на бакинские предприятия нередко семьями, отцы обучали сыновей мастерству, а заодно приглядывали за молодежью, легко пускавшейся на вольных хлебах «во все тяжкие».

Нефтяные колодцы.

Поднятие нефти ручным воротом в XIX веке на месторождении Биби-Эйбат

Нефтепромыслы Баку и Черный город.

Открытие начала XX века

Об этом наш старый знакомый Н-ков писал так: *«среди хиринских каменщиков нередко встречается довольно печальное явление. Приискав себе выгодное местечко для промысла, хиринец — иногда кормилец целой семьи — настолько увлекается новым житьем, что совершенно забывает о своих домашних родственниках и продолжает проживать на работе до тех пор, пока его не потребуют на родину законным путем. Такие поступки чаще всего допускают сыновья холостяки в отношении к своим родителям»* [185]. О том же из года в год повторяли в своих отчетах полицейские становые приставы Арзамасского уезда: *«Нравственность [местных крестьян] постепенно падает, от свободной жизни по отхожим посторонним промыслам»* [214].

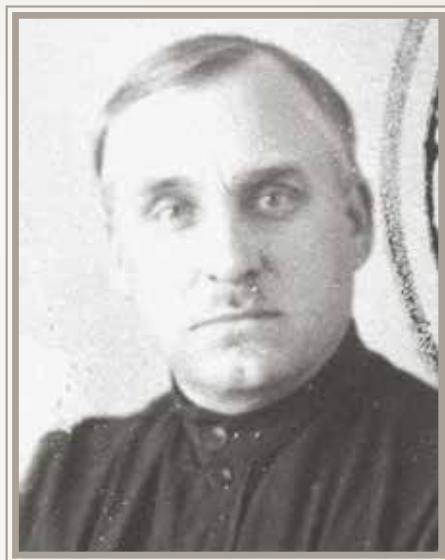
Кстати, весьма примечательно, что хиринские «бакинцы», в отличие от каменщиков, работавших в других городах, именовались исключительно «печниками». Но связано это было отнюдь не с какой-то особенной техникой огнеупорной кладки, применявшейся, как можно было бы подумать, для установки котлов, горнов, вагранок и т. п. на высоко пожароопасных предприятиях нефтяной промышленности. Как следует из «Бакинского дневника» Р. Э. Классона [215], «печниками» в Баку называли тех каменщиков (в основном русских), которые занимались кладкой из формованного глиняного обожженного («печеного») кирпича. Так их отличали от каменщиков-дагестанцев, местных «татар» (так называли азербайджанцев) и персов (иранцев), специализировавшихся на работе с природным камнем. Если городские дома местной знати строились преимущественно каменщиками-мусульманами из обтесанного природного камня, в изобилии добывавшегося в окрестностях Баку, то все инфраструктурные здания и сооружения, все производственные и технические постройки возводились, конечно, из кирпича и в основном руками русских печников. Поэтому работы у хиринцев было хоть отбавляй.

В старом Хирине немного нашлось бы семей, где хотя бы кто-то из мужчин не прошел бакинскую трудовую закалку. Но «город огней» стал для многих хиринцев не только местом заработков. Сделавшись одним из крупнейших центров революционного брожения, Баку многих тогда зажег классовой ненавистью к капиталистам и эксплуататорам трудового народа, научил бороться за права рабочих, бросать камни и стрелять в полицейских, презирать правительство и местную власть. Немало вчерашних хиринских крестьян, пополнив ряды пролетариата, позже принимали участие в рабочих забастовках и стачках, посещали подпольные кружки, читали запрещенную литературу, а потом выходили на улицы с бульжниками и револьверами.

Эту «огненную» бакинскую школу прошел, например, учредитель советской власти в Хирине старый большевик-подпольщик Андрей Илларионович Лобачев (1883–1951), потомственный печник-строитель, работавший на разных предприятиях в Баку с 16 лет и оттуда отправившийся на фронт осенью 1914 года. Вернувшись в родное село после октябрьского переворота, он организовывал здесь первые советские выборы, потом был товарищем (заместителем) председателя Арзамасского уездного исполкома, председателем Хиринского волисполкома. В феврале 1923 года Лобачева назначили начальником уездного места заключения — исправительно-трудового дома в Арзамасе, где под его руководством несколько месяцев проработал его земляк старший надзиратель Сергей Михайлович Лазарев, будущий председатель Хиринского сельсовета, — тот самый, который зимой 1938 года войдет в историю осквернителем Предтеченской церкви.

Андрей Илларионович Лобачев
(1883–1951)

Григорий Степанович Резанов
(1891–1959)

Говорят, в конце 30-х или начале 40-х годов Лобачев писал историю родного села, но его рукопись бесследно исчезла в годы Великой Отечественной войны, а ослабевшее под старость зрение не позволило проделать эту работу заново [216].

Те же бакинские «университеты» прошел и Григорий Степанович Резанов (1891–1959) — прадед Игоря Рауфовича Ашурбейли, тоже потомственный хиринский каменщик. Свою жизнь незадолго до кончины он описал в «Воспоминаниях», которые каким-то чудом сохранились до нашего времени в одной старой бакинской квартире, чтобы вернуться к его правнуку в 2012 году.

Трудовая биография Григория Резанова, как и многих хиринских мальчишек, началась с 10 лет, когда он пошел работать подпаском к местному пастуху. Потом батрачил у зажиточного односельчанина, а в 1907–1908 годах в составе артели каменщиков возводил храм в селе Толкиш Чистопольского уезда Казанской губернии.

В 1910 году он переселился в Баку, а уже в 1911-м строил знаменитый санаторий «Гульрипш» в Сухуми, где, по его признанию, сошелся с революционерами, проникся идеями социального переустройства и включился в подпольную борьбу. Скрываясь от полиции, он вернулся в Баку и устроился на сталелитейный завод Штоппера в Черном городе, где, оказавшись в числе активных участников забастовки, снова едва не был арестован полицией. В 1913 году он скрывался в Байрам-Али, потом были Чарджоу, Оренбург, Андиджан, и везде, по его словам, он встречал своих земляков, которые либо работали там, либо, подобно ему, бегали от преследований полиции за участие в рабочем движении.

С 1915 года он снова в Баку, где удалось наняться печником на толуоловый завод Товарищества братьев Нобель. Здесь Григорий, замеченный инженером Леонидом Леонидовичем Пятаковым (1888–1917), одним из координаторов бакинской подпольной организации РСДРП, был приглашен однажды на конспиративную встречу, проходившую в лаборатории завода.

И начались трудовые будни обычного печника, неотъемлемой частью которых стали подпольная работа, чтение запрещенной литературы, забастовки и стачки. Потом были арест, допрос в кабинете бакинского градоначальника П. И. Мартынова и принудительная отправка на турецкий фронт, где Григория застала февральская революция. Вместе с другими бакинскими рабочими, мобилизованными в армию по политическим мотивам, в апреле 1917 года он покинул фронт и возвратился в Баку. Здесь его, принятого опять печником в механическую мастерскую Нобелей, товарищи избрали председателем рабочего месткома. Год прошел в профсоюзной работе.

В марте 1918 года в столице Закавказья была установлена советская власть в лице Бакинской коммуны.

Впоследствии на его глазах стремительно разворачивались события, связанные с провозглашением диктатуры Центрокаспия, приходом жадных до нефти англичан, бегством коммунаров, вскоре расстрелянных в Красноводске, турецкой оккупацией Баку и, наконец, возвращением советской власти в апреле 1920 года, которую Григорий встретил уже опытным подпольщиком и членом партии большевиков.

Затем, после года службы на командных должностях в Азербайджанской Красной армии, Григорий Степанович Резанов по заданию партии занимается снабжением рабочих нефтяной промышленности. Отныне с рабочей кооперацией будет тесно связана вся его последующая трудовая деятельность [217].

Но была в его биографии еще одна сюжетная линия.

С 1919 года, когда его приняли в АКП/б/, он, судя по партийным анкетам, считал себя уже «неверующим», хотя в молодости, обладая хорошим голосом, частенько оказывался на клиросе, где исполнял церковные песнопения во время богослужений. Но это было не в Хирине, а в Баку — в Ильинской черногородской церкви, построенной в 1906 году на средства Нобелей «для удовлетворения религиозных потребностей православного населения Черного города». Здесь счастливый отец Григорий Резанов крестил сына Федора, родившегося прямо на Пасху 1918 года и погибшего молодым офицером на границе в первые дни Великой Отечественной войны, а также двух своих дочерей — Евгению и Таисию.

И хотя Григорий Степанович так и остался убежденным большевиком, впоследствии он сильно разочаровался в компартии, перестал считать ее «честью и совестью нашей эпохи» и многим из своих прежних «товарищей» уже не готов был пожать руку. Отказываясь закрывать глаза на многочисленные случаи крупного воровства в рабочей торговле и кооперации, он нажил себе немало влиятельных врагов среди бакинской партийной номенклатуры.

На закате своей жизни, наполненной яркими и драматичными событиями, он часто твердил своим детям и внучке Елизавете — матери Игоря Ашурбейли, чтобы они никогда не делали три вещи: не вступали в компартию, не работали в системе советской торговли и не ходили в черногородский клуб имени Степана Шаумяна. Не потому, что он так не любил покойного коммунара. Просто клуб был построен на месте взорванной большевиками Ильинской церкви, где он, хиринский крестьянин Григорий Резанов, во времена своей молодости пел за богослужением на клиросе и крестил своих детей.

Григорий Степанович Резанов с женой Марией Ивановной. Баку, 1915 год

У могил Резановых в Баку. Март 2022 года

РЕЗАНОВЫ

(родившиеся в Хирине)

Варлам Андреевич (р. 1660)

Павел Авраамович (р. 1714)

Егор Павлович (р. 1750)

Антон Егорович (р. 1788)

Павел Антонович (р. 1816)

Андрей Павлович (р. 1836)

Степан Андреевич (р. 1864)

Григорий Степанович (р. 1891)

Постскриптум

Фамилия РЕЗАНОВ (с ударением на второй слог), известная в Хирине по меньшей мере с конца XVII века, в документах дореволюционной поры писалась через букву Ъ (ять), читавшаяся как е. Случаи написания через я хотя и встречались с конца 1890-х годов, но были единичными.

После проведенной большевиками реформы русского языка, уничтожившей «еры», «яти» и прочее, фамилию стали писать, кому как слышится: кто через е, кто через я.

В самом Хирине в годы массовой коллективизации укоренилась практика написания с я, но у многих из тех, кто покинул родное село во второй половине XIX — первой четверти XX века фамилия, внесенная в паспорта и из них перешедшая в другие учетные документы, сохранила свое написание через е.

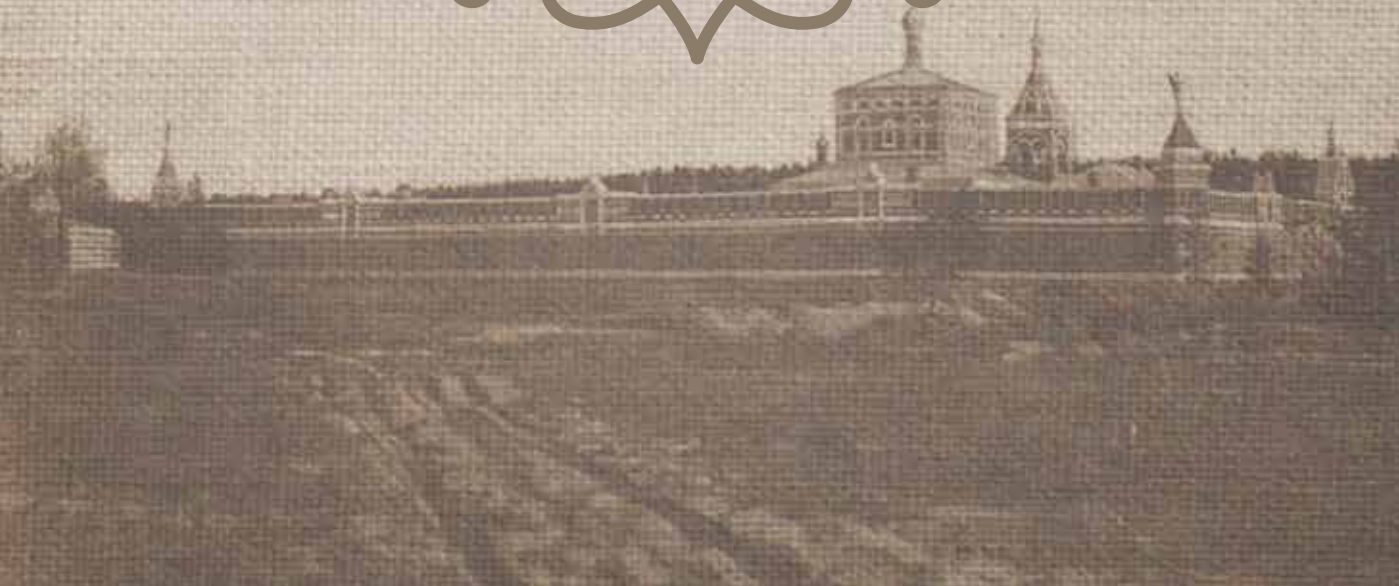
Бакинская ветвь Резановых — один из таких примеров. Последним носителем фамилии был единственный сын Григория Степановича Резанова Федор (1918–1941). Уроженец Баку, он мог бы стать талантливым пианистом, поскольку в годы учебы в музыкальной школе подавал большие надежды. Но, как и многие его сверстники, предпочел искусству настоящую мужскую профессию и стал военным. По окончании Бакинского пехотного училища его, молодого лейтенанта, распределили в один из стрелковых полков Западного военного округа, где в июне 1941 года он со своими товарищами в числе первых принял на себя удар гитлеровской машины смерти и погиб.

Имена многих его родственников Рязановых-Резановых, отдавших жизнь в боях за Родину с немецко-фашистскими захватчиками, увековечены в многочисленных Книгах Памяти, а также в их родовом селе Хирине на мемориальных плитах воинского обелиска, стоящего прямо напротив возрожденного Храма в честь Усекновения Честной главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и иконы Божией Матери, именуемой «Живоносный Источник».

Глава VI

**Краткая история
Серафимо-Понетаевского
женского монастыря,
на который люто обиделись
местные крестьяне**

Общепризнанная трагедия, которую мы называем революцией, перетряхнувшая и перевернувшая в прошлом столетии нашу многонациональную страну, везде имела свои «местные редакции». Они зависели, по большей части, от тех особых условий и обстоятельств, которые к моменту возникновения «революционной ситуации» сложились на данной конкретной территории, в определенных административных границах, с их особым хозяйственно-экономическим и ментальным укладом.

Вот почему революционные события на местах слабо были похожи на то, что происходило в 1917 году и в последующие годы в российских столицах и крупных городах. Лозунги, вдохновлявшие и двигавшие революционные массы на улицах Петрограда, Москвы, Нижнего Новгорода или, например, Баку, зачастую имели мало общего с тем, что думали себе крестьяне, громившие волостные управы, поместья и хутора в российской глубинке.

Такая «местная редакция» русской революции возникла и в Хирине, и во многих соседствовавших с ним селениях Арзамасского уезда, жителей которого объединила общая, как им тогда казалось, «беда». Один знаток местной жизни, некто А. В. Верхоглядов, еще за 20 лет до катастрофы 1917-го написал, что в этом краю имеют место «некоторые обстоятельства, довольно исключительные, оказавшие очень заметное неблагоприятное влияние на экономическое положение крестьян довольно большого района, захватившего 10-15 селений Арзамасского уезда».

Чтобы эти «довольно исключительные обстоятельства» прояснить и понять причины «бедствия», постигшего хиринских крестьян, нам предстоит из злополучного 1917 года вернуться на несколько десятилетий назад и вспомнить полную драматизма историю создания и становления Серафимо-Понетаевского женского монастыря.

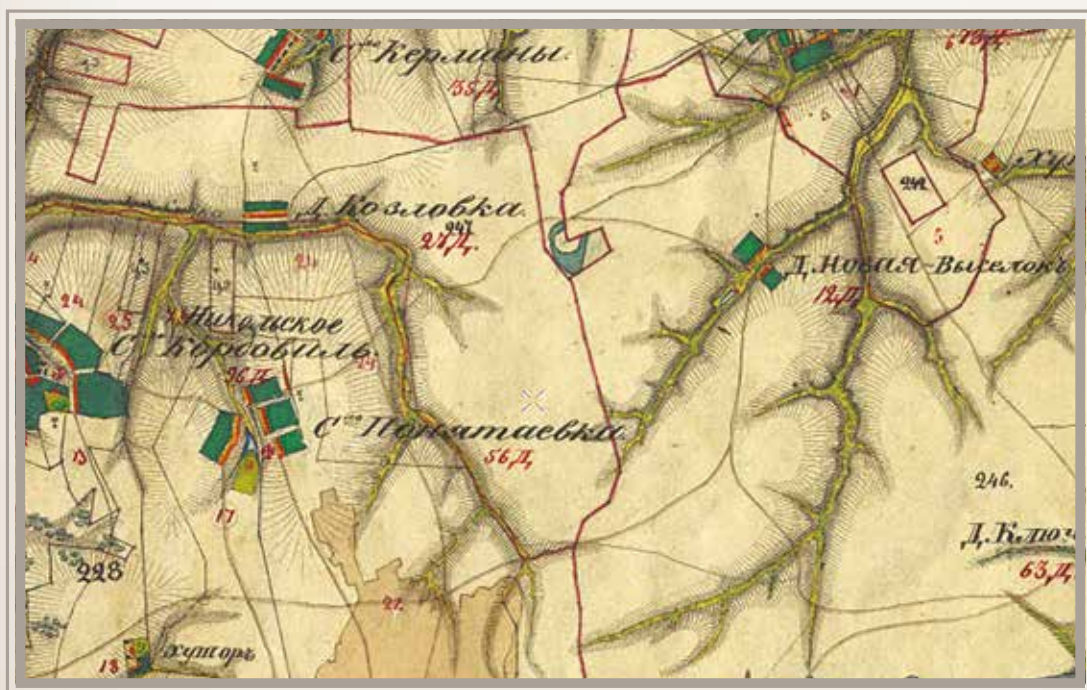
«Не было бы счастья, да несчастье помогло». ***Понетаевка и Царская семья***

Серафимо-Понетаевский женский монастырь, очень популярный в свое время среди паломников и почитателей преподобного Серафима Саровского, расположился в нескольких верстах к юго-западу от Хирина — в мордовском селе Понетаевка. Понетаевка известна тем, что в конце XVIII века на ее землях, а также в расположенных неподалеку селениях Корино и Кардавиле, император Павел I пожаловал вотчину знаменитому придворному архитектору Василию Ивановичу Баженову (1737–1799). Всероссийскую славу Баженова-зодчего впоследствии едва не превзошла такая же все-российская, но уже дурная слава его сыновей-наследников, которые запомнились обитателям здешних мест на редкость дерзким нравом, самодурством, регулярным насилием и издевательствами над своими крепостными, а также огромными долгами, которые они оставили после себя. Но Бог им судья, как говорится, не о них сейчас речь.

В 1861–1862 годах в Серафимо-Дивеевском женском монастыре случилось между сестрами возмущение, резонанс которого оказался столь мощным и громким, что не только потряс Нижегородскую епархию вместе с ее тогдашним правящим архиереем, Преосвященным Нектарием (Надеждиным), получившим обидную пощечину от блаженной Пелагеи Ивановны, но и докатился до имперской столицы, до высшего света и самого царского дворца.

Общий вид Серафимо-Дивеевского монастыря. Цветная литография. 1903 год

Село Понетаевка на карте Мендэ. 1850 год

Те, кто интересуется церковной историей, знают, что Дивеевская община в то время переживала трудный период затянувшейся «смуты» — так справедливо охарактеризовал эти события тогдашний архимандрит Серафим (Чичагов), а впоследствии митрополит и священномученик, автор знаменитой «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря». Здешние монашествующие и миряне уже два десятилетия были разделены на две «партии», что и являлось причиной частых трений, возникавших в общине по самым разным вопросам монастырской жизни.

Началось брожение в монастыре еще в 1842 году, после объединения синодальным указом Казанской и Мельничной (Девичьей) женских общин в одну, получившую название «Серафимо-Дивеевской». Строгий монашеский устав там, конечно, был и неуклонно сестрами соблюдался, вот только мира и согласия между ними не было, из-за чего в Дивееве кипели страсти, отнюдь не свойственные монашескому общежитию. Образно говоря, искры летели постоянно, но до пожара долгое время дело не доходило.

В 1861 году «пожар» все-таки случился: при выборе новой настоятельницы брошенный жребий определил поставить у руля общины Гликерию Васильевну Занятову, которая приняла это послушание и фактически вступила в управление монастырем. Но многие сестры из «оппозиционной партии» посчитали, что жребий указал «не на того человека». Не будем вдаваться в подробности этой драмы, о которой достаточно написано церковными историками, скажем лишь, что примирить сестер убеждением и уговорами не удалось ни местному священноначалию, ни лучшим и мудрейшим представителям церковной иерархии того времени, среди которых был и прославленный ныне в лике святых митрополит Московский Филарет (Дроздов).

В конце концов высшие церковные власти, чтобы не усугублять раздор, сочли за благо удалить из Дивеевской общины несостоявшуюся начальницу Гликерию Занятову и двух ближайших ей сестер. «Стяжать дух мирен» им предложили в другом месте, которое им разрешили себе подыскать.

Смирившись со своей участью, Занятова и поддержавшие ее монахини послушно покинули Дивеево и уже в скором времени нашли приют в имении благочестивой помещицы Елизаветы Алексеевны Копьева, которой от отца, отставного генерал-майора, перешло по духовному завещанию небольшое поместье в селе Понетаевка Арзамасского уезда.

Копьева была одинока, уже в почтенных годах и являлась большой почитательницей Серафима Саровского, которого застала в живых и имела счастье с ним общаться. Остаток своих дней она помышляла посвятить уединенной жизни в Дивеевской обители, но Господь судил иначе. От святого старца Серафима Копьева, по ее собственному признанию, когда-то получила наказ не оставлять его «сирот», — так он называл своих подопечных инокинь из Мельничной дивеевской общины, о которой отечески заботился. Понетаевская помещица исполнила его волю, предоставив хорошо знакомой ей по Дивееву Занятовой и двум ее спутницам хлеб и кров.

Вскоре к ним присоединилось еще около 20 дивеевских сестер, которые на первых порах жили и трудились в помещичьем доме, а на богослужения ходили в местную приходскую церковь во имя святого равноапостольного великого князя Владимира. Впоследствии Копьева обратилась в Священный Синод с прошением об учреждении «Серафимовской» женской общины в выделенной ею части имения. Благотельница готова была предоставить в вечное владение желаемой обители «пахотной земли 94 десятины и господский сад с усадьбою на пространстве 6 десятин, а всего

ков и со смирением перенести выпавшие на ее долю испытания. А потому на ней исполнились слова апостола: *«Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы возложите на Него, ибо Он печется о вас»* (1 Пет. 5:5-7).

В необычной судьбе Серафимо-Понетаевского монастыря и его основательницы многое проясняет отрывок из воспоминаний Анны Федоровны Аксаковой, урожденной Тютчевой, — дочери знаменитого русского поэта, любимой фрейлины государыни и воспитательницы царских дочерей. Некогда она стала свидетельницей тяжелой болезни Великой княжны Марии Александровны и в тех обстоятельствах получила возможность ближе познакомиться с Занятовой. Вот что сохранила о тех событиях ее память:

«18 сентября [1860 года] маленькая Великая княжна Мария Александровна заболела жабой, угрожавшей опасностью ее жизни.

[...] 18 сентября приходилось в воскресенье. Великая княжна, по обыкновению, гуляла рано утром с Государем, а когда вернулась домой, я нашла ее очень бледною, и она жаловалась на тошноту. К обеду я ее не повела. [...] Ночью ее лихорадило, но к утру ей стало лучше, и доктор позволил ей встать. В течение дня, однако, симптомы болезни усилились: все тело ее горело, и она находилась почти постоянно в усыплении; тем не менее мне не удавалось добиться от нее признания, чтобы у нее что-либо болело и что именно.

На другой день, 20 сентября, мне удалось, наконец, открыть, что у нее болит горло, и только потому, что она отказалась даже от питья, несмотря на с недавнего жар. Исследовав ее, доктор Гартман нашел в горле свойственные жабе налеты, которые и были прижжены несколько раз, но болезнь не уступала. Государь и Императрица находились в крайнем беспокойстве, тем более, что в возрасте Великой княжны, приблизительно около 7 лет, они потеряли свою старшую дочь, Великую княжну Александру. [...] Гартман был очень встревожен, так как болезнь, перепончатая жаба, все усиливалась, несмотря на прижигания и на рвотное, которое, подействовав, заставило ребенка жестоко страдать. К вечеру жар удвоился, больная малютка тяжело стонала, воздух при дыхании проходил через ее горло с сипящим свистом, похожим на хрип. В смертельной муке сидела я возле нее и поддерживала ее бедную головку. Она то закрывала глаза, словно засыпая, то через пять минут снова открывала их с судорожными движениями, как бы задыхаясь. Государь, бледный как смерть, с мучительной тоской, застывшей на лице, навещал ее каждые полчаса.

Около 10 вечера вошла к нам моя сестра Кити и сообщила, что монахиня Лукерья Васильевна здесь и хочет со мною говорить. Из Дивеевского монастыря, Нижегородской губернии, монахиня эта была дочерью простого крестьянина и приняла постриг в двенадцатилетнем возрасте. Теперь ей было 40 лет, и она находилась в Петербурге в качестве наблюдательницы за молодыми монахинями, посланными монастырем в столицу для изучения живописи. Великая княгиня Мария Николаевна, пораженная быстрыми успехами этих молодых девушек, вышедших почти все из престолярства, взяла их под свое покровительство и отвела им мастерскую при своем собственном дворце. Там-то я и познакомилась с Лукерьей, поразившей меня своим умственным развитием, совершенно непонятным в женщине, не учившейся ни чтению, ни письму. Слушая ее поэтические рассказы о жизни в Дивеевском монастыре, казалось, что переносишься, среди XIX века, в эпоху таинственных и прелестных легенд наших Четий-Миней. Она часто говорила мне об отце Серафиме, которого видела, будучи ребенком, в его уединенной келье, среди

Великая княжна Мария Александровна

**Великая княгиня Мария Николаевна,
герцогиня Лейхтенбергская, президент Императорской
Академии художеств в 1859-1876 годах**

**Преподобный Серафим Саровский в полуванти,
через которую получила исцеление Великая княжна. Литография. 1885 год**

векового бора, окружающего Саровскую обитель. Мать Лукерья, исцеленная от рака на губе молитвами и прикосновением святого отшельника, из благодарности дала обет посвятить на служение Богу младенца, рожденного ею после этого чудесного исцеления. Никогда Лукерья не ела мяса и с ранних лет своего детства была приучаема к молитве и к благочестивым навыкам. Ее большою радостью было сопровождать свою мать к хижине Серафима, к которой вела прелестная тропинка, извивающаяся между гигантскими соснами вдоль прозрачной реки Саров. На этой тропинке каждодневно видны были сотни богомольцев, бредущих к жилищу отшельника, чтобы получить от него исцеление от болезней, утешение в скорби, мудрое руководство в жизни, и почти все возвращались излеченными, утешенными, просвещенными.

[...] Когда Лукерье минуло 12 лет, Серафим благословил ее на принятие пострига в Дивеевском монастыре, основанном под его покровительством в двенадцати верстах от Сарова. Предварительно, однако, Лукерья отправилась пешком в Киев на поклонение мощам, почивающим в пещерах, а затем, со времени принятия ею монашества, вся жизнь ее была длинной вереницей трудов на служение монастырю. Часто исполняла она тягостные обязанности сборщицы подаяний, и благодаря ей воздвигнут большой и благолепный монастырский храм. Эта девушка, никогда не читавшая ни одной книги и почерпнувшая все свое образование из церковных служб, обладала от природы удивительным красноречием, и ее слова, по сладости, были действительно подобны меду. Она имела дар, когда советовала или утешала, делать это не впадая в проповеднический тон и не употребляя, подобно лицам ее состояния, обычных общих мест, так мало говорящих чувству; ее речь, напротив, была ключом прямо из сердца и проникала в душу. Поэтому-то я и обрадовалась ее приходу в час мучительной тревоги. Лукерья принесла мне полумантию Серафима, под покровом которой он провел в молитве многие ночи и в которой, коленапреклоненный, он совершал последнее моление, когда душа его вознеслась к Богу. Мантия эта хранилась, как священное наследие, у старика протоиерея Назария Добронравина, друга Серафима и настоятеля дворцового храма в Гатчине. Эту-то святыню и доставила мне Лукерья, со своими молитвами. Я тотчас отнесла ее к больной, которую спросила: «Хотите, я вас покрою мантией Серафима?» — «Дайте», — отвечала она и, перекрестившись, совершенно просто произнесла: «Отче Серафим, моли Бога о мне». После этого она немедленно заснула и немедленно же ослабел хриплый свист в ее горле; через пять минут она дышала так тихо, что ее не было слышно, а через десять появился обильный пот. Она едва открыла глаза и, сказав мне: «горло почти совсем не болит», снова впадала в глубокий и спокойный сон. Вошел Государь, я показала ему мантию и в немногих словах изложила ее происхождение. Государь осенил себя крестным знаменем. Девочка все продолжала спать. В 3 часа доктор, к своему удивлению, нашел ее все в поту и без лихорадки. Лукерья, видя меня изнеможенной от трех дней мучительной тревоги и от двух совершенно бессонных ночей, обратилась ко мне со словами: «Усните спокойно, св. Серафим охранит ребенка». Я заснула у кровати больной таким крепким сном, что не слышала прихода Государя, навестившего рано утром свою маленькую дочь. Мария Александровна проснулась поздно и спросила мне своим обыкновенным голосом: «Где Лукерья?» — «Она у меня и молилась за вас эту ночь». — «Я хочу ее видеть». Лукерью ввели в комнату, и Великая княжна, протянув ей руку, сказала: «Благодарю за то, что вы молились обо мне. Горло у меня очень болело; когда же меня накрыли мантией, все прошло». Затем она тотчас заснула вновь и проспала почти весь день. Есть она не хотела, а просила пить, неизменно прибавляя: «но святой воды» и,

**Игуменья Нектария (Симикова),
вторая настоятельница Серафимо-Понетаевского монастыря
в период с 1894 по 1917 год**

выпив, крестилась. Сколько искренности и чистоты в вере детей, и как понятны слова Спасителя, что их есть Царство небесное! Какая была радость иметь возможность объявить Императрице, что ее дочь вне всякой опасности! Государыня слушала мой рассказ о том, что произошло ночью, много плакала. Впоследствии Государь пожаловал основанному Лукерьей Серафимо-Понетаевскому монастырю 600 десятин земли. Выздоровление Великой княжны пошло довольно быстро, и уже 25 она была в состоянии встать с постели в первый раз» [219].

Гликерию, через которую было явлено Богом это чудо, при государевом дворе хорошо запомнили. Благодарностью стало не только личное участие августейшей семьи в скорейшем оформлении разрешительных документов на открытие Серафимовской общины в Понетаевке, 1500 рублей пожертвования лично от императрицы Марии Александровны, но и упомянутый А. Ф. Аксаковой щедрый дар Государя, преподнесенный новой общине в виде земли и лесных угодий 597 десятин на речке Сатис близ Сарова.

На этих землях впоследствии был образован и великолепно отстроен в камне Введенский скит, который сами монахини и их современники называли «Царской дачей», или «Царским скитом». Этот царский — и в прямом, и в переносном смысле — подарок, непосредственно связанный с именем и подвигами блаженной памяти старца Серафима Саровского, заложил крепкую основу будущего благополучия обители, которая впоследствии стала одним из самых процветающих женских монастырей России.

Вскоре после образования Серафимо-Понетаевской женской общины сюда из Дивеева переселилось несколько десятков сестер, большинство из которых под присмотром «сестры-наблюдательницы» Занятовой, на тот момент еще дивеевской послушницы, обучались в Санкт-Петербурге в Российской Императорской академии художеств искусству живописи и мозаики. Там все они, девицы из низов, самого заурядного крестьянского происхождения, получили блестящее художественное образование и уникальные практические навыки, развились в культурном отношении и расширили свой кругозор, научились правилам светского этикета и «манерам», в хорошем смысле этого слова. Шефство над ними в период обучения взяла сама Великая княгиня Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская, сестра императора Александра II, бывшая с 1859 по 1876 год, вплоть до своей кончины, Президентом Академии художеств.

Благодаря названным исключительным обстоятельствам, при Понетаевском монастыре к концу 1860-х годов сформировалась собственная иконописная мастерская и художественная школа, заслуженная слава которых в скором времени распространилась далеко за пределы Нижегородской епархии.

Среди выпускниц Императорской академии художеств была не только сама Евпраксия (Гликерия Занятова), первая настоятельница обители, но и ее будущая преемница — Нектария (в миру Анастасия Никифоровна Симикова), ставшая игуменьей в 1894 году. Обе настоятельницы были землячками, родом из села Малое Череватово Ардатовского уезда, откуда, кстати, вышло значительное число дивеевских и понетаевских сестер.

Пример игумений во многом объясняет, как и почему уникальная понетаевская художественная школа стала своего рода «визитной карточкой» Серафимо-Понетаевского монастыря, который через свое «богословие в красках» стал известен по всему православному миру. Созданные понетаевскими сестрами иконы можно было встретить как во многих крупных монастырях, храмах и кафедральных соборах, в царских дворцах, домах столичной знати и благочестивого купечества, так и в обычных сельских церквях и даже крестьянских домовых иконостасах.

Иконы здешнего письма были известны и на Святой Земле, где в то время усилиями Императорского Православного Палестинского Общества и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме активно утверждалось российское присутствие.

Кстати, несколько икон, как рассказывают старожилы, было создано понетаевскими инокинями и для Предтеченской церкви села Хирино. Одна из них — «Господь Вседержитель» — чудесным образом сохранилась до наших дней. После разорения церкви в 1937–38 годах эту икону, как и многие другие, спасли от комсомольского «костра и топора» хиринские сестры Вера и Прасковья Бессоновы, церковные «ключницы», которые в самые трудные годы гонений хранили ее у себя дома, тщательно скрывая от посторонних глаз. Одна из них незадолго до своей кончины успела передать образ Вере Ваняшевой, заведовавшей в то время сельской библиотекой. От Веры Александровны святыня вернулась в возрожденную благодаря Игорю Рауфовичу Ашурбейли хиринскую церковь, в притвор верхнего придела в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник».

С момента возвращения в храм икона эта, бывшая прежде мрачной и потемневшей от копоти, словно от вселенской скорби, успела обновиться. Потускневший лик Спасителя зримо просветлел, внизу иконы проявился текст молитвы, а в правом нижнем углу проступило ранее не заметное иконописное изображение — образ Богородицы с Младенцем [220].

Икона «Господь Вседержитель» из Предтеченского храма, писанная в Понетаевском женском монастыре. В годы гонений на церковь хранилась у сестер Веры и Прасковьи Бессоновых, которые берегли ее в течение полувека, а перед смертью отдали на хранение Вере Ваняшевой. В 2013 году Вера Александровна передала икону в возрожденный храм

Но наибольшей «популярностью», если уместно будет так выразиться, пользовалась у верующих, конечно, главная понетаевская святыня — икона Божией Матери «Знамение», прославившаяся многими чудесами в 1885 году и с тех пор всенародно почитаемая.

Чудотворная святыня из Серафимо-Понетаевской обители

Это знаковое событие произошло в монастыре в 1885 году, 14 мая по Юлианскому календарю. За шесть лет до этого, в 1879 году, одна из понетаевских послушниц, Клавдия Ивановна Войлошникова написала икону Божией Матери «Знамение», причем написала, как расценило «иконописное начальство», не вполне удачно, поэтому долгое время образ висел не в храме, а в закрытой для посторонних лиц письменоводительской келье игуменского корпуса.

И вот, 14 мая 1885 года в 9 часов вечера сестры, находившиеся в письменоводительской по послушанию, заметили, что икона явно преобразилась. Спустя несколько часов, в полночь, явление изменяющегося лика Богородицы повторилось. Икону перенесли в храм.

Вскоре после преображения народ с окрестных селений стал массово стекаться для поклонения святому образу, и уже в первые дни он прославился многими случаями исцелений болящих. Вот только в епархиальном управлении верить чудесам не спешили, поэтому икону у монастыря спешно отобрали и поместили до выяснения всех обстоятельств в ризницу Нижегородского кафедрального собора. Позднее все факты чудотворений были подтверждены специальной комиссией, проводившей расследование и по горячим следам опросившей более сотни свидетелей. Поэтому начальство все-таки признало икону чудотворной и распорядилось вернуть ее в монастырь «для успокоения народа». Подробно весь ход событий был описан на страницах специальной брошюры, изданной монастырем в Санкт-Петербурге в 1888 году и в дальнейшем многократно переиздаваемой [221].

В последующие десятилетия Серафимо-Понетаевская икона Божией Матери «Знамение» стала, без преувеличения, одной из самых известных и наиболее почитаемых в России новоявленных богородичных икон, разойдясь в списках и копиях по всей стране и за ее пределы. А в родной Нижегородской епархии едва ли нашелся бы приходской храм, даже самый бедный и отдаленный, где до революции не было бы этого образа. В самом же Понетаевском монастыре чудотворная икона «Знамение» была помещена для постоянного пребывания в храме Божией Матери «Живоносный Источник», за правым клиросом.

О том огромном значении, которое современники придавали этой новоявленной чудотворной святыне, свидетельствует один яркий факт. В 1896 году дата священного миропомазания и венчания на Царство Благочестивейшего Государя императора Николая Александровича была назначена именно на 14 мая — день прославления Серафимо-Понетаевской иконы «Знамение Божией Матери». Казалось, что предстоящее царствование нового самодержца будет для России таким же светлым и полным надежды, как этот дивный образ, где Богородица с воздетыми к небу руками молится Богу, твердо зная и веря, что «все будет хорошо». Оттого так радостен и спокоен Ее лик, оттого так мирно становится на душе при его созерцании.

Многочисленные упоминания «Знамения» в позднейшей переписке высочайших особ свидетельствуют, что монарший выбор дня коронации был не случайным. Кроме того, венчальные иконы небесных покровителей августейшей семьи — святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца, и царицы-мученицы Александры Римской были заказаны Государем именно в мастерской Серафимо-Понетаевского женского монастыря.

Так переплелись судьбы святых Царственных мучеников и лично последнего Государя, с правлением которого было связано в народе столько надежд, и Серафимо-Понетаевского монастыря с его главной чудотворной святыней.

Пройдет еще несколько лет, и в 1903 году состоится — во многом благодаря участию императорской четы — церковное прославление преподобного Серафима. Известный духовный писатель Евгений Поселянин, побывавший на тех великих торжествах, запечатлел один из эпизодов крестного хода с новообретенными мощами Саровского старца из Дивеева в Саров: *«... Потом, за воздвизальными крестами несли три святыни — чудотворную икону Знамения Богоматери из Серафимо-Понетаевского монастыря, образ преподобного Серафима, впервые носимый в крестном ходу, и заветную икону Богоматери «Умиление», которую Старец называл «Всех радостей Радость», которая была его келейною иконой и на молитве пред которою он скончался.*

**Крестный ход с новообретенными мощами
прп. Серафима Саровского из Дивеева в Саров.
1903 год**

Эти три иконы стали перед шатром-часовней, и начался молебен Божией Матери. Было что-то особое в этой небольшой иконе старца Серафима, окруженной с обеих сторон оплотами и утверждениями его двух обителей, из которых одна им возвращена, а другая создана в его память.

Яркое солнце озаряло светлый, радостного письма лик Знамения с очами, в каком-то пророчесственном экстазе поднятыми к небу, и грустный, слегка темный лик Умиления, с глазами, опущенными долу, с покорно-сложенными на груди руками.

И мне казалось, что в выражении этих двух икон отразилась судьба обителей.

Одна, Понетаевская, обеспеченная, теперь даже чрезвычайно богатая, с великолепными своими зданиями; другая, Дивеевская — в вечных страданиях, доселе бедная, почти нищая, возлюбленное чадо старца Серафима, и получившая в удел его удел, то есть непрерывное страдание.

И дай Бог, чтобы хоть теперь страдания и недостатки Дивеева кончились!» [222].

И вправду, пока Дивеевская обитель на протяжении десятилетий страдала в скорбях и лишениях, как и предсказывал когда-то преподобный Серафим, — Понетаевский монастырь процветал, богател и строился, являя собой, как многим казалось, «уголок рая на земле», символом которого как будто и стал образ Божией Матери «Знамение».

Обложка брошюры

Копия Серафимо-Понетаевской иконы Божией Матери «Знамение», подаренная сестрами монастыря в Саровскую пустынь в 1903 году по случаю прославления прп. Серафима Саровского

Сестры Дивеевского монастыря несут в крестном ходу по пути в Саров икону Божией Матери «Умиление». 1903 год

Райская обитель и ее достопримечательности.

Хирино — часть серафимовского паломнического маршрута

В просторечии Серафимо-Понетаевский женский монастырь часто называли «Скорбященским», поскольку первый храм обители (малая домовая церковь) был освящен в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Однако такое обиходное название, намекающее якобы на «скорбное житие», как-то слишком явно контрастировало с действительностью монастырской жизни, очевидцами которой становились люди, побывавшие хотя бы однажды в этом удивительном месте.

В мемуарах и письмах сохранилось немало живых рассказов о впечатлениях после посещения этой обители. Побывало здесь множество народу разного звания. Ведь в царские времена основной пеший маршрут паломников к саровским святыням, связанным с именем старца Серафима, пролегал по проселочным дорогам от станции Шатки через Хирино и Лукояново (иначе в старину называвшееся Вонячкой, а теперь ставшее Елховкой) на Понетаевку, где богомольцам всегда предоставлялся хлеб и кров, и далее через Успенское на Дивеево и Саров.

Вот, к примеру, одно из свидетельств о паломничестве учеников Арзамасского духовного училища, посетивших Понетаевский монастырь в начале мая 1909 года, с описанием маршрута их путешествия: «... Станция Шатки. Паломникам предстояло теперь совершить не менее интересный 18-верстный путь до обители среди полей и лугов пешком. [...] Местность была совершенно ровная. [...] А вот и село Хирино. Удивленно встречали и провожали сельчане многолюдное шествие юных паломников. За Хириным дорога шла лугами. Здесь на лугу, под открытым небом, составилась импровизированный хор и сделана была первая спевка. Пели тропарь Знамению Божией Матери (“Яко неборимую стену”) и тропарь Иоанну Богослову. [...] Чем ближе подходили к обители, тем бодрее, казалось, делались дети: шутили, играли, бегали взапуски, утомления как не бывало.

Уже в сумерки путники вступили в примыкающее к монастырю село Понетаевка, пред храмом которого исполнили, вместе с вышедшим навстречу местным батюшкою о. Дроздовым, тропарь и кондак Вознесению. Но вот и конечная цель пути — святая обитель. Вступив в ее стены, паломники еще раз остановились, и в вечернем воздухе, уже среди монастырских святынь, снова раздалось торжественное пение внушительного детского хора, исполнившего умилительный тропарь “Знамению Божией Матери”, Небесной Покровительницы обители, и тропарь Вознесению. Большая тропа паломников из простонародья, сельчан и обитателей монастыря, окружила пришельцев.

Так начались памятные дни и часы пребывания в обители».

После подробного рассказа о пребывании юных паломников в Понетаевском монастыре, автор заметки закончил ее сообщением, что «на обратном пути путники еще раз останавливались только у храма в селе Хирино, где пред иконою Нерукотворного Спаса в последний раз исполнили “Пречистому Твоему образу” и “Приспе день светлого Рождества”. В 12½ часов дня путешественники были уже в Шатках, а в 3½ часа благополучно возвратились на станцию Арзамас» [223].

**Сестры на послушании в цветнике на фоне церкви в честь иконы Божией Матери
«Живоносный Источник» Серафимо-Понетаевского монастыря.
Фото М. П. Дмитриева. 1911 год**

**Пруд Серафимо-Понетаевского монастыря.
Фото М. П. Дмитриева. 1911 год**

Тем же самым маршрутом значительная часть паломников и богомольцев добиралась и до Дивеева с Саровом, причем Понетаевский монастырь, до которого шли, а иногда и ехали от станции Шатки через Хирино, непременно входил в условную «обязательную программу» паломников как одна из главных «серафимовских» святынь, связанных с почитанием Божией Матери. В. Г. Короленко, которого мы уже цитировали в начале книги, в своих путевых заметках за 1903 год обращает внимание на огромные «массы народа», двигавшиеся, как он пишет, «с нами, за нами, перед нами» в сторону Дивеева и Сарова от Шатков через Хирино и Понетаевку, где обычно случался у путешественников ночлег или хотя бы дорожная трапеза.

Впрочем, стоит отметить, что главная дорога на Саров уже и тогда пролегла от станции Арзамас через Выездную слободу и далее по грунтовым дорогам, проходившим через селения Ардатовского уезда. Кстати, именно тем путем в 1903 году добирались до Дивеева и Сарова Августейшая чета и Великие князья на торжества прославления преподобного Серафима Саровского: маршрут через Шатки и Хирино был отклонен, поскольку у полиции были агентурные сведения, что здесь Государя с императрицей могла ожидать засада: революционеры-террористы представляли огромную опасность для властей.

Однако у шатковско-хиринского маршрута уже и тогда были свои ощутимые преимущества, о которых, в частности, упоминал В. В. Розанов: *«В Саров надо ехать не через Арзамас, через который едут почти все, а через станцию Шатки, следующую за Арзамасом в направлении от Нижнего. Большой тракт, проложенный от Арзамаса и идущий мимо Сарова, страшно разбит несоразмерно большой ездой по нему, колеи чрезвычайно глубоки, и тройка лошадей почти все время тащит коляску шагом. К тому же ямицики этого большого тракта избалованы и развращены хорошим и верным заработком, и тем, что без них едущим никак не обойтись»* [224].

Главным же достоинством «хиринской» дороги была, конечно, возможность посетить по пути Серафимо-Понетаевский женский монастырь. Даже известный религиозный философ и писатель Василий Розанов, в силу специфики своего мировоззрения называвший себя «противником монастырей» и «монастырского духа вообще», не мог не признать того, как пребывание в Серафимо-Понетаевской обители воздействует на воображение: *«Это вот что такое: вы едете полями, лесами, кругом — хлеба и сосна, кругом — деревня на много десятков верст, иногда — на сотни верст. Все серо, грубо, бесприветно. Все — глубоко необразованно, и кроме вчерашнего и завтрашнего дня, ничего не помнит и ни о чем не заботится. И среди этой буквально пустыни, культурной и исторической, горит яркая точка истории, цивилизации, духа — забот самых отдаленных, воспоминаний самых древних. Сияют куполами и крестами великолепные храмы; позолота, книги, живопись, пение, самый нрав, обычай, весь внешний облик являют чрезвычайную тонкость, самый изощренный вкус, к созданию которого уже бессильно наше время и который умели выработать только великие творческие цивилизации древности и средних веков. Я в первый раз видел “пустынь”; и как вообще я ни чужд идей монастыря и всего монашеского духа, я был очарован виденным; очарован, восхищен — и воображение мое закружилось идеями, совершенно противоположными тем, к каким я привык.*

Представляю себе, до чего же должно быть сильно влияние монастыря на народ, который не подходит к нему с тем специальным предубеждением, не скрою — почти с враждою, с каким подходил я. Влияние это должно быть колоссально, подавляюще; должно быть разбивающим всякое личное сопротивление. Недаром столько сильных и поэтических душ ушло в монастыри».

Паломники по пути в Саров. 1903 год

Саратовский паломник: отставной артиллерии поручик Н. Н. Малиновский в поездке по святым местам во время остановки у Предтеченской церкви в селе Хирино Арзамасского уезда Нижегородской губернии.

Фото Г. Н. Малиновского, начало 1900-х годов

Конечно, эстету нельзя было не очароваться «огромным каменным корпусом с богатой узорной орнаментировкой», многочисленными «куртинками, цветниками и палисадниками» и, наконец, «громадным, искусственно вырытым квадратным прудом» «с прозрачной и чистой водой», когда на рассвете лучи солнца «ложились и на зеркальную гладь вод, и на сырую, холодную зелень». Но не одно только внешнее устройство Понетаевской обители, исполненное с высочайшим вкусом и изяществом, восхитили философствующего гостя.

Зайдя в храм на раннюю литургию, Розанов был просто изумлен: никогда в жизни, по его признанию, он не видел такого огромного числа «черной братии» (в обители на тот момент проживало чуть более 700 сестер). Внимательно вглядываясь во все вокруг, он вынужден был признаться потом: *«Повторяю, я не люблю монашества; но, когда я увидел стройные ряды этих сотен “черных дев”, где не было ни одного лица грубого, жесткого, ни одного легкомысленного или пустого (а я очень в них вглядывался), но все светилось приветом, уступчивостью, помощью, — я удивился великому преобразованию, какое производит в человеке обстановка, дух, “устав”. [...] Подают ли “поминания”, не умеет ли паралитик подняться на скамейку, или слепой не видит, куда идет: везде тут — монахиня, везде — помощь, ласка, без упрека, без досады, усталости, лени; с той милой, спокойной «благоуветливостью» (монашеский термин), которая есть высший синтез природной доброты и обдуманых обычаев, к которым приучен с детства. [...] Ни одного рассеянного взгляда я не уловил; ни одного скучающего лица, с подавленной зевотой. Между тем за службой не было матери-игуменьи. “Республика” жила собою, не под надзором и не из страха, а делала все по святому одушевлению к святому делу»* [225].

То, что многие говорили о местных иконах, об особом понетаевском стиле изобразительного искусства, Розанов подтвердил своими впечатлениями, вынесенными из храма: *«Стал я всматриваться в живопись: вся она в светлых тонах: голубых, розовых, зеленых, белых. Черная краска совсем почти не видна, между тем как она преобладает в городских приходских церквях. [...] В этой монастырской живописи я не нашел ничего собственно монашеского: нашел одушевление, жизнь, полет. И вся литургия, весь храм, все молящиеся — точно имели крылья и летели. И было им легко, не уставали. Так это странно было видеть после наших обеден, когда только устают ноги и чувствуешь боль в спине, ибо прежде всего не оживлен, даже не занят в них»* [226].

Впрочем, в одном пункте Розанов, кажется, ошибся, заключив, что «все эти сотни были крестьянки». Та особая атмосфера монастыря, его внутренней культуры и «благоуветливости», эстетическая утонченность во всем, которая была воссоздана под чутким руководством игумений-художниц с академическим образованием, привлекали сюда не только простолудинок, но и многих людей из образованного класса, которые в миру имели, как у нас часто говорят, «большие возможности». Поэтому здесь было немало представителей городских сословий, в том числе купеческого звания.

Личная история одной из насельниц обители, как раз представительницы купеческого сословия, стала, можно сказать, судьбоносной для нескольких поколений крестьян из селений, соседствовавших с Понетаевским монастырем, среди которых в конце концов оказалось и Хирино.

Корпус Серафимо-Понетаевского монастыря.
Открытка. Фото М. П. Дмитриева. 1911 год

Об одном известном боголюбце и о том, как далеко могут завести благие намерения

В 1860-х годах в Серафимо-Понетаевской обители появилась одна весьма обеспеченная вдова по имени Федосья Матвеевна Петрова. Она была уже в преклонных годах, помышляла о вечности и сначала просто жила в святых стенах, посвящая себя молитве и послушаниям, а незадолго до кончины приняла здесь иноческий постриг с именем Феофания. Умерла она в начале 1870-х годов и была погребена на монастырском кладбище.

Вместе с ней, а может даже чуть раньше нее, — сейчас трудно сказать определенно, — к духовному наследию старца Серафима Саровского и конкретно к этому богоспасаемому месту, «прикипел» душой ее сын — елабужский купец Сергей Петрович Петров, человек богобоязненный и благочестивый, при том недюжинного, как оказалось, предпринимательского таланта и большого коммерческого размаха, завсегдатай Нижегородской ярмарки. Из его биографии нам, к сожалению, известно пока немного.

В купцы он вышел из приказчиков, работавших у Стахеевых — одной из богатейших купеческих династий России, которых во второй половине XIX века называли «хозяевами Елабуги». В романе «Горбатый медведь» писатель Евгений Пермяк дал любопытную характеристику этого примечательного городка: «... у Елабуги, — писал он, — свое лицо. Это уездный город-купец. [...] Главная фамилия в городе — Стахеевы. И это не просто фамилия, а второе слово после слова Елабуга. Стахеевы здесь имеют ко всему отношению. Они сильнее губернатора. Они почти царствующий дом. [...] У них столько капи-

талов, [...] сколько их нет во всей Елабуге. И если продать Елабугу со всеми ее домами, церквями, лавками, то все равно денег выручишь меньше, чем у Стахеевых».

Свои многомиллионные обороты Стахеевы сделали на торговле мануфактурой и промышленными товарами, хлебом и зерновыми, чаем и сахаром. Но большие деньги, разумеется, появились не сразу. Начиналось все со скупки и перепродажи, поскольку расположение Елабуги на Каме, в досягаемости еще трех крупных судоходных рек — Волги, Вятки и Белой, давало огромные преимущества в логистике, чем Стахеевы умело и воспользовались. По мере роста торговых оборотов коммерческие интересы естественным образом влекли их на восток: на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток, вплоть до знаменитой Кяхты на границе, а за ней — Монголия и Китай. Поэтому сеть их представительств в сибирских городах стабильно ширилась и развивалась.

С 1852 года открылось их представительство в Томске, где ведение дел Иваном Ивановичем Стахеевым (первым миллионером в семейной династии) было поручено двум приезжим приказчикам — 30-летнему Сергею Петровичу Петрову и 20-летнему Петру Васильевичу Михайлову. На Стахеева они работали до начала 1860-х годов, а потом завели в Томске собственное дело, вложив свой коммерческий опыт, наработанные годами связи и скопленный капитал в «Торговый дом “С. П. Петров и П. В. Михайлов”». Занимались, по сути, тем же, что и раньше: торговлей мануфактурой (ситцем, полотнами, готовым платьем и бельем), мехами и парчой, чаем и сахаром, хлебом и зерновыми. Постепенно ассортимент торгового дома расширялся, обороты росли, и дела партнеров, с помощью Божией, исправно шли в гору. Начинали оба как купцы третьей гильдии (Петров — елабужский, Михайлов — колыванский), а к началу 1880-х гг. они имели уже купеческие свидетельства первой гильдии, дававшие право вести трансграничную торговлю.

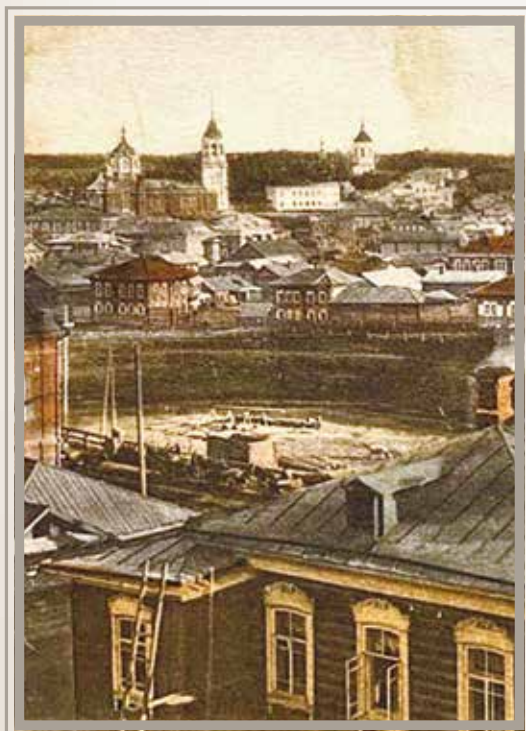
Между компаньонами было заведено разделение труда и сфер ответственности. Петров жил преимущественно в Москве, где отслеживал изменения на бирже и тенденции рынка, занимался закупками в Европейской части России (в том числе на Нижегородской ярмарке), а затем обеспечивал местный сбыт или доставку этих товаров в Сибирь. Михайлов, в свою очередь, оставался в Томске, где, как и прежде, располагалась их главная контора. В ведении Петра Васильевича была вся сибирская логистика и сбыт, представление торгового дома на Ирбитской и Крестово-Ивановской ярмарках, а также организация отправки в Москву и на Нижегородскую ярмарку сибирских (пушнины, золота) и колониальных товаров, привозимых с Кяхты (прежде всего, чая).

Со временем каждый из компаньонов обретал все больше самостоятельности в делах, поэтому к 1870-м годам Петров и Михайлов фактически разделили бизнес по «географическому принципу» и ушли каждый в самостоятельное плавание, поддерживая, впрочем, взаимовыгодные и прочные деловые связи, и давнюю дружбу.

Очень сближала этих талантливых предпринимателей крепкая и глубокая православная вера, богобоязненность и душевная потребность в делах благотворительности. Известный в Сибири педагог Н. Виноградский в свое время писал: *«Вообще жители города Томска в отношении религиозном — усердны в вере, богобоязненны и благотворительны к святым Божьим церквам»*. Этим духом была вполне пропитана и предпринимательская деятельность, и вся жизнь купцов Петрова и Михайлова, каждый из которых оставил свой заметный след в истории российского меценатства и благотворительности.

Томск. Старинная открытка

Томск. Общий вид южной части города

Рекламное объявление томского купца
П. В. Михайлова

О деятельности Петра Васильевича Михайлова в Томске, благодаря местным краеведам, известно очень многое. Он щедро вкладывал средства в строительство храмов (в том числе кафедрального Троицкого собора), благоустраивал городские пространства, способствовал, в том числе материально, открытию Томского университета и ремесленного училища, а также музея прикладных знаний (совместно с известным купцом-бессребреником Иннокентием Сибиряковым, будущим афонским монахом). Немало усилий приложил Михайлов для развития в Томске городских школ начального образования, добился появления местной амбулатории. На его средства содержалось Томское женское епархиальное училище. Кроме того, он немало жертвовал на миссионерский Николаевский женский монастырь в Улале (Горно-Алтайск), на церкви в Усть-Каменогорске и селе Чердаты Мариинского уезда. Вообще в неформальной столице тогдашней Сибири Михайлов был очень любим и уважаем: он дважды избирался городским главой, 35 лет беспрерывно состоял старостой Богоявленской церкви, оставив после себя, — а умер он в Москве в 1906 году, — исключительно добрую память у горожан [227].

В свою очередь, о делах благотворительности и милосердия его старшего компаньона, Сергея Петровича Петрова, которые на фоне аналогичной деятельности богатейших московских купцов и меценатов оказались не такими заметными, нам известно гораздо меньше. Архивы сохранили сведения о том, что в Томске на Базарной площади он построил на собственные средства часовню в честь Иверской иконы Божией Матери, оказывал материальную поддержку Алтайской духовной миссии, обустроил лодочную переправу через Телецкое озеро в Алтайских горах, а также вместе со своим бывшим компаньоном П. В. Михайловым участвовал в 1890-е годы в строительстве Троицкого кафедрального собора в Томске, пожертвовав для него 5 вызолоченных крестов стоимостью 13,5 тыс. рублей [228].

Но любимым детищем Петрова был все же Серафимо-Понетаевский женский монастырь, которому елабужский купец с московской пропиской не только жертвовал огромные суммы на разные нужды, но и посвятил много личного времени и трудов.

А началось все в 1866 году с приобретения Петровым в Москве у академика живописи Павла Семеновича Сорокина, выдающегося русского художника и графика, нескольких замечательных икон: «Христос Спаситель», «Двенадцать пророков» и иконы Божией Матери «Знамение» — предположительно, той самой с которой в 1879 году снимала копию Клавдия Войлошникова. Все купленные иконы Сергей Петрович подарил понетаевским сестрам-художницам для занятия религиозной живописью — они должны были служить образцами для создания новых иконописных изображений. Две превосходные иконы, написанные самим П. С. Сорокиным, по сообщению А. П. Мельникова [229], стали украшением знаменитой часовни Серафимо-Понетаевского монастыря, построенной в Нижнем Новгороде у Похвалинского съезда, напротив элеватора. Эта часовня возводилась по проекту Л. В. Даля (сына В. И. Даля — составителя известного словаря) в середине 1870-х годов. Близость ее к Нижегородской ярмарке, появление в ней работ академика Сорокина — хорошего знакомого С. П. Петрова, а также время ее создания наводят на вполне обоснованное предположение, что это строение «превосходной архитектуры», по характеристике все того же А. П. Мельникова, появилось на свет тоже благодаря усилиям главного понетаевского благодетеля. Он и своих денег не пожалел, и, возможно, привлек кого-то из своих торговых партнеров из среды ярмарочного купечества.

А потом случилось известное понетаевское чудо 1885 года, в приготовлении которого, Промыслом Божиим, наш елабужский — к тому времени уже первой гильдии — купец,

Троицкий кафедральный собор г. Томска, построенный при деятельном участии П. В. Михайлова и С. П. Петрова, в день торжественного освящения 25 мая 1900 года

Часовня Иверской иконы Божией Матери в Томске, построенная на средства С. П. Петрова

сам того не ведая, принял самое непосредственное участие. После прославления Знаменской иконы, под сильным впечатлением от тех событий, С. П. Петров с единомышленниками спешно заказал в московских мастерских для новоявленной святыни серебряную вызолоченную ризу, украшенную жемчугом и драгоценными камнями. В ожидании прибытия ценного подарка икону «Знамение», путешествовавшую в то время по епархии с крестными ходами, по решению Преосвященного Модеста, епископа Нижегородского и Арзамасского, было решено задержать в Нижнем Новгороде.

В итоге подоспевшая «среброзлащенная риза» была возложена на прославившийся чудотворениями образ во время всеобщего бдения 9 (21) ноября в крестовой церкви Нижегородского архиерейского дома. Дар Сергей Петрович привез, разумеется, лично, а возложение ризы совершалось в его присутствии. После этого святыня с должными почестями была торжественно возвращена в Серафимо-Понетаевский монастырь. Московский боголюбец сопровождал ее до самой обители, где 12 (24) ноября принял участие в освящении домово́й церкви во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, устроенной в новом каменном корпусе в значительной степени на пожертвованные им средства. Здесь на нижнем этаже разместились монашеские кельи со службами, а на верхнем — школа живописи и многочисленные мастерские: живописная, отделки икон и киотов, финифти и мозаики.

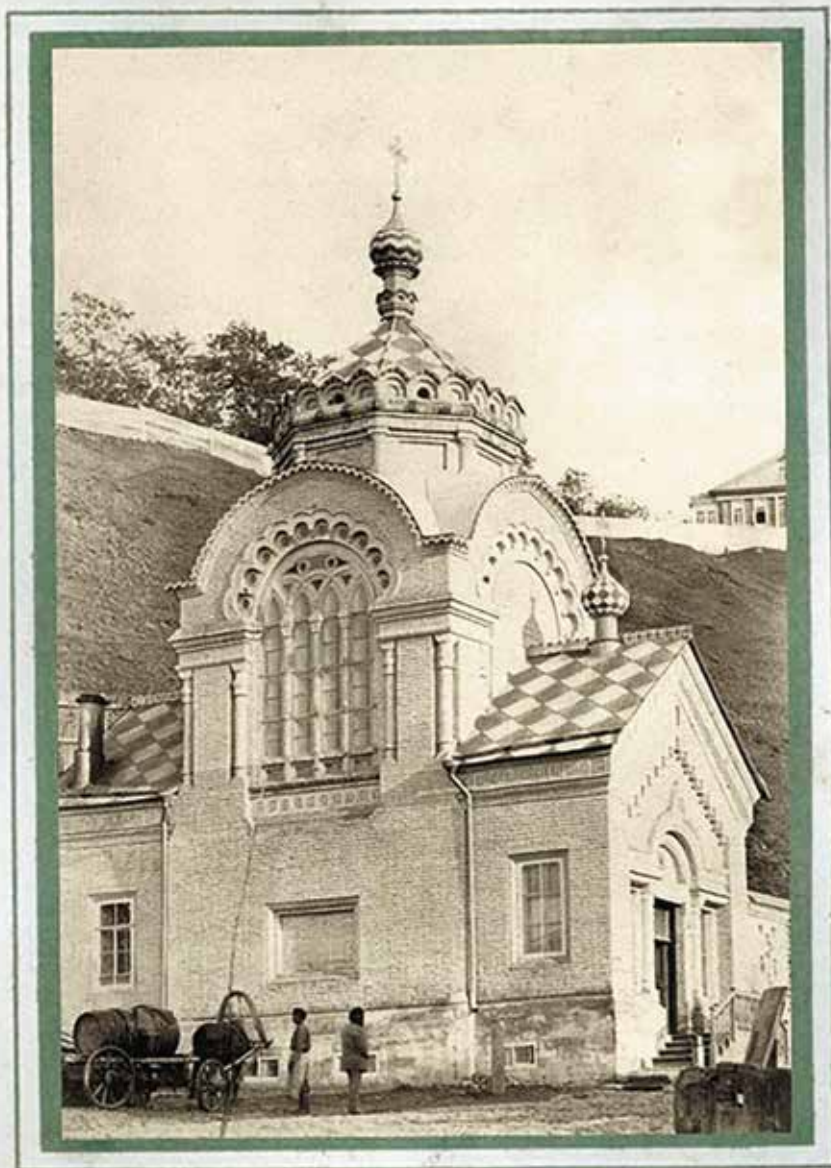
С того времени Петров, вероятно, узрев для себя лично в произошедшем некое знамение свыше, начал принимать самое деятельное участие в делах монастыря уже на регулярной основе, все глубже вовлекаясь в повседневные заботы обители. Кроме того, череда неурожайных лет, апогеем которых стал страшный голод 1891–1892 годов, охвативший южные уезды Нижегородской губернии, потребовала умелого антикризисного управления большим монастырским хозяйством, где опыт и знания 70-летнего бывалого коммерсанта оказались как нельзя более кстати. Так постепенно он стал главным советником и помощником игуменьи по всем хозяйственным вопросам, взяв на себя значительную часть расходов обители, связанных со строительством новых зданий и усовершенствованием производственных процессов. На его средства, например, были выстроены каменная мельница, водонапорная ветряная башня, скотный двор по соседству с монастырем и многие другие хозяйственные постройки, в том числе на «хуторах», о которых ниже речь пойдет особо.

Наверняка, список всех «благоустроительных» заслуг Петрова перед монастырем гораздо шире, поскольку в 1870-е годы в обители возводился еще и каменный трапезный корпус с церковью в честь иконы Божией Матери «Животворящий Источник», а с 1880-х вплоть до 1900 года велись работы по строительству игуменского корпуса, где впоследствии разместилась монастырская больница, аптека и две церкви — Серафимовская и Сергиевская (в честь прп. Сергия Радонежского — небесного покровителя С. П. Петрова). Едва ли все это понетаевское благолепие могло устроиться без деятельного участия нашего боголюбца.

А теперь — вернемся к Хирину, в контексте истории которого нас более всего будет интересовать, как же так произошло, что стараниями купца Петрова Серафимо-Понетаевский женский монастырь превратился в крупнейшего частного землевладельца Арзамасского уезда, с которым даже во всей Нижегородской губернии могли сравниться немногие помещики и лишь единицы превосходили его по количеству угодий. А если смотреть в масштабах Арзамасского уезда, то здесь монастырь стал «всеми помещикам помещик»: в собственности обители к началу XX века значилось около 15 000 десятин недвижимого имения (свыше 160 000 га), с всевозможными постройками, пахотными землями, лесами, лугами, водоемами и прочими угодьями.

НИЖНИЙ НОВГОРОДЪ

ФОТОГРАФІЯ

ХУДОЖН.КАРЕЛИНА.

**Часовня Серафимо-Понетаевского монастыря в Нижнем Новгороде
у Похвалинского съезда, построенная по проекту Л. В. Даля.**

Фото А. О. Карелина

А начиналось все с малого — с приобретения Петровым на свое имя нескольких небольших полуразрушенных помещичьих имений по соседству с монастырем, которые усердный благотворитель восстановил, завел там исправное хозяйство, а конечный продукт и получаемые доходы обратил в пользу Серафимо-Понетаевской обители.

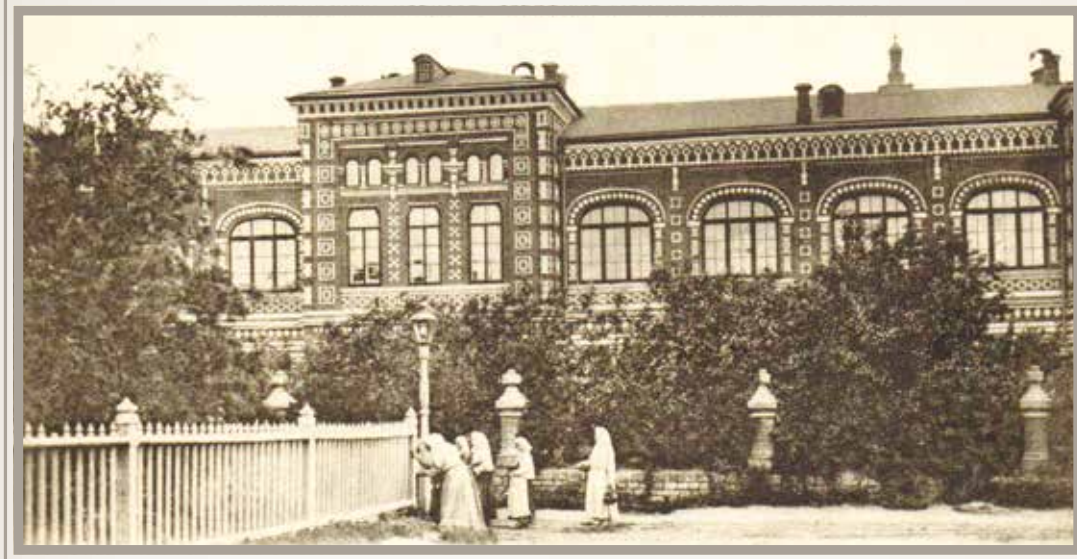
По опробованной схеме за первыми земельными приобретениями были следующие, потом еще и еще. Так у монастыря появилось 12 хуторов. И везде начиналась стройка, а параллельно развивалась хозяйственная деятельность со своей специализацией. Вот как сообщал об этих делах своему заказчику вышеупомянутый нами А. П. Верхоглядов, местный корреспондент Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева: *«Видя такую энергичную деятельность С. П. Петрова, направленную на пользу монастыря, а также благодаря возможности иметь в монастыре хороший заработок, занимаясь выработкой и подвозкой камня, кладкой зданий и т. п. работами, крестьяне слали только благословения на голову С. П. Петрова, тем более что и расплата с рабочими в монастыре производилась лучше и аккуратнее, чем в помещичьих имениях. Заработок же крестьян был очень порядочный, так как постройки, возведенные в монастыре, стоили очень крупных сумм: так, напр., стоимость строящегося теперь здания больницы с церковью при ней определяется тысяч в 300 рублей».*

В числе благословлявших понетаевского доброжелателя и возносивших молитвы за него были, конечно же, и многие хиринские мужики, для которых эти перемены в округе давали замечательную возможность заработать хорошие деньги привычным ремеслом — каменными и штукатурными работами, — не удаляясь при этом от дома и семьи «за тридевять земель».

«Но затем, — продолжает информатор Тенишева, — картина отношения крестьян к монастырю стала изменяться. Петров стал скупать одно за другим последние имения, оставшиеся в руках помещиков. Заложенные и перезаложенные, они быстро, одно за другим, перешли в его руки. В приобретаемых Петровым имениях немедленно заводился совсем иной порядок хозяйства: продажа леса, например, совершенно прекращалась. Благодаря этому крестьяне некоторых сел очутились в очень затруднительном положении — “без топтения”; не говоря уже о том, что за бревном на постройку пришлось в ином случае ехать за десять верст. Особенно в плохом положении очутились крестьяне села Казаково, которые занимаются гончарным промыслом. “Хоть бросай горшки обжигать, только глина осталась, а дрова-то... поди-ка, возьми у Петрова”, — говорят мужики. И действительно, многие вынуждены были бросить этот промысел.

Затем крестьяне раньше могли снимать в аренду земли, сколько хотели, так как очень немногие помещики обрабатывали землю сами, большинство же старалось сдать землю в аренду или отдать обработку земли “исполу”. Аренда была невысока; помещичьи имения были некрупные; и если не у одного, так у другого крестьяне могли взять землю.

Теперь же, когда почти все имения очутились в одних руках, арендная плата на землю монастырским благодетелем стала устанавливаться совершенно произвольно от выше существовавших ранее цен, вследствие чего крестьяне стали арендовать земли меньше прежнего. “Ему что, если и не берут землю, то у него денег много — вытерпит”, — говорят про Петрова крестьяне. И большая часть земли действительно лежит, так как хозяйственным способом монастырь обрабатывает сравнительно ничтожное количество земли. В имениях заведена более строгая охрана от порубок, потрав, чем было ранее; и недоразумения между крестьянами и приказчиками в имениях возникают довольно часто.

Живописный корпус Серафимо-Понетаевского монастыря. Открытка.
Фото М. П. Дмитриева. 1911 год

Ясно, что вследствие этих причин отношения крестьян к благодетелю монастыря совершенно переменились; при разговоре с мужиками можно слышать: “Принесла его к нам нелегкая”, или еще более резкие отзывы, несмотря даже на то, что Петров оказывает иногда помощь крестьянам, давая средства на постройку школы или церкви (в селе Кардавиль).

Сознание того, что с переходом имени в одни руки экономическое положение крестьян должно еще более ухудшиться, проникло в мужские головы, и когда слухи о том, что Петровым ведутся переговоры о покупке “Зиндеровского” имени (орфография авторского текста сохранена — Л. М.), [...] распространились среди крестьян, то общество крестьян села Хирино, собравшись на сходе, решило послать уполномоченных от общества в Париж, чтобы просить владельца имени не продавать его Петрову, или продать крестьянам при посредстве Г<осударственного> банка. Двое уполномоченных мужчин, благодаря содействию нижегородского губернатора г. Баранова, добрались до Парижа, где проживал владелец имени; но паломничество не достигло цели, и с год тому назад “Зиндеровское” имение, состоящее из земли и леса, и являющееся крупнейшим в уезде, перешло в собственность Петрова, по слухам, за полмиллиона рублей. Нужно ждать, что если г. Петров будет действовать по-прежнему, то положение крестьян будет крайне тяжелое. В “Зиндеровском” имении производилась крупная продажа леса; сюда ездили за дровами и строевым лесом из всех окрестных селений верст на десять.

Вследствие этих экономических причин, отношение крестьян к Петрову стало прямо враждебным. Это отношение крестьян переносится даже на монастырь, выражаясь в рассуждениях на тему, насколько “спасительна” монастырская жизнь: “легкая да сытая, когда мы чуть с голоду недохнем” или “и за молитвы монастырские не простит Бог того греха Петрову, что он крестьян давит” [230].

Здесь крайне интересен не только прежде неизвестный нам факт состоявшейся экспедиции хиринских мужиков в столицу Франции для встречи с Петром Александровичем Балашевым (согласитесь — завязка истории, вполне могущей стать литературным сюжетом).

том), но и участие в этом мероприятии губернатора Баранова. Как знать?! — возможно, Николай Михайлович понял и признал впоследствии, что при разрешении хиринского дела в 1886 году, связанного все с тем же пресловутым земельным вопросом, он явно перегнул тогда палку или все оказалось не так, как казалось. Не исключено, что ему могли позднее стать известны новые обстоятельства, заставившие изменить свое отношение к случившемуся. Быть может поэтому, желая хотя бы отчасти сгладить свою вину перед хиринскими мужиками, в этот раз он употребил свой административный ресурс им на пользу, чтобы помочь двум уполномоченным от хиринского общества добраться до Парижа и встретиться там с владельцем хиринских черноземов, лесов и водоемов.

В итоге купчая между П. А. Балашевым и С. П. Петровым все-таки состоялась — 15 июля 1897 года. Этой сделкой земельный вопрос для хиринцев, все еще живших на тот момент призрачной надеждой на его благополучное разрешение, закрылся окончательно. И в актуальную повестку дня он вернется только в 1917 году.

Прошло несколько лет с момента продажи Балашевым Петрову хиринских и ключищенских земель. И вот в первом номере «Нижегородских губернских ведомостей» за 1902 год, в части неофициальной, появляется скорбное сообщение, что *«Серафимо-Понетаевский женский монастырь понес великую утрату: 17 декабря 1901 года, неожиданно, в пути, не доезжая нескольких верст до г. Арзамаса, скончался дорогой благодетель этой обители — елабужский купец Сергей Петрович Петров. Эта внезапная смерть огорчила всех сестер монастыря, который в лице почившего потерял своего неусыпного печальника, благодетеля и благоукрасителя обители. 21 декабря состоялось погребение тела в той же обители, которая облагодетельствована почившим: все принадлежавшие ему земли, лесные угодья и другие имущества, по духовному завещанию, пожертвованы им в пользу Серафимо-Понетаевского монастыря. Да упокоит Господь в селениях праведных добрую душу верного раба Своего Сергея!»* [231].

Главный благодетель монастыря и «обидчик крестьян» С. П. Петров скончался в возрасте 82 лет, находясь в дороге по пути из монастыря. Но к смерти он, по доброй христианской традиции, приготовился заранее, сделав загодя все необходимые распоряжения и оформив, как тогда было принято, духовное завещание, получившее утверждение Государя императора 24 октября 1902 года. Согласно завещанию, в общей сложности 18 «недвижимых имений», расположенных при селениях Спасское, Тоузаково, Никольское, Алферово, Своробоярское, Понетаевка и Кардавилль, Казаково, Козловка, Кирманы, Корино, Ратманово, Луканово и Соляная Гора, а также Хирино, Ключищи и Выселки (на последние три приходилось 5400 десятин) в Арзамасском уезде, а также при четырех селения Ардатовского уезда — всего чуть более 13,5 тысяч десятин, «более или менее, сколько окажется в действительности», закреплялись за Серафимо-Понетаевским женским монастырем [232].

Со смертью Петрова хозяйственная практика монастыря мало изменилась, поскольку помогать матери игуменье в управлении хуторами остались прежние люди — «птенцы гнезда Петрова», отобранные и подготовленные Сергеем Петровичем в бытность его у дел. Посему и отношение обиженных местных крестьян к монастырю оставалось прежним, а с годами, вероятно, даже еще более ухудшилось в силу того, что революционные идеи и антиправительственная агитация все глубже проникали в сознание людей. По мере того, как монастырь все более процветал, отстраивался и расширял свою хозяйственную деятельность, многие мужики, все более бедневшие, сильнее ожесточались и, затаив обиду и копившуюся злость, «с кирпичом за пазухой» ждали, когда «из искры возгорится пламя». И дождались...

Глава VII

*От «Искры Ленина»
до «Власти Советов» –
рукой подать*

Символизм названий

После череды революционных потрясений 1917 года последующие семь десятилетий село Хирино существовало буквально между «Искрой Ленина» и «Властью Советов».

«Искрой Ленина» хиринцы нарекли свой колхоз, созданный беднотой в 1931 году. «Властью Советов» стал называться государственный совхоз, образованный вскоре после революции на национализированных землях, а именно на базе помещичьих хуторов, бывших Балашева, а потом Понетаевского монастыря. Все плодородные хиринские и ключищенские черноземы, удобренные потом дедов и прадедов местных крестьян, были фактически разделены между совхозными участками и колхозами из Хирина, Ключищ и Выселок, ставших теперь «Красными».

В 1960-е годы хиринскую «Искру Ленина» передали в состав соседнего перспективного колхоза, который действовал на базе объединения двух населенных пунктов — сел Никольское-Кобылино и Архангельское-Кобылино. Архангельский колхоз (хотя правильнее называть его все-таки «кобылинским») тоже именовался «Власть Советов» — он полный тезка «околохиринского» совхоза, — был передовиком соцпроизводства, за что неоднократно удостоивался самых высоких государственных наград.

Главной усадьбой совхоза «Власть Советов» стал хутор Николаевский, переименованный в совхозный участок № 1. Ныне это поселок Светлогорск, что в трех км от Хирина по дороге на запад. Там о былом довольстве и красоте организованного пространства все еще напоминают сохранившиеся с «зендеровских» времен живописные пруды с нависающими над ними вековыми ветлами.

Вторая усадьба разместилась на бывшем хуторе Петровском, впоследствии это — совхозный участок № 2, а теперь — поселок Чистое поле. Он расположен ближе к Ключищам, где и находился основной массив помещичьих земель балашевского имения, перешедших через Петрова во владение Серафимо-Понетаевского монастыря, а после революции национализированных и ставших совхозными.

В свою очередь колхозная «Искра Ленина» «зажглась» в непосредственной близости от села Хирино, правление находилось здесь же.

Хиринские жители (кто не успел покинуть село до начала коллективизации) в большинстве своем распределились между этими тремя производственными площадками: одни вступили в местный колхоз и зарабатывали себе «палочки» (они же «трудодни»), другие работали на совхозном участке № 1, третьи — на участке № 2.

От Хирина до совхозных «участков», от одной усадьбы до другой, от нашего села до Светлогорска и до Чистого поля версты невелики: за несколько часов пешим ходом все можно обойти. По крестьянским меркам такое расстояние — это буквально «рукой подать».

В этих местных названиях, как в зеркале эпохи, символически отразилась вся огненная история русской революции и утвержденной ею безбожной власти. В их тяжелые жернова попал сначала Серафимо-Понетаевский монастырь, ставший с 1917 года по истине «Скорбященским», а потом и Хирино, фактически утратившее свою единственную святыню и заметно «захиревшее» к окончанию советской эпохи [233].

Символ захиревшего Хирина. 2007 год. Фото А. Кротова

Иссякла «власть советов», потухла «искра Ленина», захирело и Хирино. Остались только люди с их памятью, верой, надеждой и любовью, с их трудолюбием и творческим потенциалом, и осталась богатая земля-кормилица, которая всегда, в любое время, ждет своего умелого, радетельного хозяина...

И вот теперь, наконец, словно окунувшись в богородичный Живоносный Источник, возрождаются и Хирино, освящаемое регулярной церковной молитвой в восстановленном Игоре Рауфовичем Ашурбейли Предтеченском храме, и Понетаевская обитель, воскресающая к новой жизни в качестве скита Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря.

Очень символично, что саровской иконе Божией Матери «Живоносный Источник», особо почитаемой преподобным Серафимом Саровским, были посвящены и верхний придел храма в Хирине, и церковь в Понетаевском монастыре. Как символично и то, что нынешнее возрождение этих двух главных «жемчужин» Шатковской земли происходит одновременно.

Откуда прилетела «Искра Ленина»

К началу XX века популярность Серафимо-Понетаевского монастыря как места паломничества и молитвы, особенно в связи с прославлением преподобного Серафима Саровского, достигла, казалось, своего апогея. Толпы богомольцев, да и просто любопытствующих граждан, все шли и шли сюда, проходя и проезжая через Хирино, в стремлении прикоснуться к божественной благодати, снизошедшей на святую обитель по заступничеству Пресвятой Богородицы и старца Серафима Саровского.

Растворившись в этой массе разночинного люда, в 1902 году той же «хиринской» дорогой прибыл в Понетаевку некто Михаил Иванович Лебедев, который устроился «сидельцем» (продавцом) в местную казенную винную лавку и снял примыкавший к ней дом, куда затем перевез свою семью. Одним словом, «все как у людей».

Через некоторое время, проехав тем же маршрутом, Лебедева навестил «товарищ» — Григорий Яковлевич Козин, доставивший в Понетаевку из Нижнего «ценный груз», приобретенный на средства, полученные А. И. Пискуновым от писателя Максима Горького (А. М. Пешков). В багаже Козина оказалось типографское оборудование, которое, по хитрому замыслу революционеров-подпольщиков, — а это были именно они, — разместилось в подполе лебедевского дома. Для типографии в понетаевском «подполье» было выкопано целое помещение, а вынутая земля плотно утрамбована по стенам. После спешного прекращения работы типографии в Нижнем Новгороде, где в то время интенсивно шли аресты и обыски по всем подозрительным адресам в связи с делом сормовской организации РСДРП, именно понетаевская типография стала главной «печатней» подпольщиков [234].

Во второй половине 1902 года здесь, в Понетаевке, было отпечатано огромное количество различных листовок, прокламаций, воззваний и революционных газет — нелегальной «Нижегородской рабочей газеты» и, конечно, «Искры», матрицы для которой передавались Лебедеву все через того же М. Горького, отбывавшего в это время ссылку в Арзамасе. По этому случаю вспоминается одно известное письмо, местами очень ерническое, отправленное Горьким А. П. Чехову в начале мая 1902 года, где «буревестник революции», с одной стороны, позволяет себе крайне нелестный отзыв об арзамасцах («давно уж я не видел так много тупых и наивных людей в одном месте»), а с другой — явно смакует понетаевскую «подпольную» повестку, прямо-таки на масонский манер, как «посвященный» перед «профаном»: *«Приезжайте! — обращается он к Антону Павловичу. — У нас огромный дом, что-то около 12 комнат, а если найдете, что здесь жарко, пыльно и скучно, — мы вас отправим в Понетаевский монастырь — чудное место верстах в 20. Есть там река рыбная, пруды, сады и 700! монашек. Подумайте — 700!»* [235].

Ленинскую «Искру» в Понетаевке перепечатывали целиком и по частям, постатейно. Под видом богомольцев, извозчиков и разных честных тружеников, возжелавших «рюмочку крепкого», в «явочную» винную лавку забредали подпольщики и «сочувствующие», которые затем распространяли всю эту «пропаганду» по губернии и за ее пределы. Так, из-под стен монастыря, любимого и почитаемого Царствующим Домом, скрытно готовилось низвержение самодержавия, включая физическое уничтожение его носителей, а вместе с этим — и будущий разгром безбожниками Русской православной церкви.

Причем Серафимо-Понетаевский монастырь ощутил на себе губительное воздействие разгулявшейся революционной стихии одним из первых в стране. А вот хириинские жи-

Экспонат Московского музея «Подпольная типография 1905-1906 годов»

Первый номер «Искры»

тели, так случилось, пытались осенью 1917 года этот разгул если не остановить совсем, то хотя бы как-то обуздать, пусть даже очень выборочно и исключительно в собственных корыстных интересах...

«Поворотный 1917-й» и «Лобачевская перестройка»

1917 год прошел для Хирина примерно так же, как и для большинства селений российской глубинки, то есть в тревожных ожиданиях. О февральско-мартовском госперевороте в Петрограде и отречении Государя императора Николая II 2 (15) марта хиринцы узнали только из газет. Эйфория, которую подогрела тогдашняя «сплошь демократическая» пресса, всколыхнула во многих надежды на новую, лучшую, как тогда казалось, жизнь. На четвертой седмице Великого поста, после Недели Крестопоклонной, отрекшегося Государя вместе с Царствующим Домом по распоряжению епархиального начальства перестали поминать на церковных службах, а портрет бывшего самодержца местные активисты удалили из здания волостного правления. В остальном жизнь переменилась мало.

В каждой третьей хиринской семье по-прежнему ждали своих мужей, братьев и отцов с германо-австрийского, турецкого и румынского фронтов — с той Великой войны, в которой, казалось, победа наша была невероятно близка, но в итоге, как известно, так и не состоялась...

Октябрьский переворот в Петрограде, а потом и в Москве, в результате которого власть в столицах взяли в свои руки большевики и левые эсеры, докатился до Хирина и его окрестностей волной погромов на хуторах Серафимо-Понетаевского монастыря. «Из искры возгоралось пламя», и «главный помещик» в Арзамасском уезде одним из первых почувствовал на себе огненное дыхание новой эпохи.

Впрочем, погромы начались даже раньше, еще за несколько дней до событий в Петрограде. Из одной одиозной газетной публикации времен Большого террора, где было выпущено много яда в адрес Серафимо-Понетаевской обители и ее сестер, удалось выяснить, что уже 20 октября 1917 года в Нижнем Новгороде губернским комиссаром временного правительства была получена из монастыря телеграмма, сообщившая о том, что на хутор Петровский *«совершено нападение: люди, вооруженные бомбами и ружьями, забрали и увезли с собой весь хлеб»* [236].

Об этом третья настоятельница обители, игуменья Евпраксия (в миру Прасковья Ивановна Занятова), вступившая в должность в роковом 1917 году, докладывала управляющему Нижегородской епархией епископу Балахнинскому Лаврентию (Князеву): *«Имею честь почтительно доложить Вашему Преосвященству о современном положении вверенного мне Серафимо-Понетаевского монастыря. Со времени погромов монастырских имений — хуторов, произошедших в октябре 1917 года, оставшийся в монастыре и на хуторах хлеб, фураж, живой и мертвый инвентарь и лес волостными Советами р.к.д. был взят на учет и поступил в полное их распоряжение; а с наступлением весны, земля пахотная, каковою владел монастырь, взята крестьянами. Лошади, коровы и мертвый инвентарь, сельскохозяйственные орудия труда, как находящиеся при мона-*

Мешков В. Взятие Кремля революционными отрядами. 3 ноября 1917 года

стыре, также и на монастырских хуторах, все волостными Советами кр<естьянских> деп<утатов> отобрано и передано в пользование крестьян; монастырю и ближайшему хутору Ферма оставлено всего восемь лошадей, уже мало годных к работе.

Хутора монастырские: при селе Спасском, при селе Хирине, Николаевский и Петровский, при селе Алферьеве и при деревне Ратманове со всеми строениями, живым и мертвым инвентарем и запасом для посева семян: овес, греча, просо, картофель и проч., — все поступило в пользование крестьян. Сестры монастыря, находившиеся на хуторах, удалены оттуда. На хуторе при деревне Ратманове строения монастырские, скотский сарай и три сенницы Лукановским волостным Советом кр<естьянских> депутатов проданы, на месте сенниц поставлены жилые крестьянские дома.

[...] Хлеб и картофель из монастыря, — продолжает свой скорбный перечень понетаевская настоятельница, — в течение зимы неоднократно реквизировался уже без всякой уплаты монастырю денег, если бы монастырь отказал в выдаче хлеба и картофеля, имея в виду неминуемый голод монастыря, тогда со стороны соседних крестьян грозило монастырю погромом. Угодья, служившие для существования монастыря, все отняты. Хлеба осталось в монастыре очень малое количество, и приобрести его не имеем возможности. В монастыре призываются монахини престарелые и немощные и приют девочек, дочерей солдат, сироты и дети бедных родителей. Каково может быть дальнейшее существование монастыря — одному Богу известно, на Его Всемогущее милосердие надеемся и на покровительство Пречистой Пресвятой Девы Богородицы, Заступницы рода христианского, да будет их святая воля и произволение на нас».

Новым неперменным атрибутом монастырской жизни стало теперь присутствие в нем вооруженных солдат, комфортно обосновавшихся в обители. Красные латышские стрелки

нужны были здесь революционным властям не столько для охраны порядка в монастыре, сколько для того, чтобы иметь возможность оперативно реагировать на вспыхивавшие то тут, то там стихийные крестьянские волнения и недовольства, которые расценивались как «контрреволюционные мятежи» и жестоко подавлялись самыми жесткими способами, вплоть до расстрелов зачинщиков.

Еще одна беда: «... Монастырю пришлось покупать дров, так как заготовленные дрова расхищены крестьянами». При этом, по словам игумены, «граждане села Понетаевки позволяют себе делать по монастырю прогулки партиями — мужчины и женщины, чем нарушают спокойствие стариц и сестер монастыря» [237]. Скорбный рапорт настоятельницы, сообщающий об отчаянном положении сестер, датирован 25 мая (7 июня) 1918 года. А схожее по тональности письмо, посланное епископу Лаврентию уже в августе того года, матушка Евпраксия заканчивает почти словами отчаяния: «В настоящее время переживаем мы самое тяжелое положение: прежний запас хлеба кончается, а вновь своего посева нет и норма не назначена» [238].

Под видом стихийных погромов, происходивших на монастырских хуторах в октябре и ноябре 1917 года, осуществлялся обыкновенный грабеж по принципу «кто первый схватит». Сначала неизвестные вооруженные бандиты, подавшие пример, потом — «обиженные» и озлобившиеся мужики из соседних селений, и, наконец, местные революционные власти, — все они чинили банальный захват монастырского имущества, реквизируя инвентарь, подводы, скот, продовольствие, — все, что представляло хоть какую-то ценность и могло быть продано или использовано в хозяйстве.

Да, мужицкая память была крепка на обиды. Хиринские крестьяне никогда не забывали про «свои» земли, отнятые у них, как они считали, Зендером, выкупленные потом Петровым и переданные Серафимо-Понетаевскому монастырю. Поэтому озимые монастырские поля, засеянные осенью 1917-го, летом 1918-го, по решению сельского схода, убирала уже хиринские мужики, наверняка понимая, что оставляют «монашек» без прокормления [239]. Но именно так им виделось тогда восстановление социальной справедливости.

Беззаконие по отношению к монастырю творилось при явном попустительстве местных властей в лице волостных советов крестьянских депутатов, уездных руководящих органов, а также вышестоящего (уже советского) губернского комиссара, которому неоднократно отправлялись жалобы, остававшиеся без какого-либо внимания. Более того, волостные и сельские советы явно нашли для себя в монастырском имуществе дополнительный источник дохода: к июню 1918 года изъятого у монастыря имущества значилось на 808 298,5 руб. [240], значительная часть которого после изъятия продавалась местными властями в частные руки. С хуторов стали исчезать даже постройки (три сеницы, скотный сарай и курятник).

Здесь уже жители Хирина всполошились и, продолжая считать ближайшие монастырские хутора — Николаевский и Петровский, «своими», забили тревогу. Собравшись на очередной сельский сход 28 мая 1918 года, они «имели суждение об оставшихся постройках на хуторах бывших помещичьих имений» и постановили: «Оставшиеся постройки на экономиях бывших помещиков и монахинь Понетаевского монастыря от погромов осенью 1917 года оставить в целостности до окончания земельной реформы, дабы с указанием точных границ земли могли бы мы обществом послать самое бедное население на уцелевшие хутора, где будут готовые дома и прочие, так что ближайший к нам Николаевский хутор в расстоянии всего одной версты остался бы целый, и просим Волостной Совет не на-

**Георгиевский кавалер, ст. унтер-офицер
Андрей Илларионович Лобачев после ранения
в 1915 году. Из личного архива автора**

**Плакат «Крестьяне, дайте хлеба революции!».
1919 год**

кладывать резолюции на право купить каким-либо граж<данам> других селений, дабы не отвечать за других. Мы, граж<дане> села Хирина, протестуем против преждевременной распродажи [и] сами ни на одно строение не даем удостоверения» [241].

Трудно сказать, насколько это обращение, в условиях «революционной целесообразности», возымело действие. Но весьма возможно, что результат все-таки был, поскольку новую волостную власть теперь возглавлял хиринский уроженец Андрей Илларионович Лобачев (1883–1951).

Его биография была довольно типичной для выдвиженца революционной эпохи. Отец его, Илларион Иванович, происходил из крепостных крестьян села Хирино. Еще по рекрутскому набору попал на действительную военную службу, где, вполне вероятно, ему довелось поучаствовать в сражениях Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Демобилизовавшись, Илларион Лобачев вернулся на родину, где, возможно, стал свидетелем (не исключено, что и участником) известных событий 1886 года, когда «хиринский бунт» приезжал усмирять с розгами лично губернатор Баранов в сопровождении казачьей сотни. Потом, как и большинство местных мужиков, Илларион отправился на отхожие заработки в Баку в составе артели каменщиков. Здесь он трудился печником на нефтяных промыслах, однако в 1899 году занемог и всего 50 лет от роду скоропостижно скончался, оставив жену вдовой, а 15-летнего сына сиротой.

Андрей, родившийся в 1883 году, получил начальное образование в заводской школе Товарищества братьев Нобелей в Баку. С 1897 года, еще вместе с отцом, он начал рабо-

тать в артели печников на местных керосиновых предприятиях. Бакинская рабочая среда и революционные события 1905–1907 годов сформировали его политические взгляды, которые укрепились потом за время пребывания его в действующей армии. Лобачев служил старшим унтер-офицером одного из кавказских полков, принимал участие в боях против турков на Кавказском фронте, награжден Георгиевским крестом.

В мае 1915 года он был тяжело ранен, после госпиталя вернулся в отпуск в родное Хирино для восстановления здоровья, где пробыл несколько месяцев до ноября, после чего снова отбыл в армию. Однако участия в боевых действиях Лобачев больше не принимал, а занимался подготовкой новобранцев в одной из запасных частей на территории Елисаветпольской губернии (южная часть современного Азербайджана). Там его и застало известие о февральском госперевороте в Петрограде, отречении императора Николая II и переходе власти к временному правительству. Здесь же, спустя семь месяцев, он узнал о захвате власти в российских столицах большевиками и левыми эсерами.

Зимой 1917–1918 годов Совнарком объявил о массовом сокращении армии, и Лобачев — один из почти 7 миллионов демобилизованных нижних чинов — вернулся снова в Хирино, на этот раз надолго. Здесь по своему возвращении Андрей Илларионович был избран в состав исполкома Хиринского волостного совета и назначен его председателем (он же казначей). В этой должности он активно приступил к преобразованию местной жизни по советскому образцу. Активно помогали ему в этом деле тогдашние председатели Хиринского сельсовета Григорий Павлович Лазарев (1918–1919 гг.) и сменивший его Григорий Степанович Бочкарев (избран в июне 1919-го). — Так начиналась в Хирине и его окрестностях «лобачевская перестройка».

Все преобразования первых лет советской власти проходили при непосредственном участии «предволисполкома» Лобачева, перед которым на начальных порах стояла задача сформировать и скрепить новый сельский и волостной актив. Согласно декрету ВЦИК и СНК от 11.06.1918 года под названием «Об организации и снабжении деревенской бедноты», 22 июля прошли местные выборы, на которых был избран состав первого Хиринского сельского комитета бедноты. В него вошли: Иван Андреевич Есягин (председатель), Иван Михайлович Субботин, Андрей Филиппович Субботин, Григорий Степанович Бочкарев (через год он станет председателем с/совета) и Павел Иванович Романов (секретарь). Кроме того, хиринский представитель — Николай Пудович Брисканкин — по итогам выборов вошел также в состав волостного комбеда [242].

В условиях нараставшего продовольственного кризиса комитетам бедноты Советом Народных Комиссаров была поставлена задача производить розыск и «реквизицию» излишков продовольствия, скрываемых местными крестьянами от советской власти, с целью последующей передачи этих излишков в города, где дефицит продовольствия сказывался наиболее остро. Кроме того, в связи с отказом значительной части крестьян продавать хлеб государству по заниженным ценам, комбедам надлежало оказывать всяческое содействие частям РККА, Красной гвардии, отрядам продармии и ВЧК при закупке зерна по фиксированным ценам и изъятию у крестьян хлебных излишков. На практике же перечень изымаемого добра был гораздо шире и разнообразней.

Комбеды подчинялись волостным и сельским советам, поэтому понятно, что «реквизиционной бригадой» в Хирине, «кошмарившей» местное зажиточное крестьянство и тех «несогласных» середняков, кого удавалось в эти списки включить, руководил волостной исполком и непосредственно А. И. Лобачев. Старые большевики, давая ему характеристику

и рекомендации для вступления в РКП(б) в 1919 году, характеризовали его в тот период как «истинного борца с кулачеством и защитника бедняцкого населения в деревне», который «пользуется среди них большим авторитетом». А. И. Лобачев руководил этой борьбой, судя по всему, весьма успешно, поскольку уже в июне 1919 года его двинули на повышение, введя в состав президиума Арзамасского уездного исполкома, назначив товарищем (заместителем) председателя уездной избирательной комиссии. В этом качестве Лобачев курировал перевыборы в Хиринский сельсовет, состоявшиеся 17 июня 1919 года.

По материалам анкеты, составленной по этому случаю избирательной комиссией, можно сделать несколько любопытных наблюдений. Так, избирком отмечал «живое участие» в выборном процессе середняков, констатируя при этом «вялое», но «лояльное» отношение к выборам хиринской бедноты. Лишены права голоса были четверо местных жителей: двое бывших полицейских и два спекулянта (без указания конкретных имен). При этом к коммунистам большинство местных избирателей относилось «с недоверием, с предосторожностью», чему основной причиной названа «хлебная монополия», которая сделала невозможной для крестьян торговлю хлебом («спекуляции», по тогдашней терминологии). Из 651-го человека, наделенного в Хирине правом голоса, в поднятии рук (именно так производилось голосование) приняли участие всего 148 (22,7% от общего числа), из них 20 человек — женщины. Причины низкой явки — «рабочая летняя пора», «мужики на отхожих заработках», а «женщины застенчиво относятся» [243]. Нужно отметить, что все выборы в Хиринской волости в период 1918–1921 годов были в сфере личной ответственности Лобачева, который каждый раз не только возглавлял волостной избирком, но и выступал уполномоченным, то есть лично проводил агитацию и «разъяснительную работу» с избирателями.

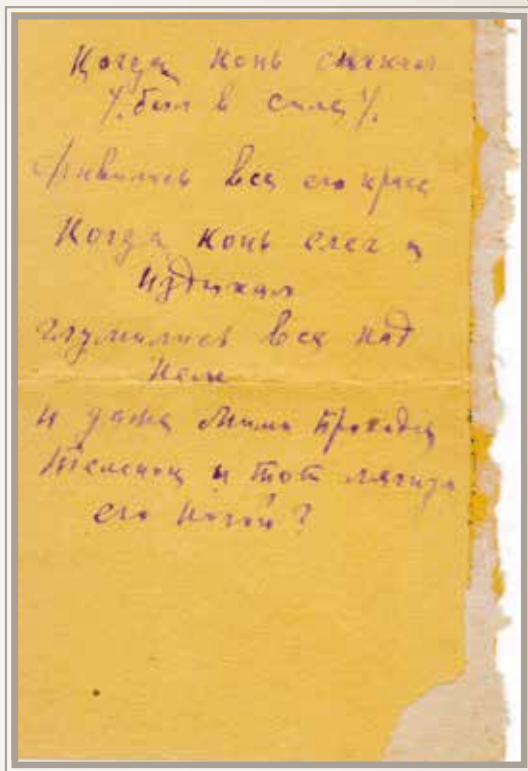
После двух лет, проведенных в президиуме Арзамасского УИКа, Лобачев пришлось партийным товарищам «не ко двору» из-за своей принципиальности и горячности. У хиринского выдвиженца вышел жесткий конфликт с главным арзамасским большевиком, тогдашним председателем укома РКП (б) И. М. Шаровым, перед которым он в запальчивости бросил на стол свой партбилет, фактически вычеркнув себя этим поступком из членов партии. Поэтому уже с сентября 1921 года карьера Лобачева в советских органах власти пошла по наклонной.

Сначала уездное руководство «организовало» его возвращение на должность хиринского предволисполкома, потом Лобачева пригласили инструктором в уездное земельное управление, а оттуда — в уездный отдел труда, заведовать гужевой трудовой повинностью. Наконец, с февраля 1923 года он получил место начальника Арзамасского исправительно-трудового дома, где проработал почти год, до ноября 1923-го. Здесь под его руководством служили надзирателями несколько «надежных» товарищей из числа хиринских уроженцев, в том числе — будущий председатель хиринского сельсовета Сергей Михайлович Лазарев, печально известный своим активным участием в разгроме и закрытии Предтеченского храма в 1937–1938 годах.

Работа в Арзамасском ИТД с заключенными, среди которых было немало честных и порядочных людей, просто не разделявших идеологию и пафос советской власти, оказалась нервным и мучительным для совести занятием. Вероятно, поэтому Лобачев здесь заболел, по этой «уважительной причине» с должности уволился и уехал на четыре месяца в родное Хирино «лечиться», где, по его собственному признанию, просто жил и трудился в собственном хозяйстве. Восстановив силы и здоровье, он возглавил Хиринское сельское общество потребителей (с марта 1924 по ноябрь 1928 года), затем занимал ана-

А. И. Лобачев в 1946 году

**Стихотворение, написанное А. И. Лобачевым
на клочке бумаге**

логичную должность председателя в Шатковском сельпо, а после этого — состоял членом правления городского общества потребителей в Арзамасе, восстановив параллельно и свое членство в партии.

В 1931 году, на откате первой волны коллективизации, Лобачев на полгода, с июля по декабрь, возглавил сельсовет села Красное Арзамасского района. Но затем снова пошел «по хозяйственной линии»: работал сначала в районной Рабоче-крестьянской инспекции, потом — управляющим Межрайонной конторой ГОРТа. Наконец, на пике своей трудовой карьеры Андрей Илларионович возглавил крахмало-сушильный завод «Рассвет» в селе Каменка того же Арзамасского района. На этой должности, несмотря на объявленный ему в 1933 году партийным начальством выговор («за халатное отношение к сохранению государственных средств»), деятельность Лобачева была высоко оценена местным партийным и хозяйственным руководством. В служебной характеристике, данной ему от начальника Горьковского паточно-крахмального треста, он был представлен как «дисциплинированный, с большой хозяйственной инициативой работник, твердо проводящий в своей практической работе директивы партии и правительства». А в 1935 году постановлением бюро Арзамасского райкома ВКП(б) с него сняли и единственный выговор со следующей формулировкой: «Учитывая, что тов. Лобачев в своей работе на заводе “Рассвет” в течение двух лет привел хозяйство завода в должный порядок, очистил аппарат от классово-чуждого элемента, а поэтому [поставили:] выговор с тов. Лобачева снять» [244].

На пенсию с должности директора завода он ушел в феврале 1947 году в связи со стремительно прогрессировавшей потерей зрения. А спустя 2 года, в 1949 году, ему Шатковской ВТЭК была диагностирована полная слепота на оба глаза. Коротать инвалидную старость Андрей Илларионович вернулся в родное село, где его и застала смерть 31 октября 1951 года. Говорили, что в 1930-е годы им была написана история села Хирино, дополненная его богатыми личными воспоминаниями. Но рукопись, к сожалению, была утрачена в годы Великой Отечественной войны [245].

Последние годы жизни в связи с неотвратимо наступавшей слепотой и «погружением во тьму» (скорее всего, причиной была глаукома) Андреем Илларионовичем, похоже, все сильнее овладевало глубокое уныние, если не сказать отчаяние, сопровождавшееся философскими размышлениями о превратностях судьбы. Среди бумаг его личного архива, попавшего в распоряжение автора, удалось обнаружить едва заметный, сложенный вдвое клочок бумаги, на котором его рукой было написано всего несколько строк, в которых он, очень похоже, аллегорически описал всю свою биографию:

*Когда конь скакал /был в силе/,
Дивились все его красе.
Когда конь слез и издыхал,
Глумились все над ним.
И даже, мимо проходя, теленок
И тот лягнул его ногой.*

От двадцатых – к тридцатым: от НЭПа к коллективизации

В Хирине «лобачевская перестройка» проходила на фоне масштабных социально-экономических изменений в стране в целом. Окончательный перелом в гражданской войне в пользу «красных» ознаменовался изменением вектора и во внутренней политике молодого советского государства. На смену эпохе «военного коммунизма» с его жесткими продовольственными «реквизициями» и «красным террором» пришла «новая экономическая политика».

НЭП, призванный возродить разрушенное народное хозяйство, упразднил ненавистную для деревни хлебную продразверстку, заменив ее продналогом, что более чем в два раза уменьшило налоговое бремя для основной массы крестьянства. Кроме того, в рамках новой экономической парадигмы в жизнь снова вернулась частная собственность на имущество (но не на землю), свобода торговли и частной инициативы. Это позволило правительству большевиков несколько снять накопившееся напряжение в обществе, что, в частности, повлекло за собой и заметный рост мобильности крестьянского населения.

С 1922 года Хирино перестало быть волостным центром: Хиринская волость оказалась упразднена, а Хирино, Ключищи и соседнее Корино были переданы в состав Шатковской волости. Изменение административного статуса явилось первым признаком начавшегося увядания села. Хотя в 20-е годы это еще было мало заметно. Тем более что НЭП все-таки

привнес некоторый позитив в жизнь крестьян, для подавляющего большинства из которых этот период был связан с ощутимым ростом семейного благополучия.

Конкретно для хиринцев НЭП ознаменовался двумя отчетливо проявившимися тенденциями, которые можно проследить по документам.

Первая — это увеличение числа домохозяйств, вовлеченных в торговлю, и увеличение их общего торгового оборота, что отчасти было связано с возобновлением в Хирине в 1924 году собственной сельской ярмарки, на которую теперь приезжали жители окрестных селений. Раньше, напомним, хиринцам приходилось по торговым делам ездить в Собакино или Паново, либо еще дальше — в уездный Арзамас. Теперь вся местная торговля регулярно, раз в неделю, «приезжала» к ним.

Вторая — это кратный рост числа отходников, особенно во второй половине 20-х годов, когда началось активное восстановление советского Туркестана, хорошо знакомого по прежней работе многим местным каменщикам и штукатурам. Там, как и в Баку, были очень хорошие заработки для строителей, поэтому хиринские мужики охотно уезжали в южные края, зачастую перевозя туда и свои семьи.

В Баку, например, и городе Мары современной Туркмении (это рядом с бывшим государевым имением Байрам-Али), до сих пор живет немало потомков хиринских жителей, перебравшихся туда на ПМЖ именно в 20-е годы прошлого столетия. Но уже в 1930-х, после начала политики коллективизации, получить паспорт крестьянину для отлучки, не говоря уже о смене места жительства, стало гораздо сложнее, а зачастую и вовсе невозможно. Поэтому «острые языки» на селе и заговорили тогда о насаждаемом большевиками «новом крепостном праве».

Рост несельскохозяйственных доходов крестьянского населения стал настоящей проблемой для властей, поскольку это несло в себе угрозу деградации с/х производства, а следом — и продовольственной безопасности в масштабах всей страны. Так, в 1920-е годы на собраниях местных советов разного уровня неоднократно поднимался, в частности, вопрос о том, что у крестьян, имеющих дополнительные доходы, хранятся в сундуках значительные запасы «мануфактуры», приобретаемые на средства, заработанные не обработкой земли. Названное обстоятельство, по оценке властей, создавало не только благоприятные условия для «спекуляции» тканями, но и стимулировало других крестьян следовать подобному примеру, то есть отдавать предпочтение отхожим промыслам и торговле, поскольку это было куда выгоднее. То же самое касалось и хлебных запасов: рабочий или торговый рубль накапливался в руках крестьянина быстрее и в итоге позволял иметь ему больше хлеба, чем рубль, заработанный на земле. И это лишь два частных примера того, как изменения, принесенные НЭПом в жизнь русской деревни, и Хирина в том числе, стали постепенно размывать социально-экономическую почву под ногами большевистского правительства.

Проблему в Москве осознавали. Поэтому после срыва кампании государственных хлебозаготовок в конце 1927 года в отдельных регионах страны возобновилась практика принудительной конфискации хлебных запасов. Фактически введение этой меры ознаменовало начало сворачивания НЭПа на селе и обозначившегося перехода к политике коллективизации.

На местах первым явным признаком того, что «ветер начал меняться», стало то, что в повестке дня у местных властей появился вопрос «об учете доходов граждан от неземледельческих заработков». В Хирине об этом на собраниях сельсовета заговорили и начали предпринимать соответствующие практические шаги уже весной 1928 года [246].

«Первопроходцы». Первые хиринские колхозники

**Один из репрессированных священников хиринского храма –
отец Иоанн Сноведский с супругой и сыном. 1908 год**

Но получилось так, что в 1929 году, когда коллективизации был дан официальный старт в масштабах всей страны, в Хирине достаточного количества желающих обобществить хозяйство не нашлось, а единицы из числа бедняцкого элемента погоды не делали. Последующая массивная агитация среди населения ни местных, ни приезжих агитаторов успеха не приносила, вследствие чего Хиринский сельсовет на несколько лет попал в самую нижнюю часть списка аутсайдеров по темпам «социалистических преобразований», и это — несмотря на то, что сочувствующих советской власти здесь было предостаточно.

В итоге при организации первой хиринской сельхозартели в 1929 году в нее пожелали войти лишь 25 бедняцких хозяйств — ничтожно малое количество для такого огромного села, как Хирино. Причем это первое объединение носило скорее неформальный характер.

Несмотря на то, что официальной датой создания хиринского колхоза «Искра Ленина» считается 25 марта 1931 года [247], фактически колхозная история в Хирине начинается именно с «провального» 1929 года. Однако тогда на этом начальном этапе колхозное строительство здесь, по сути, и остановилось.

В Хирине, как практически и по всей стране, первый «наезд» советской власти на крестьян в попытке заманить их в колхозы закончился провалом. Но давление с тех пор только нарастало...

Колхозное фиаско в Хирине: бабий бунт, поиски «контры» и первые расправы

По принятому 2 мая 1929 года ВЦИК и СНК Постановлению «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» местным органам разрешалось «налагать на отдельных хозяйев, не выполняющих решений и уклоняющихся от сдачи хлеба, штрафы в административном порядке, в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба, с применением, в случае необходимости, продажи с торгов имущества...». Вводимый штраф стал называться «твердым заданием», а тех, на кого его возлагали, именовали «твердозаданцами». Вскоре в лице отдельных граждан появилась такая категория и среди жителей села Хирино.

В июле 1929 года, после выяснения доходности хозяйств граждан по Хиринскому сельсовету была произведена очередная раскладка налогов. «Разложили» так, что местного священника — Иоанна Георгиевича Сноведского, как живущего на «нетрудовые доходы» и по этому признаку отнесенного к «эксплуататорскому классу», обязали уплатить государству 4000 рублей налогов живыми деньгами — огромную по тем временам сумму, и это — не считая прочих поборов натурой.

Спустя несколько дней, понимая, что откупиться от государства ему будет не под силу, отец Иоанн после очередного богослужения обратился с церковного амвона к своим прихожанам с просьбой о помощи и проповедью, содержавшей жесткую критику новой политики государства в отношении церкви и крестьянства, которую Сноведский без стеснения назвал «антихристовым нашествием». *«Православные! — закончил он свою речь. — Советская власть душит церковь налогами. Если дорога вам религия, если нужна вам церковь Божия, если хотите иметь у себя пастыря, — помогите!».*

ПОЛНОМОЧНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
О. Г. П. У.
ПО НИЖЕГОРОДСКОМУ КРАЮ.

Арзанинский окр. Отдел.

ИНВЕНТАРИЗОВАНО в 1931

ДЕЛО № 627
97

По обвинению граждан Сима Херин
Шейковск. Района Ар. окр.
Кочеткова Вик. смир., Ефодимов
Столярова Фед. смир., Судостина
и Шоломского Ив. Федос. по ст. 58.

Начато марта 3 1931 г.

Окончено 13/3 1931

На _____ листах.

СДАНО В АРХИВ.

дня 19 года.

Архивн. № _____

Передачу
ных и архив
другие орган
и судораны
дять издан
рез РСО П.
по Нижегород
и через регистр
Ответственный
выполнение
квалификац
делов и лиц
составить.

Уголовное дело в отношении И. Г. Сноведского, Н. М. Кочеткова, Ф. М. Столярова и др.
(титульный лист). Из фондов ГКУ ЦАНО

Большинство активных прихожан хиринской церкви, как, впрочем, и везде в те годы, составляли женщины. Они вернулись после той проповеди в свои дома заряженные эмоциями и с порога начали «пилить» мужей и взрослых сыновей, втолковывая им, каково оно, «истинное лицо советской власти». Но этим дело не ограничилось. Сходясь на улицах, «легкие на язык» бабы стали тут и там «разбрасывать» угрозы в адрес местных активистов: «мы их так, да мы их эдак», причем больше всех «досталось страху» школьному учителю Александру Андреевичу Лыжеву (родом из д.Нечаевка) — «первому из антихристов», — вероятно за то, что тот методично отвращал сельских ребятишек от религии и церкви. Кто-то даже пальнул ему дробью в окно из ружья [248]. Виновника происшествия тогда, естественно, не нашли, но это явно были не «бабы». Хотя не исключено, учитывая последующие события, что «покушение на учителя» оказалось дешевой инсценировкой или провокацией кого-то из местных активистов, а целью было скомпрометировать хиринских кулаков, имевших в глазах многих селян весомый авторитет.

И вот в районный отдел ОГПУ поступил тревожный «сигнал». Вскоре за «слишком красноречивым» священником приехали и под конвоем препроводили «куда следует».

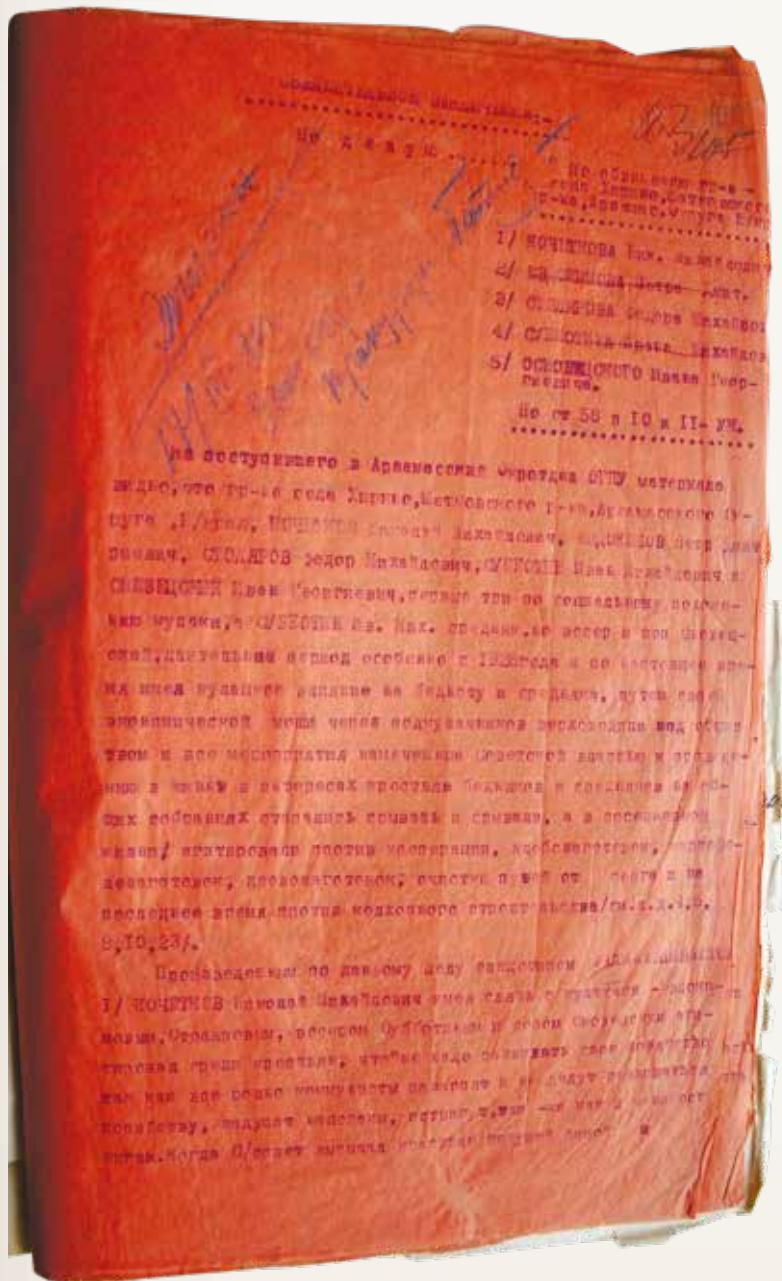
Бывший в то время церковным старостой Николай Михайлович Кочетков, человек в Хирине весьма влиятельный, жесткий и волевой, собрав верующих женщин в церковной сторожке (мужикам все было «недосуг»), не скупясь на крепкие выражения в адрес советской власти, призвал православных заступиться за своего пастыря и помочь ему уплатить непомерный налог — «быть может, тогда его отпустят».

После собрания возмущенные церковницы гурьбой вышли на улицу. Волею случая в это самое время мимо церковной ограды проходил тогдашний председатель Хиринского сельсовета 25-летний Михаил Степанович Ваняшев (1904–1942). Стремительным броском крестьянки окружили его и с криками негодования и угрозами начали хватать за одежду. Председатель, изловчившись, сумел как-то вырваться из отнюдь не ласковых женских объятий и попытался было бежать, но дорогу ему опять преградили церковницы, которые в этой схватке брали «не умением, но числом». Разгоряченная женская толпа снова оказалась в опасной близости...

Тут Ваняшеву ничего уже не оставалось делать, как только броситься с разбегу в хиринский пруд, куда бабы, явно не ожидавшие такого «маневра», лезть не осмелились. Однако, стоя на берегу, они продолжали усердно клеймить «безбожную советскую власть» и «потерявшее совесть» местное руководство. И звонкие речи их, отражаясь от водяной глади пруда, разносились по всему селу.

Между тем, загнанный в водоем и вымокший председатель, увязая ногами в иле, смог, наконец, почувствовать себя в относительной безопасности и перевести дух. Собравшись с мыслями и для большей убедительности достав из-за пояса полагававшийся ему по должности револьвер, Ваняшев прямо из пруда предложил женщинам разойтись по домам. Наконец, наступила разрядка: утешившись этой «малой победой» и продолжая ругать власть, бабы стали неохотно покидать место происшествия.

Все это драматическое действие происходило в самом центре Хирина, на церковном (северном) берегу пруда, на глазах у немалого числа сельских обывателей, а потом «перемывалось» почти в каждой крестьянской избе. Однако сам загнанный в пруд председатель, надо отдать ему должное, о совершенном на него «бабском покушении», заявление в милицию писать не стал. Поэтому об инциденте «вспомнили» лишь полгода спустя, когда план по коллективизации в Хирине с треском провалился, и районным руководителям

Обвинительное заключение

И. Г. Сноведский

П. Д. Евдокимов

М. Ф. Столяров

Н. М. Кочетков

нужно было списать свои неудачи на «подрывную работу кулацкого элемента». И вот в конце февраля 1930 года хиринским делом занялись, наконец, в Арзамасском окружном отделе ОГПУ.

Ранним воскресным утром 1 марта в село прибыла опергруппа из района. В сопровождении представителей местного актива оперативники пошли по адресам, где в присутствии понятых произвели аресты, обыски и описи имущества пяти наиболее активных противленцев колхозному строительству: Николая Михайловича Кочеткова, Федора Михайловича Столярова, Петра Дмитриевича Евдокимова, Ивана Михайловича Субботина и, наконец, хиринского священника Иоанна Георгиевича Сноведского, который после июльского ареста полугодовой давности каким-то образом сумел избежать заключения — возможно, уплатить налог селяне ему все-таки помогли, — и был «до поры» отпущен.

Все пятеро задержанных на время проведения следственных действий были препровождены в Лукояновский исправительно-трудовой дом.

Опрошенные в ходе следствия свидетели — местные коммунисты (на тот момент в Хирине их было всего двое), комсомольцы и крестьяне-бедняки — охотно рассказали следователям, как арестованные на протяжении нескольких месяцев вели в Хирине «подрывную работу»: срывали общие собрания, где решались вопросы о вступлении крестьян в колхоз, о контрактации и другие жизненно важные проблемы села; «идеологически обрабатывали» бедняцко-средняцкую массу, называя советский строй «возвращением крепостного права», колхозы — «новой барщиной», а коммунистическую партию — «аппаратом угнетения, насилия и эксплуатации трудового народа» и так далее и тому подобное.

По словам одного из опрошенных комсомольцев, эти «кулаки» так «начинили» бедняцко-средняцкую массу, что *«нет никакой возможности работать; из 300 дворов в колхоз вступило всего 25 хозяйств, [...] комсомольской ячейке приходится работать по коллективизации почти в подполье»*.

По признакам имевшей место антисоветской агитации, обвинение арестованным было предъявлено по ст. 58 УК РСФСР, п. 10.

Собранных следствием доказательств оказалось достаточно, чтобы постановлением особой тройки ПП ОГПУ Нижкрая от 21 апреля 1930 года трое из пяти подозреваемых — священник Сноведский, Кочетков и Столяров — были осуждены каждый на 3 года исправительно-трудовых лагерей.

Двое других — И. М. Субботин и П. Д. Евдокимов — из-под ареста были освобождены в связи с тем, что их вина оказалась недоказанной. Впрочем, у нас есть и своя версия объяснения произошедшего. Вполне вероятно, что основанием для такого «лояльного» отношения к ним следственных органов было не что иное, как личное заступничество А. И. Лобачева, человека в округе известного, обладавшего и связями в советских руководящих органах, и определенным административным ресурсом.

И. М. Субботин, как мы можем вспомнить, был когда-то соратником «предволисполкома» Лобачева. Поэтому Субботину, несмотря на его «эсерские взгляды», скорее всего, поставили в «зачет» заслуги перед советской властью в бытность его активным членом хиринского комбеда, что Лобачев, конечно же, мог подтвердить. А П. Д. Евдокимов, в свою очередь, приходился Лобачеву шурином, то есть родным братом его жене — Анне Дмитриевне, урожденной Евдокимовой. Причем на момент ареста и проведения следственных действий еще была жива их старушка-мать, Пелагея Яковлевна, которая находилась

Борис Иванович Сноведский

Николай Иванович Сноведский

как раз на иждивении сына. В уголовно-следственном деле об этом, конечно, ни слова, но, как говорится, «уж больно все сходится».

Что касается осужденных, то для отца Иоанна это решение «тройки» было равносильно смертному приговору: ему, страдавшему тяжелой формой порока сердца, были противопоказаны чрезмерные физические нагрузки, что подтвердило и непредвзятое заключение тюремных врачей, гласившее: «пешком следовать не может и к тяжелому труду не способен». Тем не менее, больного 50-летнего священника наравне с другими заключенными отправили на строительство Окского (Канавинского) моста в Нижний Новгород, где его несколько раз успели навестить родные. Там от переутомления и надрыва на летней жаре сердце его и остановилось 29 августа 1930 года [249].

Судьба двух других репрессированных сложилась более благополучно: «искупив вину» перед советской властью ударным трудом на «стройках коммунизма», и Кочетков, и Столяров вернулись по истечении положенного срока к своим семьям. Первый впоследствии перебрался на жительство в Среднюю Азию, к сыну в город Коканд, где работал на производстве. Второй несколько лет трудился каменщиком на стройках Арзамасского и Шатковского районов, многократно удостоивался благодарностей от начальства за перевыполнение трудовых норм, в 1936 году вступил, наконец, в колхоз и умер в 1947 году, пережив гибель четырех из восьми своих красавцев-сыновей, геройски сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны.

После вынесения обвинительного приговора, признавшего осужденных «врагами советской власти», стремительно набиравшая обороты репрессивная машина проехала и по их семьям. По решению местных органов власти, всех подвергли раскулачиванию:

и Сноведских, и Столяровых, и Кочетковых. В частности, у священника был конфискован дом со всеми службами и частью имущества. Его жена и его старший сын Геннадий со своей семьей, живший при отце, фактически оказались выброшенными на улицу — стоял холодный апрель, снег еще не успел сойти. В итоге Серафиме Алексеевне из Хирина пришлось перебраться к родственникам в Арзамас, где она и провела свой вдовый остаток жизни. Геннадий с семьей на первых порах обосновался в утепленном сарае, а к лету с помощью сочувствующих односельчан стал потихоньку строиться и обзавелся-таки скромным, но вполне пригодным для бытования жилищем (впоследствии его дом куплен Рыльциными). В годы Великой Отечественной войны он работал на железной дороге и погиб во время налета вражеской авиации.

Двое других сыновей отца Иоанна, Николай и Борис, с родителями давно не жили, стыдясь своего «поповского» происхождения. А Николай Иванович Сноведский, по злой иронии судьбы, вообще стоял у истоков создания местной комсомольской организации, которая внесла впоследствии решающий вклад в разгром хиринской церкви и борьбу с «религиозным дурманом». Поскольку он был грамотнее и образованнее своих крестьянских сверстников, то сделался среди них вожаком и увлек за собой на воплощение социалистических идеалов, в которые сам искренне поверил.

Но, несмотря на его комсомольские заслуги, избирательных прав Николая все равно лишили, и ему потом пришлось унижительно доказывать районным властям, что-де ничего общего с отцом он не имеет, из отцовского хозяйства, существующего на «нетрудовые доходы», он давно выделился, живет своим трудом и вообще является убежденным сторонником советской власти.

Увы, через подобное унижение пришлось, к сожалению, пройти очень многим молодым людям из «духовного звания», перед которыми из-за их «поповского происхождения» советская власть последовательно закрывала любые социальные лифты, начиная с доступа к высшему и профессиональному образованию. Это величайшая духовно-нравственная трагедия всего нашего народа, последствия которой до сих пор ощущаются во многих российских семьях, где стыдно или страшно было говорить детям о том, кем были их дедушки и бабушки до революции, и куда многие из них «пропали» в эти злополучные 1930-е годы.

Н. И. Сноведскому открыто и публично отречься от отца не пришлось, вероятно, только потому, что у батюшки оказалось слабое сердце и в заключении он практически сразу умер, о чем Николай немедленно предоставил справку в райисполком и вскоре, по решению соответствующей комиссии, был исключен из списка «лишенцев». Однако и его, и Бориса, и их сестру Любовь, тоже затравленную в 1920-е годы, когда она работала заведующей хиринской библиотекой, борьба за выживание в советском обществе вынуждала скитаться по стране, находя себе место там, где никто не знал об их «классово-чуждом происхождении». И Николай, и Борис впоследствии героически воевали на фронтах Великой Отечественной войны, были награждены многими орденами и медалями.

А в конфискованном священническом доме с начала 1930-х годов разместился Хиринский сельсовет.

Зачистка хиринской «колхозной поляны»

После нанесенного властями весной 1930 года «решительного удара по кулаку» колхозное строительство в Хирине, казалось бы, должно было пойти в гору. Однако читая хроники в шатковской районной газете «Новый путь» за 1930-е годы, мы видим, что Хиринский сельсовет, а вместе с ним и колхоз «Искра Ленина», официально зарегистрированный, как ранее писалось, 25 марта 1931 года, в 1932–1933 годах пребывали в рядах отстающих почти по всем показателям.

Весной 1932 года партийно-хозяйственные функционеры вдруг осознали, что в ряде сельсоветов Шатковского района «совершенно упустили из виду кулака», поэтому «твердые задания по этим сельсоветам отсутствуют». В Хиринском — в том числе. [250].

Размещение государственных займов среди населения (выполнение финплана) — в Хирине стабильно ниже среднего по району. В июле 1932 года Хиринский сельсовет за срыв плана по реализации очередного государственного займа — на «черной доске»; в августе от председателей ряда сельсоветов, включая Хиринский, через газету потребовали дать ответ, «долго ли они намерены ехать в обозе займовой кампании».

По скотозаготовкам во втором квартале 1932 года Хиринский сельсовет не дал «ни одного килограмма». 31 августа газета «Новый путь» призвала «сломить самотек в осеннем севе», пройдясь по Хиринскому совету тяжелым катком критики: *«Не менее “показательным” в вопросах организации осеннего сева является Хиринский сельсовет. Если уж там и выехали сеять, то темпы сева проходят совершенно неудовлетворительно. Вопросы агротехники, сортирования и т. д. сознательно не выполняются...»*. 16 сентября — снова: *«К виновникам, срывающим план [хлебозаготовок] надо причислить Хиринский ... (и другие, по списку — Л. М.) сельсоветы, которые не сумели еще поставить массовую работу, не сумели расставить силы и работу по хлебозаготовкам предоставили самой себе». Отреагировав, наконец, на испепеляющую критику, в сентябре 1932 года в Хиринском сельсовете вроде бы «дали значительный прирост в хлебозаготовках за пятидневку», но «боевых темпов все еще не взято».*

Похожая ситуация по всем ключевым направлениям сохранилась и в течение 1933 года, поскольку подводя годовые итоги по району, газетчики назвали Хиринский в списке тех сельсоветов, которые «не только не помогали району добиться передовых рядов в крае (на финансовом фронте), а наоборот, тащили наш район на последнее место в крае». Смотрим начало 1934 года — и снова здесь «безобразно работают по хлебозакупкам», снова «черная доска» за «позорный провал выполнения финплана первого квартала» и тому подобное.

Причину таких провалов удалось определить довольно быстро. Оказалось, что в Хирине орудует «антисоветский прокурор», «спекулянтка-кликуша» Кислякова Пелагея Петровна, сноха умершего «кулака» Кислякова и близкая родственница осужденного «кулака» Кочеткова. Ее агитацию против засыпки семенного фонда активно поддерживали «кулаки», обложенные «твердым заданием», Сазанов Степан Егорович и Рожков Александр Гордеевич. Согласно газетной публикации, эти трое «заморочили головы» не только многим единоличникам, но даже хиринским агроуполномоченным, которые тоже «пошли на их удочку», отказавшись от засыпки семян.

А между тем об «опасности», которую представляет собой Кислякова, хиринские коммунисты и комсомольцы «предупреждали» соответствующие органы еще в 1930 году, когда

их опрашивали в рамках уголовного дела Сноведского-Кочеткова-Столярова. Но власти не прореагировали тогда должным образом — так вот, получите и распишитесь: «кулацкий саботаж!».

Но вот газетчики уже торжествуют: *«выехал в с. Хирино народный следователь Носков [и] нащупал кулацкие корни саботажа, на что был составлен материал. Народный суд Шатковского района 27/1–34 г. выехал в с. Хирино и вынес этим кулакам-саботажникам и антисоветскому прокурору приговор»: Кисляковой — пять лет лишения свободы, «твердозаданцам» Рожкову и Сазанову — по пять лет каждому, а агроуполномоченному Пивоварову П. И. — 6 месяцев принудительных работ.*

И буквально сразу — прорыв в колхозном строительстве: *«после разбития этого кулацкого саботажа с 28/1–34 г. по сегодняшний день (номер цитируемой газеты вышел 21 февраля — Л. М.) вступило в колхоз «Искра Ленина» 45 хозяйств единоличников» [251].*

Однако и эта победа в корне не переломила ситуацию.

Снова, в который раз, открываем районную газету и видим примерно ту же картину. На протяжении второго квартала Хиринский сельсовет в числе прочих таких же «неудачников» по финплану работает «преступно слабо»: «руководители указанных сельсоветов способны только заверять, брать обязательства, но их не выполнять практически» [252]. В августе 1934 году Хиринский — в списке колхозов и сельсоветов, не заложивших ни одной тонны силоса, «руководители которых занимались одной болтовней». Кроме того, хиринцы «плетутся в хвосте по хлебодаче».

Вскоре, впрочем, был выявлен еще один виновник всех этих хозяйственных неудач — тогдашний председатель Хиринского сельского совета Д. Д. Бугров (не местный), которого 2 июля 1934 года с выговором сняли с должности, исключили из партии и впоследствии предали уголовному суду за какое-то хозяйственное преступление. А руководить сельсоветом, пока временно, было решено поставить действующего председателя колхоза «Искра Ленина» Ивана Александровича Курмышева (1904–1941), в последнее время неплохо показавшего себя в работе.

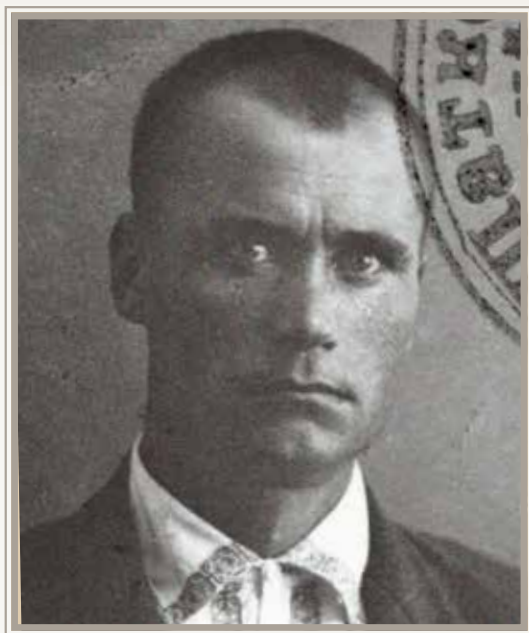
«Курмышовский прорыв»

Что правда — то правда: Иван Александрович действительно очень старался.

Он искренне верил в колхозное будущее Хирина и страны в целом, поэтому, не сомневаясь, сразу написал заявление о вступлении в сельхозартель «Искра Ленина» и заслуженно стал ее первым председателем.

Любопытно, кстати, его происхождение. Метрической записи о рождении обнаружить пока не удалось, однако в одном из так называемых конфликтных дел хиринский комсорг А. М. Пивоваров дает райкому разъяснения касательно некоторых своих земляков. И. А. Курмышев оказался в их числе. И Пивоваров утверждает, что Иван Александрович — сын «старого коммуниста».

«Старым коммунистом» в Хирине в 1930-е годы могли называть, вероятнее всего, только одного Курмышева — Александра Ивановича, здешнего уроженца и революционера-подпольщика, арестованного в Астрахани в 1906 году за хранение и распространение нелегальной литературы. Пойманный во время очередной жандармской облавы с поличным,

Председатель
Иван Александрович Курмышев.
1938 год

он был осужден и потом отправился отбывать ссылку где-то в Восточной Сибири. Там он и встретил революцию. После установления советской власти А. И. Курмышев работал в советских и партийных органах в Красноярском и Хабаровском крае. Кроме того, у Курмышева был младший брат Иван, тоже революционер и тоже сосланный в Сибирь, который в этой ссылке и умер в 1914 году. В советские времена братьев Курмышевых в Хирине помнили как «героев» и ими гордились. Это все к тому, что если родство первого председателя колхоза «Искра Ленина» с ссыльнокаторжным хиринским революционером и «старым коммунистом» А. И. Курмышевым подтвердится, то этим объяснится сам собой и выбор названия для хиринского колхоза. Впрочем, оставим это пока на уровне версии, до получения подтверждающих или опровергающих ее документов, и вернемся к личности первого колхозного председателя.

До прихода большевиков Иван Александрович батрачил на состоятельных односельчан. Во второй половине 1920-х годов, как и многие хиринские мужики, он прошел непростую, но богатую опытом школу отходничества, став высококлассным штукатуром на стройках Средней Азии (Ташкент, Чарджоу, Байрам-Али). А между двумя этими этапами в его послужном списке образовалось «темное пятно»: во время непродолжительной работы продавцом в Хиринском сельпо у него случилась в 1924 году растрата, за что он по решению суда получил год тюремного заключения, который полностью отбыл в Нижегородском исправительно-трудовом доме № 2.

Многие земляки про уголовное дело знали, да он никогда и не скрывал. Но очень хотелось Ивану Александровичу вытереть то «позорное пятно» из своей трудовой биографии.

Время от времени хиринский колхоз под его руководством по-настоящему удивлял: вот колхозники «Искры Ленина» неожиданно попали на доску почета за «лучшие показатели в выполнении денежных платежей» (июль 1934 г.), за что поставлены в пример другим.

«Искровцы» одними из первых в районе откликнулись в 1934 году на призыв крайкома партии и краевого руководства прислать дополнительных рабочих-строителей на главную региональную социалистическую стройку эпохи — строительство автомобильного завода. И в то время, пока Хиринский сельсовет отставал по выполнению спущенной сверху разнорядки, очередная бригада колхозных штукатуров уже умчалась в Горький. А «очередная» — потому что первые хиринские каменщики, как свидетельствуют документы, появились на стройке нижегородского автогиганта еще в 1930 году. В их числе, кстати, был неоднократно упоминавшийся С. М. Лазарев, работавший там бригадиром каменщиков.

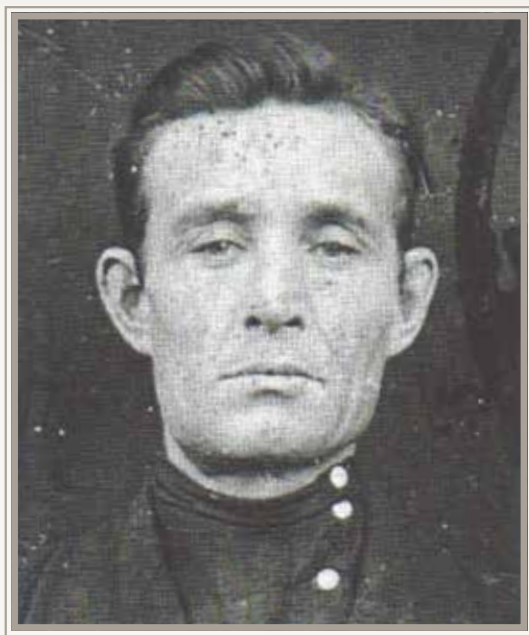
Вторую уехавшую бригаду возглавил тоже Курмышев, но Степан Васильевич. И уже очень скоро о хиринских штукатурках начали писать в газете. Вот, например, 13 сентября 1935 года «Новый путь» сообщает радостное известие о том, что колхозниками «Искры Ленина» получен трактор (!), которым премирована бригада хиринских колхозников-штукатуров в количестве 60 человек под руководством тов. Курмышева, удостоенная за отличную работу переходящего Красного знамени. А спустя два месяца, в ноябре того же года, хиринские «автозаводстроевцы» отправлены администрацией завода в отпуск в родной колхоз на автомобиле — в качестве поощрения за ударный труд. Поэтому *«бригада подала коллективное заявление в правление колхоза с просьбой продлить срок работы на Автозаводе на тех же условиях до 1 года. Правление разрешило»* [253].

В тот же период газета сообщала, что «искровцы», ранее отстававшие и сами нуждавшиеся в регулярной поддержке и «подпинке», уже сами оказывают помощь колхозу «17-й год Октября» (д. Федоровка), правда, в чем заключалась помощь — не уточнялось. А еще через месяц колхозники «Искры Ленина» отчитались, что полностью и раньше срока выполнили план картофелепоставок.

Одним словом, в 1935 году в колхозной жизни и работе появились всем заметные улучшения. Начиная со второго полугодия 1934 года, ощутимо возрос приток новых членов, присоединившихся из единоличного сектора. Наметились успехи в сельхозпроизводстве, крепла финансовая дисциплина в части выполнения финплана (размещения облигаций государственных займов), наконец, сезонники своим ударным трудом на Автозаводстрое помогли колхозу обзавестись первым трактором.

Была немалая в том заслуга лично И. А. Курмышева, который некоторое время совмещал две ответственные должности, став в буквальном смысле первым человеком на селе. Однако в июле 1935 году районные власти официально утвердили его в должности председателя Хиринского сельсовета, поэтому руководство в колхозе он передал своему преемнику.

Председатель в то время, когда у него и его товарищей многое стало получаться, когда появились первые победы и достижения, явно переживал морально-психологический и эмоциональный подъем. Новое ощущение жизни шло параллельно с обновлением быта. Буквально за неделю до официального утверждения Курмышева в должности председателя сельсовета шатковская районная газета сообщила, что «Коммунист Курмышов привел квартиру в культурный вид». Из заметки выяснилось, что на последнем пленуме райкома ВКП (б) он стал предметом «проработки» за то, что «мало проводил коммунистическое и антирелигиозное воспитание своей семьи». Партийная проработка не прошла для него даром: *«тов. Курмышов осознал и политически правильно расценил решения пленума, приступил к их выполнению. Всех “святых” из дома вынес, очистил угол своей квартиры от прочего хлама. Произвел внутренний ремонт, побелил стены и потолок. Вид комнаты стал более культурным, на стенах картины и портреты вождей, семья довольна»* [254].

Сергей Михайлович Лазарев. 1938 год

А спустя полгода, в январе 1936-го, товарища Курмышева как перспективного сельхозуправленца районные власти командировали на учебу в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. Приехав оттуда после 9 месяцев учебы, Иван Александрович получил новое назначение на должность замдиректора по расчетам Смирновской моторно-тракторной станции (МТС). Затем, так случилось, он уехал на руководящую работу куда-то в Сибирь (уж не по стопам ли отца?), где его в 1941 году и застала война. В родное село ему уже не суждено было вернуться: мобилизованный в действующую армию, он пропал без вести в декабре 1941 года, и судьба его не установлена до сих пор.

Между тем оставленное Курмышевым в январе 1936 года место председателя Хиринского сельсовета занял новый выдвиженец Шатковского райкома ВКП (б) — хиринский парторг Сергей Михайлович Лазарев, который в 1934–35 годах уже пробовал себя в этой должности.

Хирино в годы Большого террора: судьба последнего священника и плач разгромленной церкви

В председательство С. М. Лазарева, руководителя жесткого и волевого, Хиринский сельсовет и колхоз «Искра Ленина» набрали уже серьезные темпы развития. Несмотря на продолжавшуюся критику в районной газете, регулярно пестревшую колкими замечками, в целом становилось уже понятно, что план партии и правительства по преобразованию села на колхозных началах приносит и на хиринской земле желаемые для властей результаты.

Между тем именно этот период оказался полон событиями, которые привели в конечном итоге к прекращению в Хирине всякой церковной молитвы и разрушению Предтеченского храма.

В 1933 году хиринская религиозная община пригласила на вакантное священническое место Михаила Михайловича Знаменского — священника весьма образованного, усердного, но при этом известного в округе как «ярого контрреволюционера», неоднократно бывавшего под арестом за антисоветскую агитацию и изгнанного из села Постниково, где тот прослужил при церкви долгих 24 года.

Поскольку его дом и все имущество в Постникове были отобраны при раскулачивании, то в Хирино он прибыл совсем «налегке», привезя с собою лишь треснутый чемоданчик, ветхое облачение да преданную супругу свою Ольгу Ивановну, разделившую с ним все тяготы и лишения его крестного пути вплоть до рокового октября 1937 года.

Жили Знаменские сначала в келье, отведенной им в церковной сторожке, где о. Михаил часто привлекал разных бродячий богомольный люд. Когда же в 1935 году местные власти добились изъятия сторожки под размещение школы, Знаменские стали ютиться по квартирам прихожан.

Последнюю свою Божественную литургию отец Михаил совершил в Предтеченской церкви 24 октября 1937 года. А в среду 27-го за ним приехали. На квартире его не застали: по просьбе одной из прихожанок он отправился к ней на дом отслужить панихиду по ее покойному отцу. Завершив поминальную службу традиционным запевом: «Душа его во благих водворится, и память его в род и род», отец Михаил, не успев испить предложенного чая, был там же и арестован сотрудниками НКВД.

По пути снова заехали к нему на квартиру для обыска, изъяли наперсный крест, дарохранительницу и треснутое облачение — других «вещественных доказательств» контрреволюционной деятельности Знаменского оперативникам обнаружить не удалось.

Единственный формальный допрос состоялся 28 октября. Никакого обвинения ему предъявлено не было. В разговоре, правда, отец Михаил признался следователю, что, по его мнению, налоговая политика советской власти «направлена не к улучшению, а к ухудшению народного благосостояния».

Уже 1 декабря 1937 года «тройка» вынесла ему смертный приговор, а 14 декабря отец Михаил Знаменский и еще несколько священников из разных сел Шатковского района были расстреляны в застенках Горьковского УНКВД... [255].

С той поры богослужения в хиринском храме больше не совершались вплоть до нашего времени. Лишь иногда верующие собирались в церкви для пения молебнов и чтения Псалтири, что служило для них великим утешением.

В апреле 1938 года в сельсовете прошло закрытое собрание партийно-комсомольского и колхозного актива, на котором был поставлен вопрос о передаче здания церкви под клуб. Большинством голосов вопрос был решен положительно, а для соблюдения формальностей в протоколе было записано: «общим собранием граждан села Хирино ...» и так далее. Райисполком, разумеется, пошел навстречу «пожеланиям трудящихся» и решение утвердил.

Община верующих, в списках которой, по данным на 1935 год, значилось 629 человек в возрасте от 18 лет, узнав страшную для них новость, пыталась, было, оспорить законность этих действий — мол, собрание не было «общим», и его решение никак не отража-

13 Гороховский Обесполкам

села Хурина, Шатковского р-на,
Сорь-Края гр-на Знаменского
Михаила Михайлова

зоявление.

13 31-году у меня в селе Постыкиове того же
р-на изъято все имущество - дом со двором и до-
машний инвентарь совершенно безрешительно.

13 32-году Президиумом Шатковского Райиспол-
кома от 14-Всечета №44 постановлено возвра-
тить дом со двором, а постановлением от
3-Ноября №53 - и изъятые вещи, а при невозмож-
ности - оплатить за них деньгами по рыночной
стоимости.

Много и других постановлений Лукановский
сельсовет, в ведении которого находится село
Постыкиово, в течение 2 1/2 годов не желает
привести во исполнение, не смотря на
неоднократные предписания Районной и Кра-
евой прокуратур.

Используя все способы к возвращению имуще-
ства безрезультатно, я наконец в 34-году

**Жалоба священника Знаменского о возвращении незаконно
изъятого дома или выдаче компенсации.**

Из фондов ГКУ ГАНО, г. Арзамас

ет мнения большинства. Стали писать жалобы в Шатковский РИК, затем в Горьковский облисполком, причем все письма, не доверяя советской почте, церковницы развозили по инстанциям лично и сами же возвращались за ответом на них.

...И вот наступил новый 1939 год, шла последняя неделя Рождественского поста.

Делегированные от хиринской церковной общины «белые платочки» отправились в областной центр за ответом на очередную жалобу, надеясь, что справедливость восторжествует, незаконное решение РИКа в Горьком отменят и церковь верующим все-таки оставят, ведь как-никак канун Рождества Христова, праздника надежды и чудес.

Тем временем двух женщин из числа приходской «двадцатки» (имена их история не сохранила) «срочно» вызвали в Хиринский сельсовет, где тогдашний председатель Сергей Михайлович Лазарев и еще один «товарищ из района» в категорической форме потребовали от них немедленно сдать ключи от храма. Женщины отказались, ссылаясь на то, что без решения общины они не вправе этого делать и должны получить разрешение общего собрания.

Тогда после безуспешных уговоров в ход пошли прямые угрозы: мол, «мы вас отправим, куда следует», и, чтобы не казаться голословным, «товарищ из района» тут же взялся за телефонную трубку и стал звонить в Шатковский райисполком, «чтобы немедленно выслали машину». Последний «железный аргумент» подействовал — церковницы «сломались»...

Получив ключи, Лазарев вместе с «товарищем из района» и появившимися откуда ни возьмись комсомольцами, ожидавшими развязки «переговоров» где-то в условленном месте, решительно направились к церкви, около которой уже собирался народ, — люди, почувствовав недоброе, потянулись к храму.

Дальнейший ход событий подробно описан в жалобе общины верующих села Хирино, поданной в начале марта 1939 года в Горьковский облисполком: «... *председатель Лазарев и представитель РИКа и комсомольцы вошли в церковь, верующих сошлось очень много, и на глазах верующих начали надругаться над святыней и безобразничать, все ломали, мяли, топтали ногами, сопровождали все скверными словами. Верующие плакали и просили отдать хотя [б] иконы верующим. На них снова стали кричать и громить. Потом все металлические вещи в безобразном виде отправили в Шатки, а иконы перекололи на дрова. Мы все, верующие, до глубины души возмущены таким хулиганством и надругательством над тем, что нам крайне дорого, и глубоко скорбим о гибели нашего драгоценного храма и просим Облисполком вернуть и оставить наше церковное здание опять в распоряжение верующих» [256].*

Но поруганный храм в центре Хирина так и остался стоять заколоченным. Однако и с организацией клуба дело как-то не заладилось. Господь не допустил.

А к началу лета 1940 года (конец мая или начало июня — точнее никто из старожилов не помнит) стало происходить нечто особенное: хиринские ребяташки начали бегать к храму и, прикладывая ухо к церковной стене, слушать какое-то необычное пение, доносившееся изнутри запертой и опечатанной церкви. За ними потянулись и взрослые. Народная молва заговорила о «чуде». Местные власти встревожились, посылали дежурить у церкви комсомольцев, чтобы те отгоняли «неразумный народ»; приезжал даже милиционер из района — тоже пытался слушать, но, говорят, ничего не услышал и уехал. Затем кто-то «шибко догадливый» из сельских активистов — то ли директор школы Кабанов,

то ли «учитель безбожия» Лыжев — приходил к церкви с ружьем «разогнать голубей», которые своим воркованием вводят в соблазн «темные крестьянские массы».

Были голуби или нет — история о том умалчивает, но люди в селе тогда заключили, что «это церковь плачет» — видимо, было о чем. Затем явление прекратилось так же неожиданно, как и началось. А ровно через год грянула Великая Отечественная война, и черными воронами полетели в Хирино похоронки...

В том же 41-м председателя Лазарева уличили в растрате, исключили из ВКП (б) и отдали под суд. Чем закончилось дело, в протоколах Хиринской партиячейки не говорится, но, судя по тогдашней практике, скорее всего, он «получил свой срок». А вчерашние комсомольцы, громившие церковь, как и большинство их сверстников-односельчан, отправились на фронт. Домой вернулись не все...

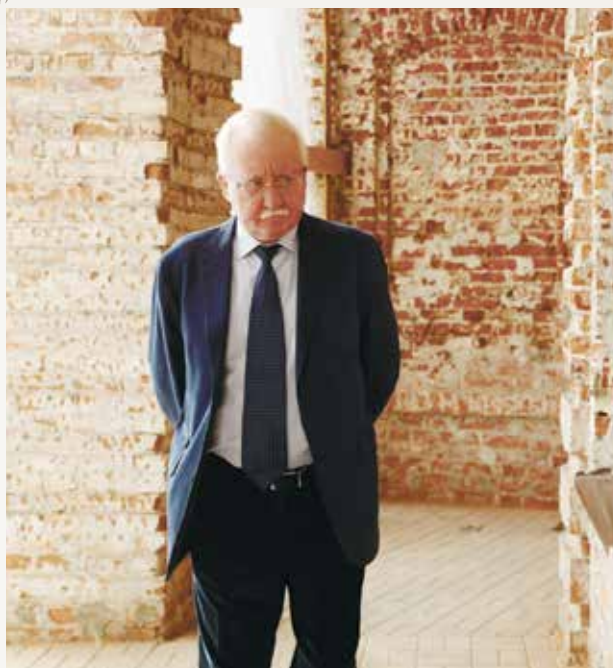
О Великой Отечественной войне и людях, сделавших все для нашей Победы

Бесконечная река «Бессмертного полка», которая 9 мая выплескивается на улицы наших городов, наполняет нас чувством гордости за наших отцов, дедов и прадедов и напоминает о том, какой неизмеримо дорогой ценой досталась победа над фашизмом. «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой». Нет такой семьи и в Хирине. Поэтому его бессмертная колонна полноводным ручьем вливается в эту общую реку памяти. И в Хирине тоже есть свой «Бессмертный полк». С 2019 года при Общественном центре, построенном в селе Игорем Рауфовичем Ашурбейли, эта общероссийская акция проводится ежегодно.

У мемориала, посвященного хиринцам – участникам Великой Отечественной войны.

9 мая 2023 года

**Игорь Ашурбейли,
ктитор Храма в честь Усекновения
Честной главы Иоанна Предтечи,
бенефициар Холдинга «Социум»:**

«Совершенно особенные чувства к этому месту у меня возникли, когда я впервые побывал здесь на сельском кладбище и увидел памятник погибшим в Великой Отечественной войне со множеством фамилий Резанов. Это девичья фамилия моей матери. Мои предки по материнской линии родом из села Хирино. Многие из них погибли во время Великой Отечественной войны, защищая Родину».

Конечно, нам очень хотелось бы назвать всех героев поименно, по возможности заглянув каждому в глаза, если окажется, что сохранилась его фотография.

На мемориале в центре села выбито 160 имен и фамилий участников Великой Отечественной войны — уроженцев села Хирино. У автора этой книги на сегодняшний день в рабочем списке чуть менее 500 имен. Не все эти люди призывались из родного села, не обо всех здесь помнят, поскольку их родители покинули Хирино задолго до или после революции, перебравшись на жительство в отдаленные города и поселки Российской империи и бывшего СССР. Но все они наши, потому что в них текла хиринская кровь, их предки жили и трудились на этой земле.

Судьба многих участников войны, в том числе значившихся долгое время пропавшими без вести, уже установлена, о ком-то главное было известно и опубликовано в «Книгах памяти», кто-то до сих пор в розыске, потому что в списке есть люди, след которых потерялся даже по документам.

Обращаемся ко всем хиринцам, настоящим и бывшим, кто бы где сейчас ни находился, с просьбой помочь в завершении работы над этим важным списком. Нам очень нужна информация о фронтовиках, биографические сведения о них и, конечно, фотографии.

Свои истории, документы и материалы, фотографии и сохранившиеся фронтовые письма автор просит присылать на ящик электронной почты hronograph@inbox.ru, либо передавать в музей при Общественном центре села Хирино. Все будет сохранено, учтено и систематизировано.

Объединив наши усилия, мы сможем скорее завершить эту необходимую и важную работу, по итогам которой весь Хиринский мемориал Великой Отечественной войны будет опубликован отдельно в рамках проекта «Хиринский хронограф».

О «Знамении» и знаменях.

От прошлого к современности: послесловие автора к исторической части книги

Сначала — еще раз о «Знамении». Икона Божией Матери «Знамение» Серафимо-Понетаевская, прославленная в 1885 году, после закрытия монастыря в середине 1920-х годов пропала и считается утраченной. Судьба чудотворного образа до сих пор неизвестна.

Многие годы она служила своего рода путеводной звездой, на яркий свет которой шли (и чаще всего именно хиринской дорогой) в Серафимо-Понетаевскую обитель, а оттуда — на Дивеево и Саров десятки, сотни тысяч людей, получая духовную помощь, исцеления и утешения в скорбях, укрепляясь в вере и надежде или обретая их заново. Люди преодолевали огромные трудности и расстояния, чтобы припасть к этому живоносному источнику, поклониться святыне и в очередной раз, благоговейно перекрестившись, сказать с благодарностью: *«Дивна дела Твоя, Господи!»*.

С этой иконой связана одна особенность, вызывающая вопросы. Дело в том, что днем ее общецерковного почитания Священный Синод установил не 14 мая (по старому стилю), то есть не дату ее прославления — в память о том, как в 1885 году было явлено чудо преображения лика Богоматери, а 27 ноября, что в ныне принятом у нас календаре (Григорианском) соответствует 10 декабря. В этот день Церковью, как известно, отмечается общий праздник икон Божией Матери «Знамение» разных почитаемых списков: «Новгородской», «Курской-Коренной», «Царскосельской» и других, включая «Серафимо-Понетаевскую». Почти все эти иконы, помимо общего праздника, имеют собственные дни почитания, и только для «Серафимо-Понетаевской» иконы такой день почему-то оказался не установлен официально. В самом монастыре в этот день праздник наверняка отмечался, но это было событие местного масштаба, не более. Листая разные издания церковного календаря, убеждаемся, что 14 мая в святцах об этой иконе упоминается крайне редко.

А теперь — о нашем любимом селе, его храме и о... знаменях.

Когда в 2014 году готовилось к выходу первое издание «Хиринского хронографа», о Серафимо-Понетаевской обители там речи вообще не шло. Было лишь одно-единственное упоминание в связи с тем, что монастырь в конечном итоге стал собственником бывших балашевских земель, которые когда-то являлись частью хиринского имения князей Путятиных. Сейчас автор сам себе удивляется, но даже в обзоре «Хиринской смысловой географии» про Серафимо-Понетаевскую обитель он тогда не обмолвился ни словом.

Во время работы над вторым изданием тема Серафимо-Понетаевского монастыря и всего того, что с ним связано в отечественной истории, как-то сама «заявилась» в эту книгу.

Теперь, вспоминая события 27 мая 2012 года в селе Хирино, мы вновь получаем подтверждение тому, что случайностей не бывает.

Внимательный читатель наверняка запомнил яркий эмоциональный эпизод, описанный в параграфе «Неисповедимы пути Господни, ведущие в Хирино». Все его непосредственные участники в какой-то момент осознали, что случайным образом определившаяся дата 27 мая, согласованная для совершения молебна на начало доброго дела — работ

по восстановлению хиринского храма — оказалась отнюдь не случайной. Памятна звенящая тишина, воцарившаяся в армейской палатке на несколько мгновений, когда Вера Александровна Ваняшева рассказала всем, что глава поруганной и брошенной Предтеченской церкви обрушилась несколько лет назад именно в этот самый день, 27 мая.

Присутствовавшие тогда за трапезой поняли, чему стали свидетелями. Господь помимо нас, но с нашим непосредственным участием, совершал очередное чудо воскресения, возрождения, возвращения к жизни того, что еще вчера было мертво и лишено всякой надежды на будущее.

А сейчас к тем впечатлениям добавилось еще одно неожиданное открытие: 27 мая (14 мая по старому стилю) — это еще и день преображения иконы Божией Матери «Знамение» Серафимо-Понетаевской, свершившегося в 1885 году.

В тонком духовном мире действуют свои законы. 27 мая 2004 года во время грозы обрушился восьмерик хиринского храма со сводом, барабаном и главой. Поруганная, забытая и брошенная всеми святыня засвидетельствовала свое превращение в «мерзость запустения». 27 мая 2012 года под проливным дождем равнодушные люди собрались в Хирине, чтобы испросить у Бога благословение на восстановление храма, в которое тогда, глядя на эти удручающие развалины, верилось, мягко говоря, с трудом. Тогда мы еще не знали, что у совершившегося чуда возрождения хиринского храма, а с ним и всего села, а может быть, — кто знает, — в перспективе, и всей Шатковской земли, есть небесная Покровительница. Теперь Она обнаруживает себя.

Итак, 14/27 мая — забытый во многих изданиях церковного календаря день иконы Божией Матери «Знамение», Серафимо-Понетаевской, той самой, которую когда-то избрали своей Хранительницей и Заступницей святые Царственные мученики. Венчаясь на царство в Ее день в 1896 году, ища в Ней при восшествии на престол поддержку и опору, они еще не знали тогда, что в конце этого пути им уготованы мученические венцы. Но, видимо, уже не было другого пути у России, потерявшей истинные духовные ориентиры и сбившейся с маршрута.

Суть Знамения — заставить людей задуматься, указать на переходный этап, оно может сулить как крах, так и надежду. Если в конце XIX века оно стало предзнаменованием гибели империи, самодержавия и Царствующей династии («обрушения главы», или «усекновения», если хотите), то в начале XXI века от Нее же, от «Знаменской» Серафимо-Понетаевского извода, в небольшом селе Хирино в российской глубинке мы получили знак грядущего возрождения и обновления. Куда нас приведет эта «хиринская дорога» — покажет время.

«Хиринский хронограф» — это книга не об истории села, его церкви и его людях. Вернее, не только и не столько об этом. «Хиринский хронограф» — это книга о судьбах России, благословенной и хранимой Богом и Его Пречистой Матерью великой страны.

А Хирино, где переплелось столько людских судеб и столько «неслучайных случайностей», оказалось в этой истории той самой «каплей, в которой отразилось море», бесконечно глубокое.

Знамением 27 мая 2012 года начиналось то, что называют сегодня хиринским чудом, с которого ведет отчет новейшая история села Хирино.

Глава VIII

Новейшая история села Хирино.

*Хроника хиринского
возрождения
(2010–2023)*

Храм как Живоносный источник

Развалины Предтеченской церкви я увидел в 2010 году, сначала на фотографиях, а потом и собственными глазами, когда в 2011 году впервые посетил Хирино — родину своих предков по материнской линии. Мой прадед Григорий Степанович Резанов покинул эти места в начале XX века и перебрался в Баку, где родились моя бабушка, потом мама и, наконец, я. Застать в живых своего прадеда мне не довелось, но в нашей семье никогда не терялась эта ниточка памяти, связывавшая нас с далекой и незнакомой мне малой родиной. Поэтому я с детства знал, что где-то недалеко от Арзамаса есть русское село под названием Хирино, откуда идут наши корни, — написал Игорь Ашурбейли в предисловии к первому изданию «Хиринаского хронографа. — Состоявшаяся, наконец, долгожданная встреча оставила в моей душе противоречивые чувства. Вместе с радостью от возвращения к истокам, от прикосновения к земле предков, помню, я был потрясен тем, что хиринаская святыня — вернее, то, что от нее осталось, — стоит посреди села в столь плачевном виде. Решение о необходимости восстановить храм родилось мгновенно, без всякого обдумывания, хотя мои личные обстоятельства никак не благоприятствовали тогда реализации столь масштабного проекта».

27 мая 2012 года в тех самых развалинах Предтеченской церкви состоялась первая служба на начало доброго дела — восстановление храма. А уже в сентябре 2013 года храм был освящен, и в нем возобновились регулярные богослужения.

Игорь Ашурбейли у стен восстановленной им Предтеческой церкви в Хирине в 2017 году

Игорь Ашурбейли, ктитор Храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи, бенефициар Холдинга «Социум»:

«Быть причастным к восстановлению любого Божьего храма, тем более – того самого, где несколько поколений твоих предков крестились, молились, в таинстве венчания получали благословение на создание семьи, и откуда по кончине отправлялись в последний путь, – это великая честь и непередаваемая духовная радость, поэтому я безмерно благодарен Богу за то, что он даровал мне такую возможность».

Вера Ваняшева (1940-2018), заведующая сельским клубом, хранительница хиринской истории, устных летописей и преданий:

«С большим воодушевлением и радостью и большой благодарностью Игорю Рауфовичу Ашурбейли мы трудились, готовясь к освящению нашего храма. До этого в храм ходили в Архангельское — центральную усадьбу совхоза. В 7 утра выходили, а то и раньше. Целый час тратили на дорогу: доедешь до Шатков, а оттуда другим автобусом в Архангельское. Но как храм восстановили, теперь к нам приезжают — и из Архангельского, из Шатков, из городов — из Иваново, из Муром, из Москвы, отовсюду к нам приезжают и посещают храм.

Многие годы молилась я Господу, просила: ниспошли Ты Божью благодать на село Хирино и хиринскую церковь, и вразуми ты нужных людей, чтобы возглавили восстановление этого храма. Видимо, услышал Господь молитвы...»

Алтарь нижней церкви Храма с престолом, освященным в честь Иоанна Предтечи

Прихожане хиринского храма за пасхальной трапезой в 2018 году

«Каждый человек находит свою дорогу к Богу в своем сердце. И от того, где он рос, какие его корни, кто его отец и мать, кто его дедушка и бабушка, очень много зависит. Я вижу в красоте этого храма красоту души наших предков... Вместе с ним восстановлена и связь времен. Так будем и мы преображать нашу душу так же, как преобразился этот храм», — уповал митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, совершивший чин освящения Предтеченской церкви.

Каждый из свидетелей этого события верил: возрожден храм — возродится и село. Ведь так уж повелось, что жизнь на Руси, особенно вдалеке от столиц, в глубинке, истари строилась вокруг храмов. Если есть храм, то есть неравнодушные люди, есть события, общественное, культурное, экономическое развитие — все здесь взаимосвязано.

Быть может, причина в уникальной форме Предтеченской церкви, о которой мы говорили в предыдущих главах, и в одном из ее престолов, посвященном Живоносному источнику Пресвятой Богородицы. Те, кто привык находить скрытые от нас причинно-следственные связи и связывать все происходящее с сакральным смыслом, непременно укажут на это. Но и правда, восстановлением святыни преобразования в Хирине не ограничились. История получила продолжение и пишется здесь и сейчас.

Игорь Ашурбейли взял на себя ктиторское служение. Ктиторство — полузабытая традиция, зародившаяся в Византии. В России больше знакомы с понятием «благотворитель» или «храмостроитель», но ктитору, не будучи людьми духовного звания, не только вкладывались в строительство храмов, они строили их полностью на свои средства, а затем содержали, заботились о приходах, передавая эти обязанности в своей семье из поколения в поколение.

Потомок хиринских каменщиков и бакинских аристократов-нефтепромышленников и благотворителей стал одним из первых, кто начал возрождать эту традицию в нашей стране. А хиринский Храм стал вторым, попавшим на его попечение.

Первым в 2012 году на севере Москвы в Покровском-Стрешнево был освящен Храм в честь Великой княгини преподобномученицы Елисаветы Феодоровны Романовой. Сегодня этот ктиторский Храм Игоря Ашурбейли стал Патриаршим подворьем, опекающим малоимущих жителей района, многодетные семьи и пациентов больниц, расположенных в округе.

Приход же сельской церкви — это само село. И ктитор Храма взял его под свое покровительство, решив показать всем, и, прежде всего, самим хиринцам, что российское село может быть красивым, благоустроенным, комфортным и сильным в самом лучшем смысле этого слова; что люди, которым по наследству от предков досталась любовь к труду и земле, способны победить разруху, запустение и навязанную беспомощность, то есть ложь о том, что от них ничего не зависит.

Вид на восстанавливаемый Предтеченский храм.
Сентябрь 2013 года

РАБОТЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ХРАМА

1. Таким хиринский храм впервые увидел на фотографиях Игорь Ашурбеги в 2010 году.
2. Алтарь храма до и во время восстановительных работ в 2012 году.
3. Внутреннее подкупольное пространство храма до и после восстановления.
4. Установка на колокольню возглавия с золоченым крестом 29 мая 2013 года.
5. В ходе реконструкции были восстановлены наружные двухуровневые галереи, опоясывающие храм.
6. Таким стал вид на Хирино после восстановления храма.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ХРАМА

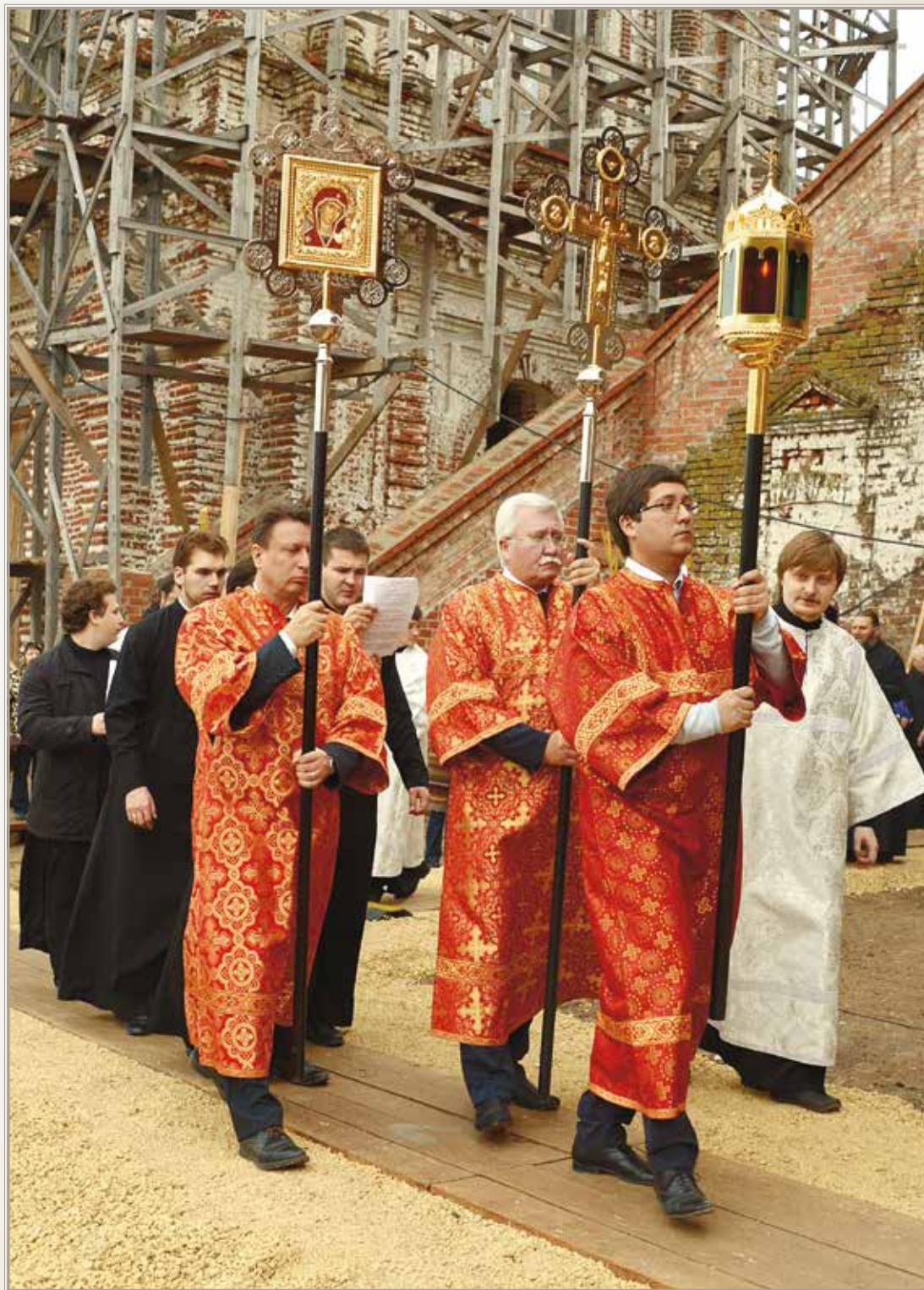

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий совершает чин освящения креста, купола и колоколов Предтеченского храма. 9 сентября 2013 года

**Освящение нижней церкви Храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи.
15 сентября 2013 года**

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Крестный ход в день освящения нижней церкви Предтеченского храма.
15 сентября 2013 года

Спустя несколько лет после восстановления Предтеченского храма репрессированные хиринские священники Михаил Знаменский и Иоанн Сноведский символически вернулись на место своего служения. Открытие мемориальной доски, 2017 год

Владыка Георгий, митрополит Нижегородский и Арзамасский:

«Через такие села как Хирино спасается вся наша страна. С таких маленьких благословенных дел, как восстановление сельской церкви или открытие мемориальной доски в память священников, начинается святое дело возрождения Отечества. А такие фестивали, как «Голос традиций», который Игорь Ашурбейли с 2013 года проводит в Хирине, — это проекты государственной важности».

Игорь Ашурбейли, ктитор Храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи, бенефициар Холдинга «Социум»:

«На одной из встреч с Владыкой Георгием, в 2016 году, мы говорили о тысячах священнослужителей, которые были расстреляны, сброшены с колоколен, варварски замучены, сосланы в лагеря. Имена многих из них ныне помнят только историки-краеведы. И тогда мы подумали о том, что хорошо было бы увековечить память священников, служивших в Хирине и отдавших жизнь за веру и своих прихожан. Так появилась идея, а через год уже воплощена — на стене хиринского храма установлена памятная доска, посвященная служившим здесь священникам Иоанну Сноведскому и Михаилу Знаменскому — жертвам репрессий».

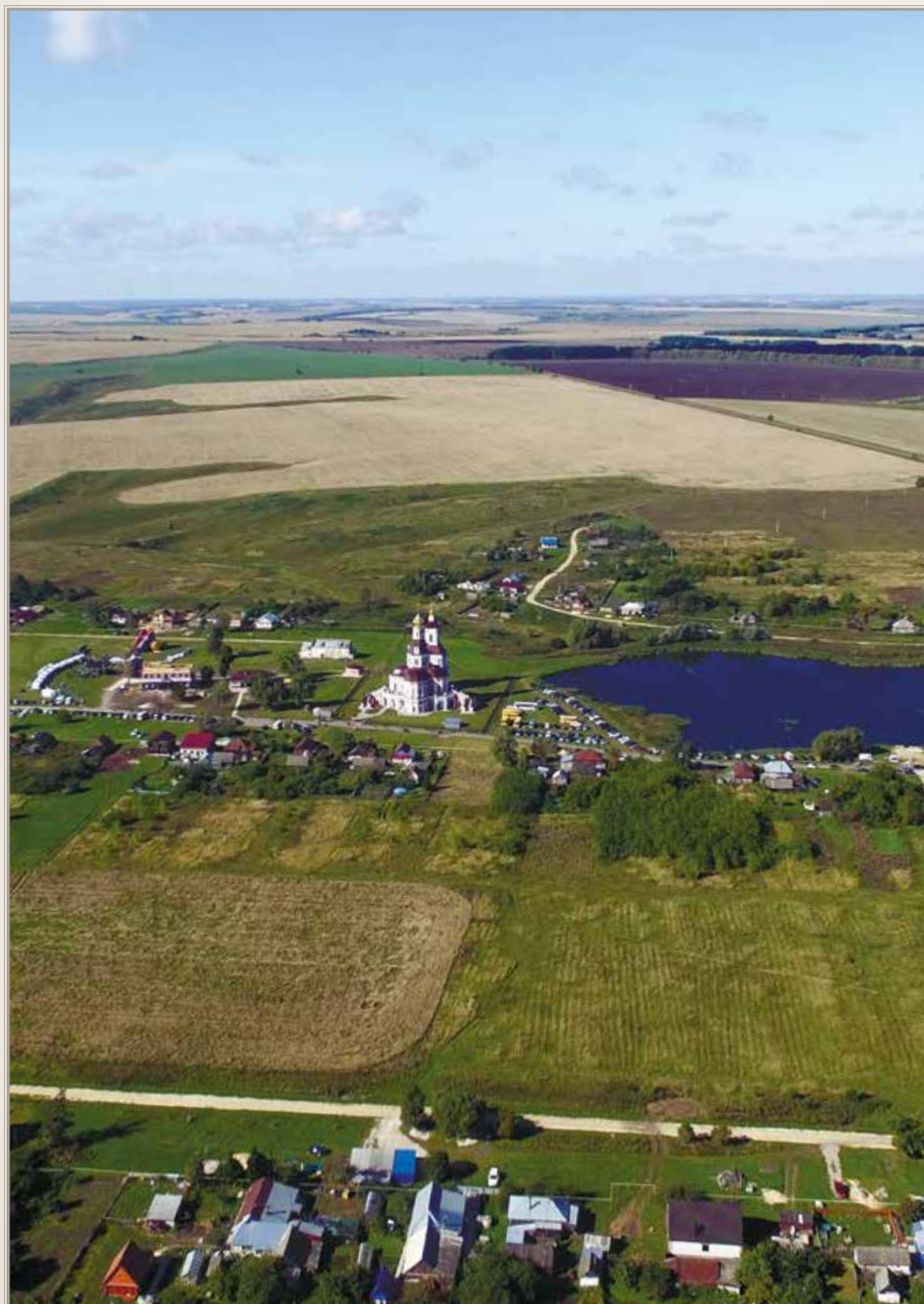
Новая инфраструктура

С освящения храма миновало десять лет. За это десятилетие не проходило ни одного года, чтобы в Хирине не происходило какое-то яркое событие, меняющее в лучшую сторону качество его жизни и привлекающее к нему всеобщее внимание.

В 2014 году Игорь Ашурбейли основал в структуре своего Холдинга «Социум» компанию «СОЦИУМ–ХИРИНО», которая реализует одноименный социально-экономический проект по возрождению села. Этой компании принадлежит заслуга строительства новой газовой котельной, Общественного центра, магазина, ремонта административных зданий. Совместно с местными властями модернизировано уличное освещение в центральной части села, восстановлены дороги, полностью реконструирован водопровод, снабжающий два села — Хирино и Архангельское — водой из артезианских скважин. Компания вернула в Хирино почтовое отделение, которого не было здесь много лет. Сейчас хиринцы уже и забыли, как ходили за почтовыми отправлениями и пенсией в Шатки, каждый раз преодолевая путь в шесть с половиной километров, забыли, как из кранов текла ржавая вода, непригодная для питья...

На открытии Общественного центра в Хирине.
Игорь Ашурбейли, губернатор Нижегородской области Глеб Никитин, митрополит
Нижегородский и Арзамасский Георгий. 16 сентября 2018 года

Вид на село Хирино. 2019 год

СОЦИУМ-ХИРИНО

6.

7.

8.

9.

1. Уборочная кампания на хиринских полях, 2018 год.

2. Новая газовая котельная появилась в Хирино в 2016 году.

3. Почта в Хирино.

4. Производство бутилированной воды из местных артезианских скважин организовано в Хирино при поддержке Холдинга Игоря Ашурбейли «Социум».

5. Хиринский почтальон Ольга Привалова, 2022 год.

6. Открытие магазина «Хиринские продукты» в селе Хирино в сентябре 2021 года.

7. Игорь Ашурбейли в магазине «Хиринские продукты» в Арзамасе, 2021 год.

8. Магазин «Хиринские продукты» в селе Хирино.

9. Гостевой дом, построенный «Социумом» в Хирино в 2017 году.

Хирино как бренд

С тех пор как у села появился частный покровитель, местные власти тоже стали уделять ему куда больше внимания. Да и слава его растет. Знают о нем в Нижегородской области даже те, кто никогда в Хирино не бывал. Теперь с его названием ассоциируется натуральная фермерская продукция, которая производится без искусственных добавок — красителей, усилителей вкуса и консервантов.

Летом 2018 года в Арзамасе открылся магазин «Хиринские продукты». Так «Социум» создал канал сбыта для местных производителей, а горожан обеспечил возможностью покупать экологически чистые продукты, производимые, как правило, небольшими партиями, а потому в сетевых магазинах их не найдешь.

В 2021 году магазин с тем же названием открылся в самом Хирино. Просторный торговый павильон с панорамными окнами и современным оборудованием появился на въезде в село на месте почти истлевшего, почерневшего от времени, когда-то наспех сколоченного «вагончика», где десятилетиями ютилось местное «сельпо».

«Социум» просят о создании полноценной сети таких магазинов — настолько люди в Москве соскучились по качественным продуктам, за которыми не приходилось бы ездить на другой конец города или вовсе в другой населенный пункт. Но торговля не входит в список приоритетных направлений холдинга Игоря Ашурбейли. А вот сельхозпроизводство и его поддержка входит.

В свое время «Социум» выкупил земли погибающего совхоза «Власть Советов», обновил парк его полевой техники, приобрел новое оборудование. Теперь этим обширным хозяйством владеет известный местный предприниматель Иван Лабзин, заинтересованный в возрождении сельского хозяйства в регионе и становлении его на современные рельсы.

Сейчас «СОЦИУМ–ХИРИНО» — это около 800 гектаров земель непосредственно в селе и вокруг него. 800 гектаров новой философии и новых возможностей для крестьянских фермерских хозяйств — для семей, которые хотят растить своих ребят вдали от суеты городов, на свежем воздухе среди хиринских просторов, и работать на себя, вкладывая труд в собственную среду обитания, а в вместе с тем и в будущее своих детей.

Центр общественной жизни

На въезде или в центральной части многих российских сел можно увидеть разрушенное и заросшее бурьяном здание с выбитыми стеклами, бывшее когда-то двух- или трехэтажным. Это, как правило, школа... Сельское население рдеет, молодые семьи устремляются в города, на три-четыре населенных пункта достаточно одного школьного здания, остальные стоят забытые, постепенно разрушаясь. Был такой остов школы и в Хирине. Теперь на его месте появился построенный «Социумом» новенький Общественный центр. Он торжественно открылся в сентябре 2018 года в присутствии губернатора Нижегородской области.

Из неотопливаемого здания бывшего сельского клуба сюда переехали библиотека и краеведческий музей. Книги, наконец, были извлечены из коробок, где годами лежали никому не нужными, уютно устроились на новеньких стеллажах и нашли читателей. Музей, который начали собирать когда-то сами хиринцы, теперь постоянно пополняется. Оказалось, что многие желают поучаствовать в таком уникальном проекте — сделать историю своей семьи частью музейной экспозиции. На чердаках хранится немало интересного. Из соседних сел в музей приносят раритеты, иллюстрирующие быт наших предков. Приезжают и на экскурсии, чтобы прикоснуться к истории в буквальном смысле.

Нашлось в Общественном центре место и для сельского медпункта. Теперь фельдшер принимает пациентов в подходящих санитарных условиях. Кроме того, «Социум» помог с новым медицинским оборудованием. Таких примеров «было/стало» в Хирине сейчас множество.

Но самое главное, у хиринцев появилось место для встреч, куда они приглашают соседей и где проводят свой досуг. Рукодельный, театральные кружки, литературный клуб работают бесплатно и объединяют людей разных поколений, от мала до велика, и не только из Хирина. За пять лет на базе Общественного центра сформировался разновозрастной творческий коллектив. Здесь поют, танцуют, ставят театральные сценки, сами делают декорации и костюмы, проводят выставки и почти каждую неделю концерты. Бабушки и дедушки, папы и мамы, дети и внуки вместе занимаются творчеством. Приглашают коллективы из соседних сел и ездят на гастроли. После любого мероприятия собираются на чаепитие с угощением за большим столом.

Можно сказать, благодаря Общественному центру Хирино само стало новым центром общественной жизни в Шатковском районе. Чтобы собрать гостей, ему больше не нужен особенный повод. Двери Общественного центра открыты каждый день.

Коллектив Общественного центра компании «СОЦИУМ-ХИРИНО». 19 августа 2019 года

Администратор и педагог Общественного центра Татьяна Гусева

**Татьяна Гусева,
администратор и педагог Общественного
центра компании «СОЦИУМ-ХИРИНО»:**

«Игорь Рауфович Ашурбейли делает очень важное и нужное людям дело. Сейчас многие села или в большом упадке или вовсе опустели. А тут даже люди из городов не устают удивляться: „Как у вас хорошо!“. Да, здесь очень хорошо. Тихо, спокойно, просторно, при этом ухоженно. Какой у нас храм, какой Общественный центр! Людям не верится, что такое уютное и комфортное здание может быть в селе. Вот бы, говорят, побольше таких общественных центров в Нижегородской области.

Я хожу на работу с удовольствием, в нашем Общественном центре хочется находиться. У нас тут сложился чудесный и, главное, добрый коллектив. Когда появляется хорошее место, оно объединяет хороших людей. Потому что построено и обустроено с душой, не ради галочки. У Игоря Рауфовича светлая душа, он открытый, добрый человек, поэтому он и храм восстановил, и открыл наш замечательный Центр, многое дал нашему Хирину. Когда столько дано, надо это ценить, этим пользоваться и, конечно, приложить свои силы, чтобы стало еще лучше, с доверием относиться к собственным возможностям и с добром — к окружающим людям».

**День Победы в Общественном центре.
9 мая 2023 года**

ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

6.

1. Общественный центр компании «СОЦИУМ-ХИРИНО».

2. Встреча жителей села Хирино с епископом Лысковским и Лукояновским Силуаном в Общественном центре, 19 января 2019 года.

3. Детский книжный клуб в библиотеке Общественного центра в 2019 году.

4. Досуг в Общественном центре.

5. Масленица в Общественном центре в 2023 году.

6. С 2018 года в Общественном центре работают бесплатные кружки, в том числе рукодельный.

7. В библиотеке Общественного центра в день его открытия – 15 сентября 2018 года.

8. Встреча Игоря Ашурбейли с жителями села Хирино во время визита в Нижегородскую область в марте 2021 года.

9. В Общественном центре выделено специально оборудованное помещение под фельдшерский пункт.

7.

8.

**Глеб Никитин,
губернатор Нижегородской области:**

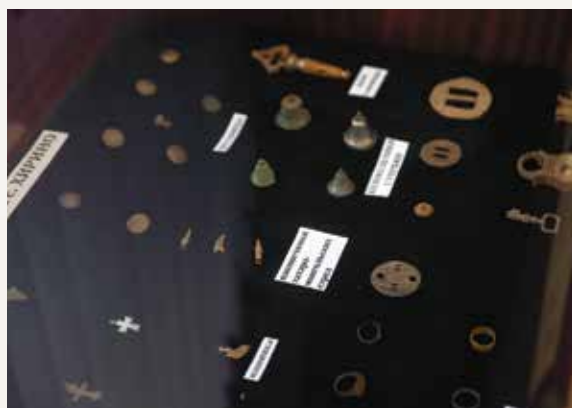
«Модель возрождения села Хирино системная и гармоничная. Здесь уделяется внимание и событийным мероприятиям, и развитию социальной инфраструктуры и производства, и созданию новых рабочих мест».

9.

МУЗЕЙ В ХИРИНЕ

Краеведческий музей в Хирине открылся одновременно с Общественным центром в 2018 году. Здесь собраны экспонаты, найденные на чердаках и в кладовых старых домов села. В основном это предметы быта, хозяйственная утварь, которую предки нынешних хиринцев делали своими руками. Отдельные стенды посвящены артефактам, найденным под землей, – кладоискателям и любителям археологии есть чем поживиться в этих местах.

Паломнический центр

Те, кто приезжают в Нижегородскую область, чтобы побывать в Дивееве, нередко заглядывают по дороге в Арзамас, чтобы посмотреть на его бесчисленные великолепные соборы. Кстати, в возрождении многих из них велика заслуга ктитора хиринского храма.

От Арзамаса недалеко и до Хирина — не более часа пути по хорошей автомобильной дороге. Многие гости нижегородской земли делают его частью своего паломнического маршрута. Ведь тут можно поклониться частице мощей одного из самых почитаемых на Руси святых — Иоанна Предтечи.

Игорь Ашурбейли привез святыню из Ватикана по благословению священноначалия Русской Православной Церкви. Во время передачи частицы мощей 12 апреля 2016 года в гротах собора Святого Петра отслужили православный молебен. А уже 17 сентября ковчег был торжественно доставлен в хиринский храм и установлен на главный престол его нижнего придела. Богослужение по этому случаю совершил митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. После службы владыка Георгий сказал:

«Заботой и попечением Игоря Рауфовича Ашурбейли этот храм восстановлен, а сегодня сюда принесена частица мощей святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, в честь которого храм освящен. Мы даже до конца не можем себе представить, какое это великое событие. Иоанн Предтеча — человек, о котором пророчествовали в веках, что ангел Господень пойдет впереди Мессии. Это человек, который на реке Иордан возлагал свою десницу на Спасителя мира. Его именуют пророком покаяния, а без покаяния нет спасения. Вознесем же соборную молитву, чтобы святой Пророк Иоанн Креститель и нам даровал силы в покаянии, смиреннии, кротости духовной. Святый Пророче Иоанне, моли Бога о нас!».

Но не только эта святыня привлекает паломников. Сам храм с его необычной, особенной для сельской местности, архитектурой и историей чудесного возрождения вызывает большой интерес. Из городов сюда специально привозят крестить детей. Получить первое благословение священника в великолепной церкви, освященной в честь Крестителя Господня, окруженной благоговейной красотой и тишиной природы, — хорошее начало жизни для христианина.

Обычная программа пребывания гостей в Хирине: служба и экскурсия в храме с подъемом на колокольню, где местный звонарь-подросток Миша Хохряков покажет, как звонить в колокола, затем в Общественный центр — в музей, где расскажут все про село с 440-летней историей и покажут первое и второе издания этой книги, вдохновленные и поддержанные Игорем Ашурбейли, чтобы хиринцы знали в подробностях, откуда они родом. Далеко не каждое село в России может похвастаться вот таким краеведческим исследованием — собственным «учебником истории».

Чтобы никогда не забывалось и не повторялось хиринское лихолетье, часть его летописи запечатлена на одной из наружных стен храма — в виде памятной доски, посвященной погибшим во времена репрессий священникам. Доска была установлена 16 сентября 2017 года — как и все подобные торжественные события в Хирине произошло это в День села. В присутствии всего сановного духовенства Нижегородской митрополии отец Иоанн Сноведский и отец Михаил Знаменский символически вернулись в свой приход.

Губернатор Нижегородской области в 2005–2017 гг. Валерий Шанцев и ктитор Предтеченско-го храма Игорь Ашурбейли передают митрополиту Нижегородскому и Арзамасскому Георгию частицу мощей Крестителя Господня для переноса в хиринский храм. 17 сентября 2016 года

Голос традиций зовет!

15 сентября 2013 года. Митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий совершает чин Великого освящения Храма в честь Усекновения Честной Главы Иоанна Предтечи. А село Хирино празднует 430-летие. Такого стечения народа Хирино не видело у себя со времен путятинского расцвета. Да, может, и вообще никогда не видело. Тем более такого именитого народа. На освящении храма и Дне села присутствует губернатор. Все высшее духовенство митрополии здесь.

Как будто мы переместились в девятнадцатый век. Сельские жители вместе с сановниками гуляют! Так бывало прежде на престольных праздниках — в российских губерниях это были большие события, сразу оживляющие и общественную жизнь, и экономику.

После торжественного архиерейского богослужения — большая ярмарка. Каких только мастеровых, каких угощений и развлечений тут не встретишь. Пока ремесленники в русских костюмах демонстрируют свое мастерство, обучают любознательных ребятишек и их родителей основам своего промысла, а те с удовольствием лепят свистульки, создают на гончарном круге свои первые глиняные шедевры, делают кукол из самых разных материалов, осваивают принцип работы старинных ткацких станков и коклюшек для плетения кружев, на сцене выступают лучшие фольклорные коллективы Нижегородской области.

Для участников ярмарки — мастеров и исполнителей — организатор праздника холдинг «Социума» подготовил сюрприз. Лучшие из них в финале этого яркого праздничного дня получают гранты на развитие своего дела.

Так зародились фестиваль фольклора, ремесел и фермерства и конкурс в поддержку народных традиций, превратившиеся со временем в мероприятие межрегионального значения. Фестиваль и конкурс стали ежегодной традицией, не проводились они только в «ковидные» два года, когда по всей России действовал запрет на массовые мероприятия. Но даже тогда от обычая не отступали и все равно отмечали День села, только «по-домашнему», в кругу односельчан.

В 2018 и 2019 годах на фестивале побывало рекордное количество гостей — около 4000 человек. В 2020 году он был отмечен IX Межрегиональной премией «Event-Прорыв». В сентябре 2022 года «Голос традиций» вновь собрал всех в старинном селе каменщиков и печников.

Хирино — всего лишь небольшой населенный пункт в центральной части России, каких очень и очень много. Но и они могут быть по-царски гостеприимными, принимать тысячи людей со всех городов и весей и даже столичных звезд. За эти годы на фестивале выступило немало именитых исполнителей, сделавших фольклор основой своего творчества. Это и коллектив «Играй, гармонь», и Пелагея, и победитель телевизионного шоу «Голос» монах Фотий и другие.

Несколько раз на «Голосе традиций» встречали участников конкурса из других регионов, прежде всего, соседних, таких как Мордовия, и даже из Кировской области. Появились и постоянные участники, которые приезжают в Хирино ежегодно. Проводимая на фестивале «Хиринская ярмарка» тоже стала региональным брендом.

Такая площадка очень нужна — так считают побывавшие на хиринском празднике мастера, исполнители и фермеры. Для вдохновения, для продолжения своего любимого дела надо знать, что ты найдешь своих зрителей, своих потребителей, своих поклонников. Это непременно снова случится 16 сентября 2023 года — село Хирино Шатковского района Нижегородской области вновь зовет гостей! До встречи на «Голосе традиций»!

В день освящения Храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи в Хирине впервые отпраздновали День села. 15 сентября 2013 года

ФЕСТИВАЛЬ ФОЛЬКЛОРА И РЕМЕСЛ «ГОЛОС ТРАДИЦИЙ»

Село Хирино ежегодно в сентябре собирает тысячи людей на своем празднике

Ктитор Предтеченского храма, владелец Холдинга «Социум» Игорь Ашурбейли, Руслан Ашурбейли и обладательница Гран-при Фестиваля «Голос традиций-2017» Елена Лучевникова на фоне строящегося Общественного центра. 16 сентября 2017 года

Певица Пелагея на Фестивале фольклора и ремесел «Голос традиций – 2018»

ФЕСТИВАЛЬ ФОЛЬКЛОРА И РЕМЕСЕЛ «ГОЛОС ТРАДИЦИЙ»

Игорь Ашурбейли и митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий оценивают работы участников фестиваля-конкурса «Голос традиций». 2019 год

Елена Мазунина, руководитель театра моды «Златорусье», постоянная участница Фестиваля фольклора, ремесел и фермерства «Голос традиций», обладательница Гран-при 2022 года:

«Большое спасибо организаторам «Голоса традиций» за поддержку, за внимание к нашему делу, объединение неравнодушных людей! Селу Хирино и его фестивалю желаю процветания и творчества. И чтобы все участники фестиваля дружили! В 2022 году мы приехали сюда в третий раз и встретили очень много друзей, с которыми познакомились на этой площадке в прошлые годы. Провели время в кругу близких. Это чудесно!».

Максим Межевов, глава местного самоуправления Шатковского муниципального района:

«С тех пор, как Игорь Рауфович Аиурбейли и его Холдинг «Социум» взяли шефство над селом Хирино, они сделали ему много подарков: это и храм, и Общественный центр, и почта, и магазин. Каждый год на День села жителей ждет приятный сюрприз в виде какого-то новшества в его инфраструктуре и большой подарок – фестиваль «Голос традиций».

В других населенных пунктах района таких праздников нет. Я очень рад, что фестиваль с каждым годом набирает популярность, что все больше и больше талантливых людей приезжает к нам в район показать своё мастерство».

Ежегодно множество сельских населенных пунктов исчезают с карты России. Печальным памятником им остаются заколоченные дома, остовы школ и магазинов с выбитыми окнами, разрушенные храмы с кружащимся над ним вороньем. Остановить исход сельского населения в города, начавшийся еще в эпоху отмены крепостного права, удалось лишь в период коллективизации. Но, как и любая другая насильственная мера, эта оказалась лишь временной.

Возможно, и Хирино ждала судьба брошенных сел. На момент начала преобразований во втором десятилетии двухтысячных годов здесь оставалось около 200 жителей. Сейчас люди начали возвращаться в село. Кто-то любит проводить здесь лето, в старом доме предков, как на даче, кто-то строит новые добротные дома для круглогодичного проживания.

Можно сказать, что Хирину повезло. Однако было бы лицемерием заявлять, что все изменилось в одночасье и село по мановению волшебной палочки стало образцовым. Перемены такого масштаба и значения зависят от вложенных времени, труда и энергии. В труде и мытарствах человечество взрослеет, обретает опыт и осознанность, необходимые, чтобы возделывать землю обетованную.

Более полутора веков прошло с крестьянской реформы 1861 года, но и этого времени не хватило, чтобы придумать новый эволюционный и эффективный способ поддержки и развития сельского хозяйства в нашей стране. Возможно, это говорит о том, что пришло время реформ не «сверху», а «снизу», время инициативных и сознательных людей, заинтересованных в том, чтобы, объединившись, самим создавать свой ареал обитания и влиять на решения, принимаемые на высшем уровне. От всех, живущих на этих землях, зависит, будет ли продолжаться хиринский хронограф, кто и как впишет в него свои имена.

О памяти и связи поколений (вместо заключения)

Игорь Рауфович Ашурбейли не застал прадеда в живых – Григорий Степанович Резанов умер за 4 года до рождения своего правнука. Когда мальчик подрос, он многое узнал об этом незаурядном человеке благодаря ярким рассказам бабушки и матери. На характер и мировоззрение Игоря Рауфовича в годы его юношеского становления эти семейные беседы наложили заметный отпечаток. Именно интерес к личности и судьбе своего прадеда из рода Резановых – свидетеля и участника эпохальных исторических событий, перевернувших мир в первой половине XX столетия, в конце концов и привел его в «захиревшее» село Хирино с его разрушенной церковью и обмелевшим, почти заросшим прудом. Случилось это в тяжелый момент его собственной жизни, когда он коварно и несправедливо был лишен своего поприща в российской оборонной промышленности и подвергнут сильным гонениям и преследованиям.

С этого таинственного прикосновения к земле предков, ее прошлому и настоящему, не только в судьбе И. Р. Ашурбейли, но и в истории села Хирино начался новый этап, итоги которого смогут подвести, вероятно, грядущие поколения наших соотечественников. А первые плоды видны уже сегодня: люди идут в обновленный храм, возвращаются к вере, согреваются надеждой и потихоньку начинают менять себя и свою жизнь.

Мы тоже искренне верим, что это большое дело, начатое возрождением хиринского храма и возвращением исторической памяти, будет с Божией помощью поддержано местными жителями и всеми неравнодушными гражданами, которые этот созидательный импульс просто обязаны передать своим потомкам.

История села Хирино и тех людей, с именами которых она неразрывно связана, достойна того, чтобы ее знали и помнили не только жители Шатковского района и местные любители старины. Ведь если внимательно присмотреться к героям нашей летописи и тем событиям, о которых в ней идет речь, то можно увидеть, что география хиринской истории полностью совпадает с тем уникальным социокультурным феноменом, который принято называть Русским миром. Этот мир существует поверх любых государственных и национальных границ, поверх любых религиозных и культурных барьеров, поскольку его главной объединяющей силой являются всепроникающее русское слово и живущая в сердцах десятков миллионов людей память об исторической России.

Вся история Хирина — это бесконечные вереницы людских судеб, причудливо переплетающихся между собой и рвущихся под тяжестью времени...

Впрочем, именно так складываются истории всех наших сел и деревень, составляющих душу российской глубинки, — мы привыкли называть их «малой родиной». Человеческие судьбы подобны лесным родникам, берущим начало в глубоких недрах земли и выносящим на поверхность ее сокровенные воды. Соединяясь, эти воды образуют ручьи и речушки — истории сел и деревень, которые, упрямо прокладывая себе русло, питают этими водами огромную великую реку, называемую историей Отечества.

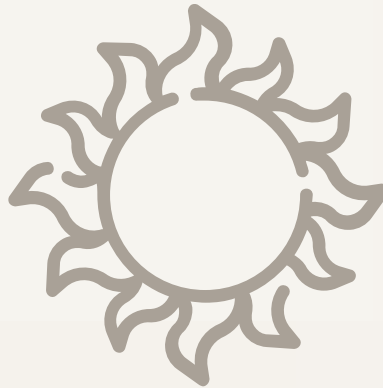
Философский вопрос о том, кто в действительности движет историей — народные массы или отдельные сильные личности, — представляется в значительной степени наду-

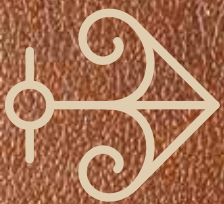

манным. Согласитесь, все великие идеи, изменившие мир, прежде чем стать великими, прошли через сердца и умы десятков и сотен тысяч, а то и миллионов людей, овладев их сознанием и подчинив волю каждого.

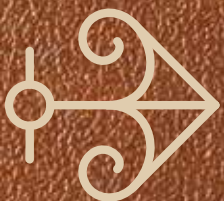

Какой бы веры, каких бы мировоззренческих принципов ни придерживался каждый из нас, мы не можем не признать, что современный мир — это арена как никогда ожесточенной борьбы именно за сердца и умы людей. Сегодня древнее русское село Хирино тоже оказалось на острие этой борьбы, где вечные человеческие ценности противостоят тенденции духовно-нравственной деградации, которая под маской своеобразно трактуемой свободы, стабильности, благополучия и прогресса несет нам вырождение, разрушение и смерть.

Время своим стремительным течением уносит, стирает, обезличивает и уничтожает все, что вот-вот было, но чего уже нет. Лишь человеческая память способна противостоять этой силе, удерживая в настоящем то, что было прежде. Без нее нет и не может быть ни отдельной человеческой личности, ни народа в целом. И если память человека или общества достойно сопротивляется разрушительной стихии времени, то последнее, превращаясь в историю, становится нашим союзником в борьбе со смертью и приближает нас к Вечности.

**Краткая летопись
села Хирино
в XVI-XXI веках**

Царь Иоанн IV Грозный.
Царский титулярник
1672 год

Отказная грамота 1706 г.,
данная князю С. И. Путятину
из Поместного приказа,
на земли в с. Хирино

В 1570-е годы царь Иоанн Грозный жалует служилого человека Дениса Хирина поместьем в Тешском стану в 30 верстах от Арзамаса. Основанное здесь поселение по обычаю получает название по имени первого землевладельца. После смерти Дениса Хирина с того же поместья станут служить государеву службу его сыновья Федор и Томило Хирины, а затем и внук Богдан Томилов, сын Хирина.

28 января/8 февраля 1583 года — самое раннее упоминание деревни Хирино в сохранившихся письменных источниках. Согласно утвердившейся в исторической науке традиции, указанную дату следует считать началом исчисления хиринской истории.

В 1570–1610-е годы известно несколько случаев «верстания» разных служилых людей Московского государства — Болобановых, Ананьиных, Аничковых, Ададуриных, Г. Львова, П. Горчакова, И. Путятина и других — поместными окладами при деревне Хирино.

В мае 1613 года часть выморочного поместья Федора и Томилы Хириных передается в вотчинное владение князю Ивану Семеновичу Путятину.

В 1619 и 1622 годах право Путятина на вотчину подтверждается жалованными грамотами царя Михаила Федоровича Романова, данными князю за его верность и государеву службу во время «засилья литовских и воровских людей на Москве».

Не позднее 1621 года в деревне Хирино на вотчинной земле князя Путятина строится рубленая деревянная церковь в честь Усекновения главы Пророка Иоанна Предтечи. С этого времени Хирино становится селом.

В конце мая 1624 года князь Иван Семенович Путятин умирает, оставив Хиринскую вотчину, согласно духовному завещанию, трем своим сыновьям — Ивану, Федору и Гавриле Путятиным с выделением прожиточного жребия своей вдове княгине Анне.

В 1630–1690-е годы бывшая вотчина Путятиных и поместные земли других владельцев в селе Хирино, дробясь и мельчая, многократно переходят из рук в руки. Общее число хиринских землевладельцев в XVII веке исчисляется десятками имен. В первой трети XVIII века государев стольник, пензенский воевода, а затем нижегородский вице-губернатор князь Степан Иванович Путятин выкупает у смежных владельцев поместья и вотчины в Хирине, и становится практически полномочным хозяином хиринских земель.

В 1734 году после кончины князя С. И. Путятина владельцем вотчины становится его внук Алексей Алексеевич Путятин.

В 1758 году по его инициативе и на его средства в Хирине начинается возведение нового каменного храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи с приделами.

В 1777 году строительство каменного храма завершается освящением верхней церкви в честь иконы Божией Матери «Животворящий Источник».

21 апреля 1790 года в Москве умирает князь Алексей Алексеевич Путятин, «вдов и бездетен». Вскоре выясняется, что за несколько месяцев до смерти престарелый А. А. Путятин втайне от своих прямых наследников по закону князей Шаховских (внучатых племянников) завещает родовую вотчину своему дальнему родственнику – князю Николаю Абрамовичу Путятину (1749 – 1830) и потомкам его «в вечное и наследственное владение». Раздосадованные Шаховские ищут правды в суде, но завещание оказывается подлинным, утверждается Сенатом и пересмотру не подлежит.

4 мая 1817 года поверенные князя Н. А. Путятина, давно к тому времени живущего за границей и не пожелавшего, вопреки воле завещателя, «вечно владеть» Хиринской вотчиной, продают имение Елене Петровне Балашевой (1779 – 1823), супруге Александра Дмитриевича Балашева (1770 – 1837) – видного государственного деятеля времен правления Александра I.

К концу 1810-х годов относятся самые ранние свидетельства, обнаруженные в архивах, о хиринских мастерах-каменщиках, работавших по подрядам на строительстве храмов, казенных зданий и частных домов.

В 1837 году около 200 душ крепостных хиринских крестьян отправляются осваивать помещичьи земли в Аткарском уезде Саратовской губернии.

В 1844 году между родными братьями Балашевыми происходит раздел их многомиллионного родового состояния: южноуральских железоделательных заводов, золотых приисков в Восточной Сибири, крымских винодельческих заводов и недвижимых имений, состоящих в 9 губерниях Российской империи. По результатам раздела хиринское имение в Арзамасском уезде оказывается в составе «сельскохозяйственной доли» Александра Александровича Балашева.

В 1855 году, после смерти А. А. Балашева, в права владения Хиринским имением вступают его вдова и двое малолетних сыновей – Александр и Петр, за которых до их совершеннолетия, делами будут управлять опекуны – родственники и компаньоны покойного наследодателя. Вскоре в Хирино приезжает назначенный опекунами новый управляющий – лифляндский гражданин Владимир Борисович Зендер, который на несколько долгих десятилетий станет фактическим хозяином этих мест.

19 февраля 1861 года обнародован Высочайший манифест об отмене крепостного права в России. Это коренным образом отразилось на селе Хирино, как и на других сельских населенных пунктах Российской империи.

В 1860–1880-е годы в связи с поиском заработков и свободных земель происходит массовая миграция хиринских крестьян как внутри Нижегородской губернии, так и за ее пределы. Многие вместе с семьями навсегда покидают родное село, перебираясь на жительство на неосвоенные земли, в города и крупные промышленные центры в «низовых» губерниях Российской империи и Туркестанском крае.

Из дела 1817 г. о покупке Е. П. Балашевой хиринского имения у Н. А. Путятина

Александр Дмитриевич
БАЛАШЕВ
(1770 - 1837)

Баку, Черный город

Епископ Нижегородский
и Арзамасский МОДЕСТ

Дело Безсонова

Каменщики

Во второй половине 1860-х — начале 1870-х годов на землях Хиринского имения Балашевых (свыше 5300 десятин) создаются три огромных помещичьих хозяйства — хутора Петровский, Николаевский и Александровский, на базе которых, под управлением все того же В. Б. Зендера, разворачивается многопрофильное и самое передовое по тем временам сельскохозяйственное производство, специализирующееся на выращивании зерновых культур и картофеля, разведении племенного крупного рогатого скота и лесопереработке. Спустя десятилетия национализированные большевиками земли и инфраструктура бывших балашевских хуторов составят производственную базу крупнейшего в регионе сельскохозяйственного предприятия, по праву считавшегося гордостью Шатковского района, — совхоза «Власть Советов».

К началу 1880-х годов первые хиринские мастера-каменщики добираются до Баку, где оказываются востребованными в качестве печников на предприятиях бурно развивающейся нефтяной промышленности. Начиная с этого времени, «город ветров» становится местом регулярного пребывания нескольких десятков хиринских семей, образовавших на берегах Каспия своего рода диаспору.

В ноябре 1885 года Хирино посещает епископ Нижегородский и Арзамасский Модест, который, оценив достоинства хиринской церкви, в своей речи перед народом называет ее «первой по фигуре и красоте» среди виденных им сельских церквей.

В 1885–1887 годах хиринские крестьяне, решив, что после отмены крепостного права были обмануты помещиком и его управляющим Зендером, перестают отчислять в казну выкупные платежи и затевают череду судебных процессов с целью пересмотра границ и прав владения хиринскими землями. Дорогостоящая тяжба оказывается для сельского общества весьма разорительной, но безрезультатной. О состоянии «хиринского дела» в Петербурге перед Кабинетом министров докладывает нижегородский губернатор Н. М. Баранов, которому осенью 1886 года лично пришлось ехать в Хирино в сопровождении сотни Оренбургского казачьего полка для «приведения местных крестьян в послушание». В ходе «усмирительной акции» несколько человек из числа отставных военных и крестьян были выпороты за учиненное в народе возмущение, а главный зачинщик — отставной унтер-офицер Безсонов — увезен в кандалах, что, по сообщению Баранова, возымело на крестьян «отрезвляющее впечатление».

В конце 1880-х — начале 1890-х годов все больше хиринских крестьян покидают село в поисках заработков и «лучшей жизни»; многие направляются в Закаспийскую область — в Мургабское государево имение при ст. Байрам-Али Среднеазиатской железной дороги, где в связи с большим объемом строительных работ чрезвычайно велик в эти годы спрос на каменщиков и штукатуров.

15 июля 1897 года землевладелец Петр Александрович Балашев продает Хиринское имение благодетелю и покровителю Серафимо-Понетаевского женского монастыря елабужскому купцу Сергею Петровичу Петрову, который с начала 1890-х годов занимается скупкой земельных и лесных угодий в Хиринской, Казаковской (впоследствии Пановской) и Спасской волостях Арзамасского уезда.

В 1901 году С. П. Петров умирает, завещав перед кончиной все приобретенные им окрестные земли Серафимо-Понетаевскому женскому монастырю. С момента вступления завещания в законную силу Понетаевский монастырь становится крупнейшим землевладельцем в Арзамасском уезде, в хозяйствах которого — прежде всего, на бывших балашевских хуторах — применяются самые передовые по тем временам методы сельхозпроизводства и лесопереработки.

В 1905–1907 годах в Российской империи полыхает так называемая первая русская революция: некоторые из хиринских крестьян, живущие преимущественно в больших городах и занятые на промышленных предприятиях Казани, Самары, Саратова, Астрахани, Оренбурга, Баку, Ташкента и др., втягиваются в антиправительственную деятельность через участие в забастовочном движении, посещение нелегальных собраний и распространение запрещенной литературы.

5 июня 1907 года на вакантное священническое место к Предтеченской церкви села Хирино назначается 29-летний иерей Иоанн Георгиевич Сноведский (1878–1930), когда-то названный при рождении именно в честь пророка Иоанна Предтечи. В этом храме ему доведется прослужить 23 года, вплоть до момента ареста и заключения, откуда ему уже не суждено будет вернуться.

В августе 1914-го – сентябре 1917 года сотни хиринских мужиков и молодых парней, застигнутых Первой мировой войной в разных уголках Российской империи, призываются в действующую армию и принимают непосредственное участие в боевых действиях на германо-австрийском и турецком фронтах. Горе приходит в хиринские семьи: в кровавой бойне гибнут мужья, отцы, сыновья, братья, иные возвращаются домой инвалидами, кто-то уже в первые месяцы боевых действий оказывается в плену и сможет возвратиться домой лишь в 1918 году, чтобы вскоре снова взять в руки оружие и либо добровольно, либо по принуждению идти воевать за «красных» в братоубийственной гражданской войне.

2/15 марта 1917 года в результате политического заговора Государь Император Николай II подписывает отречение от монаршего престола за себя и за своего сына. Верховная власть в стране переходит в руки самопровозглашенного Временного правительства.

25 октября/7 ноября 1917 года в Петрограде совершается военнореволюционный переворот, и к власти в стране приходят большевики. К началу ноября 1917 года до Арзамасской глубинки доходят новости из столиц о большевистском перевороте. Крестьяне селений Хиринской волости, поддавшись «революционной эйфории», устраивают грабежи и погромы на хуторах Серафимо-Понетаевского женского монастыря и в окрестных помещичьих имениях, захватывая продовольственные запасы и сельскохозяйственный инвентарь.

В январе – апреле 1918 года в селениях Хиринской волости проходят первые советские выборы в местные органы власти, завершается формирование нового состава волостного и сельских советов крестьянских депутатов.

Серафимо-Понетаевский
женский монастырь,
1912 год

Иоанн Георгиевич
СНОВЕДСКИЙ
(1878 - 1930)

Первая мировая война

Гражданская война

Первые советские выборы
в местные органы власти

Игорь Рауфович
АШУРБЕЙЛИ

В 1918–1920 годах в стране идет Гражданская война, на фронтах которой – и за «красных», и за «белых» – воюют сотни уроженцев и жителей села Хирино.

12 августа 1922 года Хиринская волость прекращает свое существование как административно-территориальная единица: село Хирино входит в состав новообразованной Шатковской волости Арзамасского уезда, а в августе 1924 года передается в Пановскую волость.

В июле 1929 года в ходе всероссийской административно-территориальной реформы упраздняется Арзамасский уезд Нижегородской губернии. Хирино как центр одноименного сельсовета входит в состав новообразованного Шатковского района.

В марте – апреле 1930 года арестованы ОГПУ и осуждены за антиколхозную агитацию лидеры хиринской православной общины – священник Иоанн Сноведский, церковный староста Николай Кочетков и «иже с ними» Федор Столяров.

25 марта 1931 года организована хиринская сельскохозяйственная артель (колхоз) «Искра Ленина».

В 1934 году, после запрещения по всей стране колокольного звона, начинается кампания по снятию колоколов. На церковной звоннице Хирина после «реквизиции» остается единственный колокол – исключительно на случай пожарной тревоги.

В 1935 году разобрана на кирпич – якобы для строительства школы – церковная ограда. Изъято – якобы под размещение школы – здание церковной сторожки.

27 октября 1937 года арестован, а впоследствии приговорен к расстрелу последний хиринский священник отец Михаил Знаменский (1877–1937).

3 января 1939 года с санкции шатковских районных властей партийно-комсомольский актив села Хирино при большом стечении народа устраивает погром Предтеченской церкви. С этого момента храм закрыт для верующих и не используется по прямому назначению более 70 лет.

Хроника хиринского возрождения

В 2010 году Игорь Рауфович Ашурбейли, известный российский ученый, предприниматель, общественный деятель и благотворитель, обращается к истории своего рода по материнской линии Резановых. Архивные поиски привели его в село Хирино. Общий упадок в селе олицетворял стоявший в руинах Предтеченский храм.

В мае 2011 года И. Р. Ашурбейли испрашивает и получает у Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла благословение на восстановление хиринского храма. 29 сентября 2011 года И. Р. Ашурбейли и основанный им в 1988 году Холдинг «Социум» становятся учредителями Благотворительного фонда по восстановлению храма Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи в селе Хирино Шатковского района Нижегородской области. 2 ноября

2011 года Фонд проходит регистрацию в Главном Управлении Министерства юстиции по Нижегородской области и начинает свою деятельность.

27 мая 2012 года в здании разрушенной Предтеченской церкви митрополитом Нижегородским и Арзамасским Георгием отслужен торжественный молебен на начало доброго дела, определены подрядные организации и дано благословение на начало восстановительных работ. Организаторы мероприятия были потрясены известием, полученным от местных жителей, что ровно 8 лет назад, 27 мая 2004 года, во время сильнейшей грозы произошло обрушение главы и купольных перекрытий Предтеченского храма.

16 сентября 2012 года в возрождаемой Предтеченской церкви состоялась первая за последние 75 лет Божественная литургия, совершенная митрополитом Нижегородским и Арзамасским Георгием в сослужении арзамасского и шатковского духовенства.

29 мая 2013 года митрополитом Нижегородским и Арзамасским Георгием при большом стечении молящихся в присутствии ктитора Предтеченского храма И. Р. Ашурбейли, руководителей местных органов власти и ведущих промышленных предприятий Шатковского и Арзамасского районов, совершен торжественный молебен на освящение позолоченного креста и возглавия, которые сразу после богослужения были установлены на храмовую колокольню. Символично, что во время богослужения в исполнении архиерейского хора Нижегородской митрополии прозвучали пасхальные песнопения, а в напутственном слове собравшимся, сказанном по окончании молебна, Высокопреосвященнейший Георгий заметил, что «пасхальные песнопения особенно актуальны здесь и сейчас, ибо этот прекрасный храм возрождается из руин к славе Божией подобно тому, как и Христос некогда воскрес из мертвых, чтобы дать нам силу побеждать грех и смерть. Теперь дело остается за местными жителями, которым, приходя в этот храм, нужно научиться жить праведно, воспитывая своих детей в благочестии и чистоте, благодарить Бога за Его великие благодеяния и не быть «иванами, не помнящими своего родства»».

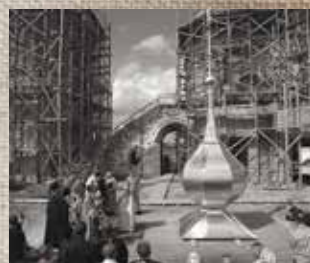
9 сентября 2013 года совершен чин освящения креста и купола восстанавливающегося Предтеченского храма, а также его колоколов.

15 сентября 2013 года в селе Хирино Шатковского района проходят праздничные мероприятия, посвященные 430-летию села, торжественному освящению главного престола церкви в честь Усекновения Честной главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и открытию храма для совершения регулярных богослужений. В этот день впервые состоялся Фестиваль фольклора и ремесел «Голос традиций», на который каждый сентябрь приезжают в Хирино ремесленники, исполнители, фермеры со всей Нижегородской области и из соседних регионов. Холдинг «Социум» учредил гранты в поддержку народных традиций. Ежегодно они вручаются на фестивале.

16 апреля 2014 года в структуре Холдинга «Социум» основана компания «СОЦИУМ-ХИРИНО» (на тот момент ООО «Социум-Поселения»). Основной задачей компании является создание поселения в селе Хирино Шатковского района Нижегородской области с качественно новым философским и технологическим укладом, где в основу положены принципы взаимоуважения и доброго отношения к труду, результатом которого

Служение торжественного молебна на начало доброго дела, 2012 год

Торжественный молебен на освящение позолоченного креста и возглавия колокольни, 2013 год

Икона «Живоносный источник Божией Матери» в хиринском храме

Поклонение частице мощей Иоанна Предтечи в хиринском храме

Открытие на стене Храма в Хирино мемориальной доски священникам, погибшим во время репрессий

станет производство качественной и высокоэкологичной сельскохозяйственной продукции.

13 сентября 2014 года освящена верхняя церковь Храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи с престолом иконы «Живоносный источник Божией Матери».

В декабре 2014 года на канале ТВЦ состоялась премьера документального фильма «Рукотворное чудо», посвященного истории хиринского храма и его восстановления. Игорь Ашурбейли стал лауреатом Романовской премии 2014 года за восстановление Храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи.

17 сентября 2016 года во время Дня села в хиринском храме состоялось архиерейское богослужение в честь передачи частицы мощей Иоанна Предтечи, привезенной Игорем Ашурбейли из Ватикана по благословию священноначалия Русской Православной Церкви.

13 октября 2016 года в селе Хирино запущена в эксплуатацию новая газовая котельная, оснащенная немецким оборудованием с автоматической системой регулировки.

В апреле 2016 года благодаря компании, основанной Игорем Ашурбейли, в село Хирино вернулось почтовое отделение, которого не было здесь много лет.

16 сентября 2017 года на стене Храма в честь Усекновения Честной главы Иоанна Предтечи открыта памятная доска, посвященная хиринским священникам, погибшим во времена репрессий: Иоанну Сноведскому и Михаилу Знаменскому.

5 июня 2018 года в Арзамасе на улице 50 лет ВЛКСМ, 22, открылся первый магазин под маркой «Хиринские продукты», где представлена натуральная качественная продукция от местных производителей.

15 сентября 2018 года отмечалось 435-летие села Хирино. В День села торжественно открыт Общественный центр, построенный Холдингом «Социум». В церемонии открытия приняли участие губернатор Нижегородской области Глеб Никитин и митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. В Общественном центре расположились музей и библиотека, работают бесплатные кружки для жителей Хирина и секция по настольному теннису.

В 2020 году Фестиваль фольклора и ремесел «Голос традиций», основанный 15 сентября 2013 года, получил межрегиональную премию «Event-Прорыв».

18 сентября 2021 года в День села новый магазин «Хиринские продукты» открылся в селе Хирино.

17 сентября 2022 года после двухлетнего «ковидного» перерыва «Голос традиций» вернулся в Хирино. В День села состоялся VIII Фестиваль фольклора и ремесел с вручением грантов Холдинга «Социум».

В 2023 году начаты работы по очистке и благоустройству хиринского пруда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Глава I

1. **Мельников П. И.** Очерки мордвы//Русский вестник. 1867. Т. 69, С. 504–509.
2. Нижегородские губернские ведомости (далее – НГВ). 1897. № 23.
3. **Зимин А. А.** Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 350.
4. **Веселовский С. Б.** Арзамасские поместные акты (далее – АПА). М., 1915. С. 5.
5. РГАДА, ф. 1209, ДМЛ, кн. 7194, л. 154–154 об.
6. Савичева Татьяна Николаевна [Электронный ресурс]//Википедия: свободная электронная энциклопедия: на русском языке. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 15.05.2014).
7. **Инжутов А. А.** Шатовский край в XVI–XVII вв.: страницы истории и географии. Арзамас, 2010.
8. **Короленько В. Г.** Избранные письма в трех томах. Т. 1. Путешествия (1887–1903 гг.). М., 1932. С. 199.
9. Н-ков. Село Хирино Арзамасского уезда//НГВ. 1901. № 31.
10. **Веселовский С. Б.** Ономастикой. М., 1974.
11. **Перкинс Дж.** Исповедь экономического убийцы. М., 2005.
12. **Кузнецов В.** Хирино захирело//Нижегородские новости. 1999. 21 января. С. 3.
13. **Мельников А. П.** Раскопки близ с. Хирино Арзамасского у. Нижегородской губ.//Действия НГУАК. Сборник. Т. XVII. Вып. IV. Н. Новгород, 1914. Паг. 8. С. 1–4.
14. **Мельников П. И.** Памятники похода Иоанна IV на Казань по Нижегородской губернии//НГВ. Часть неофициальная. 1845. № 3.
15. **Мельников А. П.** Раскопки близ с. Хирино Арзамасского у. Нижегородской губ.
16. **Горюнова Е. И.** Коринский могильник (по коллекциям, хранящимся в Государственном историческом музее)//Археологический сборник. Саранск, 1948. Т. 1. С. 56–87.
17. **Мартьянов В. Н.** Древняя история Арзамасского края. Арзамас, 2004. С. 366.
18. **Хайдеггер М.** Проселок (в перев. А. В. Михайлова)//Михайлов А. В. Избранное: историческая поэтика и герменевтика. СПб. 2006. С. 422.

Глава II

19. **Иванов П.** Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846. С. 19.
20. **Цепков А. И.** Рязанские землевладельцы XIV–XVI веков. Рязань, 2004. С. 161.
21. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Ч. 1. Станы Чешский, Ичаловский, Иржинский и Подлесный//Действия НГУАК. Том XV. Вып. XVIII. Н. Новгород, 1915. С. 64.
22. **Кротов М. Г.** Десятки XVI – начала XVII в. как исторический источник. URL: http://krotov.info/yakov/rus/17_ru_moi/desyatni/dipl.html.
23. АПА. С. 509.
24. АПА. С. 530.
25. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 64.
26. АПА. С. 59–60.
27. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук (далее – ААЭ). Т. II. 1598–1613. СПб., 1856. С. 248.
28. Акты, относящиеся к избранию царем Михаила Романова//Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 334.
29. Конрад Буссов. Московская хроника. 1584–1613. М.-Л., 1961. Глава XII.
30. Карамзинский хронограф//Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 333.
31. Там же. С. 334.
32. Там же.
33. Книга сеунчей 1613–1619 гг. //Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.-Варшава, 1995.
34. Карамзинский хронограф. С. 334.
35. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 2. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1918. С. 359.
36. Карамзинский хронограф. С. 345.
37. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 44–45.

- 38. Любомиров П. Г.** Очерки истории Нижегородского ополчения. М., 1939. С. 183, 291.
- 39.** Грамоты и отписные 1611–1612 гг. курмышскому воеводе Елагину//Летопись занятий Археографической комиссии за 1861 год. Вып. 1. – СПб. 1862. С. 23.
- 40.** АПА. С. 417.
- 41. Платонов С. Ф.** Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). Изд. 3-е. СПб. 1910. С. 506.
- 42.** Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 44–45.
- 43. Веселовский С. Б.** Документы Печатного приказа (1613–1615). М., 1994. С. 117, 135.
- 44. Барсуков А. П.** Списки городских воевод и других лиц воеводского управления. М., 1902. С. 299; Буганов В. И. Кузьмина Л. Ф. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1976. С. 297.
- 45.** Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные. Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 117–118.
- 46.** Акты Московского государства. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. С. 146.
- 47.** Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные. Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 519.
- 48.** Акты Московского государства. Т. 1. С. 204.
- 49.** Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 114.
- 50.** Половцов А. А. Русский биографический словарь. 1894. Т. 21, С. 165.
- 51.** Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 116.
- 52.** Половцов А. А. Русский биографический словарь. 1894. Т. 21, С. 164.
- 53.** Миллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVIII вв. Петрозаводск, 1947. С. 8.
- 54.** Узяков Р. Р. Балабаново (краеведческие зарисовки)//Боровский краевед. Вып. 5. Боровск, 1996. С. 123.
- 55. Замахина Н.** 400-летие первого письменного упоминания Балабанова//Балабаново: Еженедельная муниципальная газета. № 2 (598). 16 января 2013 г.
- 56.** Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.//Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.-Л.: АН СССР, –1950. С. 176.
- 57.** Там же. С. 144.
- 58.** Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю (Из истории монастырского землевладения XIV–XVI вв.)//Записки отдела рукописей. Вып. 21. М.: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, – 1959.
- 59.** Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 307.
- 60. Лисейцев Д. В.** Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 352–353.
- 61. Лукичев М. П.** Несостоявшийся земский собор середины XVII в.//Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 48–49.
- 62.** Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 5. СПб., 1800. С. 1.
- 63. Ермолаев С. С., Лыкова Е. Е., Шилов В. В.** Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря. М., 1993. С. 23.
- 64.** Акты Московского государства. Т. 1. С. 42.
- 65.** Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 137.
- 66. Буганов А. И., Тихомиров М. П.** Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 378.
- 67.** Писцовая книга пермских татар//Эхо веков. 2008. № 2.
- 68. Буганов А. И., Тихомиров М. Н.** Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 407.
- 69.** Там же. С. 417.
- 70. Солодкин Я. Г.** Воеводы и письменные головы Пелыма первых лет его существования//Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 5. Тюмень, 2003. С. 5.
- 71. Миллер Г. Ф.** История Сибири. Т. 1. М.-Л., 1937. С. 348–349.
- 72.** Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. М., 1976. С. 124.
- 73. Шашков А. Т.** К истории основания Березова и Пелыма//Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 253, прим. 7; Его же. Березовское восстание 1595 года и основание Обдорского острога//Югра. 1999. № 1. С. 21, 192
- 74. Солодкин Я. Г.** Воеводы и письменные головы Пелыма первых лет его существования//Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 5. Тюмень, 2003. С. 5.
- 75.** Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. П. СПб., 1841. С. 317.
- 76. Жолкевский С.** Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Александровичем Мухановым. СПб., 1871. С. 111.
- 77. Конрад Буссов.** Московская хроника. С. 178; Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем «Истории ложного Димитрия» (Historia Dmitra falszywego)//Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 1. СПб. 1872. С. 223.
- 78. Миллер Г. Ф.** История Сибири. Т. 1. С. 277.
- 79. Небольсин П. И.** Покорение Сибири. СПб., 1849. С. 106.
- 80.** Новый список Сибирской летописи Абрамовского вида//Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 79–81.
- 81. Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. Кн. 2. Тт. VI–X. СПб., 1886. С. 506.
- 82. Каргалов В. В.** Московские воеводы XVI–XVII вв. М., 2002. С. 239.
- 83.** Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Том V. 1609–1615 гг. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 142. М., 1913. С. 409, 419–420.
- 84. Веселовский С. Б.** Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 384–385.

85. Отписки тобольских воевод царю Михаилу Федоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь//РИБ. Т. 2. Стлб. 1068.

86. **Молочников А. М.** Соратник воеводы Михаила Борисовича Шеина, второй воевода Смоленска, князь Петр Иванович Горчаков [электронный ресурс]//URL: <http://primirenie-sml.ru> (дата публикации: 13.01.2014).

87. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 20.

88. АПА. С. 200.

89. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. 1588–1632. СПб., 1851. С. 351.

90. Челобитные польскому королю Сигизмунду и королевичу Владиславу, 1611 г. //РИБ. Т. 2. Стлб. 699–700.

91. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Т. 2. Вып. 1. М., 1855. С. 132.

92. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные П-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1. 1612–1628. СПб., 1850. Стлб. 145, 287.

93. **Любомиров П. Г.** Очерки истории Нижегородского ополчения. М., 1939. С. 41.

94. Акты Московского государства. Т. I. С. 142.

95. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 21.

96. АПА. С. 581.

97. Антонов А. В. Нижегородские поместные акты конца XVI – начала XVII века//Русский дипломатический. Вып. 5. М., 1999. С. 214; Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVII в. М., 1977. С. 89–90.

98. **Миллер Г. Ф.** История Сибири. Т. 1. М.-Л., 1937. С. 342–343.

99. **Белокуров С. А.** Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613. М., 1889. С. 80.

100. **Лихачев Н. С.** Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 533.

Глава III

101. **Ключевский В. О.** Русская история. Полный курс лекций в 2-х книгах. Кн. 1. М., 2004. С. 249.

102. Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 2789.

103. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 20.

104. РГАДА, ф. 1209, ДМЛ, кн. 7123, лл. 46–56; кн. 7184, лл. 416–423.

105. **Сухотин Л. М.** Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610–1611. М., 1911.

106. **Платонов С. Ф.** Книга о чудесах преподобного Сергия Радонежского. Творение Симона Азарьина. 1888. С. 120.

107. Русский дипломатический. Вып. 10. М., 2004. С. 325.

108. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. II. 1712 год. № 743. С. 193.

109. Новосельский А. А. Дело земского собора 1639 г. //Исторические записки. Том 24. 1947. С. 18.

110. Там же. С. 17.

111. Там же. С. 27.

112. ЦАНО, ф. 2013, он. 602, д. 260.

113. **Забелин И. Е.** Троицкие походы русских царей. М., 1847. С. 5.

114. **Бранденбург Н. Е.** Материалы для истории Артиллерийского управления в России: Приказ Артиллерии (1701–1720). СПб., 1876. С. 181.

115. Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карabanовым//Русская старина. 1871. Т. 4. № 12. С. 685.

116. **Казанский П.** Родословная Еоловиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 60.

117. **Еоловин В. В.** О бедной и суетной жизни человеческой//Родословная Еоловиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 55.

118. **Пушкин А. С.** История Петра//Полное собрание сочинений. В 17 тт. Т. 10. М., 1995. С. 245–246.

119. Походный журнал 1725 года. СПб., 1855. С. 3.

120. Власть в Сибири XVI – начале XX вв. 2-е изд., перераб. и доп./Сост. Акишин М. О., Ремнев А. В. Новосибирск, 2005. С. 468–469; Мордовия: Энциклопедия в 2 томах/Сост. Сухарев А. И. Т. 1 (А-М). Саранск, 2004. С. 211.

121. **Блинов И.** Губернаторы: историко-юридический сборник. М., 1905. С. 66.

122. **Буланин Д. М.** Петр Великий: борьба за власть (1671–1725). М., 2008. С. 381–382.

123. Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. Арзамасской десятины жилые данные церкви и пустовые церковные земли. М., 1902. С. 66.

124. РГАДА, ф. 1209, ДМЛ, кн. 7123, л. 55 об.

125. **Подурец А. М.** Саров: памятник истории, культуры, православия. Саранск, 1999. С. 131.

126. **Чистович И. А.** Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 534.

127. Там же. С. 547.

128. Зварыкин: Эпизод из истории Феофана Прокоповича. СПб., 1862. С. 56, 64–65.

129. Там же. С. 10.

130. **Чистович И. А.** Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 535.

131. Там же. С. 561.

132. Переписная книга города Москвы 1737–1745 гг. Т. 3. М., 1888. С. 14.

133. **Купцов И. В.** Материалы к некрополю Высоко-Петровского монастыря в Москве//Уральский родовет. 2005. Вып. 5. С. 86.

134. Сенатские ведомости. 14 мая 1764 г.

135. Семейство Разумовских. Т. 2. 1880. С. 548.

136. Антиминс церкви Живоначального Источника Божией Матери села Хирино Арзамасского уезда//ЦАМНЕ. Коллекция антиминсов.

137. **Смирнова Л. М.** Крест: Будь то здание, человек или страна. Кн. 1. Н. Новгород, 2001. С. 161–163.

138. Памятники истории и культуры Горьковской области. Справочник. Горький, 1987. С. 289.

139. **Поселянин Е. Н.** Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон: в 2 т. М., 2002. Т. 2.

140. Погребняк Николай, протоиерей. Живоносный

Источник [Электронный источник]//Московские епархиальные ведомости. 2011. № 3–4. URL: <http://www.terap.ru/library/vedomosti/54/930> (дата обращения: 01.06.2014).

141. Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 58–60.

142. Хитров Г. К. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 301–302.

143. Холмогоровы В. и Г. Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII ст. (Темниковская десятина). Тамбов, 1890. С. 128–129.

144. Муравьев А. Н. Мысли о православии при посещении святыни русской. СПб., 1850. С. 308.

145. ЦАНО, ф. 570, оп. 559, д. 44 (1876), л. 107, 195

146. Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 86.

147. РГАДА, ф. 483, оп. 1, д. 88 (1789), лл. 1–4.

148. ЦАНО, ф. 153, оп. 97, д. 374, л. 2.

149. Nikolai Abramowitsch Putjatin [электронный ресурс]//Википедия: свободная электронная энциклопедия: на немецком языке. URL: <http://de.wikipedia.org> (дата обращения: 15.05.2014).

150. РГИА, ф. 686, оп. 1, д. 21.

151. Петров П. Н. История родов русского дворянства. Книга 1. СПб., 1886. С. 47.

152. ЦАНО, ф. 153, оп. 97, д. 1575, л. 3.

153. Мацкевич Д. И. О жизни и государственных заслугах А. Д. Балашева. СПб., 1847. С. 14.

154. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов. Уфа, 1975. С. 314, 382.

155. Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков: историко-краеведческие очерки, Том 1. Уфа, 1985. С. 163; Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах: к 250-летию основания Твердышевских заводов на Урале. В 5 книгах. Кн. 1–2. М., 2001; Кн. 3. М., 2004.

156. Мацкевич Д. И. О жизни и государственных заслугах А. Д. Балашева. С. 17–18.

157. РГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1, л. 13.

158. Там же, лл. 19–20.

159. Там же, л. 21 об.

160. Там же, л. 136 и далее.

161. Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб., 2000; [Шереметевский В. В.]. Великий Князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. Т. Г М., 1914. С. 64.

162. РГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1, л. 55 и далее.

163. РГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1597.

164. ЦАНО, ф. 177, оп. 766, д. 5258.

Глава IV

165. Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 2002. С. 131.

166. Веселовский С. Б. АПА. [Предисловие составителя]. С. XIV–XV.

167. Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991. С. 218.

168. Меньшиков М. О. Письма к русской нации. С. 130.

169. РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 801, л. 34.

170. ЦАНО, ф. 570, оп. 558, д. 125 (1799).

171. РГИА, ф. 592, оп. 1, д. 1, л. 39.

172. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. 19, оп. 1, д. 2, лл. 1–2.

173. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. 2, оп. 1, д. 15, л. 39.

174. РГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1, л. 4. 196

175. РГИА, ф. 577, оп. 21, д. 189.

176. Там же, лл. 56–65.

177. Там же, л. 49 с об.

178. Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг.: сборник документов. М., 1960. С. 426–428.

179. ЦАНО, ф. 178, он. 95 а, д. 491.

180. Там же, л. 5 об.

181. Там же, л. 7 об, – 8.

182. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. 2, оп. 1, д. 1477, л. 10.

183. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. 2, оп. 1, д. 1477, л. 8 об.

184. ЦАНО, ф. 1636, он. 947, д. 73, л. 4, 6–6 об., 11.

185. Н-ков. Село Хирино Арзамасского уезда//НГВ. 1901. № 35.

Глава V

186. ЦАНО, ф. 489, он. 286, д. 357, л. 1.

187. ЦАНО, ф. 489, он. 286, д. 357, л. 2.

188. Там же, л. 3.

189. Там же, л. 10.

190. Там же, лл. 11–12 об.

191. Там же, л. 10 об.

192. Там же, л. 13 об.

193. Боголюбов А. Н., Павлов В. Е., Филатов Н. Ф. Августин Бетанкур (1758–1824). Ученый, инженер, архитектор, градостроитель. Н. Новгород, 2002. С. 190.

194. Тихон (Затекин), архимандрит, Дегтева О. В., Букова О. В. Патриарх Кирилл и его исторические корни на Нижегородской земле. Н. Новгород, 2012. С. 5–59.

195. ЦАНО, ф. 178, оп. 766, д. 8476, л. 8.

196. Там же, л. 18–18 об.

197. ЦАНО, ф. 61, оп. 213, д. 231.

198. Там же, лл. 11 об.-12.

199. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. 2, оп. 1, д. 304, л. 7.

200. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Государственных имуществ. Вып. I. СПб., 1858. С. 115.

201. ЦАНО, ф. 489, оп. 286, д. 357, лл. 4–4 об.
 202. Иллюстрированное урочное положение. Пособие при составлении и проверке смет, проектировании и исполнении работ/Сост. Н. И. де Рошефор. Петербург, 1916. С. 22.
 203. ЦАНО, ф. 489, оп. 286, д. 357, л. 5.
 204. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М., 1927. С. 428.
 205. Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений в 15 томах. М., 1949. Т. IX: 1860–1861 гг. С. 630.197
 206. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. С. 423.
 207. Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана. М., 1913. С. 81–86.
 208. Нефтяная промышленность Азербайджана [Электронный ресурс]//Википедия: свободная электронная энциклопедия: на русском языке. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.06.2014).
 209. Ахундов Ф. Рожденные быть гигантами: Ротшильды и «Роял Датч Шелл» в Баку//Capital. № 3. Май, 1997.
 210. Просветительская, меценатская и благотворительная деятельность Ашурбековых//Сара ханым Ашурбейли: мемориальный сайт. URL: http://www.sara-ashurbcyh.info/article.php?num_a=23
 211. ГИА АР, ф. 798, он. 2, д. 4812, лл. 40–41, 83.
 212. ГИА АР, ф. 798, он. 1, д. 1566, лл. 65–66.
 213. ГИА АР, ф. 798, он. 1, д. 751, л. 115-об. 116.
 214. ЦАНО, ф. 1838, он. 1, д. 86, л. 102 об.
 215. Классон РЭ. Бакинский дневник (1900–1902) [Электронный ресурс]//Семейные истории на фоне эпохи. URL: <http://www.famhist.ru/famhist.ru>famhist/klasson/baku-dnevnik.pdf> (дата обращения: 10.05.2014).
 216. Карленко В. Ф. Земля Шатковская: прошлое и настоящее. Арзамас, 2004. С. 137.
 217. Резанов Г. С. Воспоминания [Рукопись]//Личный архив И. Р. Ашурбейли.

Глава VI

218. Цит. по: Денисов Л.И. Житие, подвиги, чудеса, духовные наставления и открытие святых мощей преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца: С историческими очерками Саровской пустыни и женских монастырей, основанных под благодатным воздействием преп. Серафима. М., 1904. С.549.
 219. Из записок Анны Федоровны Аксаковой. Осень 1860 года // Русский архив, издаваемый Петром Бартечевым. 1903. №5. С.16-18.
 220. Хиринские чудеса, или Загадка иконы «Господь Вседержитель». Публикация на сайте холдинга «Социум» от 22.08.2019 // URL: <https://>

- www.socium-a.ru/news/article/hirinskie-chudesa-ili-zagadka-ikony-gospod-vsederz-18133
 221. Новопрославленная чудотворная икона Знамени Пресвятыя Богородицы и Серафимо-Понетаевский монастырь Нижегородской епархии Арзамасского уезда. СПб., 1888.
 222. Поселянин Е. Год тому назад. Воспоминания о Дивееве, Сарове и торжестве 19 июля 1903 года // Погожев Е.Н. На земном небе: три поездки в Саров и Дивеево. М.: Отчий дом, 2004.
 223. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1909. № 23.
 224. По тихим обителям // Розанов В.В. Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 104.
 225. Там же. С. 107-109.
 226. Там же.
 227. Дмитриенко Н.М. Томские купцы. Биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в. Томск: Издательство Томского университета, – 2014. С. 174-177.
 228. Там же. С. 209-210.
 229. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1890 год. Н.Новгород, 1890. С. 12.
 230. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: «Деловая полиграфия», - 2004. Т.4: Нижегородская губерния. – 2006. С. 17-18.
 231. Нижегородские епархиальные ведомости. Часть неофициальная часть. 1902, № 1.
 232. Нижегородские губернские ведомости. 1902. № 51.

Глава VII

233. Кузнецов В. Хирино захирело (о проблемах с. Хирино и Хиринской церкви) // Нижегородские новости. 1999. 21 января. С.3.
 234. Левитас И.Г., Фингерит Е.М. Подпольные типографии в России (1860-1917). М., 1962. С.126-127; Лебедева О.М. Пешковы, Васильевы, Лебедевы: воспоминания. М., 1986. С.46.
 235. М.Горький и А.Чехов: переписка, статьи и высказывания / под ред. С.Д. Балухатого. М: Изд-во Академии наук СССР, - 1937. С. 88.
 236. Новый путь. 1937. № 137 от 8 октября. С. 3.
 237. ГКУ ЦАНО, ф. Р-30, оп. 1, д. 1, л. 6-6об.
 238. Там же, л. 8.
 239. Земля Шатковская: прошлое и настоящее. Арзамас, 2004. С. 132.
 240. ГКУ ЦАНО, ф. Р-30, оп. 1, д. 1, л. 7.
 241. ГКУ ГАНУ, г. Арзамас, ф. Р-23, оп. 1, д. 41, л. 153.
 242. ГКУ ГАНУ, г. Арзамас, ф. Р-23, оп. 1, д. 42, л. л. 23, 23
 243. ГКУ ЦАНО, ф. Р-28, оп. 1, д. 98, л. 73-73 об.
 244. Земля Шатковская: прошлое и настоящее. Арзамас, 2004. С. 170.

245. Биографический материал составлен на основании анкетных данных Регистрационного бланка на члена РКП/б/ Лобачева А.И. (УПД РГАСПИ) и документов личного архива А.И. Лобачева.

246. Земля Шатковская: прошлое и настоящее. Арзамас, 2004. С. 137.

247. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. Р-34, оп. 1, д. 182, л. 31.

248. ГКУ АГАНО, ф. Р-537, оп. 1, д. 27, л. 2.

249. Земля Шатковская: прошлое и настоящее. Арзамас, 2004. С. 180.

250. По материалам архивно-следственного уголовного дела в отношении Сноведского И.Г.,

Кочеткова Н.М., Столярова Ф.М., Евдокимова П.Д. и Субботина И.М. // ГКУ ЦАНО, ф. Р-2209, оп. 3, д. 16466.

251. Новый путь: Орган Шатковского райкома ВКП/б/ и райисполкома. 1932. № 18 от 8 мая. С. 3.

252. Новый путь. 1934. № 19 от 21 февраля. С. 2.

253. Новый путь. 1934. № 67 от 24 июня. С. 1

254. Новый путь. 1935. № 122 от 13 сентября. С. 2; № 144 от 3 ноября. С. 1.

255. Новый путь. 1935. № 88 от 29 июня. С. 1.

256. По материалам архивно-следственного уголовного дела в отношении М.М. Знаменского // ГКУ ЦАНО, ф. Р-2209, оп. 3, д. 12778.

257. ГКУ ЦАНО, ф. Р-3074, оп. 1, д. 1119, л.л. 8 об.-9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ПОДПИСЯХ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ И В БИБЛИОГРАФИИ

АПД УДП АР – Архив политической документации при Управлении делами президента Азербайджанской Республики (г. Баку).

ГКУ ГАНО, г. Арзамас – Государственное казенное учреждение «Государственный архив Нижегородской области», г. Арзамас.

ГИА АР – Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (г. Баку).

ГОПАНО – Государственное казенное учреждение «Государственный общественно-политический архив Нижегородской области» (г. Нижний Новгород).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва).

РГБ – Российская государственная библиотека (г. Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

ЦАМНЕ – Церковно-археологический музей Нижегородской епархии (г. Нижний Новгород).

ЦАНО – Государственное казенное учреждение «Центральный архив Нижегородской области» (г. Нижний Новгород).

М. А. Ляпин

Хиринский хронограф.

Очерки истории села Хирино, что под Арзамасом, XVI-XXI веков.

Издание второе, дополненное

Автор идеи и издатель: Игорь Ашурбейли

Руководитель проекта: Елена Щербакова

Редактор: Вера Фёдорова

Макет, верстка: Елена Изаак

При оформлении книги использованы фотоматериалы
с сайта Нижегородской митрополии Русской Православной Церкви

(Московский Патриархат) www.nne.ru

и личного сайта И.Р. Ашурбейли www.ashurbeyli.ru

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул.,

д. 29-33, стр. 15, ком. 536

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано в печать 31.07.2023.

Формат 84×108/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19.

Тираж 500 экз. Заказ 684.

ISBN 978-5-00218-522-1

9 785002 185221